

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**К 70 летию со дня рождения академика
Академии наук Республики Узбекистан
Юрия Федоровича Бурякова**

Самарканд 2004

**ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

**К 70 летию со дня рождения академика
Академии наук Республики Узбекистан
Юрия Федоровича Бурякова**

Самарканд 2004

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Д.и.н., профессор, **Т.Ш. Ширинов**, Д.и.н., профессор, **Р.Х. Сулейманов**, К.и.н. **А.А. Раимкулов**
К.и.н. **А.А. Грицина**, К.и.н. **В.Д. Рузанов**, К.и.н. **М.И. Филанович**, К.и.н. **А. Омельченко**

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Д.и.н. **М.Х. Исамиддинов**
К.и.н. **М.Х. Пардаев**

*Печатается по решению ученого Совета Института археологии АН РУз
от 23 ноября 2004 года*

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

Д.и.н., проф. **Д.А. Алимовой**,
к.и.н. **А.А. Анарбаева**

В сборник вошли статьи и заметки по археологии и истории, проблематика которых так или иначе, связана с многогранной деятельностью академика Ю.Ф. Бурякова. Книга рассчитана на специалистов по древней и средневековой истории, преподавателей ВУЗов и всех, интересующихся прошлым народов Центральной Азии.

© *Институт археологии АН Руз.*

ЭНЕРГИЯ, ПОИСК, ТВОРЧЕСТВО **(К 70-летию со дня рождения академика Ю.Ф. Бурякова)**

Этими тремя качествами, помноженными на исследовательский талант, можно определить жизненное и научное кредо Юрия Федоровича Бурякова – несомненно ярчайшей личности в истории гуманитарных наук Узбекистана.

Будущий академик - специалист по древней и средневековой истории Узбекистана родился - 15 марта 1934 г. в селении Учкурган Ошской области (Республика Кыргызстан) в семье служащего.

После окончания средней школы с золотой медалью в Ташкенте он поступает в Среднеазиатский Государственный университет. В студенческие годы принимает деятельное участие в работе научного археологического кружка (СНАКа), читает научные доклады, готовит свои первые публикации. Постепенно формируется круг его научных интересов, в основу которых легли проблемы истории горного дела и металлургии, исторической топографии городов и урбанизации Ташкентского региона, а позднее Великий шелковый путь стали делом всей жизни молодого ученого.

После успешного окончания университета Ю.Ф. Буряков работает в Музее истории народов Узбекистана, главным инспектором Министерства культуры Узбекистана по музеям. В эти годы он приобретает необходимый опыт самостоятельных работ, участвует во многих археологических экспедициях, изучающих памятники различных исторических эпох от неолита до средневековья (Джейтун, Чуст, Намазга, Яздепе, Кызылкыр, Мерв, Самарканд, Бухара и Ташкент).

Особенно плодотворной была работа в составе Узбекской археологической экспедиции Института истории и археологии, и Музея истории народов Узбекистана, созданной для историко-топографического обследования Ахангарана и памятников горнорудного дела Чаткало-Кураминского промышленного района. Результаты этих работ нашли отражение в ряде статей, послужили основой кандидатской диссертации, защищенной в 1966 году, и обобщены в монографии "Горное дело и металлургия средневекового Илака V - начало XIII вв." Одновременно велась большая работа в Музее, также отраженная в многочисленных публикациях и брошюрах учебного и методического характера.

Другой аспект его деятельности связан с выявлением и сохранением археологических памятников, работой на новостройках, в зонах освоения земель и строительства водохранилищ. Эта работа продолжалась в Институте истории и археологии под непосредственным руководством Я.Г. Гулямова и с 1970 года во вновь образованном Институте археологии АН РУз. Одновременно Ю.Ф. Буряков руководит крупной Чач-Илакской, позднее - Чач-Уструшанской археологической экспедицией. Целенаправленное выявление, учет и систематизация археологических памятников позволили составить первую в Узбекистане археологическую карту Ташкентской области, издать коллективную монографию "Археологические памятники Ташкентской области" на русском и узбекском языках, что способствовало их эффективной охране. Результатом многолетних работ в зонах затопления Чарвакского и Туябугузского водохранилищ явились две коллективные монографии: "Древности Чарвака" и "Древности Туябугуза". Изданием монографии "Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чача и Илака)" были подведены итоги кропотливых исследований торговых путей и населенных пунктов на них. Все эти работы были тепло приняты специалистами и сыграли большую роль в понимании сложных процессов, проходивших в Ташкентском регионе с глубокой древности и до позднего средневековья.

В последующие годы уделялось пристальное внимание проблемам урбанизации. Ю.Ф. Буряковым впервые был применен системный метод исследования пунктов расселения, сырьевых ресурсов и других объектов древней культуры региона. Эти исследования выявили закономерности процесса урбанизации в одной из крупнейших областей Восточного Мавэранныхра, расположенной на стыке земледельческой и скотоводческой культур. Все это было обобщено в монографии "Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оази-

са" и легло в основу докторской диссертации, защищенной в 1984 году. Немало внимания уделялось и теоретическим разработкам, что нашло отражение в коллективной монографии "Теоретические и методологические проблемы исследования в археологии".

С созданием Чач-Уструшанской экспедиции началось систематическое изучение Уструшаны - одной из малоизученных историко-культурных областей Мавераннахра, где был широко использован опыт работ в Ташкентском регионе. Под непосредственным руководством Ю.Ф. Бурякова, методом сплошного обследования, были взяты на учет и систематизированы памятники Сырдарьинской области, изучались древние торговые трассы и населенные пункты, известные по письменным источникам, памятники кочевников и др. Аналогичные работы проводились и в Джизакской области. Известен также его вклад в исследования Самаркандского Согда и его столичного центра – городища Афрасиаб. Результаты этих работ отражены как в публикациях самого Ю.Ф. Бурякова, так и его учеников.

В 1985 году за разработку проблем урбанизации в составе группы ученых Ю.Ф. Буряков удостоен звания Лауреата Государственной премии Узбекистана по науке и технике им. Беруни. Перу ученого принадлежат свыше 10 монографий и около 600 научных и научно-популярных статей, изданных как в Республике, так и за ее пределами. Он является редактором многих книг и брошюр, а также периодических изданий. Следует отметить и его кипучую деятельность по пропаганде исторических знаний и археологических памятников.

Ю.Ф. Буряков проводит большую педагогическую работу. В течение ряда лет он преподает спецкурсы на кафедре археологии СамГУ им. А.Навои, где ему в 1991 году присвоено звание профессора. Под его руководством защищено около 20 кандидатских диссертаций.

В 1995 году он становится действительным членом Академии наук Узбекистана

Научные разработки Ю.Ф. Бурякова признаны не только республиканской, но и мировой наукой. Он выступал с докладами в Германии, на советско-американских, советско-французских, советско-индийском симпозиумах и коллоквиумах ЮНЕСКО. Возглавлял в Институте археологии программу ЮНЕСКО "Великий Шелковый путь - путь диалога народов". Он избран иностранным член-корреспондентом Германского археологического института.

Ю.Ф. Буряков проводил и проводит также большую общественную работу. Состоит в Правлении Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана, является членом Ассоциации востоковедов, членом Специализированного совета по защите диссертаций Института истории и Института археологии АН Республики Узбекистан, принимает деятельное участие по развитию краеведческого движения в республике.

В 2003 году за большой вклад в развитие исторической науки, в связи с 60-летием образования АН Узбекистана, он награждается Орденом «Дружбы народов».

В настоящее время Ю.Ф. Буряков по-прежнему не теряет «форму» и регулярно принимает участие в полевых археологических исследованиях.

Археологи и историки Узбекистана, коллеги горячо поздравляют ЮРИЯ ФЕДОРОВИЧА с юбилеем, желают ему долгих лет жизни, крепкого здоровья, неистощимой энергии и новых творческих успехов.

Д.А. Алимова, А.А. Анарбаев, А.А. Грицина.

ВКЛАД АКАДЕМИКА Ю.Ф. БУРЯКОВА В КОМПЛЕКТОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА МУЗЕЕВ УЗБЕКИСТАНА

Юрий Федорович Буряков получил известность не только своими теоретическими трудами, но и практическим вкладом в формирование археологического фонда ряда музеев Узбекистана.

Еще будучи студентом в 1953-1954 гг., он участвует в раскопках городища Мингурюк в Ташкенте. Результаты исследований были опубликованы в статье, помещенной в «Трудах САГУ» за 1954 г., а находки переданы в Музеи истории.

Сразу после окончания исторического факультета университета Ю.Ф. Буряков поступает на работу в Музей истории АН РУз, где занимает должности младшего, затем старшего научного сотрудника, заместителя директора по науке. Он активно участвует в создании стационарной музейной экспозиции, выставок, проводит экскурсии, читает лекции. Но главной сферой его деятельности становится организация и проведение полевых археологических экспедиций на территории г.Ташкента и Ташкентской области.

В 1956-1960 гг. проводились сбор, регистрация материалов и обследование памятников Дукентсай, Наугарзансай, городищ Ак-Курган, Канка, Шахрухия в Ташкентской области, Олтинтепа, Товкаттепа, Актепа (за Самарканд-дарбаза), Чукурса, района Сагбан в Ташкенте. Интересные находки были сделаны во время раскопок остатков городка Банункет, известного как городище Кугаиттепа на юго-западе Ташкента. Здесь были выявлены остатки кирпичных и пахсовых стен, найдена разнообразная керамическая посуда, в т.ч. большие глиняные сосуды-хумы. На основе этих находок время возникновения Банункега было отнесено к III-IV вв., но расцвета он достигает в X-XII вв.

Начиная с 1958 г., проводился сбор материалов со всей площади шахристана и цитадели одного из крупнейших памятников области - Улькан-Тойтюбе, расположенного в северо-западной части селения Той-тюбе. В археологический фонд музея поступила разнообразная неглазурованная посуда VIII-X вв.: широкогорлые, с цилиндрической формой тулова сосуды, покрытые процарапанным орнаментом в виде волны и косых полос-насечек; узкогорлый красноглиняный кувшин, с яйцевидным туловом, несколько плоскообразных чирагов без ручек с носиками, покрытые желто-коричневой поливой, железное орудие с одним краем в виде острия топора, другим - острия клина. Наиболее многочисленный материал был получен из слоя XI-XII вв. Это глазурованные горшкообразные сосуды, покрытые зеленой поливой, широкогорлые горшочки, многочисленные стенки горшочков с круглыми декоративными вмятинами и темно-зеленой глазурью, некоторые сосуды имеют полихромную роспись. В большом количестве были найдены и поступили в музей светильники-чираги, с рубчатым резервуаром и большим вытянутым носиком. Уникальной стала находка донца сосуда открытой формы, сделанного из кашина и покрытого люстром. В центре донца изображен всадник, скачущий на лошади, вокруг - стилизованный растительный орнамент. Были найдены и доставлены в музей в большом количестве неполивные сфероконусы-симобкузача, украшенные штампованным орнаментом. Во множестве обнаружены обломки и целые экземпляры кухонной керамики, особенно котлы полусферической формы.

В фонды музея поступили также стеклянные поделки - горловины больших, вероятно, бутылкообразных тонкостенных сосудов; косметический сосудик, с вогнутым донцем, сосудик типа современных табакерок «насковок». Большую группу предметов составили металлические изделия: медные тонкостенные поделки цилиндрической формы, в форме полушара, медные кувшины и таз, фрагмент крюка.

В 1959 г. из состава Узбекской археологической экспедиции (рук. академик Я.Г. Гулямов), в связи с интенсивным освоением района для нужд народного хозяйства, был выделен отряд с задачей полного топографического изучения долины Ангрена и памятников горнорудного дела Чаткало-Кураминского района. Начальником отряда был назначен Ю.Ф. Буряков. Научное руководство осуществлял профессор М.Е. Массон. Полевые работы, проведенные в 1959-1963 гг., включали выявление городов, плавильных пунктов и рудников, отождествление их с данными письменных источников, определение датировки и функционирования, составление археологической карты области. Обследование сопровождалось сбором подъемного материала и частичными раскопками объектов.

Шурфы и раскопы были заложены на городищах Имлак (Туякат), Куль-Ата (Нуккет), Аблык (Абрлыг), на поселениях и плавильных пунктах в Кендырсае, Каттасае, Бушучбау, Лашкерраке, Алмалыксае, Ташбулаке, близ Муратали, небольшие зачистки произведены в Пскенте, на городище Пуш-

ти-Махмуд (Бискет), Улькан-Тойтюбе (Нукет), Дукент (Намудлыг). Специальному исследованию были подвергнуты рудники и плавильные пункты, особое внимание было уделено памятникам в верховьях р.Ангрен, как наименее изученным, либо вообще неизвестным в исторической литературе.

В ходе изучения рудников и плавильных печей Алмалыкского района были собраны материалы о добыче серебра, меди, золота, в музей поступили орудия труда древних рудокопов (кайла, молоты), образцы плавки, глиняные и металлические светильники.

Ценные материалы были получены в Тойтюбинском районе, где местными жителями был найден клад из 6 золотых перстней и большого количества серебряных монет в глазурированном горшочке. Обследование показало, что здесь, на одном из протоков русла Карасу, располагалось поселение XIII-XIV вв., скрытое при работах кирпичного завода.

В селении Дукент, в 110 км к востоку от Ташкента, на берегу Дукенюая, одного из притоков Чирчика, было обследовано сооружение VI-VII вв., вероятно, культового назначения, полусмытые остатки жилых комплексов в виде кладки фундаментов. Поселение датировано XII в. по керамическому материалу; в основном это сосуды, покрытые глубокой темно-зеленой и мутноватой поливой с пятнами краски коричневого, голубого и зеленого цветов.

С 1959 г. Ю.Ф. Буряковым проводились полевые работы на городище Имлак, отождествляемым с Тункетом, столицей Илака. Тункет, расположенный недалеко от Алмалыка, в предгорьях Кара-Мазара, на левом берегу реки Ангрен, как установило обследование, функционировал вплоть до XI в. Были изучены городские оборонительные сооружения, возведенные в эпоху раннего средневековья и функционировавшие до VIII-IX вв., проведено изучение пригородов Тункета. В фонды Музея истории поступили поливная и неглазурированная керамика, целые и во фрагментах стеклянные сосуды, металлические орудия труда, каменные поделки, строительные детали из дерева, монеты VI-XI вв.

В ходе раскопок был получен также комплекс археологических находок – предметов, четко датируемых саманидскими монетами X в. Он включает в себя группу сосудов, по художественному оформлению не уступающих лучшим образцам знаменитой афрасиабокой керамики того времени. Все сосуды сделаны на гончарном круге быстрого вращения, из хорошо отмученной и тщательно вымешанной глины, обжиг ровный. Большинство их открытого типа, с яркой росписью и переливами глазури: коса, глубокие чаши, миски, мелкие чаши, широкогорлые кувшины и др.

В большом количестве были найдены светильники-чираги, украшенные изящным орнаментом. Неглазурированные сосуды покрыты штампованным орнаментом в виде рельефного цветка или насечек. Найденные предметы художественной керамики наглядно свидетельствуют, что в саманидский период школа керамистов Шаш-Илака переживала пору блестящего расцвета.

В 1961-1963 гг. под руководством Ю.Ф. Бурякова были завершены археологические раскопки городищ Имлак (Тункет), Куль-Ата (Туккет). На поселениях, связанных с древними выработками, было получено более двух тысяч экспонатов. Это фрагменты поливных и неполивных сосудов открытых форм IX-X вв., симобкузача, кусочки оруденевших железных предметов, фрагменты стеклянных бокалов, сосудов типа стаканов и бутылей, массивный жернов ручной мельницы из красного песчаника, фрагменты груболопных сосудов кухонно-хозяйственного назначения, изготовленных ленточным способом (котлообразные, горшкообразные, сосуды типа кружек), фрагменты курильниц IV-V вв., кувшины IV-VI вв., горшки и корчаги.

В 1963 г. велись раскопки городища Абрлыга, памятника расположенного к западу от Тункета, на правом берегу р.Ангрен. Расцвет города приходится на IX-XII вв. Получен большой комплекс керамических изделий: неглазурированная и поливная керамика представлена яйцевидной формы толстостенными хумами, горшками, одноручными кувшинами, мисками, кружками, крышками, чирагами. В музей были доставлены 15 котлов, изготовленных из глины с хорошим обжигом и крупные горшкообразные сосуды, сформованные от руки и на гончарном круге, небольшие горшочки кубкообразной формы, сероглиняные сосуды, кувшины, украшенные рельефным врезным орнаментом по плечу и основанию горла, сосуды типа лягана, но более глубокие. Исключительно интересна орнаментация поливной посуды, с использованием эпиграфического орнамента, стилизованного растительного, сочетающего надписи и гравировки по обычно белому фону. Основной комплекс керамики датирован VIII-XI вв., преимущественно IX-X вв. Почти треть неполивной керамики покрыта красным ангобом, с лощением. Обильно представлены круглодонные котлы и горшочки с налепным орнаментом и различными формами ручек; керамика с врезным орнаментом и лощением без ангоба. Много хорошей глазурированной керамики.

Особое место в материале Абрлыга занимают стеклянные изделия. Это преимущественно фрагменты полусферических чаш, столовой посуды типа мисок, коса, пиал и парфюмерно-аптекарской посуды, плоскодонных кубков, чаш, графинов, флакончиков и др. В большинстве своем они изготов-

лены из прозрачного стекла, с желтовато-зеленоватым оттенком. Косметическая и парфюмерно-аптекарская посуда представлена в основной массе мелкими пузырьками из прозрачного и зеленоватого стекла, с шаровидным утяжеленным туловом и устьем-раструбом. Исключительно интересна находка двух кусков непрозрачной стеклянной массы - стеклодувного полуфабриката. Обилие находок, в т.ч. бракованных изделий и кусков неочищенной стеклянной массы, позволили Ю.Ф. Бурякову сделать вывод о наличии здесь в IX-X вв. местного стекольного производства.

На городище Абрлыг были найдены и металлические изделия - однолезвийные железные ножи, вогнутый диск на длинной ручке, трехгранный железный, черешковый наконечник стрелы, бронзовый светильник, медный пружинный замок, медные колечки, проколка, нашивки и др.

Были найдены женские украшения, в т.ч. бусинки, подвеска-талисман, костяные пуговицы, подвески.

Интересна находка нескольких зернотерок и жерновов разных размеров, свидетельствующие о развитии в регионе хлебопашества.

В 1963-1965 гг. под руководством Ю.Ф. Бурякова велись археологические раскопки в районе Чарвакского водохранилища - на городище Бричмулла, раннефеодальных поселениях Кадаваттепа, Турткультепа, Турткулытепа-I, Караултепа, Джартепа, Пскемтепа, где обнаружено большое количество керамики и шлаков литейных печей. Находки эти также поступили в археологический фонд музея.

После своего перехода на работу в Институт истории и археологии АН РУз в 1967 г. Ю.Ф. Буряков не порывал связи с музеем. Продолжая исследования памятников горного дела и металлургии Чаткало-Кураминского региона, крупнейших городских центров Сырдарьи (Канка, Тункет, Бинкет, Наукет), он и участники, руководимых им экспедиций, систематически передавали музею многие из найденных предметов для пополнения археологического фонда и экспонирования. Среди них находки с Кендыктепа - древнего города, раскопанного на островах в восточной части Ташкентского моря, там, где в реку Ахангаран впадает правый приток Бургулюк. Здесь были расчищены крепостные башни, монументальная цитадель, прикрывавшая вход в город, целый жилой квартал, с домами из сырцового кирпича, с мастерскими ювелиров, гончаров, кузнецов. Интересна обнаруженная здесь керамическая посуда, украшенная росписью и процарапанным орнаментом. Под руинами города было открыто поселение людей бронзового и раннежелезного веков почти трехтысячелетней давности, а в самых нижних слоях найдены каменные орудия труда 20-30-тысячелетней давности.

В ходе раскопок древних городов на территории Ташкентской области: Харджаркента, Кадаваттепа, Майтепа, Югонттепа, Шутуркета, Шахджуварттепа, Каунчиттепа, Кавардана и других, помимо керамики, было найдено много предметов из железа, меди, в т.ч. кетмени, серпы, гвозди, топоры, ножи, ножницы, подковы, медные пряжки и цепочки, кольца, сосуды, дверные ручки. Интересные находки были сделаны недалеко от Пскента и около Муратали.

В музей поступили также материалы из раскопок цитадели Канки, среди которых парадные глазурованные сосуды XI-XII вв., в т.ч. блюда, чаши, парадный хум, архитектурные детали из домусульманского храма почитания предков.

Периодически передавались целые и во фрагментарном состоянии стеклянные и керамические сосуды из раскопок Шахрухия. Интересна глиняная скульптура животного, вероятнее всего, быка, достаточно крупная.

Одной из уникальных находок, находящейся сейчас в экспозиции отдела Темуридов Государственного музея истории Узбекистана АН РУз, были доспехи воина. История этой находки такова. В 2001 г. в одном из раскопов, заложенных на городище Шахрухия, в слоях, нависших над рекой, на глубине до полутора метров были расчищены остатки помещения, на полу которого лежали остатки железных панциря, шлема, кожаной рубахи. После реставрации панцирь и шлем были переданы музею для экспонирования. Панцирь состоит из около ста прямоугольных пластин, с просверленными в них отверстиями для крепления, с помощью ременных шнуров к кожаной основе. Фактически это одна из первых находок столь полно сохранившегося тяжелого воинского доспеха XV в.

Многие предметы из раскопок Ю.Ф. Бурякова дополнили фонды Самаркандского музея истории культуры и искусства им. А. Икрамова. Это в первую очередь комплекс материалов античного и средневекового времени из раскопок на Афрасиабе, в числе которых детали керамического производства, находки из Соборной мечети Афрасиаба - железный меч, детали воинского доспеха, золотая монета Мухаммада Хорезмшаха 1200 г. Уникальны шахматы из слоновой кости VII-VIII вв., признанные одними из древнейших. Хотя их всего семь, они представляют все основные фигуры этой игры от пешки до ферзя.

В археологический фонд Самаркандского музея поступил также большой комплекс из мастерской торефта, обнаруженной во время проведения археологического надзора и исследований на площади

Регистан. Он включает парадные, высокого качества сосуды, из золотистой бронзы, инкрустированной золотом и серебром, главным образом хозяйственные и столовые. Они выполнены в различных технических и художественных приемах, разнообразных по традициям и стилю. Здесь же были найдены сосуды в процессе их изготовления, весы и щипцы ювелира, керамические и свинцовые симобкузача для хранения ртути. Мастерская датирована серебряной монетой Темура 1370 г.

Музею были переданы также, найденные на Регистане античная и средневековая керамика, детали пояса воина, медные и серебряные монеты средневекового периода.

Многочисленные предметы из раскопок Ю.Ф. Бурякова дополнили экспозицию Музея истории Самарканда на Афрасиабе, открытого в октябре 1970 г. к 2500-летию города.

Нельзя обойти вниманием и вклад Ю.Ф. Бурякова в комплектование фонда Государственного музея истории Темуридов АН РУз, открывшего свои двери для посетителей в год празднования 660-летнего юбилея Амира Темура в Ташкенте в 1996 г. Это четыре сосуда из уже упоминавшейся мастерской торефта на Регистане в Самарканде, уникальная керамическая ваза X в. с Афрасиаба, на выступающем поддоне, с загнутым вовнутрь венчиком и крупной надписью куфического письма благожелательного характера. Чаша дошла до нас во фрагментарном состоянии, в настоящее время она отреставрирована. В музей переданы также фрагменты доспехов воина из дворца Амира Темура, общим весом до 15 кг. В этот же музей регулярно передаются предметы из раскопок Шахрухии: керамические и стеклянные изделия, предметы вооружения и др.

Предметы из раскопок Ю.Ф. Бурякова, переданные им музеям, экспонируются в разделах средневековой истории Узбекистана стационарных экспозиций, на выставках, используются при проведении занятий со школьниками, студентами, организуемых на базе фондов, при чтении лекций.

Благодаря исследованиям академика Ю.Ф. Бурякова раскрыты многие неведомые ранее страницы великого исторического прошлого народа Узбекистана, а музеи через демонстрацию подлинного наглядного материала способствуют воспитанию исторического сознания своих посетителей.

Ведь память о прошлом, - как говорит сам Юрий Федорович, - это необходимое условие сохранения чувства национального достоинства.

*Б. Абдулгазиева
(Самарканд)*

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЖИЛИЩА НА ГОРОДИЩЕ КУВА

Древний город Куба (Кува) эпохи раннего средневековья исследован слабо, так как он находится под толщей поздних наслоений. Изучалась в основном фортификация, закладывались шурфы для установления стратиграфии. Была вскрыта часть крепостной стены города V-VII вв., выше которой прослежены стены IX-X и XI-XIII в. (Булатова, 1972. С. 11-12).

Археологические исследования в южной части стены (раскоп 7) выявили четыре её составляющих общей толщиной более 14 м, высотой 5-7 м. Первоначально стена имела ширину 5-6 м и высоту 5 м. В основании она была сложена из пахсы, а выше - из крупноформатного сырцового кирпича. Предварительно она датируется V-VI вв. н.э. Третья стена фундаментальная имеет толщину 5 м. При её сооружении применена ленточная пахса из сырцового кирпича. Исследователи связывают укрепление крепостной стены с угрозой арабского нашествия и датируют это VII-нач. VIII вв. Четвертая стена тоже возведена из пахсы и сырцового кирпича и относится ко второй половине XII в. - началу XIII вв. (Матбабаев, Грицина, 2000). Хорошо исследован раннесредневековый пригород Кувы, расположенный к северу от него. Здесь на холме, в заболоченной низине, было обследовано поселение. Оно включает плотно застроенные кварталы, разделенные узкими улочками. В каждом квартале домовладения состояли из жилых комнат и помещений производственного назначения. Рядом с поселением находился буддийский храмовый комплекс. Оба эти памятника погибли одновременно в VII в. (Булатова, 1972. Рис. 2, 3).

Для исследования слоев раннего средневековья городища Кува был заложен раскоп - 4А (Р- 4А) площадью 22х25 м. Поверхность памятника его покрыта очень твердым, утрамбованным грунтом темного цвета толщиной 25-35 см., т.к. до недавнего времени городище было местом проведения народных гуляний во время праздников, спортивных соревнований, конных скачек «улак» и др.

Самое позднее время обживания территории городища - это эпоха Караханидов, от которой на данном раскопе кое-где сохранились остатки стен высотой 10-50 см, а также многочисленные бадрабы, которые, правда, не дают представление о планировке и интерьере помещений, но они являются

ценным материалом для характеристики экономики и культуры той эпохи. Поэтому эти объекты также тщательно фиксировались для дальнейших исследований. Поскольку бадрабы были глубокие, они сильно испортили нижележащие культурные слои. На Р-4А вскрыты два строительных горизонта: верхний караханидский и нижний раннесредневековый. В данной статье рассматривается строительный горизонт раннего периода.

Здесь вскрыты 13 помещений и одно только намечено в северо-восточном углу раскопа, которое связано с помещением 9 (расположено за пределами раскопа). Помещения ориентированы не строго по странам света, а с некоторым отклонением в западную сторону (28-29⁰), но для удобства описания мы условно приняли ориентацию по странам света. Стены помещений сохранились на разную высоту: 1-1,5 м и более. В некоторых помещениях отмечено по несколько уровней последовательных полов. Полы глинобитные. Нижний уровень пола в них отмечен в середине XXII яруса (за ярус принят слой в 50 см) или на глубине 10,75-10,80 м, считая от репера, установленного на высшей точки цитадели городища. Культурные слои начинались с середины XVII-XVIII ярусов. В период нижнего пола произошёл сильный пожар, затем последовало длительное запустение. Ниже мы приводим описание вскрытых помещений и обнаруженных в них находок, относящихся к раннему времени (рис. 1).

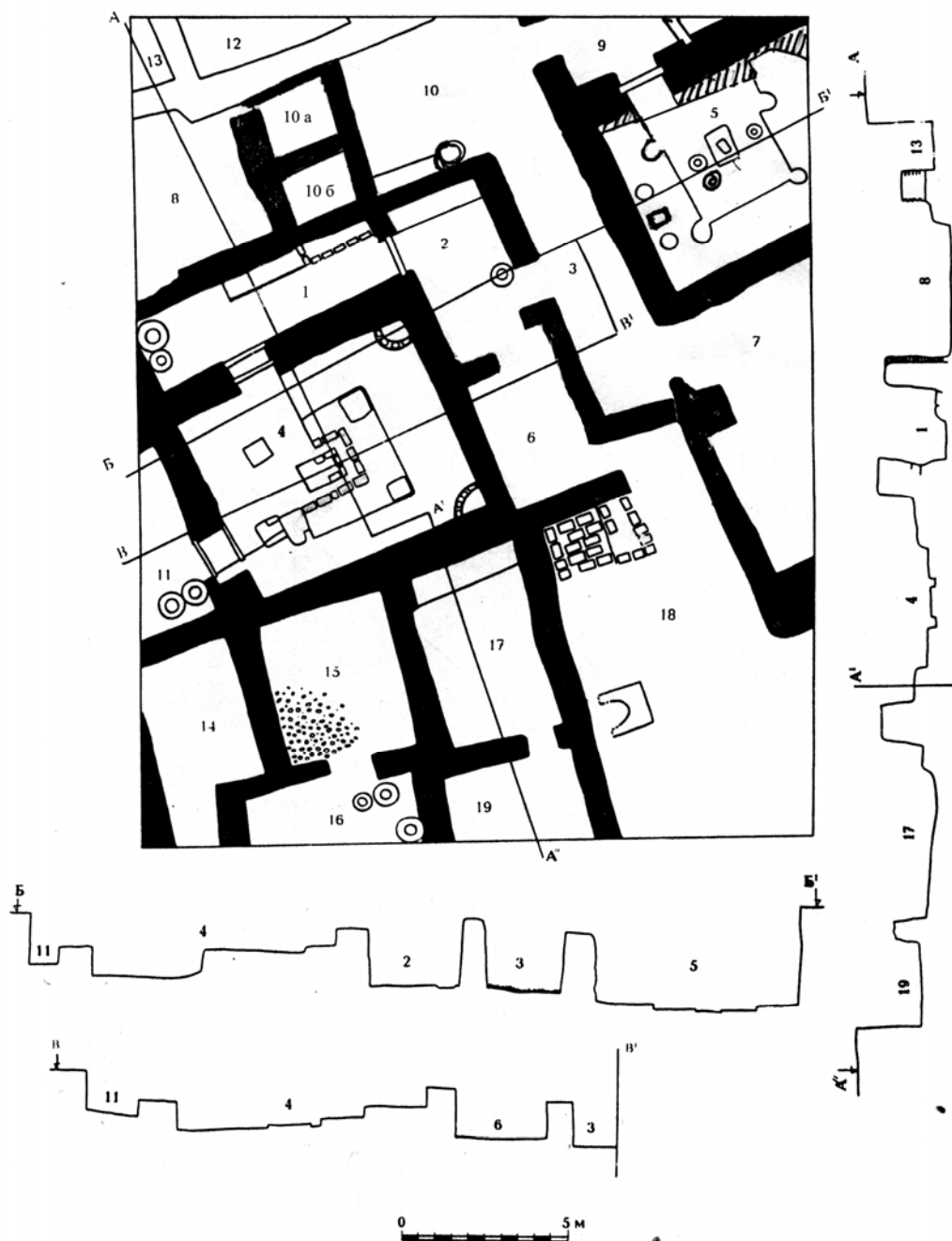

Рис. 1. План Р-4а. (По Б.Х. Матбабаеву)

Помещение 1 расположено в западной части раскопа (считая от бровки). Оно длинное, коридорообразное, вытянутое в направлении с запада на восток, длиной 7,4 м, шириной 2,3-2,4 м. Стены сохранились на высоту до 2-2,5 м. Гребень стен на глубине 30 см от современной поверхности. Северная стена толщиной 1,1-1,2 м, восточная - 0,8 м. В помещении имелись два прохода - один в восточной стене, другой - в южной. Они были оформлены деревянными дверными коробками, от которых в косяках проходов сохранились пазы. Значимость помещения, расположенного за смежной южной стеной (№4), подчеркнута наличием двойной двери в проходе толстых стен (1,4 м), по сравнению с другими помещениями. Проход имел ширину 1,2 м. В помещении отмечено два уровня полов: верхний пол на глубине 1 м, нижний - 1,75 м. В восточной части помещения, вдоль северной стены, имелся заком длиной 2 м, шириной 0,8 м, высотой 0,4 м, с тонкими стенками около 25 см, возведенными из сырцового кирпича. Заполнение его состоит из однородного грунта средней плотности. Далее, примыкая к закому, вдоль стены тянется суфа такой же величины. У западной стены стояли два больших хума. Оба они разбиты рухнувшей кровлей во время пожара. О размахе пожара и постигшей трагедии свидетельствуют завал толщиной 75-80 см от рухнувших перекрытий и стены помещений, обгоревшие до красноты и приобретшие в нижней части большую твердость. В завале над полом, в середине помещения, были найдены целые и разбитые керамические сосуды, среди которых лепная жаровня круглой формы с отверстием в нем, лепная подставка, каменное лоцило, инструмент гончара грибовидной формы для подправки стенок изнутри крупных сосудов, фрагменты кружек, миниатюрные чаши, горшочек (рис.2, № 10, 23). В восточной половине помещения, ближе к проходу, найдены фрагменты венчиков горшков, кувшинов, лепной чаши с волнистым бортиком (рис.2, № 9, 11), хумчи с орнаментом вдоль плечика. Кроме того, в помещении обнаружены каменный подпятник, сильно окисленные изделия из железа, медная бляха квадратной формы размером 2 см, изготовленная из тонкого листа металла толщиной 1 мм. Орнамент рельефный в виде цветка с четырьмя лепестками. Видимо, эта бляха являлась частью наборного пояса (рис. 5.1).

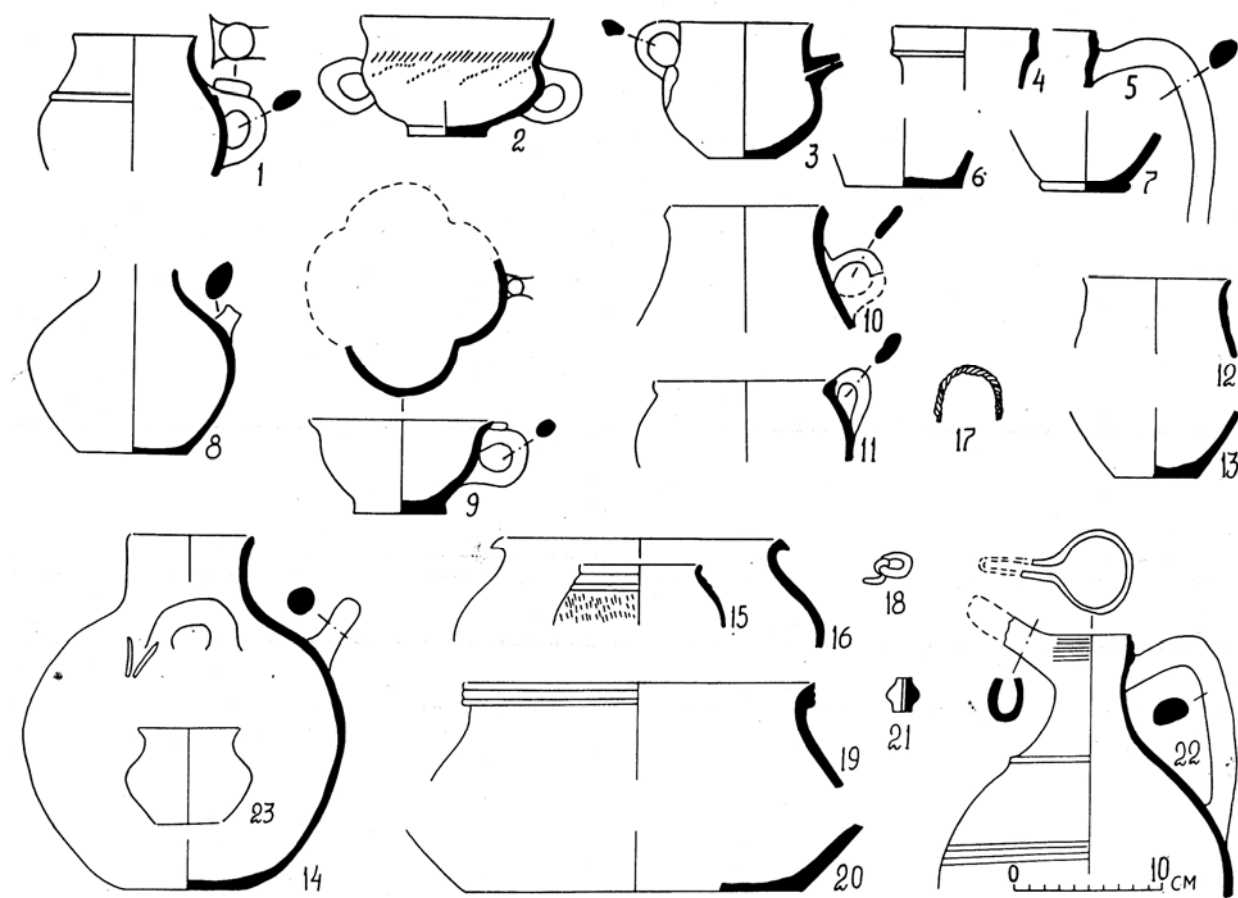

Рис 2. Керамические сосуды из помещений: 1 (№ 1, 9-11, 23): 2 (№ 19, 20): 5 (№ 2-7, 12-16, 21,22): 9 (№ 8), изделия из металла из помещения 10 (№ 17, 18)

Помещение 4 - самое крупное в данном комплексе, площадью 6,5x7,5 м, стены пахсовые, сохранились на высоту 1,4-1,5 м. В помещении два прохода - один идет из вышеописанного помещения, другой проложен в западной стене. Обе двери были двойные, деревянные, от которых сохранились следы косяков и обгорелые пороги. Перекрытие опералось на 4 деревянные колонны, от которых сохранились только основы баз квадратной формы со сторонами 70 и 80 см. В восточной половине помещения имелась двухъярусная суфа, проходящая вдоль трех стен (северной, восточной, южной). Суфы у северной и южной стен шириной 1 м, высотой 20 и 30 см, у восточной стены в глубине помещения суфа была шириной 1,3 м. В центре на прямоугольном подиуме (1x3,0 см., высота 15 см.) имеется небольшое углубление с золой - алтарь. Расстояние между суфой и алтарем очень узкое: 20 см от северной и 30 см от южной суфы. Пол помещения земляной, гладко обмазан тонким слоем отмученной глины. Помещение погребло в результате пожара. В яме юго-восточной базы колонны найдена медная монета с отверстием в центре, датируемая VIII в. Северо-восточная и юго-восточная колонны установлены в углах суф и их базы вкопаны в суфы. У южной стены, видимо, стояли хумы, от которых сохранилась куча крупных обломков. Помещение имело выход в западной стене во вскрытое частично другое помещение, которое, видимо, носило хозяйственное назначение; в нем вдоль южной стены стояли три хума.

Помещение 4 погребло в результате пожара и больше не возрождалось. На всю сохранившуюся высоту оно было заполнено рыхлым слоем грунта. На полу лежали обгоревшие деревянные конструкции, базы колонн сгорели.

Помещение 2 расположено к востоку от вышеописанных и было построено перпендикулярно по отношению к помещению № 1 и связано с ним проходом. Оно тоже коридорообразное, вытянутое в направлении с севера на юг, длиной 6 м шириной 3 м. В него вели три прохода - один из помещения 1, второй - в восточной стене, третий - в южной. Они имели ширину 1 м. В помещении зафиксировано 4 уровня последовательных полов, нижний со следами пожара. В помещении у восточной стены, к северу от прохода, стоял, раздавленный рухнувшей кровлей, хум который был незначительно утоплен в пол. В северной части помещения имелись фрагменты от двух других хумов. В завале над полом найдена перламутровая плоская бусина, круглой формы диаметром 15 мм, толщиной 3 мм, с отверстием в центре (рис. 5.2).

Помещение 6 расположено к югу от помещения 2. Они соединены проходом и находятся на одной линии. Западная и восточная стены помещения являются продолжением стен смежного помещения 2, но меньших размеров: длина 3,6 м, ширина 2,8 м, к югу это помещение сужается до 2,3 м. Следов пожара в нем не прослеживается, но пространство между нижним и последующим полами забутовано обломками сырца, видимо, от рухнувших стен и перекрытия. Находок здесь не обнаружено.

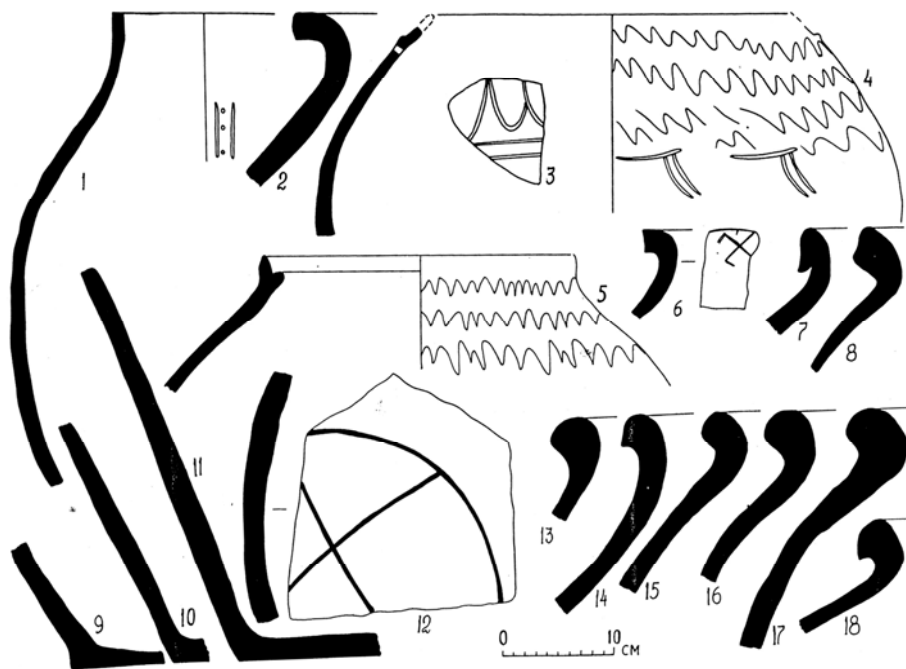

Рис 3. Керамические сосуды из помещений: 1 (№ 3,5); 2 (№ 4); 3 (№ 1,2,6.); 5 (№ 7-18)

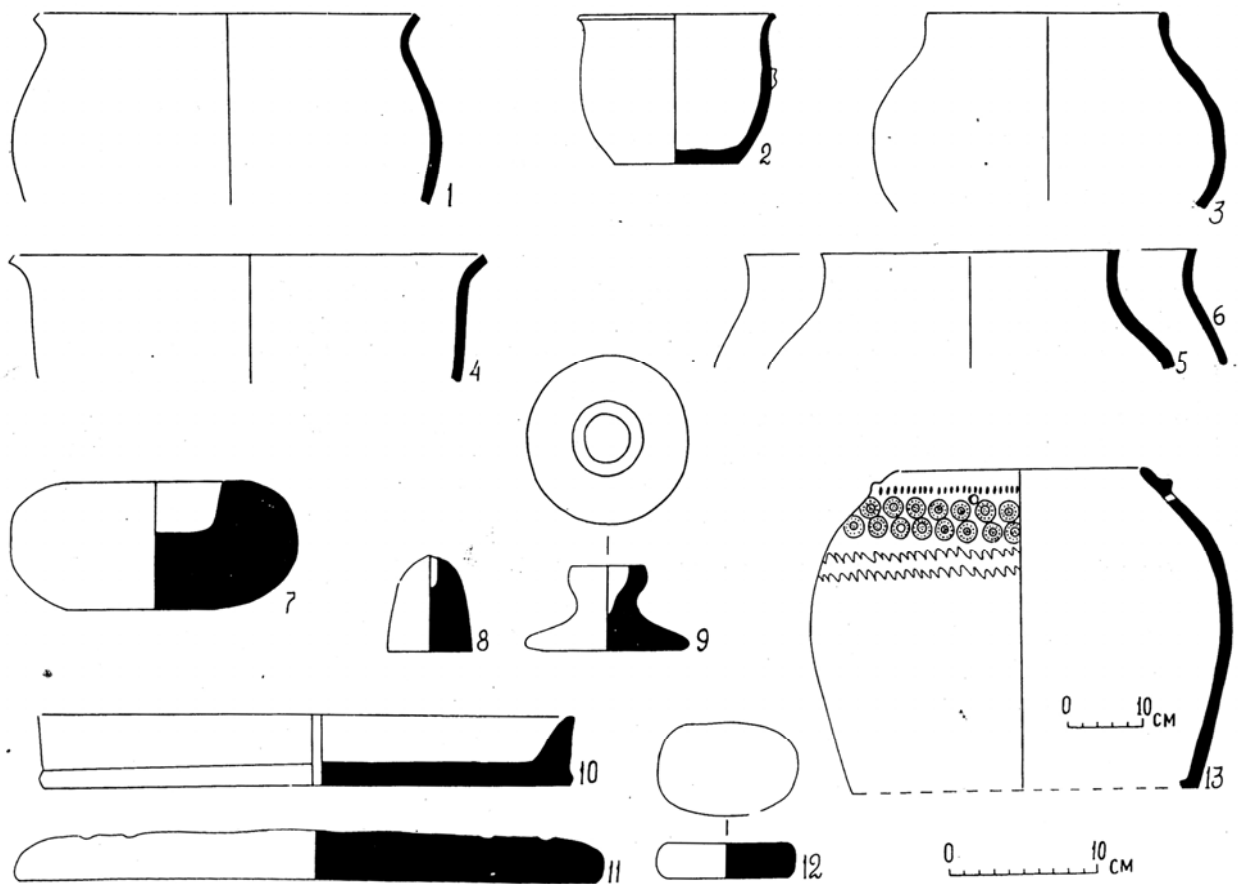

Рис 4. Материалы из помещений: 1 (№ 7-10, 12): 2 (№ 13): 3 (№ 3,5,6): 5 (№ 2,4): 9 (№ 11), 10 (№ 1)

Помещение 3 расположено параллельно вышеописанному помещению. В нем также отмечено 4 уровня последовательных полов. В период нижнего пола в помещении имелось три прохода: один связывал его со смежным помещением 2, другой - в южном конце восточной стены выводил на улицу, 3 - в северной стороне - широкий проход на всю ширину помещения, связывал с другими помещениями в северной стороне. Обращает внимание состав заполнения над полом: в северной половине помещения четко прослеживаются следы пожара, в виде обгорелых рухнувших деревянных конструкций, покрывавших пол, а южная часть помещения без следов пожара. Здесь на полу плотный слоистый, как бы замыйтый, грунт. Это свидетельствует о том, что северная часть помещения имела деревянное перекрытие, а южная была открытой и, видимо, именно проход в южном углу вел на улицу. В северной части помещения вдоль западной стены имелась, тянувшаяся до прохода, суфа шириной 70 см, высотой 40 см. Результаты раскопок показывают, что после пожара жизнь здесь надолго замирает. При новом обживании после пожара помещения перестраиваются, что и тогда же был перекрыт северный проход. Здесь была возведена стена из сырцового кирпича.

Помещение 7 представляет собой часть переулка, ведущего на улицу из описанного комплекса. Он связан широким проходом с помещением 3. Следов пожара в нем, как и в южной половине помещения 3, не отмечено. Видимо, оно также не имело перекрытия, о чем говорят те же тонкие прослойки глины, перемешивающиеся с прослойками золы.

Помещение 5 расположено к востоку от помещения 3, имеет с ним смежную стену. Оно было прямоугольной формы 5х6 м. Стены построены из сырцового кирпича прямоугольного формата размером 5.х25х9 см, характерного для эпохи раннего средневековья VII-VIII вв. Стены гладко заштукатурены в несколько слоев глиной, с включением рубленной соломы. Обращает внимание, что слои имеют разную толщину (зафиксировано 5 слоев) 1 см, 0,5 см, 2,5 см, 1,2 см, 0,3 см. Состав их теста разный: два тонких слоя из штукатурки тонкого помола, у остальных штукатурка грубого замеса, с включением соломы.

Северная стена помещения своеобразно построена. По толщине она самая широкая из всех стен комплекса - более 2-х метров. Первоначальная её толщина составляла 1,5 м. Затем к ней, с южной стороны, была пристроена новая стена клинообразной в плане формы. В западной части она узкая

толщиной 25 см, к востоку расширяется до 82 см. Эта стена представляет собой как-бы полочку или опору для основной стены и дна. Она не продолжается во всю длину помещения и в восточной стороне короче на 1,2 м. В северо-восточном углу помещения имеется фигурная ниша, тоже с полочкой на высоте 75 см от уровня суфы. Восточный торец этой стенки является и стеной ниши. В помещении был один проход в северной стене шириной 1,2 м. На расстоянии одного метра от этого прохода в восточной части в стене имелась сводчатая ниша шириной 20 см, высотой 55 см, глубиной 10 см, предполагавшаяся, видимо, для чирага - для освещения в ночное время. В западной стороне прохода имелась прорезь в стене для крепления деревянной коробки. Она расположена на расстоянии 60 см от северного края стены прохода и сохранилась на всю высоту стены. В её основании имелись обугленные куски дерева, а поперек прохода от одной стены до другой сохранился деревянный порог в виде обугленной планки. По периметру трех стен помещения (восточной, южной и западной) имелись широкие суфы (1,5 м) высотой 30 см. Восточная суфа шире - 1,6 м и она ещё не откопана полностью. Перекрытие крыши опиралось на 4 деревянные колонны. Две из них располагались в южной части помещения в углах суф, две другие в 2 м севернее от них. От колонн сохранились обугленные основания в ямах диаметром 25 см. Видимо, колонны были украшены резьбой, о чем свидетельствует находка куска обугленного дерева с резным орнаментом длиной 30 см, шириной 17 см. Выделяются 3 типа узора: вдоль вогнутого куска дерева в центре имеется рельефный ромбический («чешуйчатый»), а по краям от него, с одной стороны, кирпичный, с другой, - в виде пирамиды, обращенной вершиной вниз.

В центре помещения был напольный очаг прямоугольной формы, вытянутый в направлении север-юг, с устьем в северной стороне. Он построен на прямоугольной (70x90 см), углубленной в пол на 4 см, площадке. Размеры очага 23x40 см, глубина 6 см. Внутренняя поверхность очага твердая, длительного его использования. В очаге была черная зола.

На западной суфе вдоль стены имелись неглубокие ямы, две крайние круглые диаметром 50 см, средняя квадратной формы со скругленными углами длиной сторон 52 см, глубиной 10 см. Видимо, в этих ямах стояли хумы с запасом продовольствия. Во время пожара в спешке, при выборке содержимого, их разбивали и бросали на пол. В этой части помещения около очага стояли два разбитых хума и один перевернутый горловиной вниз хум и много обломков стенок и донцев, скорее всего, ещё четырёх хумов.

Стены и поверхность суф сильно обгорели во время пожара. Слой завала над полом толщиной 1,3 м представляет собой головешки деревянных частей перекрытия, со слоями пахсы рухнувших стен. В завале над полом толщиной 30-50 см встречены фрагменты лепных и гончарных сосудов, разбитых под действием упавших кровли и стен. Вместе с тем имеются целые сосуды. Среди них лепная кружка с двумя петлевидными ручками и волнистым четырехлепестковым бортиком (рис.2, № 2), археологически целый лепной котелок (рис.4 2), верхняя часть котла (рис.4, 4), детская поилка (рис.2, 3), ручки и донца, венчики кружек, кувшинов и горшков (рис.2, 4-7, 12-16, 22), фрагмент железной заготовки клиновидной формы, керамическое прясло (рис.2. 21), грузила. У порога найдены обугленные косточки персика, на восточной суфе, ближе к нише, за колонной лежали две каменные зернотерки и нижний жернов ручной мельницы. Здесь же встречены рассыпанные, обуглившиеся во время пожара, косточки фруктов (юрук или алыча).

Помещение 9 расположено к северу от помещения 5. Они соединены проходом. Хотя в раскоп попала только часть помещения, однако вскрытая часть позволяет восстановить план и судить о размерах и назначении помещения. Скорее всего, оно объединяло другие помещения комплекса; здесь сходились проходы, расположенных вокруг него помещений. Помещение имело прямоугольную форму длиной 3,6 м (в направлении с запада на восток), шириной 2,2. В нем было три прохода шириной 1-1,1 м.: в южной стене в помещении 5, в восточной стене - в частично вскрытом помещении, в западной стене в помещении 10. Проход в восточной стене скользящий вдоль южной стены, расположен на расстоянии 1,1 м от южного прохода. От него сохранилась в стене прорезь прямоугольной в плане формы шириной 18 см, глубиной 18 см. Проход в западной стене тоже скользящий вдоль северной стены, которая в пределах раскопа прослежена в длину на 2,5 м, и далее в восточной части она уходит за пределы раскопа. В юго-западном углу стоял деревянный столбик диаметром 7 см, сохранившийся в высоту на 30 см, и обугленный при пожаре.

Нижний пол, как было упомянуто, несет следы пожара. По полу стелется горелый слой черного цвета толщиной 6-7 см. Представляет интерес, выложенная из обломков хума выстилка, стелющаяся поверх этого слоя из обломков хумов. Такое же покрытие имеется и в проходах, а также в восточной части помещения 10, вдоль стены до помещения 3. Создается впечатление, что это своеобразное покрытие предохраняло пол от разрушения, по которому проходило много людей. Стены сохранились

на высоту до 1,5 м. Все пространство над полом заполнено обломками обгорелого сырцового кирпича. В завале найден керамический кувшин с отбитой горловиной, археологически целая дисковидная крышка (рис. 2, №8, рис.4, №11), фрагмент железного ножа.

Помещения 8, 10, 10 а, 10 б, рассматриваются вместе, так как их объединяют перестройки, происшедшие после пожара. Помещение 10 большое прямоугольной формы 4x5,5 м, западная стена его на одной линии с западной стеной помещения 2. Стены возведены из сырца, размеры которых определить не удалось. Помещение было связано проходами с помещениями 3, 9. У южной стены, к западу от прохода, имелся тандыр круглой формы диаметром 80 см, сохранившейся на высоту от 10 до 40 см, с тонким слоем золы на дне. В этом помещении тоже фиксируются следы пожара, но они прослеживаются только вдоль восточной стены на ширину около 1 м и в виде горелого дерева. Возможно, помещение не имело перекрытия; здесь был двор. В слое завала над полом найдены незначительные фрагменты керамики и другие изделия: сильно окисленный железный, трехлопастный наконечник стрелы, с сохранившейся бойковой частью длиной 6 см; венчик кружки со светлокоричневым ангобом, аналогичной найденным на нижнем полу в помещениях 1 и 2; фрагмент алебастровой крышки диаметром 36-38 см, керамическое прясло усеченно-конической формы диаметром 2 см, высотой 1,8 см; костяная накладка от лука из реберной кости животного длиной 12,5 см, шириной 2,3 см, толщиной 0,3 см; венчик котла; три обугленные косточки персика; круглая железная пряжка диаметром 2,8 см из проволоки круглого сечения диаметром 0,6 см с подвижным язычком и медный, витой браслет из двух проволок (рис. 2. 17-18). Здесь отмечается несколько прослоек пола. На уровне 15 см выше XXII яруса отмечен очаг. Он напольный (врытый в пол), круглой формы, диаметром 39 см. Следующая промазка пола на 10 см XXII яруса. В ней найдена медная монета круглой формы с квадратным отверстием в центре. Ещё одна медная монета найдена в конце XXI яруса, в промазке северной стены. Она тоже круглой формы диаметром 18 см, с квадратным отверстием в центре.

Судя по вскрытым наслоениям, после пожара эти помещения обживаются после длительного запустения и происходят большие изменения, связанные с перераспределением помещений, которые относятся ко второй половине VIII в. Об этом говорят находки медных монет с квадратным отверстием в центре (определение сделано А.Атаходжаевым).

Проходы из помещений 3 и 9 закладываются сырцом (размеры кирпичей 44x22x10-11; 45x22x10 см). У северной стены имелся круглой формы очаг диаметром 50 см, который сильно разрушен.

Помещения 10 а и 10 б небольшие, с проходом из каждого в западной части их стен. После пожара смежная стена между ними была убрана, в результате чего получилось одно большое прямоугольное помещение (10 а), вытянутое вдоль западной стены помещения 10, но в следующий строительный период последнее расширяется в западную сторону за счет присоединения помещения 10 а. Проход, видимо, был в северо-восточном углу.

Помещения 12 и 13 расположены к северу от вышеописанных, основная часть их остаётся за пределами раскопа. Они вскрыты только на уровне верхнего строительного горизонта.

В процессе раскопок получены разнообразные изделия из керамики, металла, камня. Среди них основную часть составляет керамика, другие находки представлены в незначительном количестве и описаны выше. Керамика является важным датированным источником раскопанного архитектурного комплекса. Она подразделяется на гончарную и лепную. Самыми распространенными формами являются кружки, кувшины, горшки, котлы, хумы, другие представлены единичными экземплярами. Гончарные изделия изготовлены из теста средней отмучки, обжиг равномерный, покрыты светлым ангобом, некоторые тускло-красным. Ниже приводится характеристика выделенных форм.

Кружки – подразделяются на 2 типа. I тип – с цилиндрической горловиной, д.в. 10 см и петлевидной ручкой. II тип – находит подражание среди металлических изделий. Они округлой формы с рельефной полосой на плечике, с одной петлевидной ручкой и дисковидным налетом наверху. Кружки этого типа снаружи покрыты жидким, тусклым, красным ангобом (рис. 2.1, 10, 12).

Кувшины – по форме венчика подразделяются на несколько типов. I тип – с шаровидным туловом, с высокой

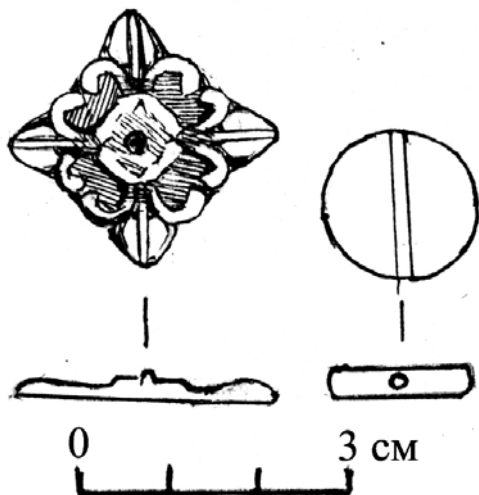

Рис 5. Металлическая бляшка (1) и перламутровая бусина. (2)

горловиной и одной ручкой (рис. 2. 8). II тип – с цилиндрической горловиной, резко расширяющейся вверху и одной ручкой (рис. 2. 4,5). III тип – изготовлены в подражание металлическим изделиям, характерная особенность их – венчик имеет длинный слив-желобок, на противоположной стороне ручка коленчатой формы. Донца кувшинов плоские (рис. 2. 6, 13, 22).

Горшки – разной величины, по форме венчика и тулова подразделяются на 3 типа. I тип – со сферическим туловом, венчик резко отогнут наружу, образуя уступ для крышки, ручка петлевидная. Вариант – миниатюрный сосуд с тусклым красным ангобом, плечико с рифлением (рис. 2. 11, 15). II тип – со сферическим туловом, венчик круто отогнут, д.в. 18 см (рис. 2. 16). III тип – с округлым туловом, с плавным переходом к вертикальной горловине. Венчик отогнут, профилирован, д.в. 32 см (рис. 3. 19). Донца горшков плоские, широкие, диаметром 22 см, изготовлены на песчаной подсыпке (рис. 2.20).

Детская поилка округлой формы с трубчатым носиком-сливом и петлевидной ручкой на противоположной стороне тулова. Сосуд целый, размеры: д.в. 8,8 см, д.д. 5, высота 8,5 см (рис. 2.3). Данные сосуды могли иметь и иное значение.

Горшочек миниатюрный – целый, округлой формы, венчик плавно отогнут, донце неустойчивое (рис. 2. 23).

Жаровня целая, круглой формы диаметром 34 см с отверстием в центре дна диаметром 1 см, с вертикальными стенками высотой 4 см (рис. 4. 10).

Прясло биконической формы, покрыто тусклым, жидким, красным ангобом (рис. 2, 21).

Лепные изделия подразделяются на столовые, кухонные и предметы хозяйственного назначения. Среди них выделяются кружки, кувшины, котлы, котелки, хумы.

Кружки – на низком поддоне, выделяются два типа. I тип – тулово перегибистое с отогнутым, широким и волнистым бортиком, с двумя петлевидными ручками на противоположных сторонах тулова, украшено косыми насечками, произведенными гребенчатым инструментом. II тип – тулово округлой формы, венчик волнистый, с одной кольцевидной ручкой, дисковидным налепом наверху (рис. 2. 2,9).

Котлы по форме венчика и тулова подразделяются на 4 типа. I тип – тулово цилиндрической формы, венчик плавно отогнут, д.в. 30 см. II тип – тулово округлой формы, венчик плавно отогнут, д.в. 24 см. III тип – тулово шаровидной формы с цилиндрической горловиной, д.в. 16 см. IV тип – тулово округлой формы, с выделенной цилиндрической горловиной и плоским верхним краем, д.в. 20 и 30 см (рис. 4. 1, 3, 4, 5).

Котелок округлой формы с одной ручкой (отбита). Размеры: д.в. 13, д.д. 8, высота 9,5 см (рис. 4, 2).

Кувшины разной емкости, шаровидной формы, с высокой цилиндрической горловиной, на плечике дуговидная, горизонтально приклепленная ручка. Кроме того, найдена нижняя часть небольшого кувшина на дисковидном поддоне (рис. 2. 7, 14).

Таппа (правило) – целая, инструмент мастера гончара для подправки внутренней стороны крупных сосудов типа хум, тагора. Она грибовидной формы с полый ручкой, диаметр рабочей части 11 см, диаметр ручки 5 см (рис. 4. 9).

Подставка цилиндрической формы, кверху сужается, в верхней части имеется узкое отверстие глубиной 2 см. Размеры: высота 6, д.д. 5,5 см (рис. 4, 8).

Хумы подразделяются на лепные и гончарные. Доминируют лепные. Они разной емкости на плоском дне, диаметры венчиков 48-54 см. Форма венчиков сильно варьирует, выделено 6 типов (рис. 3, 2, 6-18). Найдено тулово хума с нанесенным черной краской крестом, в крупном круге. На венчике другого хума прочерчена свастика, с концами направленными против часовой стрелки (рис. 3. 6, 12).

Хумчи подразделяются на 3 типа. I тип – с округлым туловом, плавно переходящим к цилиндрической горловине, д.в. 16 см, сохранившаяся высота 40 см (рис. 3. 1). Тип II – тулово сильно раздутое, на венчике, с внутренней стороны, желобок для крышки, на плечике три ряда прочерченного волнистого орнамента, д.в. 24 см (рис. 3, 5). III тип – представлен двумя экземплярами боченковидной формы, тулово к устью сужается, вдоль плечика рельефная полоса. Один из них в верхней части украшен рядами волнистого орнамента, а другой целый, вдоль плечика, украшен двумя рядами круглых медальонов, ниже – двумя рядами прочерченного волнистого орнамента. Размеры последнего: д.в. 32, д.д. 23, высота 41 см (рис. 3. 4; 4. 13).

Описанный керамический комплекс находит близкие аналогии, прежде всего, в керамике самой Кувы, полученной из раскопок жилого квартала, расположенного за северной стеной городища. Важно то, что эти материалы собраны над полом из слоя пожара и они четко датированы монетами второй половины VII – первой половиной VIII вв. (Вархотова, 1990). Таким образом, материалы из Р-4А тоже датируются этим временем. Среди керамики имеются такие характерные сосуды, как кружки с

округлым туловом и петлевидной ручкой (Абдулгазиева, 1999. Рис. 3. 23; 4. 3-5), кружки с волнистым бортиком, кувшины, изготовленные в подражание металлическим, с длинным налипным сливом-желобком, характерные для VII-VIII вв. н.э. (Маршак, 1961. Табл. 4. 3; 4, 8, 9). Они были широко распространены в Средней Азии в частности, их много было найдено в верхнем слое Пенджикента VII-VIII вв. (Байпаков, 1986, рис. 6. 18, 19; 14. 28).

Вскрытые на объекте Р-4А помещения на основе их планировки и интерьера по функциональному назначению предварительно подразделяются на храмовый и жилой комплексы. К храму относятся примыкавшие с трех сторон помещения (1, 2, 11), соединенные с ним проходами, с установленными в них хумами, которые, вероятно, использовались при отправлении культовых церемоний.

Помещение 6 – это переулок, через который можно было попасть в храм из жилого комплекса, расположенного к югу от него. Помещения 3, 7 и 10 представляют собой единый переулок, выходящий, вероятно, на улицу в восточной стороне. Помещения 8, 10а, 10б могли иметь жилое назначение. Помещение 5 – это парадный зал, аналогичный открытым в жилых кварталах пригорода Кувы, принадлежащий, видимо, богатому горожанину, домовладение которого включало также помещения 9 и другие, расположенные за ним, но уже за пределами раскопа.

Здесь также, как и в жилых кварталах пригорода Кувы, отмечается очень плотная застройка, но наблюдается общность в архитектурно-планировочном устройстве: опора перекрытий на деревянные колонны, «П-образные суфы вдоль стен помещений, деревянные дверные коробки (Булатова, 1972, с. 22-31). По мнению исследователей, гибель буддийского храма и жилого комплекса VII в. в пригороде связана с арабским нашествием и храм больше не восстанавливался (Булатова, 1972, с. 19). Арабское завоевание также пагубно отразилось на жизни самого города Кувы, где на Р-4А храм не восстанавливался после пожара. Представляет интерес то, что даже характер заполнения между полами периода пожара и нового обживания и расстояние между ними в квартале пригорода и Р-4А одинаковы.

Литература:

1. Абдулгазиева Б. Раннесредневековая керамика Ферганы // ИМКУ, вып. 30. Самарканд, 1999.
2. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
3. Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА, 124. М.-Л., 1964.
4. Булатова В.А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
5. Вархотова Д.П. Керамика VII-VIII вв. с городища Кува // ИМКУ, вып. 24. Ташкент, 1990.
6. Маршак Б.И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII-VIII вв. // Труды Гос.Эрмитажа, том. V. Л., 1961.
7. Матбабаев Б.Х., Грицина А.А. Археологические исследования в юго-западной части шахристана Кувы (Кувы) // ИМКУ, вып. 31. Самарканд, 2000.

Ш.Т. Адылов
(Ташкент)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ОДНОЙ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ДОРОГ ПО НАПРАВЛЕНИЮ БУХАРА-ХОРЕЗМ

В своем классическом сочинении «Ахсан ат-такасим фи маърифат ал-акалим» («Лучшее разделение в знакомстве с климатами») арабский географ ал-Мукаддаси (2 пол. X в.) описывает один из маршрутов, по которому можно было добраться из Бухары в Хорезм; часть пути пролегла вдоль правого берега Джайхуна (Амударьи). Первой отмечена станция Амза - расстояние между ней и г. Бухара составляло 2 перегона. (Дневной перегон был несколько короче дневного перехода - от 4 до 5 фарсахов. Дневной переход - обычно 6 фарсахов. Фарсах - чуть более 6 км). Следующим транзитным пунктом был рабат (караван-сарай) Таш - через один дневной переход. Далее на таком же удалении располагалась станция Шурух. Расстояние от Шуруха до следующего рабата Тугаи составляло 2 перехода. Между ними не было промежуточных пунктов, только сплошные пески («ар-рамл»). И наконец, еще через один переход располагалась последняя станция - рабат Днигарбанд (см. подборку Бартольд, 1968. С.210).

Благодаря последним археолого-топографическим изысканиям можно четко представить, где и как пролегла данная трасса и какие промежуточные пункты, которые ал-Мукаддаси не отметил, локализируются на этой линии. Особенность трассы прежде всего в том, что она шла в обход Варахши, которая, в свою очередь, в письменных источниках 1 пол. X в. (ал-Истахри, Ибн Хаукаль) упоминается как наиболее важный пункт области Бухары на Хорезмийской дороге.

Станция Амза - это, безусловно, крепость Амдиза, располагавшаяся на краю пустыни и отмеченная у таких средневековых географов, как ас-Сам'ани (XII в.) и Йакут ал-Хамави (XIII в.). Да и сам ал-Мукаддаси упоминает о ней в другом разделе своего сочинения, причем без искажения названия (см. подборку Камалиддинов, 1993. С.65). На тождество станции Амда с крепостью Амдиза указывал еще известный голландский востоковед де Гуге (составитель знаменитой «Библиотеки арабских географов») (см. Бартольд, 1963 С.210). Амдиза локализуется на месте городища, под средневековым архитектурно- мемориальным комплексом Шибурдан-Ата (в 5 км к северу от райцентра Каракуль) (Мухамеджанов, Адылов, Мирзаахмедов, Семенов, 1968. С.21). А ближайшим к нему древним пунктом расселения является городище Пайкенд, которое располагалось к востоку на удалении (по средневековым меркам) 2-х фарсахов. Стало быть, дорога из Бухара в Амдизу через Пайкенд как раз укладывается в 2 перегона; расстояние между Бухарой и Пайкендом по условной прямой линии составляло 7 фарсахов, но на практике, по извилистой средневековой дороге - 8 с лишним фарсахов. Таким образом, трасса на промежутке Амдиза - Таш является просто ответвлением Хорасанской магистрали. Можно добавить, что на пути в Хорасан, между Бухарой и Пайкендом, последовательно располагались такие древние городки и селения, как Анкана (Наукан), Ванандун, Мастин (Мамастин), Рамани, Даймун, Хунбун и Бакибун. Эти пункты упоминаются в письменных источниках IX-XIII вв. у таких авторов, как Ибн Хордадбех, ат-Табари, ан-Наршахи, ал-Мукаддаси, ас-Сам'ани, Йакут ал-Щамави и др. Все они успешно локализуются на современной карте и отождествляются с конкретными городищами (подробности - тема отдельной публикации).

От Амдизы трасса круто поворачивала на север, пролегла вдоль сухого русла Гурдуш (протока Махандарьи), пересекала урочище Сатгаркуль, и продолжалась в том же направлении до Ак-Рабата - развалин караван-сарая X-XII вв. Этот рабат расположен на самой окраине земель древнего орошения (подробнее см. Шишкин, 1963. С. 144). Расстояние между Амдизой и Ак-Рабатом составляет чуть менее 6 фарсахов, так что именно здесь и локализуется исторический рабат Таш. К востоку от него (с небольшим отклонением к югу) на расстоянии одного перехода находилась Варахша. Следовательно, на месте данного рабата ответвление Хорасанской магистрали соединялось со степной дорогой на Хорезм.

Далее от рабата дорога тянулась на запад, вдоль правого берега Махандарьи, точнее - сухого русла этого древнего протока. Через это русло в глубокой древности Зарафшан достигал Амударьи. На этом направлении расстилается пустая первобытная степь, без всяких признаков обживания, и только в конце русла, там, где правый дельтовый рукав протока некогда впадал в Амударью, расположено крупное городище Наргиз-кала (Наркыз-кала). Судя по подъемному материалу, оно перестало обживаться в XI-XII вв. (Мухамеджанов, 1978. С.37, 39, рис.18), но в основе, видимо, достаточно древнее. По всем признакам вблизи Наргиз-калы располагалась древняя переправа через Амударью, так как на противоположном от нее левом берегу имеются остатки средневекового караван-сарая Таш-Акыр. Крепость на правом берегу была возведена для охраны этого стратегически важного места. Расстояние от Ак-Рабата до Наргиз-калы составляло, скорее, два перехода или несколько менее того, однако вполне можно допустить, что сведения ал-Мукаддаси не совсем точны. Следовательно, Наргиз-кала - это и есть та самая станция Шурух. Однако у нее, видимо, было и другое название. Ас-Сам'ани и Йакут ал-Щамави в своих сочинениях упоминают «Крупное селение» (по-арабски «ал-Карйан ал-Кабира», на фарси «Дех-и Бу-зург»), которое находилось на берегу Джайхуна в области Бухары (т.е. на правобережье), недалеко от Фараба (см. подборку Бартольд, 1963. С.170). Это селение и должно соответствовать Шуруху. Не исключено, что второе название имело просто нарицательный смысл,

Следуя указанному маршруту - без переправы - дорога от Шуруха продолжалась по правому берегу реки, который на большом протяжении (вплоть до урочища Дуль-Дуль Отлаган) в те времена не обживался, да и караван-сарай были здесь редкостью. Название «Джигарбанд» носил прежде всего один из средневековых городов на юге Хорезма, упоминаемый у многих арабских и персидских географов на месте важной переправы из Бухары в Хорезм. Городище большей частью уже уничтожено рекой, однако урочище и тугай сохранили название до наших дней (Массон, 1966. С.233-235; Древности Южного Хорезма. С.15-17). На противоположном правом берегу расположены развалины караван-сарая IX-XII вв. Сартараш, который и отождествляется с рабатом Джигарбанд (Лоховиц, 1979. С.117). Расстояние от Наргиз-калы до Сартараша тоже превышает 3 перехода (между ними по прямой - около 150 км) хотя, видимо, один степной переход без промежуточных пунктов для привала и дорожного снабжения составлял более значительную дистанцию. А рабату Туган, расположенному между Сартарашем и Наргиз-калой (ближе к первому), очевидно, соответствуют остатки средневекового караван-сарая Кызыл-Рабат. Этот памятник расположен примерно в 5 фарсахх от Сартараша, на окраине селения, с тем же названием. В этом месте тоже имелась переправа и на противоположном

берегу стоял знаменитый средневековый город Южного Хорезма – Дарган (см. Массон, 1966. С.213 - 221; Древности Южного Хорезма. С.14-15). Названия «Дарган» и «Туган» не просто созвучные, но и близкие по смыслу; оба означают «плотина», «дамба», «запруда», но первое из них - во множественном числе - на фарси, а второе - на тюрки. Среди этих перечисленных переправ Шурухская была, вероятно, самой древней, по крайней мере, на пути из Бухары в Хорезм, а не наоборот - рабаты Туган и Джигарбанд были возведены все-таки в эпоху Развитого Средневековья. Несколько ниже Наргизкалы, на левом берегу реки, в Кабаклинском тугае сохранились развалины крепости Кош-кала, которая была основана еще в VI-V вв. до н.э. (Древности Южного Хорезма. С.21-22). В то же время, нижние слои Джигарбанды (города) относятся к IV-III вв. до н.э., а строительство Даргана датируется пока что VI в. (Древности Южного Хорезма. С.15-16). Здесь же в Кабаклинском тугае, по соседству с древней крепостью, расположены остатки средневекового городища Турпак-курган, на месте которого локализуется город Сайфана, отмеченный у ал-Истахри как промежуточный пункт на пути из Амуля в Хорезм. Считается, что возле этого города существовала упомянутая у ал-Мукаддаси одна из двух, относящихся к Бухаре переправ под названием Махикабран. Еще во времена эмирата, в этой же местности, напротив укрепления Кабакли (Санг-Рабат) - центра одноименного бекства, действовала довольно важная переправа (см. подборку Массон, 1966. С.185, 192-194). Однако не исключено, что древняя переправа была все-таки выше - возле Шуруха, ибо на противоположном от Сайфаны берегу не отмечено никаких ранних пунктов расселения. В любом случае, переправа Махикабран локализуется на промежутке Шурух-Сайфана.

По-видимому, второй из этих пунктов соответствует бухарскому селению Сафна, о котором сообщает историк IX в. ан-Найсабури (Нишапури, автор несохранившегося сочинения «Хазайн ул-Улум» - «Сокровищница знаний»). По словам историка, это селение существовало еще во времена Абрюя и казнившего его Шер-и Кишвара, то есть в последней четверти VI в. (ан-Наршахи, 1991. С.91).

В заключение можно отметить, что, скорее всего, именно через Шурухскую переправу и левый берег реки пролегало раннесредневековое ответвление Великого Шелкового Пути (в обход территории Ирана), начало которому положило посольство во главе с Маниахом в 568 г. Постоянно действующая караванная дорога из Хорезма в Мерв и Бухару по левобережью, существовала по крайней мере в IV в. до н.э., что доказано археолого-топографическими исследованиями (Древности Южного Хорезма, С.265). Что касается эпизодических взаимосвязей двух регионов по этому пути, то они имели место намного раньше указанной даты. Наглядным тому свидетельством являются памятники круга Кальтаминарской (IV-III тыс. до н.э.) и Андроновско-Тазабагьябской (2 пол. II тыс. до н.э.) культур, обнаруженные и исследованные на западных окраинах низовьев Зарафшана. Кроме того, широкомасштабное заселение и освоение области Бухары, начавшееся в VI-V вв. до н.э., тоже происходило большей частью со стороны Хорезма (подробнее см. Адылов, 2002. С.72-80).

Литература:

1. Адылов Ш.Т. Западные окраины Бухарского оазиса на ранних стадиях обживания // ИМКУ. Вып. 33. Ташкент, 2002.
2. Бартольд В.В. Соч. Т. I. М., 1963.
3. Древности Южного Хорезма // ТХАЭЭ. Т.XVI. М., 1991.
4. Лоховиц В.А. Караван-сарай Верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979.
5. Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр // ЮТАКЭ. Т.XIII. М.-Л., 1966.
6. Мухамеджанов А.Р. История орошения Бухарского оазиса (с древнейших времен до нач. XX в.). Ташкент, 1978.
7. Мухамеджанов А.Р., Адылов Ш.Т., Мирзаахмедов Д.К., Семенов Г.Л. Городище Пайкенд (К проблеме изучения средневекового города Средней Азии). Ташкент, 1988.
8. Шишкин В.А. Варахша. М., 1968.
9. Аб'у Бакр Мухаммад ибн Жаъфар ан-Наршахий Бухоро тарихи. (Форс тилидан А. Расулев таржимаси). Тошкент, 1991.

ЗАМЕТКА О ФОРТИФИКАЦИИ АНТИЧНОГО АХСИКЕНТА

Основным элементом городских укреплений являлись цитадели. Они всегда занимали господствующее положение и в большинстве случаев располагались на одном из углов территории города, хотя встречаются также в центральной части шахристана или за его пределами. При этом играли роль общий рельеф местности и задумка строителей. По своей величине и конфигурации они также отличались друг от друга (Воронина, 1959). Одни располагались на естественной возвышенности, другие возводились на мощном стилобате высотой до 15 м (Шишкин, 1963; Нильсен, 1966; Иневаткина, 1995).

Судя по остаткам, очень трудно сказать что-нибудь конкретно о первоначальной планировке цитадели Ахсикета, потому что основная часть её была разрушена водами Сырдарьи. Тем не менее раскопочные работы (объект III, III а, III б) дали очень интересные материалы, раскрывающие её историческую топографию (Анарбаев, 1988, с. 179). При возведении стены цитадели строители умело использовали рельеф местности. Внешняя грань первоначальной крепостной стены проходит по верхнему краю естественного холма. При этом естественное нижнее возвышение цитадели, находившейся на востоке, оставалось за пределами крепостной стены. Высота холма около 6 метров. Самая ранняя стена возведена из пахсы с применением прямоугольного сырцового кирпича (58-60x30x10-12; 48-50x20x10 см), башни отсутствуют (рис. 1: 33 - 33а). Аналогичные кирпичи в это время продолжали применять и в Согде (Турабеков, 1990, с. 20-21).

Как показали исследования, следующие две стены цитадели возведены тоже в раннеантичную эпоху. Вторая стена сооружена по внешней поверхности первой в виде «рубашки» с прямоугольными башнями из сырцовых кирпичей (48-50x28-30x8-10 см). После этого со стороны города стена приобретает внушительный вид. Вторая крепостная стена тоже не сохранилась на полную высоту, так что вопрос о ее верхней части остается неясным. Сохранилось около шести метров нижней (цокольной) части, обрамлявшей склон естественного возвышения в виде «рубашки» (рис. 1; 25). Изучение показало, что, прежде чем возводить вторую стену, наружный склон холма был предварительно специально эскарпирован для придания ему большой крутизны. На второй стене с прямоугольными башнями не были зафиксированы остатки или следы бойниц. Создается впечатление, что башни, видимо, возвышались над стеной, заканчиваясь открытой площадкой. Крутизна откоса второй стены составляет около 50°. Судя по конструкции стен, можно предположить, что в это время оборона крепостью продолжалась осуществлялась в основном с парапета крепостной стены и боевой площадки башни.

Стена третьего периода почти полностью разрушена. От неё сохранились всего лишь незначительные остатки (рис. 1; 32). Поэтому ее первоначальный вид трудно восстановить. Но, несмотря на это на основе стратиграфии и строительного материала третью стену можно предварительно датировать где-то рубежом I в. н.э.

Сравнительно хорошо изучена фортификация второго шахристана (Ахси I Б). Крепостные стены, рвы и другие фортификационные сооружения Ахси I Б исследовались в основном на двух объектах (объекты VII-IX).

Исследования показали, что первоначальная стена Ахси I Б (второго шахристана) возведена из пахсы с применением крупноформатного сырцового кирпича. Она имела два строительных этапа, представлявших один период. На первом этапе стена шириной 3,30 м была возведена на пахсовой платформе с крутизной откоса около 10°, т.е. была почти вертикальна (рис. 2; 17-17а). На втором строительном этапе, снаружи, к первой стене пристроена вторая шириной 2 м, в виде «рубашки» также из пахсы с применением крупноформатного сырцового кирпича (рис. 2; 18-19). Таким образом, общая ширина крепостной стены составила 5,30 м, а крутизна откоса достигла, имеет более 20°.

В этот период по периметру крепостной стены, под естественными вышеупомянутыми холмиками, были выявлены особые коридорообразные отсеки, которые, видимо, выполняли роль башен. Одно такое помещение было раскопано на объекте VII, внутри крепостной стены. Стены помещений сохранились на высоту более 7 м, имеют расширяющийся уклон в стороны. Поэтому ширина помещения на высоте 7 м составила 6 м, т.е. из-за уклона стен, по верху ширина помещения увеличилась на 3 м. Видимо, при обороне защитники города здесь могли устанавливать специальное устройство, с помощью которого можно было сбрасывать в сторону противника горящий «мяч» или большие камни. Судя по стратиграфии, крепостная стена первого периода с двумя строительными этапами дати-

руется III-II вв. до н.э. В это время стена довольно мощная, отсутствуют бойницы. Основываясь на этом можно предположить, что над стеной находилась боевая площадка и по внешнему краю ее располагался - парапет. Оборона города, видимо, осуществлялись из-за парапета крепостной стены и коридорообразных помещений.

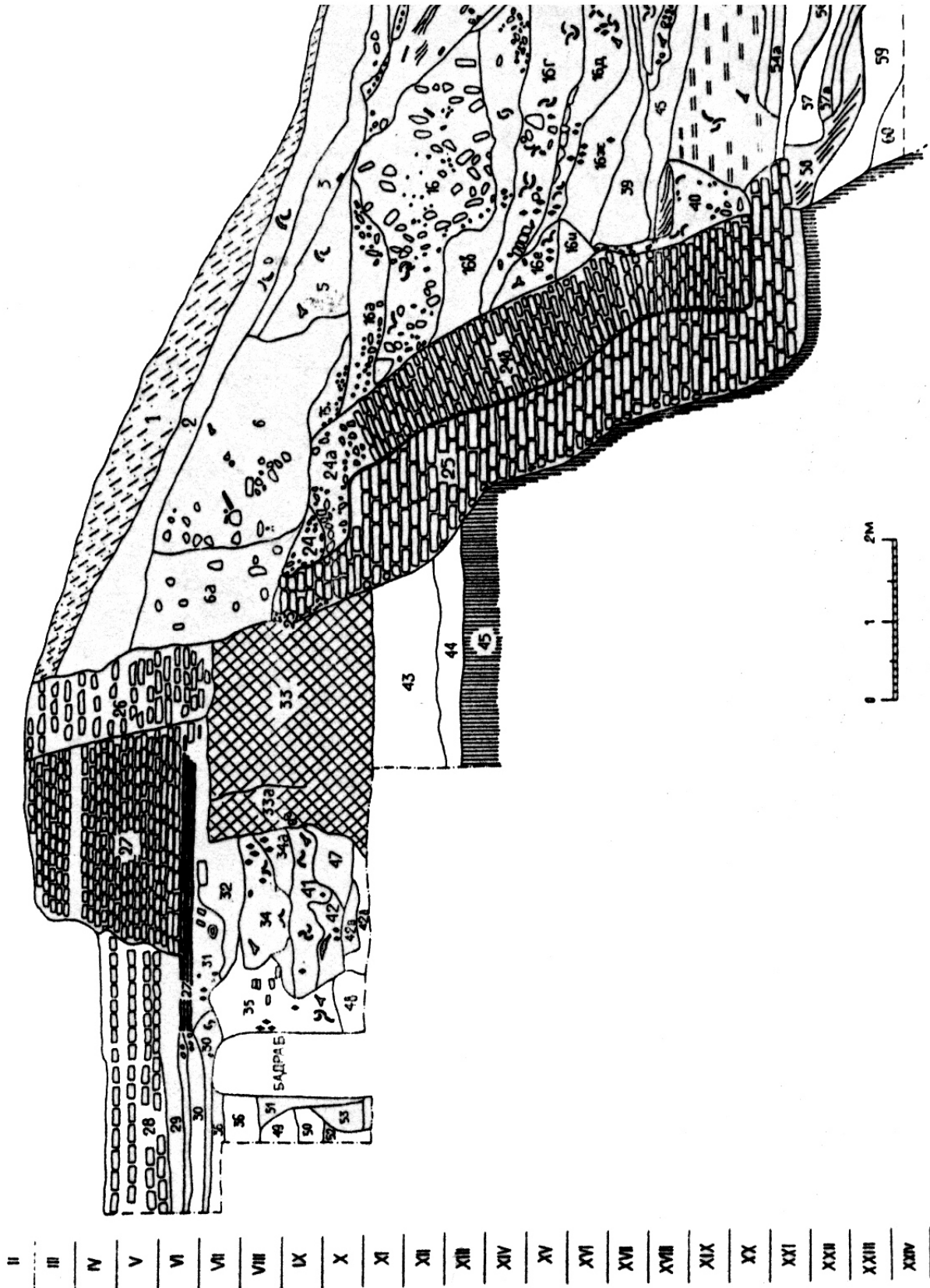

Рис. 1.

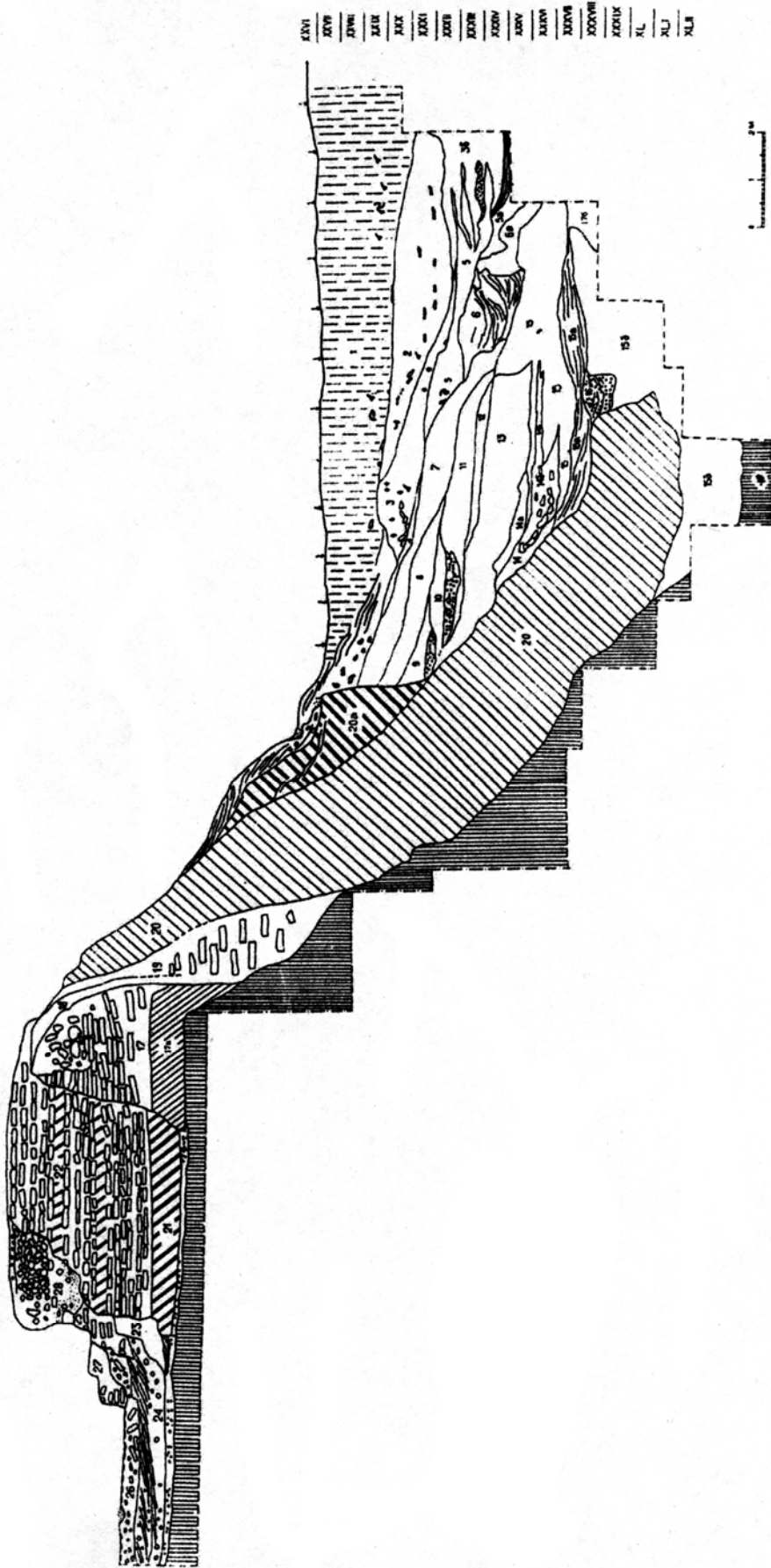

Рис. 2

Следующий, второй период также представлен двумя строительными этапами. Возведены две монументальные стены. На первом этапе изнутри возведена стена из сырцового кирпича (48-50x28-30x10 см) и ленточной пахсы, на пахсовой платформе. В это время мощность крепостной стены составляет 10 м. (рис. 2; 21-22). На втором этапе крепостная стена Ахси I Б становится еще монументальнее, т.е. изнутри и снаружи к предыдущим стенам пристроены стены из хорошо обработанной и монолитной пахсы в виде «рубашек» (рис. 2; 20-23).

В результате её толщина по основанию превышает 20 м, а высота достигала, видимо, 20 м. Прежде чем построить эту стену, предварительно была подготовлена наклонная поверхность холма, для придания ей большей крутизны. В результате строительства четвертой стены крутизна откоса достигла до 50°. Аналогичную картину мы видим на примере раннесредневековой стены Пенджикента (Семенов, 1996, с. 46).

Для этого периода снаружи крепостной стены были выявлены два небольших рва. Один открыт у подножия стены, с дном покрытым гравием. В разрезе видно как постепенно поднималось дно рва. Второй, - наружный ров остался за пределами раскопа и в разрезе (сл. 17 б) был зафиксирован его край (рис. 2; 17 б).

Во втором периоде, точнее на его первом этапе вышеупомянутое коридорообразное помещение (объект VII) забутовывается и над ней, видимо, появляется башня. От нее сохранилась только цокольная часть высотой более 6 м. Предполагаемая башня находилась над ней и возвышалась, видимо, ещё как минимум до 3-х метров. Впритык к башне (объект VII) со стороны города пристроены два монументальных коридорообразных помещения с широким проходом, которые, видимо, выполняли вспомогательную роль при обороне города. Стратиграфия и археологические материалы позволяют датировать основание крепостной стены второго периода II-I вв. до н.э.

Таким образом, внушительность укреплений Ахсикента, достигнутая за счёт мощи стен и рационального использования рельефа в пору античности, достигает толщины 20 м. При этом следует отметить, что его первоначальные стены возведены из пахсы с применением крупноформатных прямоугольных кирпичей, которые датируются III-II вв. до н.э. Они были выявлены на цитадели и втором шахристане (Ахси I Б). Строительные материалы и характер архитектурного замысла этих стен одинаковы. Они не имели бойниц и не были снабжены башнями. На месте последних находились коридорообразные помещения, видимо, заменявшие их. По всей вероятности, оборона города осуществлялась с парапета и вышеупомянутого помещения.

Во II-I вв. до н.э. в фортификационной архитектуре Ахсикента наблюдаются изменения. В течение где-то около 100 лет возводятся две мощные крепостные стены и двойные небольшие рвы. Тем самым крепостные стены города приобретают монументальный вид, появляются башни. В цитадели башни прямоугольные и выступают за линии стен.

Особый интерес представляют предполагаемые башни на втором шахристане (Ахси I Б). Судя по имеющимся данным, можно полагать, что здесь они располагались по периметру стены, возвышаясь над ней и не выступая из ее плоскости. В башне, видимо, находилась боевая площадка со стеной парапета, в виде зубцов. С учётом высоты крепостных стен и башен она составляла более 20 м. С точки зрения фортификации, такое устройство башен не давало возможности противнику продвигаться по стенам. В случае удачного захвата стен противник оказывался под так называемым «кинжальным» обстрелом сразу из двух фланкирующих башен данного участка и легко мог быть уничтожен. Относительно близкие аналогии к вышеупомянутым фортификационным конструкциям мы находим только в позднеантичной архитектуре Южного Туркменистана (Пугаченкова, 1958, с. 51-55).

Итак, по верху крепостных стен врагу была уготована своеобразная ловушка. К сожалению, несмотря на положительные особенности данного приема в таких фортификационных сооружениях Средней Азии, он применялся очень редко.

В первые века н.э. на Ахсикенте новые крепостные стены не строятся, а продолжают функционировать монументальные вышеупомянутые стены с текущими ремонтами. И соответственно характер и основные элементы фортификации не меняются.

Литература:

1. Анарбаев А.А. Ахсикент в древности и средневековье (Итоги и перспективы исследования) // СА, № 1. М., 1988.
2. Воронина В.Л. Раннесредневековый город Средней Азии // СА, № 1. М., 1959.
3. Иневаткина О.Н. Акрополь древнего Самарканда в структуре города (VI в. до н.э. - V в. н.э.) // Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1995.
4. Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.) Ташкент, 1966.
5. Семенов Г.Л. Согдийская фортификация V-VIII веков. Санкт-Петербург, 1996.

6. Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958.
7. Туребеков М. Оборонительные сооружения древних городов и поселений Согда. Нукус, 1990.
8. Шишкин В.А. Варахша. М., 1963.

*А. Асқаров
(Тошкент)*

ҚАДИМГИ ФАРҒОНА ТАРИХИДАН ЛАВҲАЛАР

Ўзбекистоннинг шарқий минтақаси ҳисобланган Фарғона водийси тўғрисидаги маълумотлар қадимда эрон ва юнон ёзма манбаъларида жуда кам учрайди. Масалан, Ўзбекистон тарихининг 1955 йилги нашрида Геродотнинг «Тарих» асарига суяниб, Сўғдиёнанинг шимолий-шарқида «париканийлар юрти» бўлганлигини эслатиб ўтилади (История Узбекской ССР, 1955, с. 39, 89). Геродотда париканийларнинг Помирда ҳам яшаганликлари ҳақида маълумотлар учрайди.

Сўғд ёзувларида Фарғона «Фраганик» шаклида ёзилиб, у қадимги форс тилида «тоғ оралигидаги водий, атрофи берк сойлик» маъносини англатган (Ўз.СЭ. 1979, 27 бет). Хитой манбаъларида қадимги Фарғонанинг «Даван» деб аталиши ҳам айнан шу маънони берган, яъни тоғлар орасидаги водий хитойчада «Дайюан, ёки Даван» деб аталган (Бан Гу. 1958, 2372 бет). Геродот маълумотларига кўра, Хаумаварка саклари париканийларнинг аждоди бўлиб, «париканийлар юрти» пахлавий текстларида «Паркан давлати» деб юритилган» (История Узб. 1955, с.89) Парканларнинг Аҳамонийлар давлати билан қандай алоқада бўлганлиги ҳақида манбаъларда аниқ маълумот учрамайди. Аммо, Аҳамонийлар подшоси Доронинг Бихистун битикларида Тиграхауда саклари қаторида Хаумаварка сакларини ҳам империяга тобе халқлар қаторида эслаб ўтишига қараганда, улар, яъни париканийлар Аҳамонийларга, унинг «иттифокчиси» сифатида ҳар йили дан (солик, бож) ёки совга сифатида қимматбаҳо тортиқлар юборий турган. Бироқ, Геродотга кўра, париканийларнинг бир қисми Помирда ҳам яшаганлигини эсласак, эхтимол, Аҳамонийларга дан тўлаган Хаумаварка саклари Помир париканийлари ҳам бўлиши мумкин. Чунки, манбаъларда Аҳамонийлар билан айнан Фарғона саклари ўрта-сидаги алоқа ҳақида ҳеч бир маълумот учрамайди.

Қадимги Фарғона ҳақида муфассал маълумотларни биз Хитой манбаъларида учратамиз. Бу маълумотлар хитойликларнинг машҳур «24 тарихи»нинг 1-2 жилди, яъни Сима Цяннинг «Тарихий хотиралар» ва Бан Гунинг «Биринчи Хан сулоласи тарихи»да берилган. Бу икки асар Н.Я. Бичурин таржимаси асосида бизгача етиб келган. Аммо, «24 тарих»нинг Марказий Осиёга тегишли барча боблари хитойшунос олим, профессор А.Хўжаев таҳрири остида чоп этилган «Қадимги Фарғона тарихидан» рисоласида таъкидланишича, ўз вақтида Н.Я. Бичурин томонидан тўлиқ таржима қилинмаган (А.Абдурасул ўғли, 2002, 5-6 бетлар). Ана шу «24 тарих»нинг 1-3 жилдларидаги Марказий Осиёга тегишли қисмлари 1987 йилдан бошлаб уйғур тилига таржима қилина бошланди. Натижада Фарғона-Хитой муносабатларига доир янги маълумотлар олиш имконияти туғилди. Масалан, «Тарихий хотиралар»даги «Хан Уди тазкираси», «Фарғона тазкираси», «Хунлар тазкираси» ва «Хан сулоласининг тарихи»даги «Хан Удининг таржимаи ҳоли», «Хан Вэнди тазкираси», «Ғарбий юрт (Кўчқор) тазкираси», «Кунлар ҳақида қисса», «Нағма нова тазкираси» ва бошқалар.

Милодий V асрдан бошлаб қадимги Хитой транскрипциясида илк ўрта асрлар даври Фарғонаси «Полона» деб аталиши қайд этилади. Милодий VII асрга оид хитой манбаъси Бэй-шида қадимги Фарғона - «Паканна», «Бохан», «Фейхан» номлари билан тилга олинади. Бэй-шида Фейхан беклиги пойтахтининг айланаси 4 ли (1 ли 576 м. га тенг) дейилган. Бэй-шида «хукмдор тахти олтин кўчқор қиёфасида ишланган» деб таъриф берилади. Бошқа бир хитой манбаъси Тан-шуда (X аср) «Мамлакатни милодий III асрдан то VII асргача бир сулола бошқарган»лиги қайд қилинади. Демак, олтин қиёфасида ишланган тахтда ўлтирган хукмдор маҳаллий деҳқонзодалардан бири бўлиб, тўрт аср давомида Фарғона мулкини бошқариб келган ва ниҳоят VII асрдан бошлаб Фарғона мулки турк сулолалари томонидан бошқарила бошлаган (Асқаров, 2003, 3 саҳифа).

Араб тарихчилари Якут ва Кудамоларнинг хабар беришига қараганда илк ўрта асрларда нафакат Фарғона мулки, балки унинг бош шаҳри ҳам Фраганик деб юритилган, аниқроғи вилоят унинг бош шаҳри номи билан юритилган. Бундай анъана араб мамлакатларида тез-тез учраб туради. Вилоятнинг бош шаҳри эса Ибн Хордатбехнинг «Йўллар ва подшоликлар ҳақида китоб» асарида кўрсатилганидек, ҳозирги Ахсикент шаҳар ҳаробаси ўрнида бўлган (Анарбаев, 2000). У ҳақда халифаликка тегишли ҳудудлардан ўтган савдо қарвон йўллари ва улар бўйлаб жойлашган шаҳар ва қишлоқлар тўғрисида битилган ушбу ноёб асарда IX аср араб географи Ибн Хордатбех шундай дейди: «Самарқанддан Фарғонагача (бу ерда у қадимги Фарғонанинг бош шаҳрини кўзда тутди - А.А.) 53

фарсах (1 фарсах 6-8 км- А.А.), Баб (Поп) дан Фарғонагача 4 фарсах" (Ибн Хордадбех, 1986; Анарбаев, 2000). Дарҳақиқат, қадимги қарвон йўлидаги Попдан кейинги йирик аҳоли пункти Ахсикент бўлиб, Поп билан Ахсикент оралигидаги масофа эса 28-32 км дан ошмайди. Демак, Попдан 4 фарсах масофадаги шаҳар фақат Ахсикент бўлиши мумкин (Анарбаев, 2000, с. 110).

Бирок, Сирдарё бўйидаги ушбу шаҳар суғд ва илк араб манбаъларида «Фраганик» аталиб, уни X-XI аср араб ва форс манбаъларида «Ахсикент» деб аталишининг заминидан нима етади, деган савол туғилиши табиий эди. Ёзма манбаълардан маълумки, илк ўрта асрларда Сирдарёнинг шимолий ўлкаларида туркийгўй қарлуқлар яшар эдилар. Айнан қадимги «Фраганик» шаҳри қад кўтарган ҳудудда водийнинг Норин ва Қора дарёлари бирлашиб Сирдарёни ҳосил қиладилар. Икки дарё суви бир неча километргача бир-бирларига қўшилмай, дарёнинг чоп соҳили суви тиниқ кўринишда (Қорадарё), ўнг соҳили суви эса лойранг, оқиш рангда (Норин дарё) бўлиб, туркийгўй қарлуқлар дарё соҳилидаги шаҳарни оқин сув кўринишига ўз тилларида нисбат бериб Охсуқат, яъни оқ сув ёқасидаги шаҳар деб атаганлар. Бу ҳолат X-XI асрдан кейин ёзма манбаъларда ҳам ўз аксини топган. Агар Турк ҳоконлиги ва Қорахонийлар давридан бошланган Моварауннаҳрдаги, жумладан Фарғона водийсидаги этник жараёнларни эсласак, тарих туркийгўй элатлар фойдасига ишлади. Натижада, Ахсикентнинг қадимги номи «Фраганик» унутилиб, шаҳар «Ахсикент», мамлакат эса форсийча «Фарғона» номи билан юритилиб кетди.

Таъкидлаш жоизки, то VIII аср бошларигача Фарғона мулки ҳақида, унинг ижтимоий, иқтисодий ва сиёсий ҳаёти ҳақида маълумот берувчи бирор маҳаллий ёзма манбаъ бизгача етиб келмаган. Бундай ҳолатнинг заминидан Берунийнинг «Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар» асарида таъкидланганидек, халифаликнинг шарқий вилоятлари ноиб Кутайба бинни Муслим сиёсати етарли эди, яъни шахсан унинг буйруғи билан ерли аҳолининг бой ёзма мероси ва юксак санъат асарлари бозор майдонларига йиғдирилиб ёқиб юборилган эди.

Шунинг учун ҳам маҳаллий ёзма манбаълардан илк бор Қадимги Фарғона ҳақида маълумот берувчи биринчи ҳужжат Муғ қалъа архиви бўлди. Ушбу архивнинг «А14» деб номланган Панч хокимининг элчиси Фатуфарн мактубида Фарғона мулки суғдчада «Фраганик» номи билан тилга олинади. Мактуб мазмунига кўра (проф. М. Исҳоқов таржимаси), Суғд подшоси, Панч хокими Деваштич 717-719 йиллар оралигида Чоч хукмдори ва Фраганик ихшидлиги хузурига хат билан Фатуфарн исмли шахсни элчи қилиб юборади. Фатуфарн Чоч ва Фрагана подшоликларининг олий мансабдор кишилари билан арабларга қарши иттифоқ тузиб келишга юбрилган эди. У Чочда Хоконлиқнинг олий мансабдаги амалдори тудун (ҳарбий назоратчи), Чоч хокими, унинг ёрдамчиси, Фраганик ихшидлинининг тутуғи (ҳарбий вакили), форс лашкарбошиси ва Марвон исмли шахслар билан учрашган. Қайтишда Уструшона орқали ўтишнинг иложини топа олмай (чунки у жойларни араблар эгаллаган бўлган) Чочга қайтиб, Деваштичга Марвон исмли ишончли шахс орқали мактуб юборган. Ана шу мактубда Фрагана подшосига ёзилган Деваштич хатини Фраганик тутуғи орқали Фраганага бериб юборилгани ҳақида ҳам алоҳида қайд этилган (М. Исҳоқов, 1992, 5-12-бетлар). Демак, ушбу мактуб мазмунига кўра, Фарғона мулки илк ўрта асрларда ихшид (подшо) томонидан бошқарилган ва бу ихшидлик Фраганик номи билан юритилган.

Юқорида зикр этиб ўтилган ёзма манбаълар ичида Қадимги Фарғона ҳақида тўлароқ маълумот берувчи манбаъ Чжань Цяннинг Хитой императорига ёзган ҳисоботи эди. Хитой тарихчилари Сима Цян ва Бан Гулар ана шу ҳисоботга асосланиб ёзган асарларида Қадимги Фарғона давлати ҳақида, уни бошқариш тартиб-қоидалари ҳақида анчагина маълумотлар келтирадилар. Бунга кўра, Даван аҳолиси суғорма дехқончилик ва боғдорчилик билан шуғулланади. Улар савдода мохир ва уддабурон, йилқичиликда «қанотли аргумоқлар» етиштиришга катта эътибор берадилар. Даванда 70 га яқин катта ва кичик шаҳарлар бор. Уларнинг ҳар бири мустақил ўз хукмдорига эга. Амалда мустақил ягона олий хукмдор йўқ. Мамлакат тақдири билан боғлиқ олий даражадаги масалалар бадавлат дехқонзодалар кенгашида хал этилади. Хукмдор Олий Кенгаш маслаҳати билан иш тутади. Акс ҳолда Олий Кенгаш уни айби учун вазифасидан бўшатиши, унга қаттиқ жазо белгилаши мумкин. У Гушан (Ючен) шаҳрида ўлтиради. Даванда 60 минг (300 минг киши) оила яшайди, улардан 60 минг яхши қуролланган отлик аскар тўпланади. Улар отда туриб камон отишда, найза санчишда мохир жангчи. Яна Сима Цян хитойликларнинг икки марта (милоддан аввалги 104 ва 101 йилларда) Даванга қилган ҳарбий юришлари ҳақида, Чжань Цян Даванга келганда ерли аҳоли уни қандай яхши кутиб олганликлари, уни Кангуйгача кузатиб қўйганликлари ҳақида сўзлайди. Уларнинг хатти-ҳаракатларида Хитой билан савдо қилишга қанчалар ошиқётганликлари сезилиб турарди, деб ёзади.

Дарҳақиқат, Фарғонадан ўтган Ипак йўли Чжан Цян сафаридан сўнг Хитойдан Ўрта Осиёга биринчи бор кириб келди. Хитой манбаъларининг Қадимги Фарғона ҳақида, унинг ижтимоий, иқтисодий ва сиёсий тузуми ҳақидаги хабарлари водий тарихи учун ўта муҳим бўлиб, уларни

археологик материаллар билан қиёсий ўрганиш ўша давр тузумини тўлароқ тасаввур этишга имкон беради. Қадимги Шарқда, жумладан Ўрта Осиёнинг қадимги деҳқончилик маданияти ривож топган минтақаларида давлатчиликнинг дастлабки илдизлари шаҳарсозлик маданиятининг шаклланиши билан боғланиб кетган. Худди шундай ҳолатни ўтроқ деҳқончилик маданияти ривожланган Фарғона водийсида ҳам кузатиш мумкин. Бу ўлкада кейинги 50 йил давомида олиб борилган археологик казишмалар натижаларига кўра, ушбу замин аҳолиси бронза давридан бошлаб (Чуст маданияти) суғорма деҳқончилик маданияти билан шуғулланиб келадилар. Сўнгги бронза ва илк темир даврига келиб (милоддан аввалги VII-IV асрлар) проф. Ю.А. Заднепровскийнинг кузатувиغا кўра, бутун Фарғона водиси бўйлаб 15 та қадимги деҳқончилик оазислари ташкил топганлигининг гувоҳи бўламиз (Заднепровский, 1978, с.12). Ҳар бир микро оазисда бир нечалаб ёдгорликлар мавжуд бўлиб, улар базасида илк темир давридан бошлаб дастлабки шаҳарлар қад кўтара бошлаган. Масалан, Далварзинтепа, Элатан, Ашқалтепада бу ҳолат яққол кўзга ташланади. Антик даврга келганда (милоддан аввалги III-милодий IV асргача) урбанистик жараён бутун водий бўйлаб кенг ейилди.

Фарғона водийсининг қадимшунос олимаси Бахтигул Абдулғозиеванинг Қорадарё ҳавзасида олиб борган археологик тадқиқот натижаларига қараганда, биргина мана шу маскан доирасида антик ва илк ўрта асрларда 11 та ирригацион район ташкил топган. Ҳар бир ирригацион район бир нечадан микрооазисларга бўлинган. Масалан, Аравансой ирригацион райони 30 та антик ва 14 та илк ўрта асрлар даври ёдгорликларини ўз ичига олган 10 та микрооазислардан ташкил топган (Абулғозиева, 1988, с.6). Ушбу ирригацион районнинг бош шаҳри Мингтепа (Марҳамат) археологик ёдгорлиги бўлиб, проф. А.Н. Бернштам уни Даванни пойтахти Эрши бўлса керак, деб фараз қилади (Бернштам, 1952). Окбўри ирригацион райони икки оазисдан ташкил топган. Уларнинг биринчиси 20 та антик давр ва 14 та илк ўрта асрлар даври ёдгорликларини ўз ичига олган 9 та микрооазислардан иборат бўлган. Оазиснинг бош шаҳри Булокбоши ёдгорлиги бўлиб, илк ўрта асрларда унинг майдонида аслзода деҳқонлардан бирини қасри жойлашган. Окбўри ирригацион районининг иккинчи оазиси 30 та антик ва 22 та илк ўрта асрлар даври ёдгорликларини ўз ичига олган 5 та микрооазислардан иборат. Оазиснинг бош шаҳри Қиличмозортепа бўлиб, у 7,5 гектар майдонни эгаллаган (Абдулғозиева, 1988, с.6).

Хуллас, Қорадарё ҳавзасининг қолган ирригацион районлари - Султонобод, Кўрғонтепа, Андижонсой, Қорабош, Тентаксой, Майлисой, Улуғнор, Бўз ва Шахрихонсойларда ҳам бир неча оазис ва микрооазислар ҳамда ўнлаб антик ва илк ўрта асрлар даври ёдгорликлари қад кўтарган. Антик ва илк ўрта асрлар даври ёдгорликларининг тарихий топографияси ва уларнинг ички структурасидан келиб чиқиб, қуйидаги хулосага келиш мумкин. 1) Қадимги Фарғонада ўтроқ деҳқончилик маданияти милоддан аввалги II-I асрлардан то милодий III асргача алоҳида ривожланиш хусусиятига эга бўлиб, шу давр ёдгорликларининг тарихий топографиясига қараганда, улар уч категорияга бўлинади: шаҳарлар, қишлоқ жамоаларининг масканлари ва кўрғонлар. Агар антик даврда қишлоқ жамоаси масканлари кўпчиликти ташкил этса, илк ўрта асрларда қаср ва кўрғонлар ҳамда шаҳарлар ёдгорликларнинг кўпчилигини ташкил этади. Демак, илк ўрта асрларга келиб, мулкӣ табақаланишнинг бадавлат деҳқонзодалар фойдасига ишлаётганлиги кузатилади. Бу даврга келиб, деҳқонзодалар қасрларини қурилиши нафақат шаҳарларда, балки қишлоқ жойларда ҳам кенг тус олди. Ҳар бир ирригацион районда маҳаллий ҳокимликлар табиий равишда, жадал давом этаётган ижтимоий ва иқтисодий табақаланиш жараёнининг натижаси сифатида майдонга чиқди.

Шундай қилиб, илк ўрта асрларга келганда Фарғона водийсида ҳар бир ирригацион район ва оазис доирасида қишлоқ ҳокимликлари, йирик шаҳарлар базасида эса, шаҳар-давлатлар ташкил топади. Илк ўрта асрлар даврининг дастлабки босқичларида ташкил топган ана шундай шаҳар-давлатларнинг бири Фрагана бўлиб, у Сирдарё соҳилида антик даврда ташкил топган шаҳар - ҳозирги Ахсикентдир. Чунки, IX аср араб географи Ибн Хордатбех, юқорида зикр этганимиздек, савдо қарвон йўллари бўйлаб қад кўтарган Ўрта Осиё шаҳарларини таърифлар экан, у Баб (Поп) дан сўнг савдо қарвони тўхтайдиган шаҳар Фраганик эди, деб Ахсикентнинг суғдча номини келтиради.

Археологик материаллар тахлилига қараганда Фрагана антик даврдаёқ ташкил топган йирик шаҳар бўлган. Илк ўрта асрларга келиб унинг мавқеи ва нуфузи янада кенгайди ва бутун водийнинг пойтахт шаҳрига айланди. Шарқ дунёсига хос анъанага кўра, илк ўрта асрлардан бошлаб, Фарғона водийсининг худуди Фраганик шаҳар-давлат номи билан атала бошлагани тарихий ҳақиқатга ўхшайди.

Фрагана ихшидлигида сиёсий ва иқтисодий давлат бошқарув тизими Суғдиёна ва Тохаристондан фарқ қилмаган. Илк ўрта асрларда худди ўшалардагидек, Фарғона водийсида ҳам бир неча маҳаллий феодал давлатчалар бўлган. Уларни бошқариш маҳаллий бадавлат деҳқонзодалардан чиққан хукмдорлар қўлида бўлган. Бу маҳаллий ҳокимликлар конфедерациясининг бошлиги сифатида

марказий олий хокимият тепасида Фраганик ихшидлиги турган бўлиши тарихий ҳақиқатга яқин кўринади. Чунки биз Панч хукмдори Деваштични Фраганик ихшидига юборган дипломатия хатини эсласак, ҳар қалай, VIII аср бошларида Фраганик ихшидлиги бутун водийнинг тизгинини ўз қўлига олган ягона подшолик бўлганига шубҳа қолмайди. Фраганик атамаси IX асрнинг иккинчи ярмидан, қачонким форс тили Моварауннаҳрда суғд тилини сиқиб чиқаргач, Фарғона деб аталадиган бўлди.

Адабиётлар:

1. История Узбекской ССР. Том 1. Ташкент, 1955.
2. Ўзбекистон СЭ. Том 12. Тошкент, 1979.
3. Бан Гу. Биринчи Хан сулоласи тарихи. Шанхай, 1958
4. Абдуҳолик Абдурасул ўғли. Қадимги Фарғона тарихидан. Тошкент, 2002.
5. Аскарлов А. Ўзбек давлатчилигининг илк босқичларида Қадимги Фарғона // «Фарғона кеча, бугун ва келажакда» тўплам. Фарғона, 2003.
6. Ибн Хордатбех. Книга путей и стран (Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой). Баку, 1986.
7. Анарбаев А. Средневековые города Ферганы по письменным источникам // История, культура и экономика юга Кыргызстана. Ош, 2000.
8. Исхаков М.М. Унутилган подшоликдан хатлар. Тошкент, 1992.
9. Абулгазиева Б. Восточная Фергана в древности и раннем средневековье // Автореф. дис...канд.ист.наук. Самарканд, 1988.
10. Бернштам А.Н.. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памира-Алая // МИА. Вып. 26. М.-Л., 1952.
11. Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии // Автореф. дисс док. ист. наук. М., 1978.

*Г. Бабаяров
(Ташкент)*

ЧАЧ В ПЕРИОД ТЮРКСКОГО КАГАНАТА

До второй половины VI в. Чачская область входила в состав государства Эфталитов и составляла один из его северо-восточных регионов. Именно к этому времени, т.е. к 552 г. в окрестностях Алтайских гор возникает могущественный Тюркский Каганат, который граничил с государством Эфталитов. В 60 гг. VI в., когда Истеми ябгу (552-576), один из основателей Тюркского Каганата, уничтожив Эфталитов, завоевал Чач, Фергану, Уструшану, Хорезм, Бухару и области Согда (Самарканд, Пенджикент, Несеф, Кеш и др.), союзники каганата - Сасанидские войска захватили другие территории, принадлежавшие Эфталитам – Кабулистан, Забулистан и Тохаристан. Господство Тюркского Каганата в Чаче началось с этого периода и продолжалось вплоть до второй четверти VIII в. Значительный интерес представляет вопрос, кем и как непосредственно управлялся Чачский оазис в это время. Этой проблеме и посвящается данная работа.

С историей Чача раннего средневековья связано немало исследований, среди которых выделяются труды французского китаеведа Э. Шаванна, русских ученых В.А. Лившица, О.И. Смирновой, С.Г. Кляшторного, узбекистанских историков Ю.Ф. Бурякова, Э.В. Ртвеладзе, М.И. Филанович, А. Мухаммеджанова. Исследования Ю.Ф. Бурякова своим содержанием заслуживают особенного внимания. Но, к сожалению, до настоящего времени история Чача периода Тюркского Каганата, как отдельно взятая проблема, широко освещающая специальное исследование не получила.

Сведения относительно истории раннего средневековья Чачского оазиса сохранились в основном в китайских источниках – династийных хрониках Бей-ши, Суй-шу (VII в.), Тан-шу (X в.), частично в согдийском документе с горы Муг А-14, а также в арабо-персидских источниках – произведениях историков и географов, таких как Белазури, Табари (IX в.), Истахри, Мукаддаси, Ибн Хаукаля (X в.). Немалое значение имеет нумизматический материал.

В изучаемое время Чач представлял собой отдельное владение, в состав которого, кроме нынешней Ташкентской области, входили города Исфиджаб (Сайрам), Нучекет (Чимкент), Тарбанд (Отрар, Фараб) и Тараз. Если город Чач (городища Мингурюк) был экономическим и культурным центром, то Тарбанд представлял военно-политический центр области¹.

При освещении событий начала VII в. в хрониках Бей-ши и Суй-шу повествуется о том, что правитель владения Ши прозывался Ши, а имя его было Нйе. Здесь же отмечается, что правители Ши

¹ Гоилов Г. Ранние походы арабов в Среднюю Азию. Душанбе, 1989.

были в раздоре с одним из правителей Тюркского Каганата Шегуйханом (Жиг каган¹, внук Гардуа; 610-618 гг.), и потерпели поражение, в результате чего Шегуйхан назначил здесь правителем Дэлэ Тяньчжи (Тегин Тяньчжи), который в 609 г. отправил посла в Китай². В хронике Тан-шу эти события приводятся немного иначе, а именно, хотя и отмечается, что правителя именовали Ши, его имя не приводится, а также то, что в 605 году западные тюрки, убив здешнего правителя, назначили вместо него Дэлэ Фучжи (Тегин Фучжи)³. Вместе с тем, в другом месте хроники отмечается, что дом Чжаову⁴, которому принадлежали и правители Кана (Согда), делился на девять правящих ветвей: Ань (Бухара), Цао (Уструшана), Ши (Чач), Ми (Меймург), Хэ (Кушания), Хосюнь (Хорезм), Маоди (Вардана), Шы (Кеш)⁵. Как видно, первоначально, когда Тюркский Каганат завоевал Среднеазиатское Междуречье и прилегающие территории, владетели Чача, как и другие владения, принадлежали Чжаову.

Из вышеприведенных трех китайских хроник вытекает, что в начале VII в. местная династия в Чаче была ликвидирована, а на ее месте установлено правление, имеющее непосредственную связь с Каганатом. По мнению Ю.Ф. Бурякова, с этого времени власть в области переходит в руки наместника из рода основателя Тюркского Каганата Ашина⁶. Из первой части имени этого наместника Дэлэ Тяньчжи (или Дэлэ Фучжи) – Дэлэ (Тегин) видно, что он принадлежал к правящему дому Каганата. Известно, что в Тюркском Каганате царевичей называли «тегин».

Сведений о продолжительности времени правления Дэлэ Тяньчжи в Чаче нет. Согласно хронике Тан-шу, в 641 г. каган Иби Дулу (Эл Бильге Тюрк⁷) отправил туда Чача с войском против кагана Шаболо Шэху (Ишбара ябгу) и тудун, убив в бою последнего, берет власть в свои руки⁸. Из этого следует, что в 640-х годах в Чаче правил владетель с титулом тудун, принимавшим активное участие во внутренних делах Каганата. С этой даты, т.е. с 40-х годов VII в. вплоть до 40-х годов VIII в., правители Чача в хронике Тан-шу упоминаются с титулом тутунь (тудун). К примеру, кроме этого тудуна в хронике встречаются имена еще трех правителей Чача: Ган тутунь (Тон тудун⁹; 658 г.), Мохэду тутунь (Бахадур тудун; 713-740 гг.), Инай тутунь Кюеле (Инай тудун Кюлюг; 741 г.)¹⁰. Исходя из этих сведений, можно предположить, что с 640-х до 740-х гг. Чачской областью правили люди с титулом тудун, происходящие из одной династии. Кстати, источники на других языках, относящиеся к этому периоду, также подтверждают, что правители области в это время имели титул тудуна. В со-

¹ Harmatta J. and Litvinsky V.A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule//History of Civilizations of Central Asia. Vol. III, Paris 1996.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2, М.-Л., 1950; Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследование. Новосибирск, 1989.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., т. 2, с. 313; Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux. St.Pbg., 1903.

⁴ О доме Чжаову высказан ряд мнений. Г. Гибб рассматривает термин чжаову в качестве названия правившей Среднеазиатским Междуречьем династии, считая ее издревле иранизированной (Gibb H. Orta Asya'da Arap fütuhati. İstanbul, 1930, s. 7). Некоторые историки приравнивают чжаову с титулом ябгу, комментируя его как оставшееся от юэчжей слово (Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. М., 1970, с. 30, 36). Большинство же историков, основываясь на чтение этого термина t'šia-miu в источниках периода дома Тан, усматривают в нем китайских и мусульманских источниках к знати Мавераннахра категорией "Джамук" (Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963, с. 26; Peter B. Golden. An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Wiesbaden, 1992, p. 189). По мнению З.В. Тогана, термин джамук по-тюркски звучит как Чамук или Чумак, в китайских хрониках он в форме чумугунь указывается в качестве рода, возглавлявшего род пяти Дулу Кёк тюрков (Togan Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. İstanbul, 1981, s. 51, 428). По словам Табари, джамуки принадлежали к тюркским азимам, т.е. тюркской знати ("История" ат-Табари". Избрание отрывки (Перевод с арабского В.И. Беляева. Дополнения к переводу О.Г. Большакова и А.Б. Халидова). Ташкент, 1987, с. 253). Следует отметить, что несмотря на ряд существующих мнений о термине чжаову, до сих пор этот вопрос остается открытым.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., т. II, с. 310; Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue..., p. 134.

⁶ Буряков Ю. К истории раннесредневекового Чача // O'zbekiston tarihi, №3, 2002, с. 12.

⁷ Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюркешских каганов VI-VIII вв. // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985, с. 166.

⁸ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., т. I, с. 287.-

⁹ Ган тудун – имя этого правителя, по мнению А.Г. Малявкина, было тюркское Тон-тудун (Малявкин А.Г. Танские хроники..., с. 270). По Ю. Зуеву, настоящее его имя Канг-тудун и было связано с названием государства Канг (Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002, с. 101).

¹⁰ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., Т. II, с. 313-314; Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue..., p. 140; Малявкин А.Г. Танские хроники..., с. 270; Смирнова О.И. Сводный каталог..., с. 431.

с согдийском документе с горы Муг А-14 титул правителя Чача приводится как *tāwn* (тудун)¹. В арабско-персидских источниках правители Чача названы этим титулом. Например, в произведении Табари «Тарих ар-расул ва-л-мулук» встречается выражение «тудун малик аш-Шаш»². Абу Рейхан Беруни в произведении «Асар ул-бакийа» отмечает, что титул царя Шаша - тудун³. Кроме этого, наличие среди монет Чача периода VII-VIII вв. монет с надписью *tāwn* (тудун)⁴ подтверждает существование в области династии тудунов. Вместе с тем, надпись в согдийской легенде (*stcry tōwn c'cyнк* «тудун Чача Сатачари») на найденной нами в 2002 году монете периода VII-VIII вв. в одном из городов-центров раннесредневекового Чача - Канкатепа (древний Харашкет) явно указывает на то, что правители Чача имели титул тудуна.

Видимо, начало правления династии тудунов в качестве наместников Тюркского Каганата в Чачской области связано с деятельностью Тун ябгу (Тун-шэху, младший брат Шегуйхана; 619-630 гг.). В период правления Тун ябгу в западных частях Каганата произошли некоторые изменения. В китайских хрониках зафиксировано, что он перенес свою резиденцию в северный массив Ши-го (букв. «Государство Чач») Цянь-цюань (букв. «Тысяча ключей» - Мингбулак), и после этого провел реформы в управлении во всех западных окраинах; дал правителям этих регионов титул сылифа (тюрк. эльтебер), а для контроля их действий и сбора налогов отправил туда тудунов⁵. Возможно, упоминание должностей тюркского тудуна и эльтебера в системе управления некоторых западных областей в составе Тюркского Каганата, в частности, в Хазарском Каганате, Тохаристане⁶, Чаче и других связано с этими реформами. Как известно, титул тудуна в Тюркском Каганате была одним из высших. По мнению некоторых исследователей, титул тудуна применялся относительно наместников из рода кагана, назначенных для контроля управления в зависимых областях и организации сбора налогов. А это свидетельствует о происхождении тудунов Чача из рода тюркских каганов.

Уместно отметить также мнение о том, что в это время в Чаче, наряду с тудунами, имелась местная правящая династия, правда, оно еще недостаточно подтверждено. В.А. Лившиц, на основании согдийского документа А-14, считает, что в области было двоевластие, то есть, с одной стороны, правительство тудуна, наместника китайской империи или Восточного Тюркского Каганата с резиденцией в Тарбанде и, с другой, - местное правительство с резиденцией в самом Чаче (Ташкент)⁷. В следующих строках документа А-14, связанных с Чачем, речь идет только о тудуне: «(5) И, господин, я прибыл сюда чачскому государю. И, господин, (6) я и письма вручил, и то, что следовало устно передать («которые на языке обращение (7) было»), я полностью, ничего не опуская («без остатка»), изложил – и (8) тудуну, и «помощнику»⁸. Комментируя эти строки, В.А. Лившиц приходит к выводу, что здесь говорится о двух лицах, то есть о правителе Чача и тудуне. Далее, что посол Диваштича Фатуфарн встретился с каждым из них⁹. С.Г. Кляшторный считает, что из содержания письма нельзя сделать такой вывод, наоборот, речь идет об одном лице; Фатуфарн назвал его сначала по именованию («правитель Чача»), а потом по должности («тудун»)¹⁰. Мы считаем, что в этом есть доля истины, так как в разных источниках по этому периоду тудун упоминается в качестве правителя Чача. Также трудно согласиться с мнением В.А. Лившица о том, что тудуны Чача были наместниками Китая. Напротив, как было сказано выше, возникновение тудунов Чача связано с Тюркским Каганатом, и представители этой династии оставались в качестве их наместников до упадка Каганата. Правда, в китайских хрониках встречаются сведения о вмешательстве Китая в дела Чачской области, попытках их подчи-

¹ Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М., 1962, с. 82-84.

² «История ат-Табари». Избранные отрывки..., с. 268.

³ Абу Райхон Беруний. Танланган асарлар. I-жилд (арабчадан А. Расулев таржимаси), Тошкент, 1968, б. 129

⁴ Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981, с. 52-53.

⁵ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., Т. I, с. 283.

⁶ Göbl R. Dokumente zur Geschichte der Iranischen Hunnen in Baktrien und Indien. Band I, Wiesbaden, 1967, s. 142, 167-168; Harmatta J. and Litvinsky V.A. Toharistan and Gandhara..., p. 377-378; Симс-Вильямс. Новые бактрийские документы // ВДИ, №3, 1997, с. 8-9.

⁷ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II, с. 81-83.

⁸ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II, с. 78-79; Искоков М. Унутилган подшоликдан хатлар (Бир туркум сугд хужжатларининг узбек тилига таржимаси ва изохлари). Тошкент, 1992, 5-б.

⁹ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II, с. 82-83.

¹⁰ Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964, с. 160.

нения себе, о присвоении некоторым тудунам Чача различных званий (чин). Но к этим сведениям следует подходить осторожно.

Тудуны Чача активно участвовали в политике Тюркского Каганата. Как было рассмотрено выше, каган Иби Дулу (Эл Бильге Тюрк) в 640 годах отправил тудуна Чача Шаболо Шэху (Ишбара ябгу) против кагана, тудун его победил, и власть перешли к нему¹. В 738 году еще один правитель Чача Мохэду тутунь (Бахадур тудун) с одним из глав рода тюргешей Мохэ даганом (Бага тарханам) побеждает тюргешского кагана Тухосьянь Гу-чжо (Тухсан Кут-чор)². В хронике Тан-шу сообщается о том, что в 740 году Мохэду (Бахадур), убив кагана Ашина Хина, объявил себя ханом³. По мнению Грумм-Гржимайло, правитель Ши (Чача) Мохэду тудун и Мохэду - одно лицо⁴. Но это мнение не нашло еще подтверждения. Из всех этих сведений становится ясно, что тудуны Чача активно вмешивались в дела Каганата. Возможно, это объясняется их происхождением из рода тюркских каганов.

Тудуны Чача в первой четверти VIII в. активно участвовали в организованной во главе Каганата антиарабской коалиции. Это подтверждают согдийской документ А-14 и сведения арабских источников.

В период Тюркского каганата в Чачской области, кроме титула тудуна, существовали и другие, такие как (тюркские) тегин, тархан. Выше рассматривалось «тегина» в виде «дэлэ». Среди чачских монет VII-VIII вв. встречается монета с надписью «эл-тегин»⁵. Возможно, этот титул означал в центральном управлении Тюркского каганата царевичей и применялся по отношению к наследникам правителей Чача. Кроме того, в хрониках Тан-шу имя владельца города Суду в области Ши приводится как Инье дагань (тархан)⁶. Табари, освещая события 739 года, упоминает имя правителя Чача Бадар тархана⁷ (Бахадур тархан)⁸.

Кроме монет VII-VIII вв. с надписью «тудун», в Чачской области было отчеканено более десяти типов монет, на которых изображены правитель и царица; на некоторых из них на одной стороне имеется изображение льва, а на обратной – вилообразной знак и др.⁹ Исследователи считают, что эти монеты чеканили тюркские правители Чачской области¹⁰. Среди этих монет заслуживают внимания образцы с надписью *βγυ γ'γ'n* («господин каган») и *βγυ γ'γ'n pny* («господин каган. Деньга»)¹¹. Видимо, их выпуск с надписью «каган» был связан с отношениями с тюркскими каганами.

В период тюркского Каганата в Чачском оазисе появился ряд городов. Города и селения с тюркскими названиями Ябгукет, Хатункет, Илак, Саблык, Арпалыг, Барскет, Намудлыг, Итлык, Некалык, Алмалык, Тункат, Туккет Жадгал (Чаткал), Калас (Келес) связаны с этой эпохой¹². И даже река Чирчик в некоторых источниках названа Тюрк. Наличие среди них названий наподобие титулов Каганата

¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., т. I, с. 287.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений ..., т. I, с. 299; Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских, с. 166.

³ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., т. I, с. 300.

⁴ Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. II, Л., 1926, с. 329.

⁵ Юсупов Э.И. Ташкент древний и современный. Ташкент, 1983, с. 6; Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии VI-X вв. (типология, иконография, историческая интерпретация). Дисс. канд. ист. наук. Ташкент, 1995, с. 50

⁶ Бичурин Н.Я. Собрание сведений..., т. I, с. 292.

⁷ Бадар тархан – По мнению О.И. Смирновой, настоящее имя Бадар тархана было Бахадур тархан (Смирнова О.И. Сводный каталог..., с. 430).

⁸ История ат-Табари. Избранные отрывки..., с. 269.

⁹ Смирнова О.И. Сводный каталог..., с. 53; Баратова Л.С. Древнетюркские монеты Средней Азии..., с. 128-135; Rtveladze E.V. Pre-Muslim Coins of Chach // Silk Road Art and Archaeology, 5, Kamakura 1997/98, p. 314-323;

¹⁰ Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики // Труды Среднеазиатского государственного университета. Ташкент, 1951, с. 98; Смирнова О.И. Сводный каталог..., с. 52-53; Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна средней Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, с. 61-63; Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Ташкент, 2002, с. 257-268.

¹¹ Баратова Л.С. К исторической интерпретации титула «каган» на древнетюркских монетах Средней Азии конца VII- первой половины VIII вв. // Нумизматика Центральной Азии, вып. III, Ташкент, 1998, с. 41-46.

¹² Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982, с. 120-140; СДГМ, III, 1963, с. 101, 107; Умаров Э. Этюды по древнетюркской ономастике // Урта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Халкаро илмий конференция маърузалари тезислари. Тошкент, 2002, с. 114; Бобоёров (Илк урта асрларда Чоч воҳасида туркий топонимлар // Узбёкистон урбанистик маданияти. Халкаро илмий конференция материаллари. Тошкент, 4-5 декабрь 2003, Тошкент, 2003, б. 112-115.

– Ябгукет, Хатункет говорит о том, что их возникновение связано с Тюркским Каганатом. Ю.Ф. Буряков утверждает, что для Чача период Каганата был временем активного прогресса оседлой культуры¹. В этот период в оазисе широко развивалось градостроительство..

Среди археологических находок этого периода различные предметы, связанные с тюрками – ашинами (эпиграфические, палеографические материалы, предметы домашнего быта и др.) в большом количестве встречаются в Чачской оазисе². Особенно заслуживает внимания тюркско-руническая надпись со словом «Чач» на обломках керамики³.

Правление Тюркского Каганата в Чачской области условно можно разделить на три этапа:

1. Завоевание области Каганатом и управление этими землями посредством существующей васальной династии Чжаову с 60-х годов VI в. до начала VII в.;

2. Уничтожение в 605 г. представителя зависимой династии в Чаче со стороны одного из правителей западной части Тюркского Каганата Шегуйханом (Жиг каган), завоевание им власти в области и назначение Тегин Тяньчжиня правителем;

3. Правление в Чачской области, связанных с Каганатом, тюркских тудунов – с 640-х гг. до середины VIII в.

Значит, судя по этим сведениям, Чачская область в период Тюркского Каганата в качестве его составной части занимала важное место в его политической, экономической и культурной жизни. На основе рассмотренных выше материалов можно подвести следующие итоги:

- Нахождение Чачской области в течение около двух веков в составе Тюркского Каганата, возникновение связанной с Каганатом династии тюркских тудунов и ее ведущее положение вплоть до середины VIII века, появление в некоторых частях области тюркских владений, создали условия для большего увеличения существующей тюркской прослойки;

- появление в раннем средневековье в Чачском оазисе большинства городов и сел с тюркским названием свидетельствует о быстром переходе тюрков к оседлости;

- упоминание тюрко-согдийских компонентных топонимов, применение в управлении тюркских и согдийских титулов, чеканка тюркских монет с согдийскими надписями показывают, что Чачская область была одним из регионов, где активно протекал процесс тюрко-согдийского симбиоза;

- на основании всех этих фактов можно утверждать, что в данный период какую-то часть населения Чачской области, наряду с чачцами (до сих пор неизвестно, к какой группе языков относился их язык), составляли тюрки и согдийцы.

*К.М. Байпаков
(Алматы)*

ГОРОДА В СИСТЕМЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ КАЗАХСТАНА

В древней и средневековой истории Казахстана и Евразии важную роль сыграли племена саков, усуней, сарматов, хунну, тюрков, тюркешей, карлуков, огузов, кимаков, кыпчаков, караханидов, казахов. Однако вопрос об их государственности, уровне ее развития остается искусственным.

Были ли это союзы племен, объединения с зачатками государственности либо полнокровные государства? Ряду исследователей развитие кочевых обществ представляется непрерывным поступательным движением от первобытности к средневековью, от первобытнообщинного строя к феодальным отношениям.

В то же время, по мнению некоторых ученых, по основным социально-экономическим продуктам и по основным тенденциям общественного развития древние, средневековые и кочевники нового времени были близки [1].

Ряд ученых рассматривает, общества ранних кочевников I тыс. до н.э. как догосударственные, а средневековых кочевников как государственные [2]. Есть также мнение, что у саков и усуней было государство [3]. Другие исследователи отказывают в наличии государства у кочевников. Они рас-

¹ Буряков Ю.Ф. Палеоэкологические и этнические процессы в контактных зонах Средней Азии в древности и средневековье (на примере бассейна Яксарта) // International Journal of Central Asian Studies, Vol. 8, 2003, с. 80-81.

² Маликов А.М. Тюрки на Средней Сырдарье // O'zbekistan Moddiy Madaniyati tarixi. 31-nashri, Samarqand, 2000, 162-163 бетлар

³ Буряков Ю.Ф. К истории раннесредневекового Чача..., с. 11

сма­три­ва­ют ко­че­в­ни­ков как сою­зы пле­мен, но­сив­ших вре­мен­ный ха­рак­тер и не име­вших го­су­дар­ст­вен­но­сти. В.А. Мо­исе­ев от­ри­ца­ет то, что Ка­зах­ское ха­н­ство – го­су­дар­ство [4].

Это и по­нят­но, по­сколь­ку вы­ше­на­зван­ные на­ро­ды ха­рак­те­ри­зу­ют­ся как ко­че­вые, а тер­мин «ко­че­в­ни­че­ство» оп­ре­де­ля­ет­ся как та­кой тип э­ко­но­ми­ки, при ко­то­ром ос­нов­ным про­из­во­дя­щим хо­зяй­ст­вом яв­ля­ет­ся эк­стен­сив­ное ското­вод­ство, с круг­ло­го­ди­чным вы­пасом скота и ко­че­ва­ния со ста­да­ми боль­шей (или да­же по­дав­ляю­щей) ча­сти на­се­ле­ния. А во­прос о го­су­дар­ст­вен­но­сти у ко­че­в­ни­ков тес­но свя­зан с оп­ре­де­ле­нием их со­ци­аль­но-э­ко­но­ми­че­ской ор­га­ни­за­ции на раз­ных эта­пах их ис­то­ри­че­ско­го раз­ви­тия.

Изучая этот во­прос, ви­ди­мо, пра­вы те, кто от­ме­ча­ет, что ис­то­рию ко­че­в­ни­ков Ев­разий­ских степей не­льзя рас­сма­три­вать изо­ли­ро­ван­но, вне ис­то­ри­че­ско­го про­цес­са, а на­до рас­сма­три­вать толь­ко во вза­им­о­дей­ст­вии с ис­то­ри­ей оседло-зем­ле­дель­че­ских и го­род­ских куль­тур. Ва­ж­ное зна­че­ние для по­ни­ма­ния вза­им­о­от­но­ше­ний ко­че­в­ни­ков и зем­ле­дель­цев име­ет ус­та­нов­лен­ный факт о том, что «чи­стые ко­че­в­ни­ки» яв­ля­лись ред­ким ис­клю­че­нием и, что эле­мен­ты осед­ло­сти и зем­ле­де­лия все­гда со­про­во­ж­да­ют ко­че­вое хо­зяй­ство в рам­ках еди­ной эт­ни­че­ской об­щ­но­сти. На­ря­ду с ко­че­вы­ми су­ще­ст­во­ва­ли по­лу­ко­че­вые и по­лу­осед­лые груп­пы ското­во­дов [5]. По­это­му гра­ни­ца меж­ду зем­ле­дель­ца­ми и ското­во­да­ми бы­ла раз­мы­той и в мас­се по­след­них все­гда име­лись по­тен­ци­аль­ные груп­пы осед­ло­го на­се­ле­ния, ко­то­рые при оп­ре­де­лен­ных ус­ло­виях и сте­че­нии об­сто­ятельств пе­ре­хо­ди­ли к осед­ло­му об­ра­зу жи­зни. Бы­ли и об­рат­ные про­цес­сы, но в це­лом при всех ло­каль­ных и хро­но­ло­гиче­ских из­ме­не­ниях в хо­зяй­ст­вен­ной жи­зни на­се­ле­ния Ев­разии ве­ду­щей оста­ва­лась тен­ден­ция к рас­ши­ре­нию зо­ны осед­ло­сти зем­ле­де­лия и урба­ни­за­ции. И мо­жет быть, пра­виль­нее бы­ло бы упо­треб­ле­ние в ли­те­ра­ту­ре тер­ми­на «сте­пная ци­ви­ли­за­ция» вме­сто «ко­че­вой», ибо пер­вая вклю­ча­ет в себя бо­лее ши­ро­кий смы­сл.

С.А. Плет­не­ва, рас­смот­рев раз­ви­тие ко­че­вых об­ществ в ди­на­ми­ке, оп­ре­де­ли­ла раз­ные ста­дии их раз­ви­тия, ха­рак­те­ри­зу­ю­щие­ся пе­ре­хо­дом от ко­че­вий к го­ро­дам, от пле­мен­ных объ­еди­не­ний к го­су­дар­ст­вам. При­чем эти про­цес­сы не за­ви­се­ли от хро­но­ло­гии, тер­ри­то­рии и эт­но­са, а де­тер­ми­ни­ро­ва­лись соз­да­нием зем­ле­дель­че­ской ското­вод­че­ской ба­зы; со­ци­аль­ным де­ле­нием об­ще­ства; воз­ник­но­ве­нием ре­мес­ла и тор­го­вли; сло­же­нием эт­ни­че­ских об­щ­но­стей; соз­да­нием силь­но­го ад­ми­ни­стра­тив­но­го ап­па­ра­та; рас­про­стра­не­нием еди­ной иде­о­ло­гии, еди­ных куль­тов и ре­ли­гий, э­по­са, пись­мен­но­сти [6].

Раз­вер­ну­в­ший­ся в по­след­ние го­ды про­цес­с об­нов­ле­ния и со­вер­шен­ст­во­ва­ния кон­цеп­ту­аль­ных ос­нов ана­ли­за ис­то­ри­че­ско­го про­цес­са, фор­ми­ро­ва­ния ка­че­ст­вен­но но­вой те­о­рии ти­по­ло­ги­за­ции об­ществен­ных систем соз­да­ет прин­ци­пи­аль­но но­вые воз­мож­но­сти хро­ни­че­ско­го раз­но­бо­я в оцен­ке ко­че­вых об­ществ. Пре­об­ла­даю­щим ста­но­вит­ся ци­ви­ли­за­ци­он­ный под­ход. В этой свя­зи во­про­сы о ко­че­вой ци­ви­ли­за­ции и о го­су­дар­стве у ко­че­в­ни­ков тес­но свя­за­ны.

В свое время Г.Чайлд вы­де­лил де­сять при­зна­ков древ­не­зем­ле­дель­че­ской ци­ви­ли­за­ции, среди ко­то­рых при­сут­ст­вуют го­су­дар­ство и го­род. Как пра­ви­ло, ци­ви­ли­за­ция со­от­вет­ст­вует той ли­бо иной го­су­дар­ст­вен­ной струк­ту­ре. Эти прин­ци­пы ле­жат в ос­но­ве оп­ре­де­ле­ния ци­ви­ли­за­ций и у дру­гих ис­сле­до­ва­те­лей [7]. А.И. Мар­ты­нов пред­ло­жил де­фини­цию степ­ной ци­ви­ли­за­ции, но и здесь в ка­че­стве ос­нов­ных при­зна­ков при­сут­ст­вуют го­су­дар­ство, мо­ну­мен­таль­ная ар­хи­тек­ту­ра, по­се­ле­ния, пись­мен­ность и т.д. [8].

В свя­зи с вы­ше­из­ло­жен­ным, пер­во­степен­ную ва­ж­ность в во­про­сах оп­ре­де­ле­ния го­су­дар­ст­вен­но­сти иг­ра­ют го­ро­да, их роль в струк­ту­ре об­ще­ства, в его хо­зяй­стве и куль­ту­ре.

Ха­рак­те­ри­зуя го­су­дар­ства са­ков, усуней и Кан­гюй на юге Ка­зах­ста­на и в Се­ми­ре­чье, сле­ду­ет от­ме­тить сле­ду­ю­щее. До не­дав­не­го вре­ме­ни не бы­ли из­вест­ны по­се­ле­ния са­ков в Илий­ской до­ли­не. Сей­час по­ло­же­ние из­ме­ни­лось, толь­ко в пред­гор­ной по­лосе За­и­лий­ско­го Ала­тау их от­ме­че­но не­сколь­ко, среди ко­то­рых Ал­ма­ты (Те­ле­цен­тр), Ту­зу­сай, Тал­гар­ская груп­па, Кай­на­зар. К со­жа­ле­нию, они силь­но раз­ру­ше­ны со­вре­мен­ной за­строй­кой и рас­паш­кой, но да­же со­хра­ни­в­шая­ся часть Ту­зу­сая (о­коло 1 га) да­ет пред­став­ле­ние о цен­тре осед­ло­сти и зем­ле­де­лия, а воз­мож­но, и ре­мес­ле [9].

Са­кским вре­ме­нем да­ти­ру­ют­ся по­се­ле­ния в до­ли­не Ча­ры­на, об­на­ру­жен­ные К.А. и А.К. Аки­ше­вы­ми.

Сто­ли­цей усуней, круп­ным по­ли­ти­че­ским, ре­мес­лен­ным и тор­го­вым цен­тром был го­род Чи­гу на бе­ре­гу Ис­сык-Ку­ля, ос­та­тки ко­то­ро­го об­на­ру­же­ны кир­гиз­ски­ми ис­сле­до­ва­те­ля­ми [10].

Эти но­вые дан­ные сви­де­тель­ст­вуют об осед­лой и го­род­ской жи­зни са­ков и усуней, уси­ли­ва­ют те­зис о на­личии у них го­су­дар­ст­вен­но­сти.

Ве­ли­ка бы­ла роль го­ро­дов в жи­зни За­пад­но­тюрк­ско­го, Тюр­геш­ско­го и Кар­лук­ско­го ка­ган­а­тов. Пе­ре­ме­ще­ние на тер­ри­то­рию Юж­но­го Ка­зах­ста­на и Се­ми­ре­чья Ве­ли­ко­го Шел­ко­во­го пу­ти к став­кам ко­че­вой знати сти­му­ли­ро­ва­ло раз­ви­тие го­ро­дов, вс­ко­ре став­ших цен­тра­ми по­ли­ти­че­ской, э­ко­но­ми­че­ской и куль­тур­ной жи­зни. В рам­ках этих го­су­дар­ств бы­ли ин­те­гри­ро­ва­ны го­род и степь. На­зы­вать эти го­су­дар­ства толь­ко ко­че­вы­ми бы­ло бы не­вер­но.

Суаб, Навакет, Кулан, Тараз, Испиджаб, Отрар, Шавгар, первые упоминания в письменных источниках относятся к VI - началу VII вв. являлись центрами государств, средоточием ремесла и торговли, местом возведения монументальных дворцов, храмов, идеологическими и культурными центрами. Общим в их развитии является и то, что преобладающей ролью их была административная. Однако при этом следует учитывать тот факт, что общей главенствующей функцией города исследуемой области, как и в других областях, которая, собственно и отличала его от деревни, являлась его функция населенного пункта, где происходила концентрация и перераспределение прибавочного продукта [11]. Однако следует отметить, что город в Казахстане выступает не только как противоположность деревне, но и вместе с деревней является противоположностью степи. Город и деревня являются местом сосредоточения функций, характерных для оседлой и городской культуры по сравнению с кочевой степью. Если в чисто земледельческих областях в понятие «концентрация прибавочного продукта» входят налоги, получение земельной ренты и излишки продукта, образующегося из-за неэквивалентности товарообмена между городом и деревней, то в Казахстане в город попадает избыточный продукт, вырабатываемый в степи. Город нужен не только оседлому жителю, но и степняку, и степному владельцу, где он имеет возможность хранения сокровищ, а обладание городом дает политическую стабильность государству.

В IX - начале XIII вв. наблюдается общий подъем городской культуры в Центральной Азии. Аналогичное положение имело место в Казахстане. Растут площади городов, формируются рабады, более плотной становится застройка внутри длинных стен. Бурно прогрессирует развитие ремесла, появляются мастерские и кварталы гончаров. Осваивается производство поливной керамики, стекла, усиливаются торговые связи, появляются новые торговые пути. Однако, отмечая эти общие тенденции в развитии городской культуры Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья, необходимо подчеркнуть, что в исследуемой области подъем городской жизни в XI-XII вв. ускорился оседанием кочевников. О процессах оседания свидетельствуют не только письменные источники, называющие в числе горожан тюрок, характеризующие города карлуков, огузов, кимаков, кыпчаков, но и новые археологические материалы: формирование района городской культуры в северо-восточном Семиречье; повсеместное распространение торткулей; появление новых типов домов в Южном Казахстане и домов с юртами во дворах в Илийской долине; кочевническая керамика [12].

Все более проявляется организующая роль городов в социально-экономической и культурной жизни огузов, кимаков и кыпчаков. Янгикент, Сауран, Дженд, Сыгнак, Кимакия, Карантия были городами государства огузских ябгу, кимакских каганов и кыпчакских ханов. В государствах огузов, кимаков, кыпчаков была смешанная экономика, происходила этническая, экономическая и культурная интеграция оседлого и кочевого населения. Центрами ее становились прежде всего города.

Таким образом, эти каганаты являлись тюркскими государствами, творчески соединившими в своей культуре традиции оседлых и кочевых народов. Государство караханидов, распространившее свою политическую власть на все среднеазиатское междуречье, является одним из высших достижений такого синтеза.

В XIII - первой четверти XV вв. после монгольских погромов происходит постепенная нормализация, а затем подъем городской жизни в Южном Казахстане. Однако в отдельных областях региона и даже районах областей судьбы городской культуры были различными. Если на юге Казахстана, как и в Средней Азии, она возрождается, то в северо-восточном Семиречье городская культура гибнет в конце XIII в., а в юго-западном - в XIV - первой половине XV в.

Важную роль в оживлении и подъеме городов Южного Казахстана сыграло перемещение на его территорию международного торгового пути Запад-Восток. Безусловно, сыграли свою роль в сохранении здесь оседлой и городской культуры древние традиции оседлости. Важную роль в подъеме экономики района сыграла денежная реформа Масуд-бека [13]. Установлено также, что одной из особенностей развития городов в монгольских государствах в XIII-XIV вв. является дуализм города и кочевой ставки - Орды. Здесь отражается дуализм социальной и экономической структуры государств, совмещающих два хозяйственных уклада - оседлый и кочевой.

Иногда то обстоятельство, что город оказывался в районе летней или зимней ставки, было решающим его процветания [14]. Такие города, как Сыгнак, Сауран, Отрар и короткое время Тараз и Янги-Талас были политическими центрами государства джагатаидов и Ак-Орды.

Причин, которые вызвали гибель городской культуры в Семиречье, было несколько. Территория Семиречья оказалась политически разорванной на три части, войдя в состав улуса Джучи (северные районы), улуса Чагатая (долины Чу и Таласа, южная часть долины Или) и улуса Угедея (северо-восточные районы). Сюда переселились массы кочевого населения, которое при попустительстве

улусной власти враждебно относилось к горожанам и оседлому сельскому населению. В интересах кочевой знати отводились культурные земли, ранее использовавшиеся под посеvy, огороды, сады.

Следует указать на такие причины, как междоусобицы, отсутствие в Илийской долине древних земледельческих традиций и зависимость городской жизни всего Семиречья от международной караванной торговли по Шелковому пути, который в XIII-XV вв. приходит в упадок [15].

В итоге в XIII в. городская культура исчезает, а вместе с этим приходит в упадок существовавшие здесь государства Могулистана.

В XVI-XVII вв. усилилась феодальная раздробленность Казахстана и Средней Азии, продолжались междоусобные войны, пустели города – все это привело к хозяйственному упадку и застою.

Положение городов во многом зависело от состояния Казахского ханства. В то же время от обладания городами во многом зависело его политическое, социально-экономическое и культурное положение.

Отмечается постоянная борьба казахских ханов и шейбанидов за обладание сырдарьинскими городами, поскольку это были центры политической и идеологической власти, места средоточия ремесла, торговли, сельского хозяйства и культуры.

Без жесткой решетки, образуемой этими центрами, не было бы Казахского ханства, а было бы рыхлое объединение племен.

Археологические исследования Отрара и Туркестана свидетельствуют о том, что здесь в XVI-XVIII вв. проживало многочисленное население, в том числе и казахское, находились мастерские по производству изделий из металла, керамики, стекла, кости. В Отраре, Туркестане Сыгнаке чеканилась монета, развивалась местная торговля.

Находки монет из городов Центральной Азии, России, Китая свидетельствуют о международных торговых связях.

Города были идеологическими центрами - в Туркестане находилась усыпальница Ахмеда Яссави - святыня мусульманского Востока, сформировался пантеон казахских ханов, центром мусульманского образования выступает Сауран.

Следует отметить, что казахская феодальная знать унаследовала тенденцию к сохранению оседлости и покровительству горожанам. В отличие от нее знать джунгаров придерживалась тенденции к разрушению городов, что в конечном итоге в совокупности с другими причинами привело к упадку городской культуры на юге Казахстана.

Таким образом, и в древности, и в средневековье взаимодействие города и степи, уровень развития городов являлись одними из важнейших факторов в развитии государственности на территории Казахстана.

Литература:

1. Prader L. Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads. The Hague, 1963; Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
2. Лашук Л.П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // СЭ, 4. М., 1967.
3. Златкин И.Я. Концепция истории кочевых народов А.Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. М., 1971.
4. Акишев К. А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. - V в. н. э.) // Научный доклад, представленный в качестве дискуссии на соискание ученой степени д. и. н. М., 1986.
4. Моисеев В. А. К вопросу о государстве у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана и России // Восток, № 4, М., 1995.
5. Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках. Материалы по отделению этнографии. Ч. 1. Географическое общество СССР. Л., 1961.
6. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.
7. Массон В.М. Первые цивилизации. Л., 1989.
8. Мартынов А. И. О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.
9. Байпаков К.М. О ранних этапах урбанизации в северо-восточном Семиречье. Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Тезисы докладов международной конференции. Самарканд, 1895.
10. Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: затонувшие города. Фрунзе, 1988.
11. Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII- середины XIII в. М., 1984.
12. Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.
13. Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. М., 1972.
14. Федоров-Давыдов Г.А. Исторические особенности городов в монгольских государствах Азии в XIII-XIV вв. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983.
15. Пищулина К.А. Юго-Восточный Казахстан в середине XIV - начале XVI вв. Алма-Ата, 1977.

БУБЕНЦЫ, ПОЛУБУБЕНЕЦ И АМУЛЕТЫ-«САМОВАРЧИКИ» ИЗ КОЛЛЕКЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА НЕВАКЕТ

Одно из крупнейших городищ в Чуйской долине «Красная Речка» отождествляется со средневековым городом Невакет¹. В коллекцию художественного металла, найденную на территории городища, входят различные подвески-амулеты, среди которых - бронзовые бубенцы (целые и фрагменты) в количестве 9 экз., один полубубенец и четыре половинки от изделий, условно названных «самоварчиками».

Группа 3. Бубенцы (14 экз.). Подгруппа 1 - подвесные бубенцы шарообразной формы.

Бронзовые цельнолитые и двусоставные бубенцы с прорезью и горошинкой внутри часто встречаются в кочевнических погребениях. Они нашивались на одежду и конскую сбрую².

Тип а. Цельнолитые бубенцы с прорезями.

Подтип 1. Бронзовый литой бубенец, высота которого с петлей составляет 3,8 см, диаметр - 2,8 см, ширина с боку - 2 см (рис. 1,2). В разрезе получается фигура в форме овала. В бубенце сделаны две прорези. Горизонтальная прорезь пересекает переднюю часть поверхности бубенца. Концы прорези оформлены кружками. Вторая прорезь - снизу, на одной линии с плоской петлей для подвешивания. Внутри бубенца находится металлический шарик.

Подтип 2. Бронзовые литые бубенцы с одной прорезью, расположенной снизу.

Вариант 1 (рис. 1,3). Диаметр шарообразного бубенца - 1,7 см, высота с петлей - 2,2 см. Линия прорези проходит поперек плоской петли с круглым отверстием. Внутри бубенца - металлический шарик.

Вариант 2 (рис. 1,7). Диаметр бубенца - 2,1 см. В средней части сферической поверхности проходит выпуклая горизонтальная полоса с насечками. Прорезь расположена вдоль линии подвесной петли. Внутри бубенца - шарик. Похожий бубенец был найден при раскопках городища Куйрыктобе в Отрарском оазисе в слое, датируемом второй половиной VII- первой половиной IX веков.

Вариант 3 (рис. 1,4). Литой бубенец с прорезью вдоль линии петли. Бубенец имеет яйцевидную форму. В центре проходит выпуклая полоса. Петля для подвешивания украшена тремя

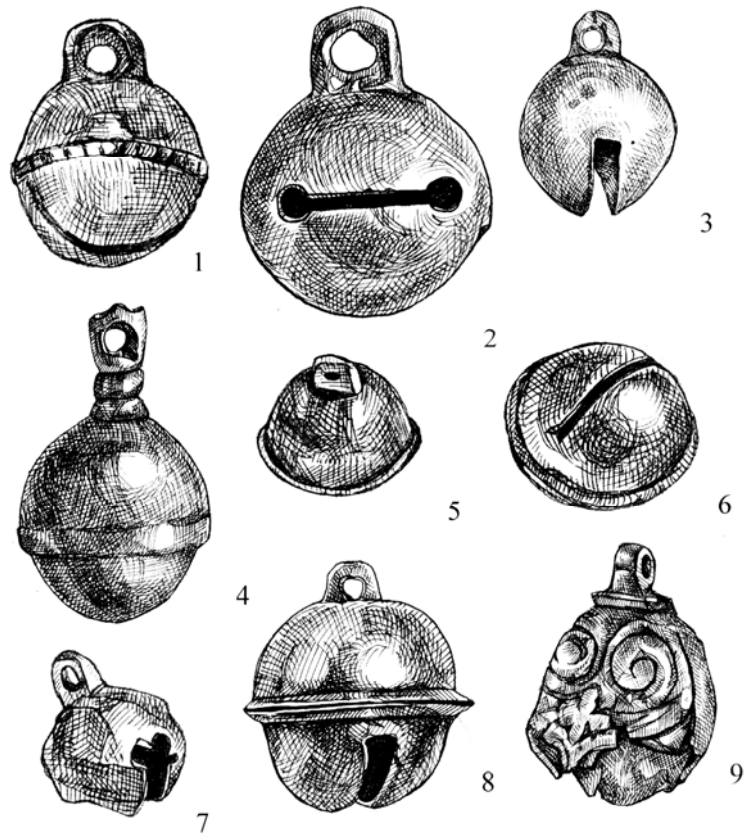

Рис. 1. Бубенцы из Невакета

¹ Чуйская долина. Труды семиреченской археологической экспедиции (ТСАЭ). Сост. под руководством А.Н. Бернштама // МИА №14. М.-Л., 1950. С. 7-8; Байпаков К.М., Горячева В.Д. К вопросу о локализации Невакета: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Вып. 1, Л, 1983. С. 74-75; Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С. 9-141.

² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 69, рис. 12,2, 3.

зубчатыми выступами. От сферической поверхности петля отделена цилиндром, в центре которого прорезана горизонтальная линия, разделяющая его на две части.

Вариант 4 (рис. 1,7). Бубенец в виде шара. Прорезь в нижней части проходит по одной линии с плоской петлей. Концы прорези оформлены в виде композиции из трех шариков, напоминающей лист клевера или карточную фигуру «треф».

Подтип 3. Бубенец имеет несколько уплощенную форму. Он украшен резным орнаментом в виде двух завивающихся стеблей и четырехлепесткового цветка между ними (рис. 1,9). Петля с круглым отверстием для подвешивания, расположена поперек передней части бубенца и прорези. У основания петли - невысокая прямоугольная подставка.

Тип 6. Литые бубенцы, составленные из двух половинок.

В коллекции есть четыре литые половинки бубенцов - две верхние и две нижние, схожие по оформлению, но незначительно различающиеся по своим размерам (рис. 1,5,6,8). Из двух половинок собирается целый бубенец шарообразной формы, несколько вытянутый вертикально (рис. 1,8). В месте крепления обе половинки расширяются. На верхней половинке имеется плоская петля с круглым отверстием. В нижней половинке - прорезь. Так как половинки были найдены разделенными, а в местах соединения поверхность бубенцов имеет форму круга, определить положение прорези относительно петли невозможно.

Подгруппа 2 - полубубенец (рис.2,7). Высота полубубенца - 2,1 см, ширина - 1,7 см, ширина с боку - 0,6 см. Выпуклый с лицевой стороны, полубубенец имеет плоскую заднюю стенку, которая

соединяется с передней частью четырьмя заклепками-шпеньками. Шпеньки расположены в четырех выступающих частях закругленной формы. Возможно, эти соединительные детали использовались также для крепления полубубенца к ремню. Шарик внутри полубубенца не сохранился. Лицевая поверхность украшена рельефным узором. Посередине проходит полоса, разделяющая полубубенец на две части. В нижней части прорезано вертикальное отверстие в виде восьмерки. В верхней части - узор.

Бубенчики, расположенные в центре больших сердцевидных блях или подвесок (рис.2,2), встречаются среди случайных находок тюхтянской культуры (середина IX-X вв.). На известных в Хакасии и Алтае случайных находках место бубенчика в центре блях могла занимать рельефная человеческая личина. Бляхи с личинами, найденные в погребальных комплексах, также относятся к тюхтянской культуре¹.

Не исключено, что полубубенец из Невакета может быть условным изображением личины. В коллекцию художественного металла из Невакета входят 9 масок-подвесок и 6 масок-блях.

Подгруппа 3 - амулеты - «самоварчики». На территории средневекового города Невакет были найдены 4 бронзовых литых котелка – половинки, так называемых амулетов - «самоварчиков». Два миниатюрных котелка скреплялись друг с другом. В салтовомаяцкой культуре «самоварчики» были найдены в мужских погребениях². По месту находки в погребении А.И. Айбабин предположил, что они подвешивались к наборным поясам³. По мнению А.Н.

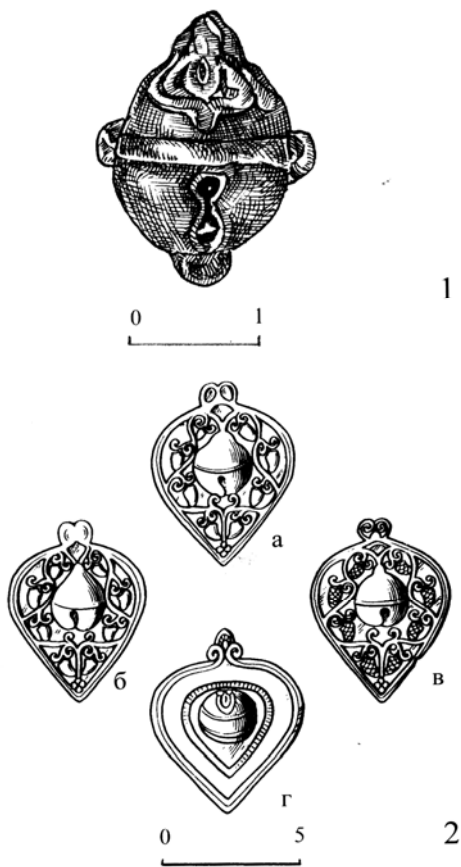

Рис. 2. 1 - полубубенец из Невакета; 2 - бляхи с бубенчиками (случайные находки, относящиеся к тюхтянской культуре)

¹ Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов. М., 1990. С. 126, рис. 48, 50, табл. XXVI.

² Плетнева С.А. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура. М., 1967. С. 116, рис. 44, 65.

³ Айбабин А.И. Салтовские поясные наборы из Крыма/СА, 1977, №1. С. 235, рис. 2,46.

Рис. 3. Половинки амулетов - «самоварчиков»

ножке проделано сквозное отверстие. Можно предположить, что отверстие в ножке, также как отверстия в подставках у других котелков, было предназначено для подвешивания «самоварчика» к поясу.

С точки зрения А.Н. Бернштама, «самоварчики» салтовского типа (рис.4) и бронзовые сферические бубенцы из Сукулука, связаны своим происхождением с усунями, но могут быть отнесены к более позднему времени. Стратиграфия этих предметов в сукулукском комплексе не ясна, так как они были найдены в перемешанных слоях: оплывших и перекопанных³.

Тип б - «согдийский» (рис. 3,2). «Согдийский» тип отличается от «салтовского» способом соединения двух половинок. Край половинки «самоварчика», найденного на территории города Невакет, утончен для соединения путем насаживания с другой половинкой. На круглой подставке ножки имеются два сквозных отверстия.

Подобные «самоварчики» в количестве 8 штук были обнаружены в разных местах Пенджикента в слоях VIII в. В двух случаях найдены обе половинки, а в остальных только одна из них. Некоторые «самоварчики» имеют ребристую поверхность⁴. В амулетах - «самоварчиках» воплощены анимистические представления населения средневекового Семиречья, связанные с

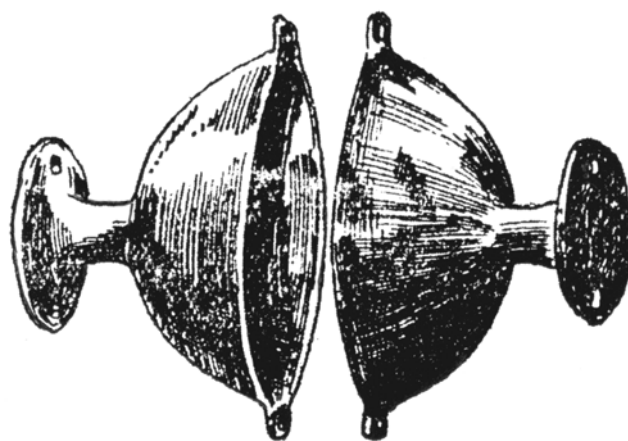

Рис.4. «Самоварчик» из Сукулука

Бернштама, «самоварчики» могли использоваться в качестве бубенцов¹.

Тип а - «салтовский»². Котелки имеют вид миниатюрных скифских котлов на конических ножках и круглых подставках. У бортиков - два полукруглых выступа-«ручки», в которых проделаны сквозные отверстия, предназначенные для крепления одной половины с другой.

Подтип 1. «Самоварчики» без орнамента.

Вариант 1 (рис.3,4). Невысокая широкая ножка. На круглой горизонтальной подставке имеются два сквозных отверстия.

Вариант 2 (рис. 3,3). Фигурная ножка с выступом-кольцом посередине. На круглой подставке - два сквозных отверстия.

Подтип 2. Половинка литого бронзового «самоварчика» украшена рельефным орнаментом (рис. 3, 7). В нижней части тулова котелка по кругу проходит полоса, от которой вверх поднимаются симметрично расположенные три трилистника с двумя закручивающимися листьями и одним острым листом в центре. Трилистники соединены между собой отростками, отходящими от закручивающихся листьев. В ручках котелка сделаны круглые отверстия для крепления. Ножка на круглой подставке. Ближе к тулову котелка по ножке проходит выпуклая полоса. Между этой полосой и подставкой в

¹ Чуйская долина... С. 109.

² Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. Рис. на стр. 297; Плетнева С.А. От кочевий к городам... V Рис. 44, 63; Иерусалимская А.А. О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье // СА, 1967, №2, рис. 1,2.

³ Чуйская долина... С.109; XLIII, /,2,7.

⁴ Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 119, рис. 78, //, 15,16.

культом рода, очага, огня. Кроме того, что бубенцы издавали звук при встряхивании, они выполняли функцию амулетов. Существуют представления, что металл, звуки музыки являются средством отпугивания нечисти¹. Погремушки и бубенцы имели связь с духами хранителями. На некоторых из этих предметов отмечены изображения масок и личин².

Б.А. Байтанаев, Г.И. Богомолов, А.А. Грицина

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА БУРГУЛЮК-2 (Итоги археологических работ ЮКГУ им. М.О. Ауезова 2003 г.)

На юго-западных склонах хребта Каржантау, где его ниспадающие по юго-западу отроги разделяются под углом на юго - юго-запад и юго - юго-восток, образуется расширяющаяся в юго-западном направлении впадина, вдоль южного края, которой проходит горная река Бургулюк, стекающая с хребта в юго-западном направлении.

Левый берег сая крутой, резко возвышающийся, заросший местами кустарниковой растительностью и рощами невысоких деревьев, с отдельными нависающими террасами, подверженными обрушением и оплывом лесса и неудобным для обживания. Иная картина по правобережью сая, где образуется прикрытая с юго- юго-запада и северо- северо-востока своеобразная небольшая холмистая предгорная впадина, вытянутая вдоль русла сая и постоянно поднимающаяся на северо-запад к гряде невысоких холмов. Образуется замкнутая с трех сторон долина, кроме юго-западной, куда устремляется русло сая.

Исследованиями экспедиции ЮКГУ им. М. Ауезова, проведенными в 2002 г., здесь впервые были зафиксированы археологические памятники различного типа - поселения и могильники, получившие условные названия, последовательно от верховьев вдоль течения сая с обеих сторон - поселения Бургулюк -1,2,3, первый из которых был открыт близ современного санатория Бургулюк. Остальные к юго-западу от него на различных расстояниях, и могильники Бургулюк-2, Бургулюк-4, Бургулюк-5. Результаты первичного их исследования и представлены в отчете экспедиции ЮКГУ за 2002 год.

Наиболее интересным и перспективным для продолжения исследований был признан правобережный участок сая, на котором были сосредоточены курганные группы: могильник Бургулюк-2 и могильник Бургулюк-4. На первом из них, было выявлено 20 курганов. Раскопками 2002 года частично или полностью было вскрыто 13 курганов, с насыпями различного диаметра. Под насыпями некоторых из них были раскрыты сильно разграбленные одиночные погребения-труположения. Под насыпями их сохранились фрагменты керамики и иного инвентаря (бронзовый наконечник стрелы, нож), характерные для сакского комплекса.

В широких масштабах на террасе Бургулюк-2 было уделено вскрытию погребальных курганов. Наряду с продолжением исследования курганного комплекса, определенного в 2002 году как «царский курган» (курган -10), была вскрыта группа курганов среднего и малого размеров.

Курган 10

Данный курган занимает особое место в могильнике Бургулюк-2. Расположенный в его северо-западной части, он практически доминировал над остальной курганной группой. Его исследование было начато в прошлом полевом сезоне 2002 года. Диаметр насыпи был определен с востока на запад -15 м, с севера на юг - 18 м. В связи с его особым положением среди других курганов могильника и по внешним признакам он был отнесен в 2002 году к типу «царских курганов».

В курганной насыпи собрано большое количество фрагментов керамики различных эпох начиная от андроновской культуры, раннежелезного века, вплоть до современности. Керамика бронзового века была собрана преимущественно из северо-восточного сектора насыпи (64 фрагмента венчиков), вследствие чего предварительно предполагалось, что здесь стоял курган эпохи бронзы, разрушенный при возведении настоящего кургана.

Интересна находка фрагмента венчика большой миски, датированной ахеменидским периодом, ладьевидной зернотерки, двух наконечников стрел - бронзового двухлопастного с листовидным пером, со скрытой, слабо выступающей, втулкой и железного черешкового, с боевой головкой трехгранной в сечении и уступом при переходе к черешку.

¹ Гаджиев Г. А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. М., 1991. С. 22, 62.

² Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Анимистические представления горожан Южного Казахстана средневековье. // Известия, сер. общест. наук. №1 (219). Алматы, 1999. С. 102.

При вскрытии в центральной части были найдены мелкие фрагменты костей человека и небольшие остатки сгнившего дерева, которые предположительно определялись как остатки погребальной колоды. Уже предварительное вскрытие выявило следы многочисленных грабительских подкопов.

Несмотря на широкие работы, с полной уборкой культурного слоя и специальными раскопками в центре, в 2002 году курган не был изучен полностью. В связи с этим в 2003 году раскопки кургана-10 были продолжены. По уточненным данным этого сезона длина его с востока на запад - 18 м, с севера на юг - 18,2 м, т.е. он имел более правильную округлую форму. Высота его - 1,35 м. По не полностью вскрытому в прошлом году северо-западному участку в 3,15 м от края насыпи прослежен фрагмент кольцевой выкладки. Если она была равномерной со всех сторон, то диаметр ее должен составлять 11,7 м. Однако, возможно, она была слегка смещена к краю насыпи в северном секторе.

После снятия насыпи и камней обкладки захоронений не было обнаружено (были найдены лишь отдельные кости). В связи с этим было выдвинуто предположение, что они почти полностью уничтожены грабительскими ямами. Поэтому, в этом сезоне, на кургане-10 была поставлена задача поиска жилищ андроновского поселка. Тем более что еще в прошлом сезоне, в заполнении насыпи, были найдены фрагменты керамики этой эпохи. С данной целью на ровной расчищенной площади в середине кургана были заложены три раскопчные площадки (Далее: П). Первые две (П-1, П-2) были вытянуты с востока на запад полосой 10x5,35 м. С юга к ним примыкает третья площадка (П-3) - 7,8x4,7 м. Вскрытие этого сезона началось с отметки 0,5 м от края курганной насыпи. После углубления от 0,5 до 0,8 м в каждой из площадок были обнаружены захоронения.

Захоронение 1

В центральной части, после удаления глиняной прослойки рыхлой коричневатой глины на глубине в 35 см, было расчищено два скопления крупных камней аморфной формы, вытянутых по линии север-юг. Под каменным скоплением в сером слое, с коричневатыми вкраплениями, выявлена могильная яма, видимо, представляющая собой остатки катакомбы. Ориентация ее совершенно отличается от других погребений этой группы. Яма овальной формы, вытянута с севера на юг 350° на 170°. Размеры ее: длина-3 м, в северной части ширина 1,3 м, в южной части 0,8 м. Края ямы завалены. Глубина-0,45 м.

Ориентиры ямы: от северного края насыпи камера начинается в 8,6 м и от центра сдвинута к востоку на 1,8 м. С юго-востока прослеживается пологая впускная яма длиной 0,8 м и шириной 1,5 м. На дне ямы беловатый налет типа цинковки и следы подсыпки мелких комочков красной охристой массы. У впускной ямы в могиле расчищена небольшая округлая лунка 12x15 см и глубиной 7 см. Лунка совершенно чистая. Вдоль северо-восточного края встречены незначительные кусочки дерева. Подобные кусочки встречались археологам при раскопках прошлого года и предположительно были приняты за остатки погребальной колоды. Однако количество дерева незначительно, хотя они встречаются практически по всему периметру ямы, причем большая их часть концентрируется в северо-восточной части. Кроме того, наличие беловатого глена на дне говорит в пользу выкладки здесь какой-то подстилки, а не деревянного дна колоды.

К сожалению, сразу же проявились следы ограбления. Костяк сильно разрушен, основные кости сосредоточены в северной части в виде разрозненного скопления. Определенно можно говорить о погребении с труположением, головой на север, но детали труположения установить трудно. Ориентация костяка северная, с очень небольшим склонением к западу (как отмечали выше 350° на 170°). Погребенный укладывался в камеру с востока через впускную яму шириной 1,3 м. Кости черепа, хотя и разбиты, свидетельствуют о небольшом росте погребенного (женщина, подросток?). Об этом же говорят и сохранившиеся фрагменты кости конечностей, маленькие фаланги пальцев. В заполнении могилы встречены мелкие фрагменты керамической посуды, в том числе фрагмент стенки сосуда эпохи бронзы, часть венчика темно-серого сосуда с лощением. Фрагменты разновременные. Первый из них венчик небольшого лепного горшковидного сосуда. Венчик простой, прямой с небольшим уступом, основание горловины также выделено небольшим еле заметным валиком. Диаметр устья - 16 см. Черепок в изломе желтоватого цвета, рыхлый, в качестве отошителя использован мелкотолченый ракушечник. Отмучка - средняя, обжиг нормальный. С внешней стороны сосуд тщательно затерт. Схожие фрагменты обнаружены на поселении Бургулюк-2. Второй - маленький фрагмент венчика небольшого сосуда, горшка или кружки. Венчик простой, прямой, край выделен чуть заметным валиком. Диаметр венчика - 14 см. Черепок в изломе серого цвета, плотный, промес средний, в качестве отошителя использован мелкий ракушечник. Обжиг средний. С внешней стороны поверхность сосуда залощена (лощение горизонтальное). Датировка IV-II вв. до н.э., хотя нельзя исключить и более позднюю дату.

Большой интерес представила находка явно лежащего на месте, не тронутого грабителями, практически целого серо-глиняного сосуда, установленного за головой погребенного в северном конце ямы. Сосуд - лепной кувшин с шаровидным туловом, относительно высоким горлом, чуть отогнутый наружу край, которого выделен валиком. Диаметр горловины почти соответствует диаметру днища. Последнее выделено слабовыраженным уступом. Общая высота сосуда - 23 см, диаметр венчика - 10 см, диаметр днища - 10,8 см. Высота горловины - 5,6 см. Черепок в изломе серого цвета, рыхловат из-за насыщенности теста мелкотолченым ракушечником и песком. Сосуд переобожжен. С внешней стороны поверхность сосуда затерта. С одной стороны на плечике посажена небольшая кольцевидная, вертикально поставленная округлая в сечении ручка. Внутри сосуда следы горения. Технология формовки, способ изготовления, характер ангоба и форма сосуда с устойчивым плоским дном находят аналогии в раннесарматском и раннеджетыясарском керамических комплексах, что позволяет датировать его началом второй половины I тысячелетия до н.э. Однако более вероятно отнесение этого сосуда к сарматскому кругу и датировка его IV-II вв. до н.э. Отметим еще одну деталь - сосуд раздавлен слоями земли, упавшей со свода, но стоит на своем месте. Это еще один показатель, что деревянной колоды не было, хотя дерево явно использовалось при устройстве могилы, возможно, в виде перекрытия или скорее при закрытии впускной ямы. Вероятно, поэтому кусочки ее встретились и археологам в прошлом году, частично вскрывшим впускную яму, но не расчистившим основную камеру, и при наших раскопках, когда кусочки дерева были извлечены в северо-восточной части ямы.

В связи с ограблением кургана за основу датировки погребения-1, возможно, следовало бы взять тип погребального сооружения (катакомбу с дромосом) и находки керамики и железного черешкового наконечника стрелы, вероятно, переброшенные из этого захоронения несколько омолаживающие комплекс. Все это позволяет отнести погребение-1 ко II в. до н.э. - II в. н.э.

Захоронение 2

Оно обнаружено у восточного края площадки 1 на глубине 1,35 м от верхушки края насыпи. Могильная яма ориентирована в обычном для курганов этой группы направлении -75°x265°. Однако традиционный каменный ящик отсутствует. Лишь в западной торцевой части могилы стоит несколько крупных булыжников. Несколько камней лежало в заполнении.

Стратиграфия наслоений в процессе выкладки могильного сооружения следующая: сверху глинисто-каменная насыпь толщиной 30 см, ниже - серый с коричневыми включениями слой мощностью 80 см, затем более рыхлый светлый, который прослежен на глубину 45 см, до материка не доведен. Длина ямы - 1,85 м, ширина 0,6 м. После расчистки выяснилось, что погребенный лежал на спине, вытянуто с запада на восток. Как и в других могилах этого типа, костяк плохой сохранности. Руки вытянуты вдоль тела. Но кисти рук и стопы ног отсутствуют. Общая длина скелета - 1,42 м. Ноги в коленях сдвинуты вместе. Такое положение ног характерно и для других захоронений этой курганной группы (например, курган - 16). Грудь и тазовые кости в плохом состоянии, сильно раздавлены. Голова тоже раздавлена. Нижняя челюсть отпала и лежит на позвонках. Череп повернут на юг (глазницами на юго-восток). У левого плеча расчищена каменная терка или пестик, вытянуто треугольной - фаллической формы (описание его см. ниже). На полу были найдены кусочки красной охры. Таким образом, небольшая длина скелета, узкие тазовые кости, и наличие красной охры позволяют предполагать, что это погребение принадлежит подростку или молодой женщине. Возможно, неслучайно помещение в могилу в качестве сопроводительного инвентаря пестика фаллической формы. Интересно еще одна деталь, верхняя часть скелета (грудь, плечи, голова) приподняты по отношению к нижней части почти на 20 см. И сама ориентация его обращена на встречу восходящему солнцу. Не исключено, что это является отражением некоторых представлений, что этим соплеменники хотели подчеркнуть будущее возрождение покойника, подобно солнечному светилу. Несмотря на отсутствие каменного ящика, погребение по ориентации и некоторым другим деталям (видимо, связывание вытянутых ног в коленях, отсутствие стоп и кистей рук) позволяют отнести его, как и другие захоронения этой группы, к сакскому времени.

Захоронение 3

Было обнаружено в южной части площадки 3, в южной части курганной насыпи. Здесь после небольшого углубления было расчищено скопление крупных речных валунов в виде овала и выстилки мелкой галькой. Они как бы представляли собой два скопления. Причем крупные валуны лежали с юга, с краю, как бы образуя полукольцо, более мелкие концентрировались в центре. Среди них прощипался грунт темно-коричневого цвета, мелкокомковатой структуры. Здесь же обнаружены разрозненные человеческие кости - часть таза, большой фрагмент берцовой кости и кусок лучевой. Первые две - лежали в 30 см от крупного валуна. Возможно, крупные валуны это остатки разрушенного каменного ящика. Интересно, что около этих костей найдена россыпь комочков красной охры. Кроме

того, при расчистке были найдены бараньи челюсть и астрагал. Таким образом, можно предполагать, что погребение 3 это часть разрушенного захоронения сакского времени.

Кроме того, несмотря на отсутствие контрольной бровки раскопные работы однозначно показали, что курган имел две подсыпки. Причем верхняя (грунт коричневатого-серого цвета) больше покрывала восточную и центральную часть кургана. Вторая-нижняя подсыпка перекрывала всю его площадь, но как бы больше возвышалась в южной и восточной частях кургана.

Курган 13

Курган-13 расположен в южной части всхолмления на его склоне. С юга частично поврежден оградой жилого хозяйства, а в центре - дорогой, проходящей с востока на запад. Курган округлой формы размерами 8,6х9 м, высотой до 40 см. Насыпь каменно-глинистая. Раскопки кургана были начаты незадолго до наших работ археологическим кружком школы-гимназии «Арман» под руководством М. Е. Декань. Под насыпью расчищена четкая кольцевая выкладка из крупного булыжного камня толщиной 20 см, слегка повоальная с востока на запад, размеры ее 6,9х6,2 м. Она как бы ограничивает сакральное пространство погребального комплекса.

Каменный ящик, ориентированный с В-С-В на 3-Ю-З на 85° - 265° , сдвинут к югу от центра курганной насыпи кольцевой выкладки. Длина каменного ящика 3,2 м, ширина 1,65 м. Относительно курганной насыпи ящик начинается в 3 м, от восточной стены до 6,2 м, и в 1,75 м от южного края насыпи. Камера длиной 2,2 м и шириной 1,2 м.

Стратиграфия слоев следующая: каменная выкладка ящика уходит в подземную часть на 22 см, галечниковой засыпки почти нет (до 5 см). Ниже - материковый слой, прокопанный на 12-18 см.

В яме захоронение - труположение на спине, голова на запад. Голова приподнята, склонена на юг до 45° . Длина костяка сохранилась на 152 см, руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты, в коленях сближены, возможно, были связаны. Отсутствуют стопы ног и не до конца бедренные кости. Нет кистей рук, плохо сохранились грудные кости и позвоночник.

Под головой специальная подсыпка красной охры, символизирующая огонь. Сопровождающего инвентаря не обнаружено за исключением керамической посуды, найденной в насыпи, аналогичной керамике погребального комплекса других курганов и датируется серединой I тысячелетия до н.э.

Курган 16

Курган до раскопок представлял собой холм с густо поросшей травой, сквозь которую прослеживалась насыпь из камней и грунта. Насыпь кургана правильно округлая, но очень уплощенная с размерами: диаметр 9,1 (ю-с) на 9,2 (в-з), высота над современной поверхностью всего 0,3 м. Примерно в центре холма выделялась верхняя часть крупного относительно уплощенного камня, как оказалось впоследствии от погребальной камеры. Перед раскопками курган был разделен контрольной бровкой, шириной 50 см. После освобождения дерна достаточно четко обозначились контуры внешнего кольца каменной насыпи, сильно нарушенной только в северной части кургана. Кроме того, вся северо-восточная часть его оказалась без крупных камней, покрыта мелким галечником и грунтом. В этой части была обнаружена косточка от барана и несколько раздробленных человеческих костей. В ходе расчистки насыпи найдено несколько черепков, выполненных без применения гончарного круга. Видимо, и кости и камни представляют собой остатки от погребения, выброшенного грабителями еще в древности. Грунт средней плотности, красноватого цвета. Под крупными валунами пошел галечник. Особенно много его находилось в западной части кургана.

Курган интересен тем, что в нем расчищены два каменных ящика. Один располагается почти в центре камеры, вытянут с востока на запад 75° - 255° , длина его 2,25 м (между 4,1 и 6,35 м от края насыпи с востока), ширина 2 м (между 3,6 и 5,6 м от края насыпи с юга). Размеры камеры 1,8х1,4 м. Выкладка ящика в основном из монументальных плит. В голове торцовая плита из конгломерата размерами 60х50х18 см, вдоль северного фаса в стене ящика плита 50х40х20 см., с юга плита неправильной формы, суженная к низу. Высота 60 см, ширина сверху 40 см, снизу 18 см. Он лежит наклонно, как бы завалившись внутрь камеры. Неясно стоял ли он в стене (скорее всего так) или упал из перекрытия. Даже в длинных сторонах ящика и в торцовой части у ног - крупные булыжники, по направлению стен камеры, выдержаны четко. Стратиграфия выкладки камеры (с востока от ног) следующая: сверху - 70-85 см, каменная выкладка ящика, ниже каменисто-глинистый слой - 35-55 см, далее пробитый слой галечника до 20 см и ниже его прорубленный глинистый слой с мелкой галькой - 15-20 см. Общая глубина могилы 0,8 м (от верхнего края выкладки каменного ящика), с погребальной камерой специально углубленной, с пробитым поздним глинисто-каменным и галечниковым слоем, перестилавшим уровень раннего поселения, и в материковом слое подстилавшим раннее поселение. Ориентация покойного 75° - 155° . Погребение - труположение на спине, головой на запад, конечности вытянуты вдоль туловища, но ноги в коленях сдвинуты, как будто были связа-

ны при погребении. Захоронение было ограблено, вероятно, неоднократно. Так же, как и в предыдущих погребениях этого могильника, кости сильно потревожены, грудная часть раздроблена, ноги в нижней части лодыжек также раздроблены. Стопы ног полностью отсутствуют. Руки также потревожены, одна кисть (правая) отсутствует полностью. Левая кисть сохранилась, но лишь частично (несколько косточек) причем, сдвинута на таз. Связано ли это с погребальным обрядом или это следствие сдвинутой руки грабителями, сказать трудно, так как в остальных погребениях синхронных захоронений кисти рук отсутствуют полностью.

Справа от костяка на высоте 30 см лежала, вытянутая с запада на восток, часть правой ноги, неясно как попавшая в эту камеру. Она находилась на слое гальки и сверху была придавлена камнем в 3,5 м. от главной камеры на 150° к Ю-В.

Фактически частично за пределами насыпи выявлена новая камера впускного погребения. Камера иной ориентации - 135°х315° овальной формы, размеры каменного ящика 180х135 см, причем каменные стены рассыпаны так, что камера 120х100 см округлой формы. Каменная выкладка опускается на 35 см, ниже глинисто-каменистая почва на 25 см, и ниже на 10 см вырубка в материке. В юго-восточной части, как бы в голове, стоит крупная каменная, аморфной формы, плита из конгломерата размерами 60х40х18-20 см. Близ нее, на глубине 45 см, найдена фрагментарно сохранившаяся часть сосуда кувшинообразной формы, сформованного на гончарном круге медленного вращения, с профилированной формой венчика.

Сосуд по своей фактуре и обжигу резко отличается от основного керамического комплекса курганов: глина однородная, красная в изломе, т.е. сосуд хорошо обожжен в керамическом горне, покрыт снаружи красно-коричневым ангобом, даже с легким лощением (хотя подобная залощенность может быть и от характера обжига). По форме и характеру обработки он может быть отнесен к керамике IV-VI вв. н.э.

Дальнейшая зачистка камеры с углублением в материк на 10 см не дала однако никаких костных остатков.

Вероятно, перед нами погребение-кенотаф или поминальная ограда тюркского времени (?). К ним также можно отнести каменные ограды курганов - 3,4,5 настоящего могильника, раскопанных в 2002 году.

Курган 17

Курган располагается на ровной площадке описанного холмистого возвышения правобережья сая Бургулюк, в его юго-восточном секторе.

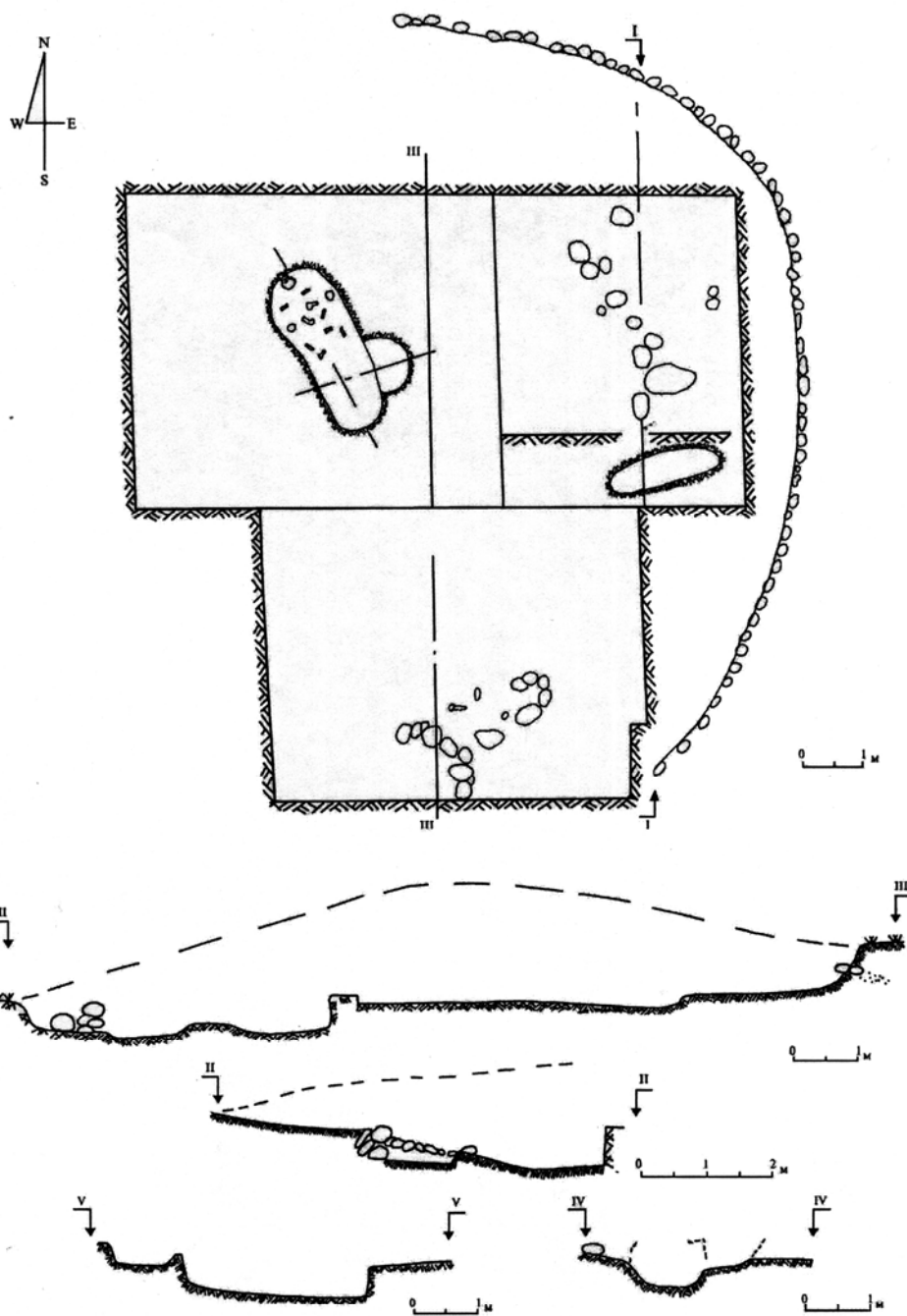
Курганная насыпь округлой формы размерами с юга на север - 9,2 м, с востока на запад - 10,3 м. Насыпь невысокая, над уровнем дневной поверхности возвышается на 50 см. Засыпка каменно-глиняная из крупного булыжника, с применением фрагментов каменных плит из конгломерата. Грунт очень плотный, красноватого цвета, в котором попадались кости животных и керамика. Под валунами насыпи находился слой галечника, ниже которого шел материк из плотного грунта красноватого цвета.

Уже до раскопок на поверхности прослеживалась кольцевая выкладка, также из крупного булыжника. Внутри нее фиксируется каменный ящик из крупного камня неправильной формы и плиты конгломерата и булыжники. Ориентация ящика 75°-255°, размерами 3,9х1,4 м, располагается не в центре, а сдвинут к северо-востоку от центра, к краю насыпи. Камера размерами 3х1,1 м крупная, очерчена наиболее четко с двух сторон (кроме головы), где крупные плиты читаются не столь четко и пределы камеры выходят дальше на запад, чем в других погребениях.

Стратиграфия камеры следующая (по восточному фаса): от верха крупной плиты ящик опускается на 70-75 см и слегка углублен в древний уровень на 20 см. Под ним идет 20 см глиняно-галичниковый слой. Под ним пробит галечный слой мощностью 18-26 см, заполняющий все углубления холма и связываемой нами с селевым потоком, перекрывшим более ранние культурные слои. Ниже - материковый слой глинисто-песчаный, мелкокаменистый, пробит на 8 см.

Таким образом, общая глубина ямы от вершины каменного ящика максимально составляет 100-110 см. Камера углублена ниже уровня древней дневной поверхности до 46 см. Погребение одиночное, труположение на спине головой на запад, голова слегка приподнята. Конечности вытянуты вдоль тела.

Костяк очень плохой сохранности. Длина его лишь 145 см. Конечности ног ограничиваются берцовыми костями, стопы полностью отсутствуют. Руки не имеют кистей, ребра превратились в труху. Очевидно, погребение грабилось интенсивно. Интересно отметить, что кости ног были сдвинуты в коленях, возможно, связаны они при захоронении.

- II-II Разрез площадки 3
Жилище эпохи бронзы
- III-III Разрез кургана 10 с севера на юг
- IV-IV Разрез захоронения 1 с запада на восток
- V-V Разрез захоронения 1 с севера на юг

Могильник Бургулюк-2. План и разрезы кургана 10

Интересные детали погребального обряда выявились при зачистке костяка. Под головой расчищена ямка, вырытая на глубину до 8-12 см, засыпанная рыхлой землей. На нее насыпали слой чистой золы и красной охры, символизировавшие очистку погребальной камеры огнем. Сверху на этот слой уложен слой глиняной прокладки толщиной 1-3 см и на эту подушку уложена, чуть приподнятая над туловищем, голова, обращенная к востоку. Лицо ее слегка повернуто к северу. Но это, вероятно, произошло в процессе разложения погребенного. Около левого плеча сохранилась кучка мелких бараньих косточек, вероятно, выброшенных грабителями. А выше в различных местах насыпи найдены фрагменты лепной миски, которые удалось частично собрать. Она оказалась с округлым чуть уплотненным дном к вертикальной закраине. Поверхность красновато-коричневого цвета тщательно за-

глажена, почти залощена. На ней прослеживаются следы какого-то темного покрытия. Обращает внимание вмятина от пальца, расположенная ниже венчика. Тесто в изломе коричневого цвета. В качестве отошителя использован шамот и примесь песка. Обжиг костровый, среднего качества. Судя по тщательности отделки, сосуд мог использоваться для приготовления молочной пищи. Диаметр венчика 36-38 см, высота 14 см. Вероятно, эта миска была уложена вместе с пищей близ левого плеча (чуть выше него), на этом месте грабителями были высыпаны косточки. Толщина стенки сосуда у венчика 0,5 см., в придонной части - до 1,3 см.

Судя по аналогиям, миска характерна для сако-усуньского керамического комплекса середины I тысячелетия до н.э.

В насыпи встречались также мелкие фрагменты керамики иного типа, характерные для андроновской культуры эпохи бронзы, с процарапанным сложным орнаментом. Подобные мелкие фрагменты встречались в насыпях курганов в предшествующем полевом сезоне. Здесь же отметим, что плиты стен помещений поселения бронзового века были использованы при выкладке каменных ящиков погребений, а мелкие фрагменты керамической посуды андроновской культуры попали в засыпку курганной насыпи погребения.

Заключение

Исследователи погребальных сооружений скотоводческих племен Казахстана считают, что в их материалах отражены основные элементы культово-духовной жизни и зафиксированы аспекты социально-экономической структуры общества той эпохи, и интерпретация их может раскрыть представление древних как о природном их окружении, так и о окружающем их обществе.

В определенной мере эти исследования были обобщены К.А. Акишевым /1/. Отражением космогонических представлений является сама структура погребальных сооружений, в которых круг кургана и кольцевая сакральная выкладка или по его краю или специально внутри него символизирует космические светила - солнце или луну. Поднимающаяся под ними насыпь отображает небесную сферу, «мировую гору». Каменная выкладка символизирует четыре стороны света. К этому следует добавить и само положение погребенных в Бургулюке-2, с ориентацией на запад - северо-запад, головы которых уложены на слегка приподнятой земляной подушке, вследствие чего лица их оказались обращены в сторону восхода солнца. Сакральная очистка погребальной камеры символами солнечного огня - чистой золой, красной охрой, символизирующей огонь (Бургулюк-2, курганы -13,16,17).

Солнце, луна, звезды, мировая гора - космогонические символы отождествляющие большое и малое, по мнению исследователей, сопоставлялись с аналогичным положением в социальной структуре: высшее - вождь, жрец, далее воины, низшие - народ, невольники. Ранговое местоположение должно быть в погребальных сооружениях.

В качестве критериев привлекаются размеры курганов, технический уровень могильных и подмогильных сооружений, показатели размеров труда привлекаемого населения, масштабы жертвоприношения и само положение кургана в группе ему подобных, как отражения системы общественных отношений.

Литература:

1. Акишев К.А. Археологические ориентиры прогнозирования структуры древних обществ степной Евразии // Комплексное общество Центральной Евразии в III-I тысячелетии до н.э. Челябинск - Аркаим, 1999 - С.55-56.

Б.А. Байтанаев, А.А. Грицина, Г.И. Богомолов

ПЕРВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА (Итоги археологических работ ЮКГУ им. М.О.Ауезова 2003 г.)

В 2002 г. археологическая экспедиция ЮКГУ им. М. Ауезова проводила свои изыскания в урочище Бургулюк Толебийского района Южно-Казахстанской области согласно «Программе по этнокультурному и историческому исследованию ЮКО». Внимание экспедиции было обращено на могильник Бургулюк-2, расположенный на правом берегу реки Бургулюк на небольшой возвышенности между садовыми участками у выхода реки из ущелья. Тогда было вскрыто около 13 курганов. Все курганы еще в древности были потревожены грабителями. Могильник дал материалы захоронений скотоводческих племен и был датирован первой половиной первого тысячелетия до нашей эры.

При снятии насыпи, а также в ходе зондажей в нескольких курганах попадались фрагменты керамики, характерные для круга памятников андроновской культуры. Исходя из этого, предполагалось, что имело место наложение курганов раннежелезного века на андроновские././ Впоследствии выяс-

нилось, что курганы сооружались либо на территории поселения бронзового века, либо для насыпи использовался грунт, взятый с поселения.

В 2003 году экспедицией было предпринято целенаправленное изучение самого поселения. Это обусловлено, прежде всего, тем, что оно является одним из первых в Южном Казахстане, и первым на котором проведены широкомасштабные раскопки.

С целью выявления культурных слоев поселения эпохи бронзы на территории могильника Бургулюк-2 было заложено 7 раскопов восточнее кургана 3 настоящего могильника, где во время полевого сезона 2002 года была обнаружена керамика бронзового века. Раскопы 1,2,3,4 дали сохранившиеся конструкции поселения эпохи бронзы, раскопы 5,6,7 были устроены в различных частях могильника Бургулюк-2. Но они не дали искомого материала, лишь в раскопе 7 было обнаружено погребение раннежелезного века с жертвенным местом. Более подробно остановимся на характеристике раскопов поселения эпохи бронзы и жилища бронзового века, обнаруженного под курганом-10.

Раскоп 1

Раскоп-1 (6,5x4,8x3,5м) расположен в южной части упомянутой выше гряды к востоку от кургана-3. После того, как убрали дерновый слой по всей поверхности, пошел галечный слой (как мы предполагаем, селевой поток). При его расчистке попадались мелкие фрагменты керамики и костей животных. Толщина слоя варьировала в различных местах, но обычно не превышало 20 см. Далее раскоп был разделен на две половины. В ходе удаления галечного слоя также попадались мелкие фрагменты керамики и кости. При этом, в восточной части раскопа они практически не встречались. Галечный слой подстилал уровень пола, на котором зафиксировано два небольших, сильно размытых, очажных пятна размерами приблизительно 20x20 см. Для того чтобы проследить стратиграфию поселения вдоль северной стороны раскопа была заложена траншея шириной 1,5 м. Как выяснилось, нижний уровень пола находился на материке, представляющем собой плотный красноватый грунт. На этом раскопки были прекращены.

В ходе раскопок было зафиксировано несколько крупных валунов, в восточной части раскопа. Все они представляют собой естественные даже окатанные камни различных размеров. Из них выделялись три последовательно расположенных с севера на юг камня, примыкающих к северной стене раскопа. Все они имели уплощенную форму, при этом два из них стояли на ребре, а один (непосредственно примыкающий к стене) перпендикулярно к ним. Обследование их показало, что они стоят на галечном слое, кое-где заглубляясь в него.

Следовательно, они не связаны с поселением. Нам представляется, что это остатки погребальной камеры или ограды, подобной той, что была вскрыта в прошлом году под курганом три, расположенном в непосредственной близости от раскопа-5. Размеры камней соответственно 70x60x18 см; 75x50x16 см и 65x55x21 см. Каких-либо следов стен помещения не зафиксировано.

Раскоп 2

Раскоп-2 (3,7x6,5 м) заложен к северу от раскопа-1. Между раскопами была составлена контрольная перегородка шириной 0,5 м. Сразу же под дерновым слоем в западной части раскопа была обнаружена каменная выкладка стены древнего жилища, и раскопки продолжались вдоль нее. Грунт темного цвета, средней плотности, с включением керамики, в том числе обломка пряслица, выточенного из стенки сосуда, костей животных, галечника. На глубине 60 см от дневной поверхности был расчищен уровень пола. На полу найдено несколько мелких фрагментов камней. Между камнями в достаточно рыхлом грунте находилось много керамики и костей животных, которые отличались от верхнего слоя более крупными размерами. Камни, как оказалось впоследствии, являлись остатками рухнувшей стены вскрываемого жилища. Таким образом, культурный слой в этой части раскопа превышает один метр.

В ходе раскопок выяснился характер кладки стены, которая сохранилась на высоту четырех рядов камней (около 60 см). Она была выложена с соблюдением определенных закономерностей. Так, в южной части блок кладки выглядел следующим образом: снизу шел ряд окатанных камней (валунов), их перекрывал крупный уплощенный камень, затем вновь ряд валунов, который, в свою очередь, перекрывал уплощенный камень. Камни укреплялись между собой прослойками из глины. Эта последовательность соблюдалась не везде. Примерно посередине кладки находилась «распределительная» башня, от которой одна стена продолжалась на север, а другая - на запад. Сама «распределительная» башня представляла собой земляной столб, обложенный камнями. Отметим, что похожая башенка отмечена и в северо-восточном углу северного жилища.

Что касается восточной стороны раскопа, то здесь сразу же за дерновым слоем почти по всей площади шел слой галечника, аналогичный тому, что был зафиксирован в раскопе-1. Галечник лежал непосредственно на материке. Материк представлял собой очень плотный грунт характерного крас-

новатого цвета. Следует отметить, что в северной части была зафиксирована группа камней, образующая овал, напоминающий обкладку могильной ямы. Однако никаких следов погребения под ним обнаружено не было. В этой части раскопа, также как и в восточной части раскопа-1, керамики практически не находили. Исключение составлял лишь небольшой участок, непосредственно примыкающий к стене жилища, где прослежен культурный слой с керамикой и костями животных.

Раскоп 3

Раскоп-3 расположен к западу от раскопа-2. Сразу же под дерновым слоем пошел грунт темного цвета средней плотности, с включением керамики, костей животных и галечника. В северной части раскопа выделена кладка из крупных камней, в форме замкнутого овала. Небольшой массив из галечника был зафиксирован у западной стены раскопа. Назначение первого осталось не выясненным, так как под ним ничего не оказалось. Под галечником было вскрыто погребение. Погребенный лежал на спине, головой на ЮЮЗ, руки вдоль тела. Часть челюсти находилась в области груди. Стопы не сохранились. Остатки черепа лежали к югу по отношению к естественному положению. Внутри его лежал камень. Какого-либо сопровождающего инвентаря не обнаружено. Костяк лежал на камнях, как оказалось, рухнувших со стен жилища. По-видимому, захоронение было осуществлено после того, как поселение было заброшено и, скорее всего, относится к сако-усуньскому времени. На этом же уровне находились кости животного, вытянутые в направлении Ю-С. Анатомический порядок сильно нарушен. Остатки черепа не обнаружены. Не исключено, что это было намеренное погребение.

Ниже характер грунта и находок не изменился: в заполнении довольно много фрагментов керамики и костей животных. В середине раскопа была расчищена груда камней, вытянутая с востока на запад, указывающая на направление фундамента стены, шедшей от упомянутого выше опорного столба на запад. Здесь же удалось расчистить линию из камней, вероятно, от вскрываемого помещения и остатки двух других, уходящих под западную бровку раскопа.

Раскоп 4

Раскоп-4 (6x8,5 м) расположен к северу от раскопа-2. Сразу же под дерновым слоем пошел плотный грунт красноватого цвета. Однако в нем раскрыто внутреннее пространство жилища: здесь грунт был темного цвета, насыщенный керамикой и костями животных.

В южной части были зафиксированы северо-восточный угол и каменные стены помещения. Находки керамики и костей происходят в основном из помещения. К северо-западу от помещения были зафиксированы остатки кострища.

Примерно посередине раскопа была расчищена полоса галечника, шедшая с севера на юг и упирающаяся в стену описанного выше помещения.

Она также огибала помещение с восточной стороны и была зафиксирована в раскопе-2.

Жилище эпохи бронзового века, обнаруженное под курганом - 10

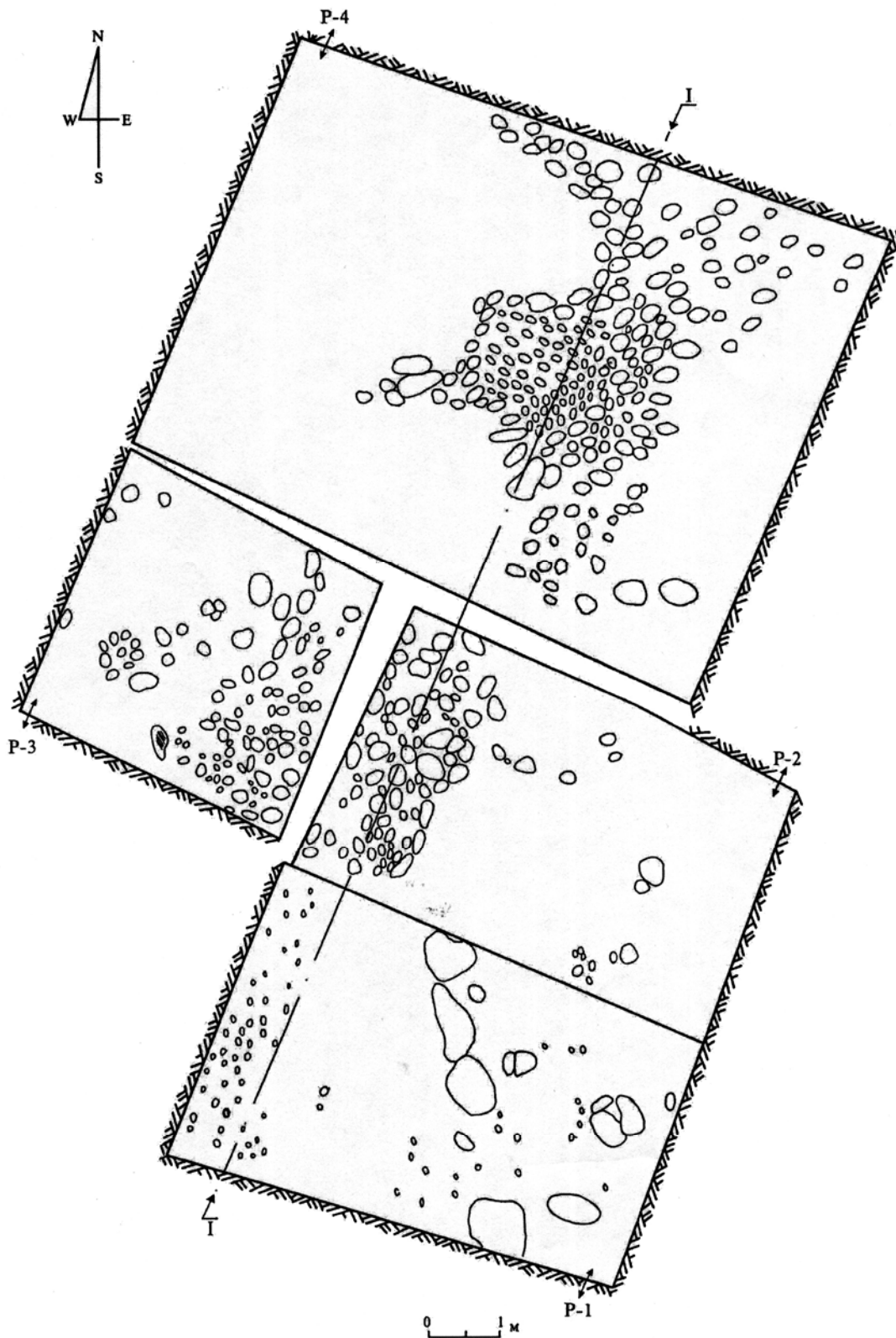
Хотя работы полевого сезона 2002 года показали, что фрагменты эпохи бронзы больше концентрировались в северо-восточном секторе кургана 10 могильника Бургулюк-2, никаких остатков жилищ не было обнаружено. Но в площадке-1 кургана 10 настоящего могильника зафиксирована цепочка из отдельных крупных валунов. В дальнейшем, при работах на площадке-3 к западу от захоронения, расположенного на площадке-3, у основания могильной ямы была выявлена каменная стенка. Она вытянута по линии север-юг и состоит из 4-ех рядов крупных речных валунов (смотри коллективную статью и план кургана 10 в данном сборнике: «Исследование могильника Бургулюк-2»). Валунуны из каменной кладки имеют различные размеры. Верхний ряд состоял из 5 камней, последующие - из 6 камней. Общая длина выявленной стенки 1,3 м, ширина - 0,5 м, высота - 0,5 м. Последняя является частью помещения шириной 1,42 м., однако северная стенка этого помещения утрачена. Уровень пола понижается в западном направлении. У стены расчищены кости животных и мелкие фрагменты керамики. С уровня пола была снята фрагментированная ладьевидная зернотерка небольших размеров, явно указывающая на обработку земледельческой продукции. Поверхность пола покрыта отдельными скоплениями угольков и комками охристой глины. Возможно, с юга примыкало еще одно помещение. Однако вскрытие его осталось незаконченным.

Видимо, при возведении кургана часть более раннего жилища поселения эпохи бронзы была разобрана при возведении каменного ящика.

Керамика

Вся полученная с поселения керамика сохранилась во фрагментах. Она формована без применения гончарного круга ленточным способом или выдавливанием из кома глины, кострового обжига. Однако находки керамического шлака говорят о том, что часть посуды могла обжигаться в гончарных печах. Тесто достаточно хорошо отмучено и промешано. В качестве отощителя использовались

толченый ракушечник, гипс и мелкий песок. По имеющимся формам можно выделить следующие типы посуды.

План поселения эпохи бронзы Бургулюк

Котлы. Поверхность, как правило, закопчена. Судя по имеющимся фрагментам, сосуды имели шаровидную или близкую к ней форму. Венчик несложной конфигурации, оттянут наружу. Шейка короткая. Дно плоское, с характерным выступом в придонной части. Сосуды сильно варьируют по

размерам: диаметры закраин составляют от 13-14 см до 33 см и более. Венчики нередко украшались поперечными насечками (ногтевой орнамент) или линиями, а поверхность - гребенчатым, линейным и штампованным орнаментом.

Горшки по качеству изготовления, размерам и формам почти ничем не отличаются от котлов, только поверхность их не несет следов копоти.

Кринки - сосуды относительно крупных размеров. Диаметр венчика достигает 40 см и более. Поверхность тщательно заглаживалась, а венчики украшались насечками.

Чаши - наименее встречающийся тип посуды. Сильно варьирует по размерам от 16-18 см до 30 см и более. Форма венчика простая, которая является как бы простым продолжением стенки сосуда. Толщина черепка крупных чаш достигает 1,2 см.

Пряслица. Изготовлены из стенок сосудов. Набор керамических сосудов и их орнаментация характерны для эпохи степной бронзы андроновского круга и предварительно может датироваться XIII-IX вв. до н.э. /21/.

Керамика подобного типа была распространена в XII-IX вв. до н.э. в Южном Зауралье, в Казахстане, в северных районах Средней Азии. Сходные формы, мотивы орнамента и способы ее нанесения представлены на поселении Тургенъ в Заилийском Алатау /3/ и предгорного района Кетменьтюбинской котловины. Последние находки получены исследователями из могильника Джазы-негу и датируются концом II - началом I тысячелетия до н.э. /4/. Подобная же керамика была извлечена из насыпей курганов сакского времени на берегу Чаткала в Ташкентской области и отнесена исследователями к X-VIII вв. до н.э. /5/.

Кроме керамики, на поселении было найдено достаточно много костей домашних животных. Следует обратить внимание на находки астрагалов (альчиков), которые издревне в Казахстане использовались и как культовые предметы и как фишки в различных народных играх.

Находки из жилища с кургана 10.

Керамика

Основную массу находок составила керамика. Большая их часть была собрана, в отличие от прошлого года, в заполнении жилища. Вся она лепная. Сильно фрагментирована. По цвету черепка делится на две группы желтовато-коричневого и темно-серого. Несмотря на это различие, состав теста довольно близок. Вся керамика довольно тонкостенна, имеются следы кострового обжига. По типологическому составу можно выделить две группы: горшковидные сосуды и котлы.

Горшковидные сосуды

1. Фрагмент венчика горшковидного сосуда, диаметром — 20 см; толщина стенок - 0,6 см. Венчик простой, прямо поставленный. Закраина выделена округлым валиком. Черепок в изломе желтовато-коричневого цвета, рыхловат. В качестве отошителя добавлен мелко толченый ракушечник. Обжиг костровый. С внешней стороны сосуд затерт. Основание горловины выделено небольшим валиком.

2. Фрагмент венчика горшковидного сосуда, диаметром 20 см. Толщина стенок - 0,8 см. Венчик клювовидной формы, с уплощенной площадкой по краю устья. Черепок плотный, коричневатого цвета, отмучка средняя, в качестве отошителя использован мелкотолченый ракушечник. Обжиг нормальный. С внешней стороны сосуд был затерт.

3. Фрагмент венчика горшковидного сосуда, диаметром 21 см. Венчик простой, округлый в сечении, прямо поставленный, закраина выделена валиком. Толщина стенок - 0,7 см. Черепок в изломе коричневатого-серого цвета, плотный. Отмучка средняя, в тесте в качестве отошителя шамот и мелко толченый ракушечник. Обжиг средний. С внешней стороны сосуд тщательно затерт. Сосуды схожей формы известны с поселения Тургенъ в районе Заилийского Алатау, где датируются XII-IX вв. до н.э. /3/. Хотя фрагмент был найден в заполнении погребения 1, он явно связан с периодом обживания этого участка эпохи бронзы.

4. Фрагмент венчика котла горшковидной формы, диаметром - 18,4 см. Толщина стенок 0,6 см, венчик с уступом во внешнюю сторону, по краю закраины. Черепок рыхловат, слоистой структуры в изломе темно-серого (почти черного цвета). В качестве отошителя - мелкотолченый ракушечник и шамот. Обжиг - сосуд явно переобожжен, но, возможно, это явление вторичного порядка. С внешней стороны покрыт соляной коркой. Цвет с внешней стороны красновато-коричневого цвета, поверхность его тщательно затерта.

5. Фрагмент венчика котла горшковидной формы, диаметром устья - 17 см. Толщина стенок - 0,9 см. Сам венчик Г-образной формы, уступом во внешнюю сторону, с довольно широкой верхней площадкой. Черепок в изломе темно-серого, почти черного цвета, рыхлой структуры. Тесто средней промеси, в качестве отошителя использован мелкотолченый ракушечник и речной песок. Сосуд несет следы переобожженности. С внешней стороны покрыт соляной коркой. Внешняя поверхность была

затерта. Верхняя поверхность (площадка) венчика украшена косыми подтреугольными насечками, острием на встречу друг другу.

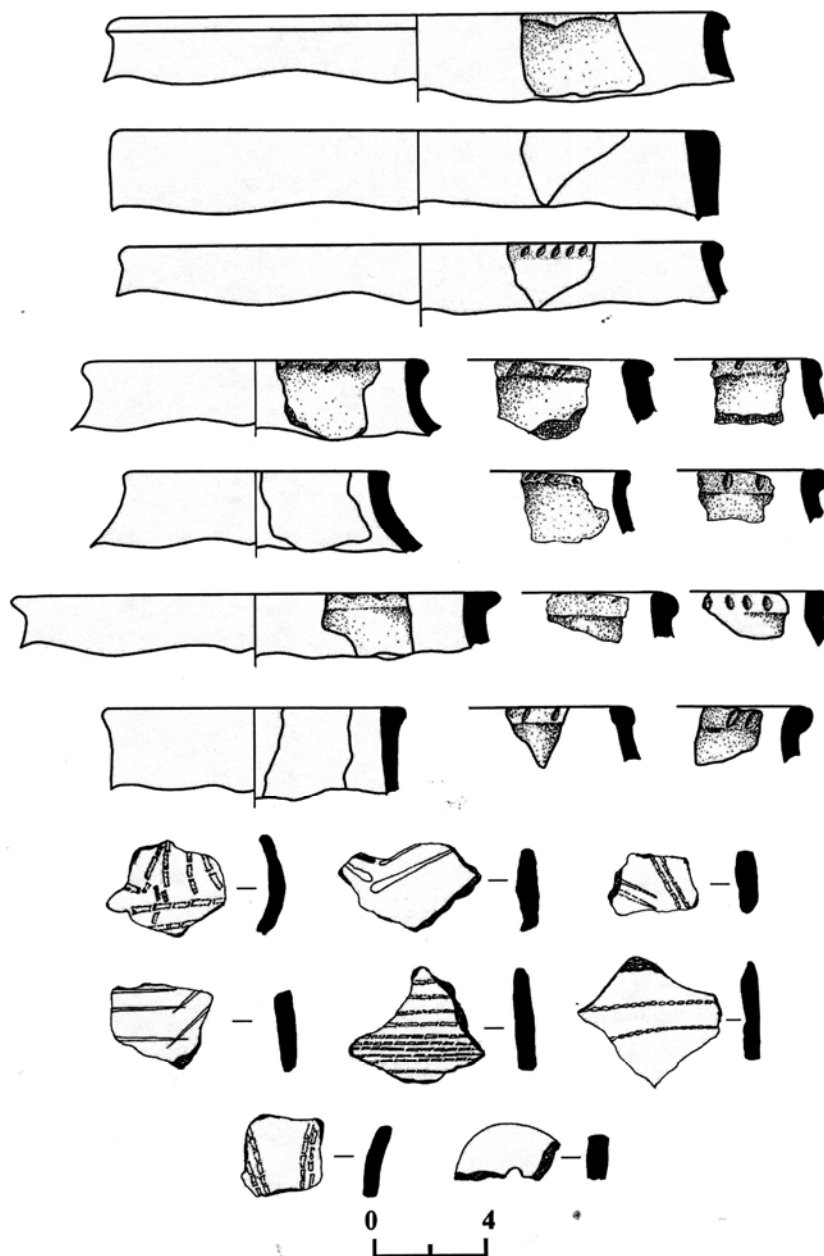
6. Интересен фрагмент стенки, вероятно, котлообразного сосуда. Черепок в изломе коричневатого цвета, слоистой структуры. Тесто средней промеси, сильно насыщено мелкотолченым ракушечником. Обжиг средний. С внешней стороны фрагмент несет следы закопченности под соляной коркой. Но самое важное, фрагмент несет следы гончарного круга медленного вращения.

7. Интересен еще фрагмент стенки сосуда с елочным орнаментом. Последний имеет аналоги с материалами раскопов -2-4 поселения бронзового века.

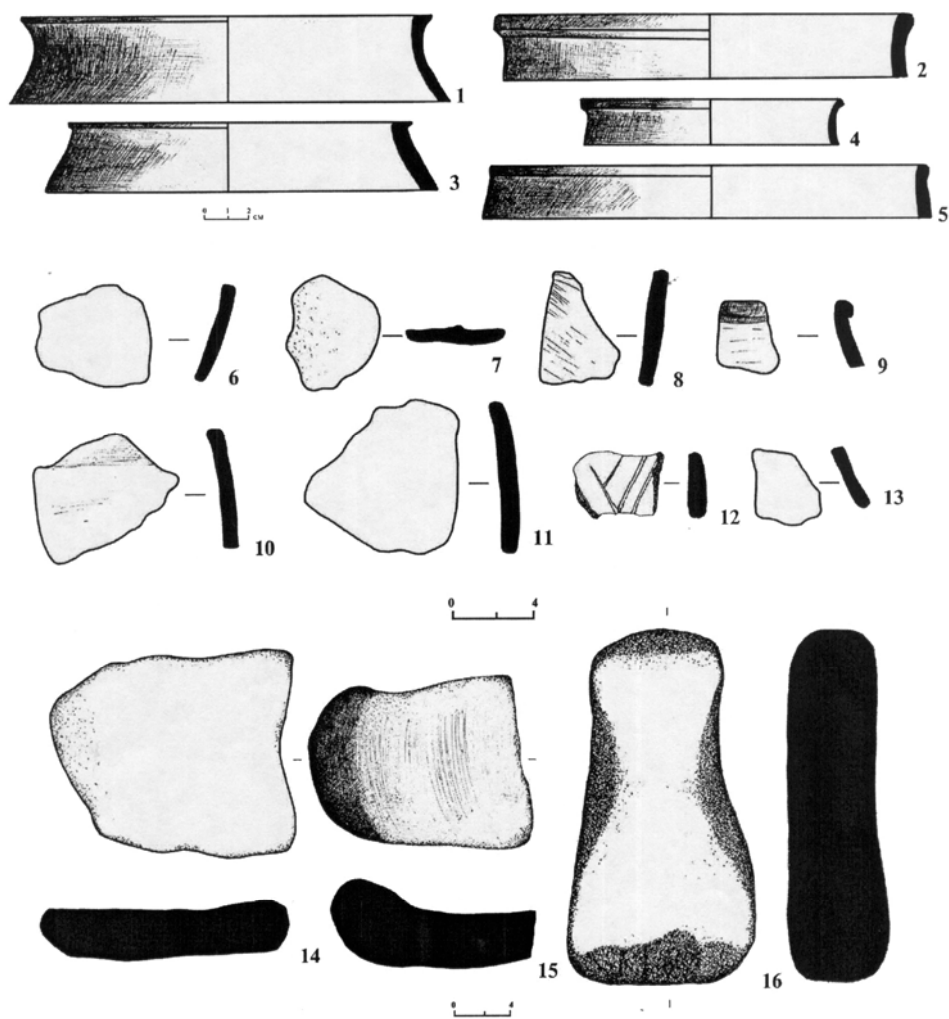
Каменные изделия

Их немного. Все они явно местного производства и связаны с хозяйственной деятельностью, с обработкой земледельческой продукции.

Зернотерки. Одна из них была найдена еще в прошлом году при сносе насыпи кургана. Это кусок небольшой ладьевидной зернотерки, размеры: сохранившаяся длина - 14 см, ширина - 12 см и толщина - 3,6 см, камень светло-серого цвета. Рабочая часть сильно сработана. Другая - тоже кусок нижней части, ладьевидной формы, но более уплощен и менее сработан. Размеры: сохранившаяся длина - 15 см, ширина - 13,5 см, толщина - 4,3 см. Спинка зернотерки несет следы предварительного подтеса. Рабочая поверхность слабо сработана, в настоящее время покрыта плотной соляной коркой. Камень серого цвета.

Керамика поселения эпохи бронзы Бургулюк

Материалы жилища эпохи бронзы, обнаруженного под курганом 10 могильника Бургулюк-2. 1-13 – керамика; 14-15 – фрагмент лодьевидной зернотерки; 16 – каменный пест

Пестик. Видимо, изделие имело многофункциональное назначение. Был положен в могилу-2 в качестве сопроводительного инвентаря. Имеет вытянутую (фаллическую) форму, одна сторона более широкая (8 см), другая более узкая - 5,5 см. Общая длина - 16 см. Изделие подпрямоугольное в сечении. Толщина - 4,4 см. Камень - зеленовато-серого цвета. Одна уплощенная поверхность несет следы сработанности, видимо, когда изделие использовалась в качестве верхнего тёрочника. Другая заовалена и в настоящий момент покрыта плотной соляной коркой. Боковые поверхности тоже имеют следы изношенности, что позволяет утверждать об использовании этих поверхностей в качестве оселка при правке каких-то металлических изделий. Кроме того, торцовые части изделия использовались в качестве пестика.

Заключение

Принципиально новым для археологии Казахстана явилось открытие археологической экспедицией ЮКГУ им. М.О. Ауезова поселения эпохи бронзы, занимавшего центральную часть холма равнинного участка местности.

Обживание предгорных склонов Каржантау в эпоху развитой бронзы вполне закономерно.

Исследователи культур бронзового века Средней Азии и Казахстана отмечают активное распространение андроновского культурного комплекса, в первую очередь в степных регионах Казахстана и Южного Приуралья в связи с расширением возможностей освоения гидроресурсов для комплексной экономики.

Выделяющий 4 этапа этой культуры Г.Б. Зданович сообщает, что со второй половины II тысячелетия до н.э. андроновская культура расширяется на юг. Памятники среднего этапа он отмечает на юге в бассейне Чу, Или, в предгорных районах Каратау, в горных районах Тянь-Шаня вблизи оазисов Средней Азии.

В то же время уже в последней четверти II тысячелетия до н.э., по его мнению, наблюдается (на фёдоровском этапе) сокращение юго-западных границ андроновско-культурной общности, связываемое с дальнейшей оридизацией климата и сокращением экологических ниш, удобных для обитания коллективов, хотя благоприятные для оседлой жизни места продолжают обживаться активно. /6/. Другие исследователи памятников степной зоны также подтверждают, что деятельность андроновских племен во второй половине II тысячелетия до н.э. протекала в засушливый ксертермический период /7/. Это вынуждало их вести поиск новых форм ведения хозяйств и освоения новых территорий. По-видимому, именно с этим связано появление групп этого населения в предгорьях Каржантау и Угама и, в частности, в урочище Бургулюк. Наличие водных источников, арчовников с разнотравьем, позволяющим выпасать скот с середины весны и до середины осени делали его удобным для скотоводства. Но вместе с тем определенные значения сохраняло земледелие. Правда, под земледелие могли использоваться лишь небольшие участки, орошаемые за счет небольших арыков - отводами от родников и маловодных саев. Видимо, здесь же неподалеку располагались и жилища. Земледелие было мотыжным и носило вспомогательный характер.

Примером подобного расширения, на наш взгляд, является создание системы поселений бронзовой эпохи Центрального Казахстана в Сары-Арке. Исследователи отмечают, что поселения Сары-Арки располагались обычно с юго-западной стороны прибрежных коренных выходов скал, более теплой и удобной для расселения /8/.

В отличие от системы поселений эпохи бронзы Сары-Арки, которые, как отмечали исследователи, располагались с юго-западной стороны прибрежных коренных выходов скал, поселение могильник Бургулюк -2 располагается с северо-восточной стороны скальных отрогов Каржантау.

Но эти особенности определяются юго-западным направлением русла Бургулюк сая, образующим на правом берегу обширную, понижающуюся к руслу, равнину.

В целом жители Бургулюка, как и в других регионах, учитывали географический и климатический факторы. Поселение расположено так, что с трех сторон окружено горными отрогами различной высоты, защищавшими от господствующих зимой северо-восточных ветров и были для юго-западных более теплых, поднимавшихся по руслу сая, что способствовало более ровному теплоте климату в летнее время.

Следует отметить, что если могильники легко читаются благодаря курганам с каменной выкладкой, то поселения эпохи бронзы трудно выявляются в предгорной зоне вследствие большой задернованности и высоким густым заросшим кустарником, перекрывающим культурные слои.

Наше поселение было открыто, во-первых, благодаря разрушению его селевым потоком, перекрывшим поселение слоем гальки, во-вторых, благодаря более позднему курганному могильнику, в процессе закладки которого были значительно потревожены культурные слои и подняты в курганные насыпи фрагменты керамической посуды.

В Сары-Арке археологи по архитектуре выделяют два строительных этапа. На раннем этапе - горизонт прямоугольных помещений. На позднем этапе - горизонт круглых помещений. На одном уровне проходила система прямоугольных помещений, иногда с заваленными закругленными углами. Может быть, у нас переходный этап от раннего к позднему или просто своеобразие архитектуры. По крайней мере, пока двукратность или многократность заселения определить не удастся. Может быть, оно было однократным стационарным, земледельческо-скотоводческой направленности (в помещении на кургане 10 - кости быка и барана).

Проведенные на поселении раскопки показали, что наиболее интенсивно обживалась южная часть естественной гряды, выбранная племенами андроновского круга для постоянного места своего обитания. В контрольных раскопах 5,6 и 7 выявлен незначительный культурный слой, свидетельствующий о кратковременном обживании этой территории. Четко фиксируются два крупных периода функционирования поселения. На первом этапе насельники возводили свои жилища, используя многолетний опыт строительства своих предков. Сначала выкапывался котлован соответствующих размеров, стены которого обкладывались камнями в несколько рядов. Затем сооружались, по-видимому, стены каркасного типа, которые перекрывались соответствующей кровлей. Достаточно убедительная реконструкция такого жилища приведена по материалам раскопок памятников бегазы-дандыбаевской культуры /9/. Правда, отверстий для колонн перекрытия на нашем поселении пока не найдено. Судя по остаткам стен, нами вскрывается значительный по размерам дом, в котором намечается четыре комнаты. Полное вскрытие их - дело будущего.

Население занималось скотоводством, которое, видимо, составляло основу хозяйства. Основу же стада, судя по находкам костей, составляли мелкий и крупный рогатый скот. Находки обломков зернотерок свидетельствуют о выращивании злаковых, скорее всего, богарным способом. Насельники

занимались также ткачеством, для чего использовались пряслица, выточенные из стенок сосудов. Интересно небольшое по размерам пряслице, тщательно выделанное и украшенное по ободу вертикальными рисками. Центр кружка только намечен каким-то острым инструментом, но отверстие так и не было просверлено. Не исключено, что в данном случае изготовлялось не пряслице, а пуговица, которые широко использовались племенами эпохи поздней бронзы.

Набор керамических форм достаточно беден и состоит из котлов, горшков, крынок и чаш. Вся посуда изготовлялась ручным способом из достаточно хорошо приготовленной глиняной массы. Обжиг в основном костровый, хотя находки керамического шлака говорят об использовании обжигаемых печей. Нередко поверхность сосудов тщательно до блеска затиралась или намерено залащивалась. Поверхность сосудов и их венчики украшались орнаментальным набором, характерным для памятников андроновского круга эпохи поздней бронзы. Особенностью нашей керамики является отсутствие ниже закраины валиков, характерных для этого времени /9/. Наличие же в комплексе чаш, более характерных для сакской керамики, может указывать на более позднюю верхнюю дату. Предварительная датировка поселения - XIII-IX вв. до н.э.

Пока трудно судить, как долго существовало поселение и по какой причине население покинуло его. Возможно, здесь роль сыграл и так называемый селевой поток, зафиксированный в трех раскопках. Во всяком случае, запустение продолжалось достаточно долго. За это время стены жилища обвалились, перекрыв полы рухнувшими с них камнями. Именно в этот период, скорее всего, и было осуществлено погребение в раскопе-3, так как погребенный лежал прямо на камнях.

Жители, пришедшие на смену первым поселенцам, не восстанавливали стены заново, а использовали остатки старых, засыпав при этом лежащие на первом полу камни.

Литература:

1. Байтанаев Б.А. Исследования памятника бронзового и раннежелезного века предгорья Каржантау (Предварительные результаты археологической экспедиции ЮКГУ им. М. Ауезова 2002 г.) // Археологические исследования в Казахстане. Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения -14». – Шымкент - Алматы, 2002.
2. Марьяшев А.Н. Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журык // Известия МО и НРК, НАН РК - Алматы, 2002. - №1.
3. Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Поселение эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургенъ и на плато Асы // История и археология Семиречья. - Вып. 2. - Алматы, 2001.
4. Галочника Н.Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы Кетмень-Тюбе // Археология и история - Фрунзе, 1977.
5. Древности Чарвака - Ташкент, 1976.
6. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей - Свердловск, 1988.
7. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. – М., 1967.
8. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары Арки. Алма-Ата, 1992.
9. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана - Алма-Ата, 1979.

*Г.И. Богомолов
(Ташкент)*

К ВОПРОСУ ОБ ОТОЖЕСТВЛЕНИИ ГОРОДИЩА ШАХДЖУВАР

В разносторонних научных исследованиях академика АН РУз Юрия Федоровича Бурякова всегда особое внимание уделялось изучению вопросов урбанизации и исторической топографии. Особенно много в этом плане было сделано для Ташкентского оазиса. И это не удивительно. Ташкентский оазис – один из ключевых, крупнейших историко-культурных регионов Узбекистана, игравший важную роль в социально-экономических, культурогенных и этнических процессах Средней Азии. С III века н.э. оазис выступает как самостоятельное владение под названием Чач. Однако уже в эпоху раннего средневековья происходит размежевание оазиса на два владения Чач (с IX-X вв. - Шаш) и Илак. В трудах восточных географов X-XII вв. Ташкентский оазис описывается как одна из самых благодатных и цветущих областей на востоке мусульманского мира, подчеркивается обилие воды, садов, пашен и соответственно сельскохозяйственной продукции - фруктов, зерна и продуктов животноводства. Другим важным фактором, влиявшим на подъем экономики края и развитие торгово-экономических связей стала интенсивная разработка рудников золота, серебра, свинца, меди, железа и бирюзы. Все это способствовало концентрации ремесла в городских центрах и их количественной прогрессии. Не случайно письменные источники X-XII вв. в один голос сообщают о Ташкентском

оазисе как о самой урбанизированной области Средней Азии, называя ее «страной тысячи городов». Причем, если китайский путешественник монах Сюань Цзянь (ок.630 г. н.э.) отмечает наличие в Чаче нескольких десятков больших и малых городов, то уже географы X-XII (Истахри, Ибн Хаукаль, Мукаддаси и т.д.) приводят список из более чем 50 городских центров.

Очень многое в этом плане было сделано Ю.Ф. Буряковым. Многолетнее, детальное археологическое обследование Ташкентской области в сочетании с широкими раскопными работами и сопоставлением исторических письменных источников позволили Ю.Ф. Бурякову выделить этапы урбанизации, общие закономерности сложения, динамики специфики развития этих процессов в регионе. Им был разработан для Ташкентского оазиса и применен системный анализ пунктов расселения, прежде всего городских центров, курганных и оссуарных могильников, рудников, мест переработки металлов, торговых трасс, выделены археологические комплексы (каунчинский, мингурюкский, имлакский, каварданский), в которых зарождались и развивались специфические черты городской культуры оазиса. Одним из результатов этих целенаправленных археолого-топографических исследований стала локализация значительной части городских центров Ташкентского региона.¹ Причем для Шаха удалось локализовать 21 городской центр, а для Илака - 14. Однако далеко не все города, упоминаемые в средневековых источниках, удалось сопоставить с археологическими памятниками. Так, для Чаха остались не отождествленными такие города, как Ашбингу, Канкарак, Калашужак, Гардженд, Ганнадж, Вардук, Гадранк, Газак, Джабузан, Кадак, Накалик, Анузкет, Албикас, Кабашкас, Дихкуруан, Фардкаш, Аджих, Дарва, Телгуш. В Илаке - Хумрак, Бикет, Гардженд.

С другой стороны, на территории области выявлен целый ряд археологических объектов, которые по своей археологической характеристике - размерам, наличию концентрации ремесленного производства, фортификационных сооружений, выделению нескольких частей в городской застройке, безусловно, соответствуют всем параметрам городских центров. Это городища Шахджувар, Дункулак, Каратепе, Культепе, Кыркджангитепе, Кендыктепа, Санчиктепа, Севильтепа, Ошхонатепе, Мазартепа, Калаитепа в Намданаке и т.д. Однако отождествить их с городами, упоминаемыми в средневековых источниках, пока не удастся, так как в источниках приводятся лишь их названия или упоминается об их принадлежности к городам Шаха или Илака. Другая информация (особенности расположения, наличия каких-либо достопримечательностей или особых ремесленных промыслов) практически отсутствует.

К таким не отождествленным пунктам, обладающими всеми признаками города, относится одно из высокогорных городищ, расположенное на самом северо-востоке Ташкентской области - городище Шахджувар. Оно находится на левом берегу реки Пскем, напротив одноименного селения. Городище занимает вторую и третью террасы. С севера его защищает естественное препятствие - склон террасы и река Пскем. С запада укрепление, доходящее до крутого берегового обрыва. Структурно городище состоит из крупной, хорошо укрепленной цитадели и примыкающей неукрепленной застройки. Цитадель - подковообразная в плане, площадью 2.25 га, с двойной линией обороны. Перед стеной вырыт ров глубиной до 12 метров. Центр цитадели занимает монументальное сооружение с внутренним двориком, также окруженное глубоким рвом. Стены цитадели опускаются и на вторую террасу, прикрывая бьющий у ее основания родник. В тактическом отношении цитадель максимально использует возможности нисходящей к ней местности. С востока и юга располагалась неукрепленная территория, охватывавшая площадь более 10 га.² На ней по микрорельефу прослеживаются остатки жилых кварталов, магистральные улицы, канал шириной 3.5 м, пересекавший городскую территорию и питавший в древности ров цитадели. Вода поступала из родников и ручья, расположенных почти в 1 км к востоку от городища. На территории города открыты 3 бани, построенные из жженого кирпича, с гипокаустной отопительной системой, с характерной для восточных бань планировкой и купольным перекрытием. Открыты также печи для обжига кирпича и резной терракоты, использовавшейся для облицовки фасадов и интерьера построенных здесь же зданий³. В одном из домов богатого горожанина, вместе с великолепной местной столовой посудой, найдены образцы привозной люстровой керамики, палочки для еды из слоновой кости. Отсюда же происходит набор шахматных фигурок из слоновой кости. В южной и восточной частях поселения и на склонах берега к

¹ Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса (историко-археологический очерк Чаха и Илака). Ташкент, 1975, с 178-179.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса Ташкент, 1982, с 64

² Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы ..., с.12-14, 47

³ Тихонин М.Р. Фонарев С.В. Археологические находки из горного Пскема // ОНУ, 1986, № 10, с. 61-62.

реке выявлены скопления отвалов металлических шлаков и обломки футеровки металлургических горнов.

Все это показывает, что городище Шахджувар было крупным ремесленным центром, где процветало металлургическое производство, перерабатывались руды железа, меди, серебра и т.д. Кроме того, город приобрел особое значение как военный форпост, который контролировал транзитные горные пути в Семиречье и Фергану.

Археологические материалы показывают, что город возник в V-VI вв. н.э. Но основной расцвет города приходится на XI-XII вв., когда интенсивно застраиваются обе террасы, селитебное пятно обживания достигает площади 200 га. Погиб город в начале XIII века в результате военных действий и довершивших разрушение мощного землетрясения и оползня. В конце XV-нач. XVI вв. на месте города складывается селение под названием Шахджувар, просуществовавшее до начала XX века, в котором выявлены следы железоделательного производства.

Таким образом, археологическое обследование указывает на то, что городище Шахджувар это остатки крупного ремесленно-торгового центра, административного центра округа, к тому же являвшегося крайним городским пунктом на северо-восточной окраине Ташкентского оазиса. Поэтому информация о нем, пусть даже в виде простого упоминания в перечне городов Шаша? должна была отразиться в средневековых письменных источниках.

В этой связи любопытное предположение сделали О.А. Папахристу и Л.В. Сверчков. Работая над источниками железа на северо-востоке Средней Азии, они обратили внимание на упоминание о селении Шахджувар в верхнем течении Пскема, предположив, что этот топоним в своей основе восходит к божеству Шахревар, в ведении которого согласно зороастрийской традиции находились металлы и их добыча. По-своему это предположение очень плодотворно, так как увязывает происхождение топонима с информацией о местности, в данном случае населенного пункта у горнорудных разработок и их божественного патрона. Действительно, Шахревар – один из важнейших божеств в зороастрийском пантеоне. Он входит в первую тройку, главную триаду, Амеша Спента – «Бессмертных святых», высших божеств, составляющих ближайшее окружение Ахура Мазды, которые согласно учению Заратуштры, являлись эманацией Ахура Мазды, воплощением и проявлением его высших благих качеств. Как самостоятельные божества они впервые упоминаются в «Ясне семи глав». В Младоавестийской традиции, т.е. к эпохе раннего средневековья, Амеша Спента считались покровителями человека, людей, животных и священных стихий. Шахревар, от авестийского Хшатра Вайрья – «Желанное царство», «Лучшее царство», «Благое царствование» или (в других переводах) «Власть желанная», «Власть» в смысле «Божье царство», представлял собой сложный образ. В «Гатах» это олицетворение небесного единовластия Ахура Мазды и его соответствия в земном социуме – сильной власти, способной обеспечить оседлой общине процветание, обильную пастьбу и защиту.¹ По этой же причине Шахревар считался покровителем страны Ахура Мазды. Всякий человек должен стремиться жить так, чтобы после своей смерти он смог бы стать жителем страны Ахура Мазды, т.е. «Лучшего царства». Шахревар в духовном мире является представителем царства богов.² В «Младшей Авесте» это самостоятельное божество-покровитель металлов, оружия и неба. В пехлевийской традиции Шахревар почитался как ангел – хранитель царства, царской власти (короны), процветания и рудников. Кстати, еще Ахаменидские цари отождествляли свое правление с Хшатра Вайрью.

Кроме того, в Яштах Хшатра Вайрья наделен функциями покровителя людей, милосердия и гуманности.³

В согдийском календаре, согласно Бируни, 4-й день месяца посвящался Хшатра Вайрья и назывался Ахуштшвар. Ему же посвящался шестой месяц в Хорезме. Как и месяцы Тир, Амордад, Шахревар относился к лету. Из растений ему был посвящен базилик.⁴ Бируни пишет, что Шахревар – это ангел, которому поручены 7 драгоценных металлов (золото, серебро, медь, железо и т.д.), благодаря которым существуют ремесла, мир и его обитатели.⁵

По мнению Ю.Якубова, этот бог изображался над тронем царя в виде человеко-птицы или золотой птицы. Например, на серебряном блюде VIII в. из деревни Луковки Пермской губернии из Эрмитажа изображена сцена с сидящим на троне правителем и парящим над ним ангелом-птицей.⁶ Среди пенджикентских росписей известно изображение птицы, окрашенной в золотой цвет и несущей в

¹ Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. СЛБ М., 1998, с 517.

² Якубов Ю. Религия древнего Согда. Душанбе, 1996, с. 52

³ Якубов Ю. Религия древнего Согда ..., с. 52.

⁴ Бундахишн Зороастрийские тексты. Перевод и комментарии О.М. Чунаковой. М., с 302, 305.

⁵ Беруни А. Аль-Асар аль-Бакия. Избранные произведения. Том 1. Ташкент, 1957, с 233.

⁶ Якубов Ю. Религия древнего Согда ..., с. 52; Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с 169.

ключе кольцо с лентами над тронном царя. Возможно, это и есть изображение хранителя царства и короны Хшатра Вайрю, который, по мнению Ю.Якубова, уже в позднекушанской литературе трансформировался в образ Хумо. (Кстати в современном Иране до сих пор бытует мужское собственное имя Хомаюн, имеющее значение «августейший», «императорский», «счастливый»).

Однако при всей привлекательности этой версии, следует признать, что в перечне городов Шаша, такого города с названием Шахревар, равно Шахджувар, нет. Конечно, можно было бы предположить, что это название будучи одним их компонентов сложносоставного топонима к X-XI вв. частично или полностью было утрачено. В материалах топонимики подобное явление отмечается довольно часто. Тем более, что о городах северо-востока, восточной части Ташкентского оазиса почти ничего не известно. Даже порядок их упоминания разный. Анализ средневековых источников (Ибн Хаукаль, Истахри, Идриси и т.д.) позволяет говорить о существовании нескольких торговых трасс в горные районы. Одна из них их Бинкета выходила к долине Чирчика, шла по левому берегу через Паргуш, (Баргуш), Газалкент, Харджанкет (Харганкет) и далее вела в горные районы Бисткама и Джидгиля (Чаткала). Другой путь из Бинкета проходил через Нуджет Кабарну (Кавардан), Фарнкет (Паркент), вдоль предгорий выходил к Чирчику и соединялся с верхней трассой. Видимо, именно этим объясняется непоследовательный порядок перечисления городов. Причем, среди этих, расположенных на востоке Шаша городов упоминаются не отождествленные Гардженд, Газак, Джебузан, Вардук, чья этимология, на наш взгляд, явно связана с горной местностью. Например, Джебузан или Джабузан – двухкомпонентный топоним, где Джа-Джой – место (местность) + буз- «снег», «лед», «холодный» +ан – суффикс множественного числа, то есть Джабузан – «место (местность), где много снега», или «место, где много холода» –«холодное место». Такая этимология вполне правомерна и подтверждается существованием таких названий, как, например, горы Бузлуг (от тюркского Буз+лык) в Азербайджане, средневекового города Бузджан в четырех переходах от Нишапура.

Но более важно для нашей темы упоминание города Вардук. Наличие компоненты Вар в топонимике Шахджувар и в названии города может оказаться случайным совпадением, либо отражать замену потерявшего свое значение топонима новым, близким по звучанию. Тем более, что этимология Вардук неоднозначна.

Во-первых, можно предположить, что он состоит из двух компонентов: «Вар» - это тюрко-гун. «рыть», «зарывать», отсюда сохранившееся в чувашском языке значения – «глубокий овраг», «долина», «русло реки». Второй компонент –дук-даг-«гора»; то есть «Вардук»- «(место) в долине реки у горы» или, исходя из значения «Вар» –«рыть» – «копи у горы». Напомним, что практически в окрестностях Шахджувара добывались и обрабатывались полиметаллы.

Вместе с тем, слово Вар имеет глубокие индоарийские корни. Авестийское vara, от глагольного корня var – “ограждать стенами какое-либо пространство”, “загон для скота”; vara - вал, ограда, стена (ср. parvar, farnar (перс) – «строение, обнесенное стеной». Вар, как компонент в современных топонимах Азербайджана, Ирана, Венгрии, несет значение укрепленное село, замок, крепость. Сравните Мусавар, Гадживар и т.д. В венгерском – вар- «крепость», варос (varos) – город.¹

В зороастрийской традиции Вара – это убежище, обитель праведников. В Видевдате Вара описывается как сооружение, видимо, квадратной формы со стороны в лошадиный бег, построенное по указанию Ахура Мазды Йимой в стране Арйана Вэдж. В этом сооружении, своеобразном прототипе Ноева ковчега, все живые существа, люди и животные были спасены от чудовищной зимы. Идея упорядоченного сооружения, круглой или квадратной формы, противопоставленного хаосу, получила широкое развитие в общественной и культовой архитектуре среднеазиатского междуречья.

Поэтому вполне вероятна этимология Вардук из «вар»- «крепость, «убежище» + дук –«гора», подножие горы», то есть Вардук – «крепость у подножия горы». В этом плане название отражает основную изначальную функцию ,возникшего на берегу Пскема поселения – крепость –убежище, затем уже контроль и защиту торгового пути, позже ставшего административным центром прилегающей территории.

Название Шахджувар, безусловно, позднее и обнаруживает целый букет этимологических параллелей в топонимике Средней Азии, Афганистана и Ирана. Это прежде всего «джуй»- «ручей», «арык», «речка», «русло». В афганском джувар – «водоем», «бассейн». В Средней Азии Шохджуй – «проток», «отвод».² Компоненто шох (шах) – означает не только «царский», но и «лучший», «превосходный». Поэтому можно предположить следующую этимологию- Шахджувар – шах в значении

¹ Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов М., 1984, с. 113.

² Караев С.К. Топонимика Узбекистана. Ташкент, 1991, с. 26.

«превосходный» и джуйвар – «местность изобилующая ручьями и речками»,¹ т.е. «превосходная местность изобилующая ручьями и речками».

Таким образом, городище Шахджувар вполне может быть сопоставлено с одним из городов Шаша–Вардуком, который безусловно был городом, расположенным в горной местности и изначально являлся крепостью-убежищем, что отразилось в его названии. К XI- XII вв. он превращается в достаточно крупный городской центр, связанный с добычей и переработкой металлов и торговлей. После гибели города и частичного возрождения поселения и промысла его название переосмысливается и отражает уже особенности окружающей местности.

*Г.А. Брыкина
(Москва)*

ФЕРГАНА НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Фергана с древнейших времен была плотно заселенной областью с высокоразвитой экономикой и культурой. В области развивались ремесла. Изделия ферганских ремесленников пользовались спросом на международных рынках. Уже в середине V века до н.э. в Фергане выросли города и крупные поселения.

Ближайшим восточным соседом Ферганы был Китай, императоры которого проявляли пристальное внимание к Фергане. Император Ву-Ди, завоевавший Восточный Туркестан, стремился наладить торговые пути через Среднюю Азию. С этой целью он неоднократно направлял в эту область дипломатические посольства и предпринимал военные экспедиции. Во II в. до н.э. (в 136-128 и 115 гг. до н.э.) Фергану дважды посетил Чжан Цянь, оставивший подробное ее описание.

Большую роль в экономике обширных районов Евразии играла торговля шелком. Монополия на его производство долгое время принадлежала Китаю. Торговля шелком приносила огромные доходы. Поэтому за право торговать изделиями из шелка, а также за пути, по которым осуществлялась эта торговля, шла ожесточенная борьба между главными соперниками - Согдом и Ираном. До завоевания Средней Азии арабами торговля шелком на среднеазиатском отрезке пути находилась в руках согдийцев. Иранцы всячески препятствовали прохождению через территорию Ирана согдийских караванов, облагали их невероятно высокими пошлинами. Согдийцы вынуждены были искать пути обходящие Иран. И такой путь был найден. С VI века начинает функционировать путь через Северный Кавказ.

Регулярные культурные и торговые связи Китая с западными странами начинаются не раньше конца III в. до н.э. Именно с этого времени начинают оформляться стабильные торговые пути с торговыми факториями. До этого времени можно говорить об обмене, осуществлявшемся по случайным путям. Об этих контактах свидетельствуют находки художественных изделий из металла и расписной керамикой, сходной с ферганской.

Но сходство материалов было результатом не только контактов, но и миграций населения из Средней Азии. В Восточном Туркестане жило значительное количество среднеазиатского населения. Особенно усилился приток в эту область населения из Согда и других регионов Средней Азии в середине I тыс. н.э. Вдоль торговых путей согдийцы основали многочисленные колонии. Они принимали участие в охране торговых путей. Торговля шелком, которая осуществлялась в Восточном Туркестане по Шелковому пути, находилась в руках согдийских колоний.

Трансконтинентальный путь, пересекавший огромные пространства Евразии от Дальнего Востока до Западной Европы, способствовал установлению контактов между странами и народами, которые оказались втянутыми в международную торговлю. Торговля, осуществлявшаяся по Шелковому пути, стимулировала развитие ремесел, что способствовало экономическому подъему в Среднеазиатском регионе. В области развиваются как местные, традиционные ремесла (металлообработка, керамическое ремесло, ткачество и другие), так и возникшие под внешним воздействием.

С V в. н.э. в Средней Азии начинается разведение шелковичного червя. А уже в VI в. в Согде и Фергане широко распространяется шелкоткачество на местном сырье. До этого времени шелк-сырец и пряжа вывозились из Китая (14, с. 5-51).

Согдийские ткачи достигли высокого мастерства. Согдийские ткани с многоцветным узором успешно конкурировали на внешнем рынке.

¹ Словарь географических терминов и других слов, формирующих топонимию Ирана. Составитель Савинова М., 1971, с. 81.

Шелковые ткани среднеазиатского производства были известны в Китае и ценились там высоко. Были известны золототканые согдийские материи. В китайских источниках приводятся 17 видов шелковых и шерстяных тканей, импортируемых Китаем с Запада. Главными экспортёрами были Византия, Египет, Иран. Много согдийских тканей, текстильные материалы из Астаны указывают, в основном, на связь населения, оставившего этот могильник, с Согдом, а через него с Ираном (14). Здесь также много и тканей китайского производства (15, с. 108-120).

Фергана издревле привлекала внимание китайцев. Но первые сведения о ней китайцы получили, видимо, в конце II в. до н.э., когда эту область посетил Чжан Цянь, оставивший ее подробное описание. Он отметил, что в Фергане было более 70 больших и малых городов, с населением несколько сот тысяч человек. Из сообщения Чжан Цяня ясно, что Фергана была областью с высокой городской культурой, где развивались ремесла, процветало земледелие. «В Давани делают вино из винограда. Богатые хранят его до 100 дан. Жители любят вино, как их лошади любят траву мусу». «Посланники вывезли семена и Сын Неба приказал и му-су, и виноград посадить на тучных землях» (3, с. 161). «Давань, Дахя и Аньси суть большие государства, в которых много редких вещей. Там много редких вещей и в художествах довольно сходствуют с Срединным Царством. Имеют слабое войско и дорожат китайскими вещами» (3, с. 153). Чжан Цянь писал о занятиях ферганцев. Он писал о том, что в этой области сеют рис и пшеницу, разводят лошадей: «Много аргамаков. Сии лошади имеют кровавый пот и происходят от небесных лошадей» (3, с. 162).

Интересно описание нравов ферганцев, их пристрастия к торговле: «Даваньцы искусны в торговле и наперекор состязаются за выгоду» (3, с. 162). Чжан Цянь отмечает, что Фергана не имеет шелка и не умеет отливать монету.

С конца II в. до н.э. Фергану почти постоянно посещают китайские посольства. Предпринимаются военные экспедиции в эту область. Устанавливаются культурные и торговые контакты.

Через Фергану проходил один из путей, соединявших Китай и Восточный Туркестан с Ближним Востоком и Византией. Его маршрут, видимо, совпал с тем, по которому прошли первые китайские послы.

Торговый путь, пролежавший через Фергану, в китайских хрониках назван Северной дорогой. Она простиралась «от места пребывания Чешинского владения подле северных гор, по реке идет на запад до Кашгара». «Северная дорога при переходе через Луковые горы (Памир) на запад ведет в Давань, Яньдай и Яньцы» (3, с. 170) и далее на запад. Этот путь, известен также под названием Ферганского. Он совпадает с путем из Кашгара в Фергану, который функционирует и в настоящее время.

Ферганский путь наиболее древний из торговых путей, по которым Китай вел торговлю шелком. Особенно активно эта северная дорога функционировала в первые века н.э. Она не утратила своего значения в эпоху средневековья.

Торговый путь пролегал по южным, наиболее развитым и плотно заселенным районам Ферганы. Он связывал городские центры области, хорошо известные и по письменным источникам, и по археологическим данным, такие как Ош, Андижан, Куба, Коканд, Ходжент, являвшиеся крупными ремесленными, культурными центрами. Помимо основного пути, пересекавшего долину с востока на запад, существовало множество второстепенных путей. Эти пути связали центр области с периферией, - с предгорьями и горными районами, где на базе добычи и переработки руд развивались ремесла и выросли крупные города (4).

На более чем 500-километровой трассе торгового пути, несомненно, существовали торговые фактории и караван-сарай. Они, видимо, размещались в городах или вблизи от них.

Можно предположить, что средневековые трассы Шелкового пути пролегли там же, где находились древние пути. В арабских дорожниках называются главные города области, которые находились на караванной дороге, указывается расстояние между ними.

Фергана была не только посредником в международной торговле, но и сама выступала в качестве активного торгового партнера. Предметом экспорта из Ферганы в Китай были изделия ремесленников, сельскохозяйственная продукция, продукция горнодобывающего промысла. Медь, сурьма, наштабрь, ртуть добывались в юго-западных предгорьях. Этот район стал центром металлообрабатывающего ремесла.

В Китае тонкое прозрачное стекло, имевшее название «боли», считалось экзотическим сокровищем. «Боли» цвета индиго поступало в Китай из Ферганы. Оттуда же в Китай поступала краска индиго. Ферганские женщины красили этой краской веки. В танском Китае придворные дамы использовали индиго как косметическое средство.

У ферганцев китайцы научились выращивать люцерну и виноград. В Китай из Ферганы вывозили знаменитых ферганских коней. О тесных контактах этих областей свидетельствует и распространение

ние в Восточном Туркестане области, игравшей активную роль в торговле Китая с западными странами, керамики сходной с ферганской. Н.В. Дьяконова и С.С. Сорокин обратили внимание на сходство хотанских миниатюрных горшков с ферганскими. Сходны с ферганскими и кубки с ручками, завершающимися изображениями животных (13, с. 35). Хотанские вазы на высоких поддонах находят прямые аналогии в керамике из Карабулакского могильника (1, с. 67).

Связи Востока и Запада были двухсторонними. Товары продвигались в обоих направлениях. Часть их оставалась на трассах торговых путей. Свидетельств этому достаточно много и в Средней Азии, и в других областях, через которые пролегал Шелковый путь.

Об оживленной торговле и о связи Средней Азии и Китая с Византией свидетельствуют находки византийских монет и брактеатов в различных районах Средней Азии и Восточного Туркестана. Известны, например, монеты Юстина I (518-527 гг.) и Юстиниана, найденные в могильнике Астана вместе с иранским и среднеазиатским шелком. Эти предметы попали в Восточный Туркестан через Среднюю Азию. Вполне вероятно, что их путь пролегал через Фергану.

В Андижане, при строительных работах, была найдена часть золотой индикации с погрудным изображением мужчины, помещенным на правой стороне. На левой стороне видна часть другого изображения. В.И. Козенкова сравнивает изображение на индикации с композицией на Византийских монетах и считает, что эту находку следует датировать VII-VIII вв. (15).

Китайские предметы неоднократно находили в Фергане. Так, на городище Мунчак-тепе, в нижнем его слое, найдена плоская галька с китайской надписью, включавшей два иероглифа, которые переводятся как «золото и драгоценные камни». Ниже иероглифов находились цифровые знаки. На обратной стороне - изображение человека с длинной бородой (10, с. 102).

Часты находки китайских монет. Это прежде всего монеты типа ушу. В настоящее время известно более 50 их экземпляров. Большая часть этих монет происходит из курганных захоронений.

Монеты ушу чеканились в Китае, начиная с 118 г. до н.э., в течение 700 лет. Среди монет, происходящих из Ферганы, есть экземпляры, относящиеся ко времени начала чекана. В кургане № 16 могильника Ташрават найдены две монеты, одну из них Н.Г. Ивочкина по написанию знака ушу и тонкому ободку на лицевой стороне считает возможным отнести к 118 г. до н.э. Вторая монета по всем признакам может быть датирована тем же временем (12, с. 48). Кроме описанных монет, из могильника Ташрават происходят еще девять монет, чеканенных в более позднее время - I в. н.э. и в конце II в. н.э. (12, с. 50). Все они найдены в женских погребениях среди украшений на груди или на тазовых костях погребенных. Курганы, в которых найдены монеты, датируются всем комплексом находок серединой I тыс. н.э.

Н.Г. Ивочкина и Н.Г. Горбунова полагают, что монеты ушу попали в Фергану не ранее II века н.э. Они не участвовали в денежном обращении, а использовались в качестве украшений (12, с. 45).

В Фергане известны и более поздние китайские монеты. Так, в Карабулаке, являвшемся в XI-XII вв. крупным ремесленным центром в южных предгорьях Ферганы, найдены три монеты династии Южная Сун периода Цянь-Дао (1165-1173 гг.) (4, с. 126, приложение V).

Одновременно с монетами ушу в Фергану из Китая попадали зеркала, которые неоднократно находили в ферганских курганах.

Особый интерес среди вещей китайского происхождения представляют ткани. Самая большая и разнообразная по составу коллекция была собрана в Карабулакском могильнике. Здесь, наряду с простыми беззурными тканями, есть высокохудожественные образцы, камка с простым шахматным рисунком и с изображением стилизованных человеческих фигур. Интересны вышивки. На одном куске шелка вышиты божества сян с птичьими головами, с шапкой в виде фригийского колпака и стилизованные цветы. Особенно интересна красная шелковая ткань с вышивкой, выполненной черными нитками. На ней изображены женские фигуры, расположенные рядами. На головах у них короны; руки подняты вверх, в них - змеевидные драконы. Разнообразны ткани и по назначению. Здесь есть фрагменты одежды, вставные ленты, лицевые платки. Ю.Д. Баруздин отмечал также газовые ткани (19, с. 43). Лицевые платки из тонкого китайского шелка найдены также в могильнике Боркорбаз (20, с. 117) и в подземных склепах могильника Мунчак-тепе (21, с. 62).

Шелковый путь сыграл не только экономическую, но и большую культурную роль в истории народов Евразии. Культурное взаимодействие было широко и разнообразно. Оно началось раньше, чем начал действовать Шелковый путь, и затронуло все сферы человеческой деятельности. В него оказались втянутыми все народы, проживавшие на трассах Шелкового пути, что не могло не отразиться на духовной жизни в области.

В Восточном Туркестане распространяется буддизм. Он сюда пришел из Индии через Среднюю Азию. Возникают буддийские монастыри, строятся храмы. В их архитектуре явно прослеживается

среднеазиатское влияние. Под воздействием буддийского гандхарского искусства в Восточном Туркестане развивается монументальное искусство.

Не менее важные материалы дало изучение погребального обряда. Они подтверждают тесные связи, существовавшие между населением Восточного Туркестана и Ферганы. В обеих областях в первой половине I тыс. н.э. совершались захоронения в сходных погребальных сооружениях - катакомбах и подбоях. Как и в ферганских сооружениях, катакомбы Астаны включают длинный, наклонно понижающийся дромос и обширную камеру прямоугольного очертания. Ферганские катакомбы отличаются от катакомб Астаны формой погребальной камеры. Она - овальная в плане.

Не менее важны и черты погребальной обрядности. В Ферганские катакомбы помещали от 1 до 3-4 умерших. Погребения совершались последовательно, часто по прошествии длительного времени. Умерших часто клали в гробы или на дощатые помосты. В Фергане умерших часто закрывали циновками. Погребенных обычно сопровождал обширный погребальный инвентарь. Много керамики: широкодонные горшки, кувшины, курильницы на высоких ножках.

Б.А. Литвинский объясняет появление подбойно-катакомбных захоронений в Восточном Туркестане сарматским влиянием на культуру населения этой области. Фергана же, по его мнению, была ретранслятором этого влияния (16, с. 55).

Для понимания мировоззрения древнего населения были важны предметы мелкой пластики. В погребениях Астаны много фигурок животных - быков, баранов, уток. Есть изображения людей (18, с. 111; с. 222, рис. 27, с. 223, рис. 29).

В Китае в древности существовал обычай помещать в могилу вместе с умершим жен, рабов, жертвенных животных. Но с эпохи Хань все реальные спутники заменяются их изображениями (11).

В Фергане антропоморфные изображения найдены в трех могильниках (Ворух, Тураташ и Ташрават). Все они сделаны из алебаstra и раскрашены черной и красной краской. Все ферганские фигурки имеют стилистическое сходство. Они имеют непропорционально большие по сравнению с торсом головы, прямые выступающие носы, выпуклые, косо поставленные глаза (7, с. 53; 8, с. 75-87). Ташраватские скульптуры более всего похожи на фигуры из храмового комплекса в Кайрагаче, находящемся в непосредственной близости от могильника Ташрават (5, с. 32, рис. 61). Создается впечатление, что вся эта группа скульптур изготовлена в одной мастерской, может быть, одним мастером. Ферганские скульптуры играли различную роль в погребальном обряде. Они могли выполнять роль спутников погребенных или же замещать их, будучи помещенными в кенотаф (8, с. 56; 9, с. 75-87).

Обычай закрывать лицо погребенных был широко распространен. Он отмечен на Северном Кавказе, в Средней Азии, в Восточном Туркестане и Китае, то есть в областях, лежавших на Великом Шелковом пути. В этих же областях найдены наглазники и наротники из золота и шелковой ткани, погребальные золотые маски. В качестве лицевых покрывал использовались узорчатые шелковые ткани. Е.И. Лубо-Лесниченко полагал, что происхождение масок и покрывал следует вести из Тяньшаня и Западной Ферганы, где эти предметы найдены в захоронениях в подбоях и катакомбах, сходных с Восточно-Туркестанскими (18, с. 115).

Ферганский отрезок Великого Шелкового пути особенно активно функционировал в первые века н.э. В VI веке он перемещается к северу в Семиречье. Думаю, что это перемещение нужно связывать не только с усилением роли тюрок в Средней Азии, но и с переселением в Семиречье значительной массы согдийцев, державших в своих руках международную торговлю.

Литература:

1. Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // Труды Института истории АН Кирг. ССР. Фрунзе, 1961.
2. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
3. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I-III. М., 1950.
4. Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974.
5. Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тыс. н.э. М., 1982.
6. Давидович Е.А., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955.
7. Литвинский Б.А. Исследование могильников Исфаринского района // АРТ. Вып. 6. Сталинабад, 1961.
8. Брыкина Г.А. Об антропоморфных скульптурах в захоронениях Ферганы // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.
9. Брыкина Г.А., Трунаева Т.Н. Идолы в захоронениях Ферганы // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995.
10. Гайдукевич В.Ф. Работы Фархадской экспедиции в Узбекистане в 1943-1944 гг. // КСИИМК. Вып. XIV. М., 1947.
11. Глухарева О., Денине Б. Краткая история искусства Китая. М., 1948.
12. Горбунова Н.Г., Ивочкина Н.Г. Монеты ушу из могильников Ферганы // СГЭ. Вып. LIII. М., 1988.
13. Дьяконова Н.В., Сорокин С.С. Хотанские древности. Л., 1960.

14. Иерусалимская А.А. Западные ткани на Дальнем Востоке // История и искусство Индии и стран Дальнего Востока. Л., 1975.
15. Козенкова В.И. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии // СА. М., 1967, № 1.
16. Литвинский Б.А. Проблема этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура Средней Азии. М., 1976.
17. Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
18. Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История, культура, связи. М., 1984.
19. Баруздин Ю.Д. Карабулакский могильник // ИАН Кирг. ССР. Серия общественных наук. Т. III, в. 3.
20. Сорокин С.С. Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох) // ТГЭ. Т. V. 1961.
21. Матбабаев Б.Х. Подземные склепы могильника Мунчак-тепа // Фергана в древности и средневековье. Самарканд, 1994.

О. Бўриев
(Карши)

ОВЧИЛИК ТАРИХИДАН

Кишилик жамияти хўжалик ҳаётидаги овчилик энг дастлабки машғулоти тури бўлган теримчиликдан кейин балиқ овлаш шаклланганлигини қадимшунос ва элшунос олимлар исботлаб беришган. Инсоният ҳаётида овчилик энг қадимги машғулотлардан бири саналади. Одамлар илк тош давридаёқ фил, каркидон, буғу, зурб, тур каби ҳайвонларни овлашган. Ибтидоий овчилар ҳам аста-секин ўтроқликка ўта бошлашган. Содда овчилик ва теримчилик тирикчиликнинг асосий манбаи ҳисобланган. Ёғоч ва тош қуролларига эга бўлган овчилар уюшган ҳолда ов қилишган. Бу эса уларнинг меҳнатларини анча осонлаштирган.

Сўнгги тош асрида муайян ҳудудларда овчи қабилаларнинг алоҳида қароргоҳлари вужудга келган. Ўзбекистонда бу даврга оид 100 дан зиёд манзилгоҳлардаги (Зараутсой, Сармишсой, Такатош, Бирасой ва бошқалар) қоятош расм-тасвирларда ов жараёни ниҳоятда маҳорат билан тасвирланган.

Мезолит даврида камалак, ўк-ёй кашф этилгач овчиликда инқилоб содир бўлган ва у янги тараққиёт босқичига кўтарилган. Овчилик илк тош даврида жамоавий (гурух) хусусиятга эга бўлиб теримчилик, балиқчилик сўнгра эса дехқончилик ва чорвачилик билан уйғунлаштирилган ҳолда олиб борилган. Меҳнат қуроллари такомиллашгач яқка овчиликка кўпроқ эҳтиёж сезилган. XII асрининг бошларида арабларда ўқ отар қуроли (милтиқ) кашф этилгач, бу қурол овчиликнинг энг асосий воситасига айланган.

Одамлар энг қадим замонлардан буён тирикчилик эҳтиёжлари учун ёввойи ҳайвон ва паррандаларни овлашади. Чорвачилик, дехқончилик, кейинчалик эса хунармандчилик ривожланиш билан овчиликнинг нуфузи аста-секин пасая бошлаган. Лекин Австралия, Янги Гвинея, Африкадаги бир қатор мамлакатлар, Жанубий Америка, Ҳиндистон ва Ҳинди-Хитойнинг тоғли ҳудудларида яшовчи туб аҳоли (аборигенлар) ўртасида овчилик ҳанузгача озик-овқат топишнинг энг муҳим манбаларидан бири сифатида сақланмоқда.

Октябр тўнтаришига қадар Ўрта Осиё халқларида ҳам овчилик кенг тарқалган эди. Хусусан қирғизлар, козоқлар, чўл ва тоғ ҳудудларида яшовчи ўзбек, туркман ва тожиклар гўшт учун ёввойи ҳайвон, айниқса паррандаларни ов қилишган. Шўро даврида чорвачиликнинг ривожланиши туфайли овчилик тобора орқада қола бошлади. Ҳозирги вақтда фақатгина овчилик билан шуғулланувчи кишилар кам учрайди. Бу касб эндиликда асосан ҳаваскорлик машғулотига айланиб қолди. Чунки кейинги пайтлардаги назоратсизлик оқибатида овчилик қилиниб, ёввойи ҳайвон ва паррандаларнинг кўплаб қирилиб кетишига сабаб бўлди. Оқибатда Ўрта Осиё минтақасидаги асосий ёввойи ҳайвон ва паррандаларнинг кўплаб турлари деярли йўқолди. Масалан, турон йўлбарси, қизил бўри ва бошқа турлари аллақачон барҳам топган. Ҳозирги сақланиб қолган кўп турлар ҳам йўқолиш арафасида бўлгани учун “Қизил китоб”га киритилган. Тирик табиатнинг муҳим экологик қисми бўлмиш ёввойи ҳайвон ва парранда турларини асраш, уларни келгуси авлодларга етказиш бугунги куннинг долзарб масаласидир.

Қуйидаги овчилик ва унинг турлари, усуллари ва удумларига оид баъзи маълумотлари келтирилади.

Овчилик аждодларимизнинг ўзига хос турмуш тарзи муайян кўринишда ёрқин ўз ифодасини топганлигини англаб етиш қийин эмас. Кўп минг йиллар муқаддам неандарталь одам яшаган Жанубий Ўзбекистон ҳудудидаги Тешиктош ғоридан жуда хилма-хил ҳайвон суяклари топилган. Фарғона водийсида парранда ва ёввойи ҳайвонларнинг кўплиги тўғрисида Заҳириддин Муҳаммад Бобурнинг

«Бобурнома» асарида ҳам қизиқарли маълумотлар келтирилган. Туб аҳоли ҳайвон ва паррандаларни камон, найза, қопқон, сопқон, тузоқ, тўр каби қурол ва воситалар билан овлашган. Бўри ва тулки сингари йиртқич ҳайвонларни отда қувиб ҳолдан тойдириш йўли билан ҳам қўлга туширилган.

Қадимда овчи қушлар билан бедана, тустовуқ, каклик ва бошқа паррандаларни овлаш кенг тарқалган эди. Қозоқ ва қирғизлар, қисман туркман ва тожиклар лочин, қарчиғай шунқор, бургут сингари йиртқич қушлар билан ов қилганлар. Бунинг учун аввало бу қушларни кичиклигидан, полапонлигиданок ёки катталарини тутиб қўлга ўргатилган. Кейин эса аста-секинлик билан овга солинган.

Йирик қушларни тутиш анча машаққатли ва хавфли бўлган. Шунинг учун энг аввал уларнинг кўнадиган ва дам оладиган жойи олдиндан аниқланиб, у жойга бир парча гўшт қўйилган. Қуш гўштни чўқий бошлаганини кўрган овчи қўлига тўр билан жуда эҳтиёт бўлиб унга яқинлашади. Шу аснода қуш гўшtidан бошини кўтарса, овчи дарҳол тўхтаб кўзларини юмади. Чунки қуш кўзлари юмуқ жонзотни жонсиз нарса деб тушунади. Агар овчининг очик кўзларини кўриб қолгудек бўлса, шу ондаёқ учиб кетади. Шу тарзда овчи қушга 5-6 метр яқинлашиб, бирдан тўр ташлайди ва ўлжа тўрга ўралиб қолади.

Сўнгра овчи қушни қўлга қўндириб, одамга ўрганиши учун доимо одамлар орасида олиб юради. Шу зайлда қуш 2-3 кун ҳеч нарса емайди. Кейинчалик эса унча-мунча чўкилай бошлайди. Шу пайтда унинг кўзлари бироз очиб қўйилади. Қўлдан берилган озуқани еган қуш одамга анча ўрганиб қолгач, овга ўргатила бошланади. Кичиклигидан боқиб ўстирилган қушни овга ўргатишда куён, тулки сингари ҳайвонлар терисига похол тиқиб қотирилган тулуплардан ҳам фойдаланилган.

Қушни ов қилишга тайёр бўлганидан кўнгли тўлган овчи энди уни шикорга тайёрлайди. Овчи қушнинг озғин, семизлигига ва куч-қувватини синчиклаб кўздан кечиради. Мабода қуш озғин бўлса бир неча кун давомида яхшилаб боқилади, вазни оғирроқ бўлса озуқадан тортилади ва овга мослаштирилади. Овга чиқишдан олдин қуш, айниқса бургут бир неча кун оч қолдирилади, ёки оғзига 700-800 грамм намақоб қуйиб ошқозони ювилади чунки оч қолган қуш овга астойдил ташланади. Шу тарзда тайёрланган қуш билан энди овга чиқиш мумкин бўлади. Қарчиғай, лочин, шунқор сингари кичик йиртқич қушлар майда ҳайвонларни овлашга солинган, бургут билан эса йирик ҳайвонлар, жумладан бўри овланган.

Бошидан ёпқичи олиниб, солинган қуш тепадан туриб ўлжага ташланаркан уни кучли оёқлари билан ерга босиб тушади. Шу вақт овчи етиб келиб, қушга бир парча гўшт ташлаб, ўлжани унинг чангалидан оладида қушнинг бошига ёпқич тутлади.

Лочин ва шунқорлар ёрдамида ёввойи ўрдак, ғоз ва бошқа паррандаларни ов қилиш усули жуда ҳам қизиқарли. Осмонга кўтарилган овчи қушлар паррандалардан юқорироқ парвоз қилиб, сўнг бирин-кетин уларга ташланиб, бўйин умуртқасини уриб синдиради. Майиб бўлган парранда ерга қулаб тушади. Тажрибали кекса овчиларнинг берган маълумотларига кўра, энг тадбиркор овчи қушлар, паррандалар галасини атайлаб ўз эгаси турган жойга ҳайдаб келадилар, сўнг нақ унинг тепасида учиб ўз ўлжасини бирин-кетин ташлайверади. Ов тугагач қушга дарҳол ҳар бир ўлжанинг ўт пуфаги ёки буйраги олиб берилади, сўнгра тўйгунча гўшт билан сийланади.

Овчилар қуш ва қопқон воситасидагина эмас, балки тўр, тузоқ ва машъала ёрдамида ҳам ов қилганлар. Бу усуллар билан асосан бедана, каклик каби паррандалар овланган. Масалан, бедана овида тўрт усул мавжуд бўлган. Биринчиси-тўр ташлашдир. Баҳор ойларида эрта саҳар ёки кеч кирганда бўйи 8-12 метр эни 8 метрли тўр олиб беданалар сайроғи келаетган даладаги кўкат устига ёзилади. Овчи тўрнинг бир томонига ўтиб, ерга етиб олади-да, ёғоч, суяк ва теридан ясалган карки (махсус мослама) ёрдамида макиён овозига ўхшаш қилиб тақлид товуш чиқаради. Бедана бу товушни эшитгунча кутиб ётади, кейин дарҳол ўрнидан туради ва шу заҳотиёқ тўрга тушади.

Анъанага кўра май ойининг охирлари-июннинг бошларида тузоқ билан ов қилиш айниқса авж олади. Тузоқ турлича усулда қўйилади. Жумладан от қилидан ясалган тузоқ бир бўлак думалок шаклдаги лойга маҳкамланиб, ўт-ўлдан тозаланган ерга жойлаштирилади ва икки томонига тарик сепиб қўйилади. Бошқа усулида беданалар йўлига кўндаланг қилиб таёкча қўйилади-да, унга от қилидан ясалган тузоқ боғланади. Яна бир хил тузоқда тикка ўрнатилган таёкча тўрқовоқ илиб қўйилади. Унинг ичидаги сайроқи бедана хонишига алданган ёввойи беданалар шу жойга яқинлашиб келадилар ва таёк атрофидаги тарикларни чўқиб тузоққа тушиб қоладилар. Бошқа бир ов усулида эса ўргатилган ит ва узун сопли матрадан фойдаланилади. Ит овчидан 5-10 кадам олисда юради, парранда шарпасини сезганида эса бир метрча бориб қимир этмай қолади. Шунда овчи қўлидаги матрапни бедана турган жой устига чиқариб туради-да итига «бос» деб буйруқ беради. Ит паррандага отилади, бедана чўчиб учиб чиқиб овчи қўлидаги матрап тўрига илиниб қолади.

Шунингдек яна бир усулда бедана август, сентябр ойларида ёриткич ёрдамида овланади. Кун бо-тиб қоронғи тушгач, уч тўрт киши ёриткич кўтариб тўр ортидан боради. Шунда ўт-ўлан орасидаги бедана ёруғликни кўриб юқорига учмоқчи бўлади, лекин тўрга ўралиб қолади.

Каклик ови айниқса қизиқарли бўлиб, унинг ҳам бир неча тури мавжуд бўлган. Шулардан бири парранданинг ўз «мулки»ни бегоналардан ҳимоя қилиш тамойилига асосланган бўлиб, бу куйидагичадир: дастлаб анча машаққатли ишлигига қарамасдан каклик боласи тутиб боқилади. Бир ўрганган каклик одамга жуда эл бўлиб кетади, хатто товукларга қўшилиб ҳовлида бемалол сайр қилиб ҳам юраверади. Лекин бунда бир шарт борки, ов учун танланадиган каклик товуши жуда ўткир, ўзи кучли ва урушқоқ бўлиши керак. Уни қафасга солиб эрта тонгда овга чиқилади. Одатда какликлар тонг чоғи уйғонганда дарров бир-бирларига жўр бўлишиб сайраб кетишади. Бундай эрталабки сайрашлар, одатда, 2-3 соат давом этади. Овчи қулай жойни танлаб, қафасни жойлаштиради-да унинг атрофига ярим метрни қозикчалар қоқиб, улар орасида бир неча тузоқ ўрнатилган ингичка чизикча-ип боғлайди. Шу вақтда қафасдаги каклик қаттиқ сайрай бошлади. Бу жойнинг эгаси бўлмиш каклик эса бегона товушни эшитган заҳоти қазабли жавоб қилади ва у томон югуриб келиб қафас олдида тортилган тузоқларнинг бирига илиниб қолади.

Бошқа усулда эса макиён каклик ишга солинади. Лекин овнинг бу усули йил давомида паррандаларнинг тухум босиш даврида, бир йўғи 2-3 хафтагина давом этади. Ундан ташқари ўрдак, ғоз, қирғовул, тувалоқ ва шу кабилар ҳам овчиларни ўзига жалб этган. Ўрдаклар учадиган йўлларига мўлжаллаб, икки томондаги дарахтга узун ва кенг тўр тортиб қўйиш йўли билан овланган. Одатда, эрта тонгда учиб ўтаётган ўрдаклар шу тўрга ўралиб қолади Довонларда, айниқса бу жойдан сой ўтган бўлса бу усул жуда ҳам қўл келади. Чунки ўрдаклар ғира-ширада кўринувчи сой сувини мўлжалга олиб учушади.

Овчилик таомилигига кўра, ўлжалар қанчалик кўп бўлмасин, унинг гўштини пулга сотиш гуноҳ ҳисобланган. Шу боисдан ҳам ов гўшти кўни-қўшнилари, қавм-қариндошлар, қариялар, кекса овчилар, яқинлар ва ҳамқишлоқларга бепул тарқатилган. Табиийки одатда мавсумдаги биринчи ов оила аъзолари билан баҳам кўрилган. Қолаверса, ўтмишда ҳар ким ҳам овчи қушларга эга бўлавермаган. Овчи қушлар асосан бадавлат кишилар қўлида бўлган. Битта овчи қушнинг нархи ҳаттоки от ва туя баҳосига тенг, баъзан ундан ҳам қиммат турган.

Ҳозирги даврда ҳам овчилик ҳамон давом этмоқда. Ўзбекистонда овчилик ҳайвонот оламининг экологик жиҳатига, уни яхши муҳофаза қилиш масаласига катта эътибор берилган ҳолда олиб борилмоқда. Шу боисдан ҳам маълум муддатларда ва ниҳоятда чекланган доирада овчилик қилинмоқда. Мамлакатимизда махсус овчилар ўз фаолиятларида шу соҳага оид давлат ҳукуқий ҳужжатларга, тирик табиатнинг ўзига хос қонуниятларига қатъий амал қилинган ҳолда фаолият юритишмоқда.

Хуллас, аънавий ов ва овчиликнинг турфа урф-одат ва удумлари Ўзбекистоннинг турли минтақаларида ўзига хос хусусиятларга эга бўлиб ниҳоятда қизиқарлидир. Ушбу мақола доирасидан четда қолган овчиликнинг баъзи таомиллари келгусидаги этнографик тадқиқотларда янада тўлдирилади, бу соҳада илмий изланишлар ва тадқиқотлар яна давом этади.

*И.Н. Ганиев, К.А. Крахмаль, О.В. Бондарь
(Ташкент)*

К ИСТОКАМ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОРНОГО ДЕЛА В БАССЕЙНЕ РЕКИ АНГРЕН

Бассейн реки Ангрен в историческом прошлом являлся известным горнорудным центром северо-восточного Мавераннахра. Сведения по разработкам золота, серебра, бирюзы отражены в средневековых хрониках Востока, в сообщениях географов и историков Ибн-Хордадбега, Кудамы, Макдиси, автора «Худуд-ал-Алема», Ибн-Хаукаля, ал-Хамдуни, ал-Беруни и др. Однако данные средневековых письменных источников, как правило, лишь в нескольких строках освещают историю и топографию района, а также отдельные вопросы металлургии и горного дела.

Как известно, в различные исторические эпохи условия и возможности добычи и обработки горнорудного сырья были неодинаковы. Поэтому определение времени функционирования древних рудников и объемов древней добычи имеет большое значение. Это позволяет не только судить о социально-исторических условиях, масштабах производства и, соответственно, об уровне материальной культуры населения той или иной территории, но и детализировать данные о количестве и характере залегания рудных тел.

Изучение памятников горного дела и металлургии бассейна р. Ангрен представляет значительный интерес и для современных геологоразведочных и эксплуатационных работ. Подобные памятники являются надежными поисковыми признаками, показателями локализации рудных зон и нередко позволяют более детально определить морфологию рудных тел.

Не менее важную роль играют также результаты изучения истории становления и развития металлургии. В этом плане анализ особенностей древней металлургии обычно производится на основании изучения шлаков и готовой продукции, что позволяет с некоторой долей условности определить состав руды и использовать эти данные как дополнительные поисковые признаки. Кроме того, комплексирование данных детального петрографо-минералогического изучения и химического анализа отложений древних шлаковых полей и окружающих их горных пород дает возможность выявить характерные особенности строения и состава антропогенных и геологических образований, что, в свою очередь, способствует решению ряда вопросов рудообразования и металлогении конкретного района.

Данные факторы обусловили интерес к историческим памятникам древней металлургии и горным разработкам не только со стороны историков, но и геологов, географов и горных инженеров. Так, одно из наиболее ранних геологических описаний рассматриваемого района было выполнено И.В. Мушкетовым [Мушкетов, 1875], а первые археологические раскопки производились Н.И. Веселовским в 1884 г. на городище Улькан-Тойтюбе (Отчет Археологической комиссии, 1915). Данные по горному делу и городам Ахангарана приводятся в работах В.В. Бартольда [Бартольд, 1900]. В 1910 г. некоторые древние горные выработки в этом районе осматривались и были описаны горным инженером В.Н. Томилиным [Томилин, 1912]. В.Н. Вебер также указывал на существование «в долине Ахангарана серебряного рудника напротив Аблыка» и древних выработок в районе Кансая [Вебер, 1913; 1915]. Некоторые рудники были описаны И.А. Кастанье, древние выработки Кан-и-Мансура изучал горный инженер Р. Буб [Наследов, Королев, 1928].

В середине 20-х годов XX века, в связи с началом крупномасштабных геологических изысканий, направленных на определение рудных запасов Карамазара, наряду с поисковыми работами, одновременно фиксировались и памятники древней культуры, связанные с горным делом и металлургией. В 1924 г. А.П. Криковым были выявлены шлаковые поля в Нишбаше, впоследствии изученные Б.Н. Наследовым [Наследов, 1932]. В 1925-1926 гг. С.Ф. Машковцев проводил геологическое изучение района, в ходе которого также рассматривал вопросы, связанные с древним металлургическим производством, в частности: о «металлургической промышленности в горах Кара-Мазар», об особенностях локализации древнего поселения Кухи-Сим и местоположении столицы Илака [Машковцев, 1925, 1926, 1930]. Весьма содержательная информация о древних рудниках и масштабах горнорудного производства приводится в работах И.В. Дюгаева по месторождениям Табошар, Канджол, Кансай и др. [Дюгаев, 1935 и др.].

С 1929 г. в составе Таджикско-Памирской экспедиции начинают проводиться геолого-археологические исследования силами отряда археологов под руководством М.Е. Массона. Некоторые результаты этих исследований, в ходе которых на основе сравнительного анализа письменных источников был рассмотрен процесс развития горного дела, определены типы полезных ископаемых, а также изучались вопросы техники средневекового горного дела и металлургии, были опубликованы позднее [Массон, 1953].

Повышенный интерес к истории развития древнего горного дела способствовал появлению ряда работ преимущественно геологического профиля, в которых освещались также и исторические памятники района [Наследов, Королев, 1928]. Однако, несмотря на ценность полученного материала, работы по изучению истории горнорудного дела Приташкентского (Ангренского) района с конца тридцатых годов приостанавливаются.

Начиная с 1955 г., со времени организации Институтом истории естествознания и техники АН СССР специального отряда под руководством О.И. Исламова, начал проводиться сбор материала по теме «История зарождения и развития геологических знаний в Средней Азии в древние и средние века» [Исламов, 1960].

В 1959 г. Институтом истории и археологии АН Узбекистана и Музеем истории народов Узбекистана был организован специальный отряд для историко-топографического изучения долины р. Ангрен и памятников горнорудного производства Чаткало-Кураминского региона. Результаты проведенных работ по истории горного дела были дополнены и систематизированы Ю.Ф. Буряковым [Буряков, 1965]. Кроме того, им же были проведены обследования средневековых и более древних городищ в долине реки Ангрен, составлены археологические карты, выявлены пункты горнорудного производства и выполнено отождествление их с данными письменных источников. Также были проведе-

ны стратиграфические раскопки на городищах Имлак-Тункет, Кульата-Тункет, Аблык-Абрлыг, Намудлыг, Кухи-Сим, на поселениях и пунктах металлургического производства в Кандырсае, Куйлюксае, Акташкане, Ташбулаке, были изучены погребальные сооружения в районе Пскента. В процессе раскопок на выявленных памятниках был собран ценный, весьма представительный археологический материал.

Ю.Ф. Буряковым изучались рудники: в Кураминском хребте - Актепе, Кенкол, Ирису, Наугарзан, Лашкерек, Тызкуль, Кочбулак, Тогберды, Гуштсай, Кандырсай, Шаугаз, Унгурликан, Коктепа, Караташ, Мискан-Каратюбе, Акджен-Актурпак, Сартабуткан, Кальмакыр, Накпай, Балыкты, Кулемес, Канимансур, Караташкунтан, Адрасман, Баритовый разлом; в Чаткальском хребте - Кокрель, Самарчук, Кызылалма, Кайнар, Каптурек.

Проведенные Ю.Ф. Буряковым исследования рудников и пунктов металлургического производства убедительно показали, что долина реки Ангрэн представляла собой весьма значительный горнометаллургический район Древнего Востока. Полученные результаты позволили осветить ряд вопросов добычи и обработки полезных ископаемых района, охарактеризовать уровень развития горного дела и металлургии в определенные исторические эпохи.

Очень актуальной в исследовании истории горного дела является постановка Ю.Ф. Буряковым вопроса об истоках раннего использования полезных ископаемых в долине реки Ангрэн. Им были впервые систематизированы и введены в научный оборот данные, свидетельствующие о разработках кремневого сырья начиная от палеолита до неолита включительно [Буряков, 1974]. При этом особенно интенсивные разработки были отмечены в междуречье Кызылалмасай - Гошсай.

Изучение состава, строения и характерных технологических особенностей изготовления каменных орудий труда, выявление взаимообусловленности исходного сырья и облика изделий имеет важное значение в историко-археологических исследованиях.

К настоящему времени получены новые данные петроархеологических (археолого-петрографических) исследований позволяющие значительно дополнить существующие представления о ранних этапах становления горного дела в Чаткало-Кураминском регионе.

Определение петрографического состава каменных изделий, открытых на палеолитических памятниках, выявило, что в это время использовались многие виды горных пород и минералов. Список горных пород и минералов, применявшихся для изготовления орудий труда, отражает не только особенности геологического строения данной территории. Он также позволяет наметить хронологические интервалы процессов возникновения, закрепления или отмирания определенных производственных традиций и навыков обработки камня.

Даже предварительный анализ материалов позволяет считать, что древние обитатели долины р. Ангрэн уже в конце раннего и начале среднего палеолита весьма избирательно подходили к выбору каменного сырья. Ведущим признаком, определявшим отбор каменного материала для изготовления орудий, являлась изотропность физических свойств, обусловленная «строением камня», главным образом, микрозернистой и стекловатой структурами исходного сырья. Особенности геологического строения этого региона, широкое развитие и многообразие магматических, в частности вулканогенных и связанных с ними гидротермально-метасоматических образований, создали богатую сырьевую базу для производства каменных орудий. Это, в свою очередь, явилось благодатной почвой для накопления эмпирических знаний, выработки навыков обработки камня и, в конечном счете, для становления и развития горнорудного дела.

Таким образом, становится все более очевидной перспективность проведения специализированных петроархеологических (археолого-петрографических) исследований. Систематическое, планомерное проведение и развитие работ по минералогическому и петрографическому изучению древних каменных изделий позволит прояснить многие аспекты истории развития горного дела в Узбекистане.

Литература:

1. Абу-р-Райхан ал-Беруни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) // Перевод Белецкого. Л., 1963.
2. Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. М., 1927.
3. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. Т. I. (2). СПб., 1966.
4. Буряков Ю.Ф. Древний серебряный рудник Актепа // Из истории культуры народов Узбекистана. Ташкент, 1965.
5. Буряков Ю.Ф. Древний серебряный рудник Лашкерек // СА. М., 1965. № 1.
6. Буряков Ю.Ф. О местонахождении «серебряного рудника Шаша» // ОНУ, № 12. Ташкент, 1965.
7. Вебер В.Н. Полезные ископаемые Туркестана. Т. I. СПб., 1913.

8. Вебер В.Н. Отчет об осмотре некоторых месторождений в Туркестане по поручению Центрального военно-промышленного комитета // Известия Геолкома. Ташкент, 1915. Т. XXXIV. № 7.
9. Дюгаев И.В. Рудные месторождения Табошарского участка. // Рудные месторождения Кара-Мазара - М.- Л., 1935.
10. Исламов О.И. Разведка памятников горного дела в республиках Средней Азии в 1955 г. // Тр. Института истории естествознания и техники АН СССР. Т. XXIII. - М., 1960.
11. Массон Е.М. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953.
12. Машковцев С.Ф. Исследования в Ташкентском районе в юго-восточной части десятиверстного листа Р. VI к югу от Ангрена (Отчет Геолкома за 1925 г. - Ташкент, 1926.
13. Машковцев С.Ф. Кухи-сим // Геологический вестник. Ташкент, 1926. № 1-3.
14. Машковцев С.Ф. К вопросу о древней металлургической промышленности в горах Кара-Мазар // Тр. 3-го Всесоюзн. съезда геологов в Ташкенте в 1928 году. Вып. 1. - Ташкент, 1930.
15. Мушкетов И.В. Туркестан. Т.2. - СПб., 1875.
16. Наследов Б.Н. Древние шлаки и полиметаллические месторождения Лашкерекско-Янгоклавского участка // За недра Средней Азии. Ташкент, 1932. № 2.
17. Наследов Б.Н., Королев А.В. Месторождения Алтын-Топкана, Табошарского участка, Кансая и Канимансура в Кармазарском районе // Путеводитель экскурсий III Всесоюзного геологического съезда. - Л., 1928.

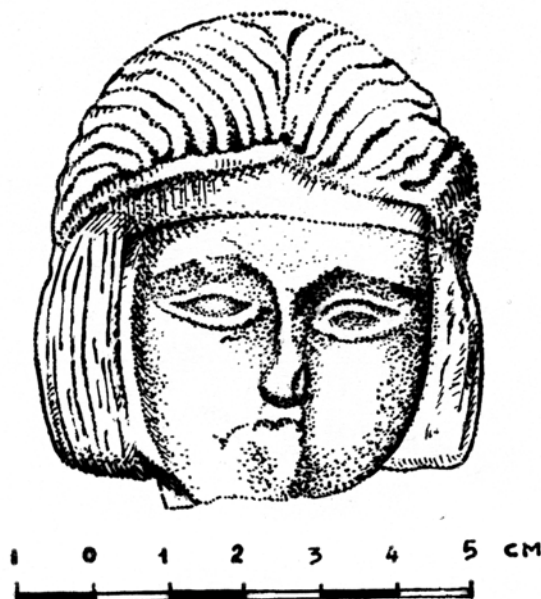
*Е. Денисов
(Берлин)*

ГОЛОВА ТЕРРАКОТОВОЙ ФИГУРКИ КУШАНСКОГО АРИСТОКРАТА ИЗ ШАХРИНАУ (ГИССАРСКАЯ ДОЛИНА, ТАДЖИКИСТАН) В СВЯЗИ С ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С КУЛЬТОМ ХВАРЕНО/ФАРР И ПРОИСХОЖДЕНИЕМ ДИНАСТИЙНОГО ИСКУССТВА В КУШАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Одной из наиболее ярких и загадочных страниц в истории искусства и культуры Средней Азии является кушанская эпоха. Ввиду крайней скудности сообщаемых письменными источниками сведений, касающихся этого времени, особое значение для исследователей представляют археологические находки и, в частности изделия коропластики.

В Душанбе, в частной коллекции Владимира Квитко, военнотружашаго-офицера, сына душанбинского скульптора Ванды Квитко, в восьмидесятих годах хранилась голова терракотовой штампованной фигурки кушанского аристократа (рис. 1). К В.Квитко предмет этот попал через вторые руки. Все, что известно о месте находки, это что она была обнаружена на территории или непосредственно вблизи современного поселка Шахринау, расположенного на землях Гиссарского района. Здесь, на месте этого поселка и его окрестностей, располагается одно из крупнейших городищ кушанского времени в Средней Азии.

Определить, как выглядело изделие в целом не представляется возможным. Сохранился только фрагмент высотой - 6 см, шириной - 5,4 см. Следы неровного скола имеются по нижней и задней сторонам головы. Отколот и небольшой участок лица, часть правой щеки и носа. Кое-где на поверхности фрагмента сохранились следы характерного для кушанского времени, красного ангоба. Лицо широкое с округлым подбородком, прическа высокая: густые волосы разделены на широкие пряди, низко падающие по обе стороны лица. На покатом лбу волосы перехвачены широкой лентой, с заостряющимся вверх «мысом» в средней части ленты. Контурь глаза переданы характерными выступающими валиками. Рот, судя по сохранившемуся краю, был небольших размеров. Отсутствие следов усов или бороды позволяет предположить, что перед нами изображение юноши или, что менее вероятно, - молодой женщины.

Голова терракотовой фигурки из Шахринау. Рисунок

Идентичные прически можно найти на монетах Герая и Гиркода¹, в скульптуре из Халчаяна², на парфянских монетах³, в скульптуре из Шами⁴, у глиняных бактрийских статуэток из Яванского городища⁵, Караул-тепе⁶ и из Дальверзин-тепе⁷. Терракотовая фигурка с аналогичной прической была найдена и при раскопках Э.Гулямовой на группе Чимкурган, расположенной на площади Шахринауского городища⁸. Приведенные аналогии должны свидетельствовать, что вся эта серия представляет собой именно изображения мужских персонажей - членов правящей династии, а не женских, и тем более не женских божеств⁹.

Кроме того, аналогии эти, как и сам характер изображения, позволяют датировать терракотовую головку из Шахринау раннекушанским временем, ранее времени Великих кушан. Именно к этой эпохе относится и период расцвета жизни на Шахринауском городище, как можно судить по результатам раскопок на его цитадели в 1976 году и по результатам работ на прилегающем к городищу холме Чимкурган в 1977 году¹⁰.

Небольшой монголоидный налет у шахринауского персонажа, видимо, не случаен и представляет собой попытку передать индивидуальные черты прототипа. И действительно, палеоантропологические материалы времени около рубежа нашей эры свидетельствуют, что именно в это время в Средней Азии начинает появляться население с монголоидными чертами¹¹.

Прически и сам характер их изображения, такие, как они известны нам по находкам монет и парфянских скульптур этого времени, заметно отличаются от причесок халчаянских персонажей. Примечательно и, за единственным исключением, отсутствие такого рода причесок для скульптуры кушанской Гандхары и Матхуры¹², где нередко встречаются рядом с божествами и изображения донаторов. Представляется, что перед нами портрет удельного правителя или члена царской семьи. В таком случае перед нами еще один образец прокламативного или «династийного» кушанского искусства. Такие изображения членов правящей династии на территории Кушанской империи известны благодаря археологическим исследованиям династийных святилищ и храмов, таких, как Мат в Индии, Сурх Котал в Афганистане и Халчаян в Узбекистане – речь здесь идет о монументальной скульптуре¹³. В то же время, в коропластике кушанской Бактрии¹⁴ и Согда¹⁵ есть изображения лиц, увенчанных кулащами и коронами. Они сопоставимы с известными по оттискам на монетах, благодаря чему, в отдельных случаях, персонажи эти также могли быть идентифицированы. Иногда, как в случае с

¹ Е.А.Давидович. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая» // ВДИ, № 4 (138), 1976, табл. 1-3; Е.В.Зеймаль. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983, табл. 18; Его же. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Сборник статей. Л., 1973, с. 203, табл. III, 19-21.

² Г.А.Пугаченкова. Скульптура Халчаяна. М., 1971, фиг. 59, 61-65, 78 и 79. В связи с датировкой Халчаяна ср.: Б.А.Литвинский. Буддизм и среднеазиатская цивилизация // Индийская культура и буддизм. М., 1972, с. 154; А.М.Беленицкий. Искусство античных и средневековых городов Средней Азии // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М., 1977, с. 107-111.

³ В.Г.Луконин. Искусство древнего Ирана. М., 1977, с. 108 - фиг.

⁴ Там же. Стр. 106

⁵ Древности Таджикистана. Каталог выставки. Душанбе, 1985, с. 139, № 372.

⁶ В.А.Мешкерис. Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху // Известия ООН АН Тадж. ССР, Душанбе, 1968, № 2 (52), с. 14, рис. 5, 3.

⁷ [Г.А. Pugatchenkova]. Les trésors de Dalversin-tépe. Leningrad, p. 60, fig. 40. Все вышаназванные персонажи – мужские и аналогии эти свидетельствуют, что и рассматриваемое изображение должно быть также мужским, а не женским божеством. Ср. в этой связи: Там же, pp. 48-49, fig. 32-33.

⁸ Не опубликована. Хранится в Ин-те истории им. А.Дониша АН Тадж. ССР. О раскопках на Чимкургане см.: Э.Гулямова. Изучение кушанских памятников района Шахринау // Центральная Азия в кушанскую эпоху. т. II, М., 1975, с. 250-252.

⁹ Сказанное относится и к: [Г.А. Pugatchenkova]. Op.cit., pp. 48-49, figs. 32-33.

¹⁰ Раскопки проводились под руководством Е.В.Зеймалю и при участии автора настоящей статьи.

¹¹ Т.П. Кияткина. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. Душанбе, 1976, с. 83, 86, 116.

¹² J.Hackin, L'oeuvre de la Délégation Archéologique Française en Afghanistan (1922-1932), I. Archéologie buddique, Tōkiō, 1933, p. 11, fig. 12-b. Мы благодарим Б.А.Литвинского, указавшего нам на эту публикацию. См. также: Е.А. Давидович. Ук. соч., с. 56, прим. 2.

¹³ Б.Я. Ставиский. Кушанская Бактрия: Проблемы истории и культуры. М., 1977. Здесь же см. и библиографию по этому вопросу.

¹⁴ А.В.Седов. Кобадиян на пороге раннего средневековья. М., 1987, с. 103-105, рис. 34, 35.; Древности Таджикистана... № 375, 408.

¹⁵ В.А. Мешкерис. Коропластика Согда. Душанбе, 1977, с. 87, рис. 9, с. 92, рис. 10, 1, 3.

яванской находкой, - совершенно конкретно, иногда - как члены царской династии¹. Часть мервских терракот также обнаруживает сходство с конкретными изображениями аршакидских царей на монетах парфянского чекана².

По всей видимости, некий конкретный исторический персонаж изображен и на налесте сосуда, найденного на Туткаульском городище. Вот его описание: «...На лоб ниспадают пряди волос. Брови соединяются на переносице. Усы длинные, спускающиеся до подбородка. Губы рельефные, припухлые, подбородок большой, тяжелый. Нижняя часть лица несколько несимметрична по отношению к верхней. Миндалины глаз широкие, косо посаженные, с выделенными зрачками. Благодаря уширению в средней части овала лица, оно приобретает монголоидные черты или, точнее, монголоидный налет. ...Мастер сумел передать индивидуальные особенности лица...»³. Приведенная рядом фотография (рис. 2) полностью соответствует этому описанию. Однако, здесь же, лишь несколько дальше, следует: «Представляется, что мы не можем говорить здесь об индивидуальной трактовке портрета (?! курсив мой – Е.Д.)»⁴.

Не все изображения человеческих лиц на керамических сосудах – портретные и не все портретные - изображения правителей или членов правящей династии. Безусловно, часть портретных изображений не представляют собой лица членов правящей династии. Существовала греческая⁵ и, видимо, эллинистическая⁶ традиции изображать лица людей на керамических сосудах. Для нас же в этой связи важна сама констатация факта существования группы изображений лиц членов правящей династии на керамических сосудах.

Изображения правителей в мелкой пластике Средней Азии, на наш взгляд, вряд ли можно объяснить исключительно особым верноподданничеством жителей-граждан этих областей. Думается, необходимо сделать вывод, что в этих регионах империи у местного населения были весьма популярны и значимы представления, связанные с божеством Фарр/Хварено, которое воплощалось, в частности в образах правителей. С этими представлениями связывается появление многочисленных зооморфных ручек в близкое время в Средней Азии⁷. Для Бактрии-Тохаристана античного времени нами выделена группа терракот с изображениями этого божества⁸.

Представления эти были связаны с идеей некоего божественного света и благодати, приносящих тем, на кого они нисходят, могущество, успех и процветание⁹. Именно эти представления были толчком к появлению характерных для рассматриваемого времени кушанских династийных святилищ и храмов, таких как Мат в Индии, Сурх-Котал и Дальверзин-тепе в Бактрии и кушанского династийного искусства в целом.

Итак, еще раз повторим, что терракотовая головка, по-видимому, представляет собой изображение конкретного исторического персонажа, кушанского аристократа. Одновременно изображение это связывалось с представлениями о божестве Фарр/Хварено. Если относить время прихода к власти царя Канишки к середине II в. н.э., то датировать изделие следует I в. н.э. – первой половиной II века нашей эры.

¹ Т.И.Зеймаль. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. (Археологические памятники и динамика ирригационных систем левобережья долины) // Автореф. канд.ист. наук. Л., 1969, с. 6; Ее же, Позднекушанские слои в Южном Таджикистане // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. II, М., 1975, с. 268.

² Г.А.Пугаченкова. Керамика древнего Мерва // Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, с. 154, рис. 23.

³ Т.М.Атаханов. Средневековое городище Туткаул (VII-XII вв.) // Известия ООН АН Тадж.ССР, № 3 (53), Душанбе 1968, с. 54, рис. 2.

⁴ Т.М. Атаханов. Ук. соч., с. 54.

⁵ Н.Н. Бритова. Греческая терракота. М., 1969, с. 15, илл. 11; с.17, илл. 13; Л.М.Славин. Здесь был город Ольвия. Киев, 1967, с. 77, нижн. илл.; И.Т.Кругликова. Синдская гавань. Горгиппия. Анапа. М., 1977, между с. 64 и 65, 2-ая илл. внизу, справа; М.М.Худяк. Два святилища на акрополе Нимфея // Труды ГЭ, т. II, Л.-М., 1958, с. 88, рис. 7.

⁶ См. например: J. Aubyer, Afghanistan und seine Kunst. Prague, [1968], p.44, fig. 13.

⁷ См. в частности: Б.А.Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн. (К историко-культурным связям Южной России и Средней Азии). Душанбе, 1968, табл. 1, 2.

⁸ Е.П.Денисов. Терракотовая плитка из Курган-Тюбе // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана, Душанбе, 1981, с. 40-46; Его же, Терракотовые плитки с изображениями божества Фарр из Южного Таджикистана (в печати).

⁹ J. Darmester (trad.). Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique. vol. 3, Paris, 1960, p.216.

ДВУХПОРТАЛЬНЫЕ МАВЗОЛЕИ САЙРАМА: КОМПОЗИЦИЯ И ГЕНЕЗИС

Считаем возможным пересмотреть оценку мавзолеев середины - второй пол. XIX в., сохранившихся в центре городища Испиджаб - Сайрам (VI-XVIII вв., юг Казахстана), историко-архитектурное значение которых ввиду их позднейшего сооружения признавалось не всеми (4, 90). Основанием для этого может служить предположение, что эти памятники имеют генетическую связь с предшествовавшими культовыми постройками XI-XIII вв. Из них мавзолей Карашаш-Ана, Ибрагим-Ата обладают общей особенностью - угловым расположением двух одинаковых порталов. Мавзолеем Мир-Али-Баб, по свидетельству М.Е. Массона, также ранее был двухпортальным (14, 25). В мавзолее Ходжа-Талиг (Ходжа-Салих), при квадратном плане и одинаковых арках, на всех фасадах выделены декором соседствующие южный и западные фасады. Эти мавзолеи последовательно ориентированы на восприятие с двух сторон - при расположении их по странам света внимание акцентируется на южном и западном фасадах (порталах). Архитектура же мавзолеев при этом остается сугубо традиционной, не выходя за рамки привычного стандарта позднекультового зодчества. Поскольку градостроительно-архитектурные факторы не могли влиять на угловое расположение двух одинаковых фасадов (мавзолеи являются одиночно стоящими зданиями, не связанными с окружающей застройкой), остается связывать структурные особенности двухпортальных мавзолеев с их сакральным содержанием, с особенностями функционального порядка.

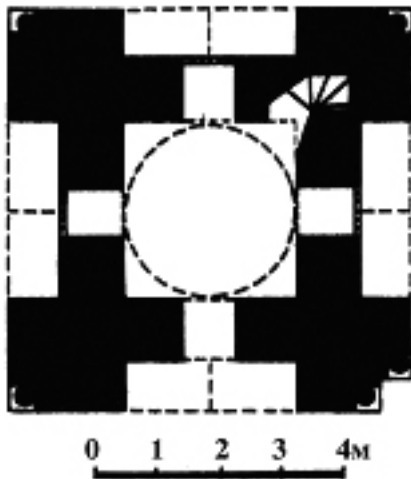
Поскольку упоминания в письменных источниках и преданиях и само историко-археологическое значение городища относят возникновение мавзолеев к XII-XIII вв., то приемлемо искать им аналогии в этом периоде истории зодчества Центральной Азии.

Появление двухпортального мавзолея, как звена в эволюции от центрического типа до портално-купольного (как считалось), исключается, так как центрический и портално-купольный типы развивались параллельно (20, 81). Вызывают сомнения попытки А.М. Прибытковой неприменно связать сложение центрических мавзолеев, в частности мавзолея Саманидов в Бухаре (конец IX в.) и мечетей-киосков, с влиянием сасанидских и хорасанских чортаков (четырёхарочных купольных киосков, раскрытых на четыре стороны (17, 143; 18, 60).

В Мавераннахре чортаки или аташкеды ни в качестве мечетей, ни в качестве мавзолеев IX-X веков до нас не дошли (19, 48-49), хотя в Южном Туркменистане, где был развит и распространен культ огня в доисламских верованиях, их наличие не исключается. Композиция мавзолеев с двумя угловыми порталами может быть и должна пониматься в связи с проблемой генезиса центрического мавзолея, но никак не сводиться лишь к одному из аспектов этой проблемы. Понять их структурные особенности можно лишь рассмотрев и те и другие в широком культурологическом контексте.

Исходя из сказанного выше, мы не можем мавзолеем Ходжа-Талиг в Сайраме выдвигать в качестве промежуточного звена в сложении двухпортальных мавзолеев Карашаш -Ана, Ибрагим-Ата, Мир-Али-Баб, как мы это пытались утверждать ранее (9, 317-319). В первом памятнике отчетливо выражено центрирующее начало: при квадратном плане он имеет четыре портално разработанных фасада, с одинаковыми стрельчатыми арками на осях. В их щипцовых стенах устроены одинаковые, низко поставленные, проемы. Один из них, западный, служит входом, три других забраны решетками-панджарами. Южный и западный фасады выделены более подробной проработкой форм и декором. Это сооружение стоит ближе к центрическому типу мавзолеев, классическим образцом которого выступает мавзолеем Саманидов в Бухаре. Но три других мавзолея никак не назовешь рудиментарной формой последнего - они являются портално-купольными зданиями, где к основному призматическому объему приставлены с юга и запада, превышающие его по габаритам, два одинаковых соседствующих портала.

Подобную композицию, с двумя равнозначными портално разработанными фасадами (также южным и западным) до пристройки Северного и Южного (1186-1187 гг.) мавзолеев, имел Средний мавзолеем в Узгене (11, 165-173). Его мы считаем более приемлемым аналогом сайрамским памятникам, нежели мавзолеем Саманидов в Бухаре конца IX в., принадлежащий иной эпохе, по генезису которого до сих пор нет единого мнения (6, 17). К тому же Средний мавзолеем в Узгене сооружен в начале или середине XII в. (8, 143-147), а не в конце - середине X в., как считалось ранее (5, 260), то есть он возник в русле монументального зодчества эпохи Караханидов; к этому же времени придание относит возникновение описываемых мавзолеев в Сайраме. В композиции узгенского и сайрамских мавзолеев прослеживается определенная тенденция, у которой наиболее вероятны тюркские корни,

**План мавзолея Ходжа-салих.
XVIII-XIX вв.**

функции поминальной мечети и превращении ее в мавзолей при сохранении прежней структуры, не отказываясь от выдвигания узгенского памятника в качестве одного из возможных прототипов двухпортальных мавзолеев Сайрама.

Непонятно, почему поминальная мечеть должна была иметь два входа (или вход и выход), расположенные столь нетипично. Ход «коленом» Л.Ю. Маньковская связывала позднее с формированием *хазира*, одного из видов погребального комплекса (12, 119-124). Выход «под прямым углом» в таких комплексах, по мнению Л.Ю. Маньковской, диктовался обрядом поклонения и поминовения (*зийара*). Архитектурно он оформлялся в виде входного купольного помещения (*дарваза-хана*), проход через который, надо признать, не прямо к захоронениям, а под углом вполне мог иметь место. Такое сооружение, как считала Л.Ю. Маньковская, могло сочетать функции и парадного входа в комплекс и поминальной мечети (13). Однако хазира - это прежде всего огороженный участок, где бескупольная форма захоронения под открытым небом преобладает, в комплекс входят и ряд других помещений различного назначения (15, 94). Были ли такие развитые комплексы в Узгене и на месте сайрамских мавзолеев? В момент пристройки Северного и Южного мавзолеев Средний мавзолей в Узгене уже лежал в развалинах. По мнению Н.М. Бачинского, он был построен на заброшенном участке шахристана, лишь позднее превращенного в кладбище (7, 73). Двухпортальные мавзолеи Сайрама также находятся на кладбищах, возникших в пределах шахристана или рабадов, но вопрос о наличии развитых погребальных комплексов, где они могли играть роль парадных входов, требует археологических исследований.

Мнение, что Средний мавзолей в Узгене обрамлял вход на фамильное кладбище, высказанное еще Б.Н. Засыпкиным (этим он объяснял наличие двух обработанных декором фасадов, принятое Л.Ю. Маньковской), было признано ошибочным. Вероятно, это не единственное заблуждение: А.М. Прибыткова, поддерживавшая идею прототипа-чортака центрических мавзолеев, считала, что первоначально Средний мавзолей имел не два, а четыре входа; северный и восточный были заложены еще в древности до половины толщины стены, превратившись во внутренние ниши, без объяснения, однако, причин этого. В.Д. Горячева объяснила катастрофой в момент отделки здания - землетрясением, волны которого были направлены в юго-западном направлении (7, 81). Однако заметим, если это так, то почему такая ориентация была повторена в других памятниках в других регионах?

Момент превращения мечети с двумя перпендикулярно расположенными проемами, в случае правильности гипотезы Л.Ю. Маньковской, надо полагать, вероятнее усматривать в замене второго (южного) дверного проема низкопоставленным, забранным панджарой (в Узгене этот фасад вообще закрыт пристройкой Южного мавзолея). Но подобные проемы часто соединяют гурхану и зиаратхану в многокамерных комплексах как позднего времени, так и в ранних памятниках, как например, в мавзолее Кусамы ибн Аббаса (XI в.) в ансамбле Шах-и Зинда в Самарканде (16, 38-40). Уже в XI-XII вв. складывается тип мавзолея с усыпальницей, соединенной низкопоставленным арочным проемом, с решеткой, с другим помещением, предназначенным для поминального обряда. В наружных стенах некоторых мавзолеев также устраивались арочные ниши с зарешеченными проемами. Законмерным

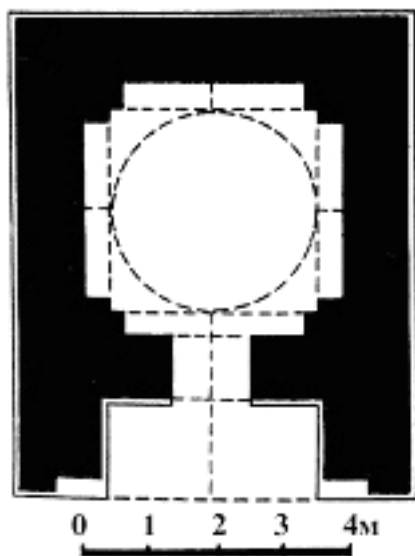
так как в этом регионе, начиная с раннего средневековья, выдвигаются на первую роль тюркоязычные этносы, с военными и хозяйственными миграциями (1, 9).

В основе как узгенского, так сайрамских памятников лежит единая пространственная идея. Вызвать ее к жизни могла функциональная необходимость, связанная с ритуалом поминовения и поклонения чтимым могилам. Вслед за Л.Ю. Маньковской, предположившей, что Средний мавзолей в Узгене мог быть поминальной мечетью-зиаратханой, открывавшей выход к некрополю под открытым небом и превратившейся позже в мавзолей (13, 106), мы по аналогии перенесли эти выводы на рассматриваемые сайрамские памятники, исходя из следующего: 1) судя по косвенным данным, первоначальные здания мавзолеев в Сайраме современны узгенскому мавзолею; 2) они типологически идентичны; 3) находятся на кладбищах; 4) одинаково ориентированы. Этот исходный тип в силу живучести традиций и известной консервативности среднеазиатской архитектуры был повторен в позднейших зданиях (9, 317-319). Но в настоящее время считаем возможным пересмотреть тезис об отмирании первоначальной

будет их наличие и в однокамерных ранних мавзолеях. Очевидно, этого уже тогда требовал ритуал поминовения и поклонения, регламентированный в той мере, чтобы иметь локальные особенности, влияющие на структуру мемориального сооружения. Таким образом, пространство гурханы отделялось от внешнего мира и в то же время сохраняло с ним сакральную связь.

Рассматриваемые мавзолеи - одиночно стоящие здания, до недавнего времени никак не связанные с окружающей застройкой (близлежащие мечети и подсобные сооружения построены 1990-х гг. и архитектурно с существующими памятниками не взаимодействуют). Любой архитектурный объект не мыслится без обвалакивающего его пространства и так или иначе вступает в диалог с окружающей средой. Это аксиома. Пространство же, в свою очередь, в числе других данностей архитектуры (масса, ритм, фактура, силуэт и проч.) обладает свойством обрести эмоциональную содержательность (23, 227-228). Если даже это пространство не заполнено материальными, зримыми объектами, то все равно оно, во-первых, неизбежно «организуется» рассматриваемым объектом по законам архитектоники и, во-вторых, наполняется чем-то ирреальным; в данном случае оно «сакрализуется». Этот довод подкрепляется и тем, что самый город Сайрам (Испиджаб) имел свою, особую духовную ауру, считаясь «святым» городом на мусульманском Востоке. Его «особость», как это наглядно показал в своих археолого-топонимических эскизах Б.А.Байтанаев, заключена уже в семантике топонима «Испиджаб-Сайрам» (2, 44).

Сделать святую могилу видимой для поклоняющихся и одновременно служить «преградой» для непосвященных можно считать главным назначением второго, зарешеченного проема. В связи с этим интересной представляется мысль Б.Т. Туякбаевой и А.Н. Проскурина о северном портале мавзолея Ходжи Ахмеда Ясави в г.Туркестане (1389-1399) как о *наружной зиаратхане* (22, 109). Имея в щипцовой стене проем с дверным полотном этот портал, как известно, в качестве **входа** никогда не использовался. Значит функция его была иного порядка, продиктованного ритуалом. По отношению ко второму portalу однокамерного мавзолея, неразвившегося в многофункциональный мемориальный комплекс, эта мысль будет звучать еще убедительней.

План мавзолея Мирали-баба

План мавзолея Падша Малик-баба, опубликованный М.Е. Массоном в 1928 году

Возведению первых мавзолеев в Мавераннахре сопутствовало формирование обряда зийара, несущего черты доисламских верований, культа предков в особенности, о чем настойчиво напоминают лексемы «баба», «ана», «ата» в названиях сайрамских памятников, являющихся, в частности терминами родства. Доисламский тюркский компонент культа предков и некоторые другие реликты доисламских верований в сочетании с догматами ислама составили основу обряда зийара, очень разнообразного по форме (21, 77). Рассматриваемые памятники связаны с суфийской традицией, корнями они уходят в Караханидскую эпоху. Но их особенности накладывались, вероятно, и на другие архитектурные сооружения, которые имеют отношение к кораническим и библейским персонажам (3, 227-231).

Не изменение первоначальной функции при неизменности структуры (превращение мечети в мавзолей, хотя и это могло произойти, например, с мавзолеем Ходжа Талиг), а функциональный фактор, на наш взгляд, оказал влияние на структуру двухпортальных мавзолеев Сайрама. В силу вступили законы формообразования. Ритуал диктовал постановку рядом двух порталов под прямым углом друг к другу. Прием контрастного

построения исключался, так как в пределах одной стандартной архитектурно-планировочной ячейки «квадрат плана - купол - портал» соседство двух неодинаковых порталов нарушило бы принципы центрально-осевой симметрии и разбило ритм, тогда как удвоение одной и той же формы (прием нюанса) I 10, 22 I вело к монументализации небольшого в общем-то объема и, в итоге - к известному усилению архитектурного образа.

Вышесказанным не исчерпываются все аспекты интерпретации композиции двухпортальных мавзолеев Сайрама. Синкретизм религиозных идей, лежащих в истоках их композиции, очевиден и требует рассмотрения не только на архитектуроведческом, но и на мировоззренческом уровнях.

Литература:

1. Андрианов Б.В. Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - Вып. III: Этнография - М., 1991.
2. Байтанаев Б.А. Вопросы локализации Будухкета // Вестник Туркестанского университета им. Х.А. Ясави – Алматы, 2002. - №1.
3. Байтанаев Б.А., Елгин Ю.А. О библейских и мусульманских агниомах старого Сайрама // Археологические исследования в Казахстане: Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-14». - Шымкент-Алматы, 2002.
4. Басенов Т.К. Архитектура Казахстана VII-XII веков // Маргулан А., Басенов Т., Мендикулов М. Архитектура Казахстана - Алма-Ата, 1959.
5. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА, № 26. М.-Л., 1952.
6. Булатов М.С. Мавзолей Саманидов - жемчужина архитектуры Средней Азии. - Ташкент, 1978.
7. Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии: (Бурана, Узген, Сафид-Булан). Фрунзе, 1983.
8. Горячева В.Д., Заурова Е.З. Изучение узгенских мавзолеев // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана: (досоветский период) - Фрунзе, 1973.
9. Елгин Ю.А. К генезису двухпортальных мавзолеев Сайрама // Маргулановские чтения: (Сборник материалов конференции) - Алма-Ата, 1989.
10. Кринский В.Ф., Ламцов И.В., Туркус М.Л. Элементы архитектурно-пространственной композиции - М., 1968.
11. Крюков К.С. Реконструкция Среднего узгенского мавзолея // Архитектурное наследие, Ташкент, 1967.
12. Маньковская Л.Ю. Хазира - комплексы Средней Азии // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа (древность и средневековье) - М., 1990 - С.119-124.
13. Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии: (IX-начало XX в.) - Ташкент, 1980.
14. Массон М.Е. Старый Сайрам // Известия (Среднеазиатский комитет по делам охраны памятников старины, искусства и природы. - Ташкент, 1928 - Вып.3.
15. Некрасова Е., Бабаджанов Б. Хазира // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь. - М., 1999. Вып. 2.
16. Немцева Н.Б., Шваб Ю.З. Ансамбль Шах-и Зинда: Историко-архитектурный очерк. - Ташкент, 1979.
17. Прибыткова А.М. Связи с Ираном и местные черты в архитектуре Средней Азии: (Домонгольский период) // Архитектурное наследие – Ташкент, 1982, №30.
18. Прибыткова А.М. Строительная культура Средней Азии в IX-XII вв. - М., 1973.
19. Пугаченкова Г.А. Архитектурный генезис мавзолея Саманидов // ОНУ. Ташкент, 1962, №2.
20. Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата: (Из истории архитектуры Мавераннахра IX-X вв.). – Ташкент, 1963 (Искусство зодчих Узбекистана, вып. II).
21. Резван Е.А. Зийара // Ислам: Энциклопедический словарь.- М., 1991.
22. Туякбаева Б., Проскурин А. Мировоззренческие основы функционально-планировочной структуры ханаки Ахмеда Ясави // Памятники истории и культуры Казахстана. - Алма-Ата, 1989. - Вып. 4.
23. Ястребова Н.А. Пространственно-тектонические основы архитектурной образности // Ритм пространство и время в литературе и искусстве. - Л., 1974.

*У.И. Исламов, К.А. Крахмаль, Ш.Э. Эргашев
(Ташкент)*

УЗБЕКИСТАН ВХОДИТ В ЗОНУ ФОРМИРОВАНИЯ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА

Одной из важнейших задач исторической науки Узбекистана является изучение первоначального возникновения и дальнейшего развития древнейшей материальной культуры на территории республики. Палеолитоведение, как наука изучающая древнейшую историю, неразрывно связано с исследованием проблем раннего возникновения человека – антропогенезом. Нижний или самый древний рубеж палеолита относится к периоду, когда прапредки человека начали изготавливать каменные ору-

дия, примерно к 2,6 млн. лет назад. Этот период определен на основании открытий каменных орудий в Африке, изучение которых на первых стадиях истории человечества составляет один из основных предметов археологии палеолита. Именно критерий орудийной деятельности отделяет человека от остального животного мира, всего мироздания в целом. Вместе с трудовой деятельностью возникает общество – принципиально новое явление в истории планеты. Положение человека в зоологической системе является фактом анатомической морфологии. Поэтому не вызывает сомнения и критерий выделения семейства гоминид, опирающийся на те морфологические признаки, которые в наибольшей мере испытали влияние трудовой деятельности. При такой постановке вопроса, на основании морфологических особенностей гоминид и трудовой деятельности в виде изготовления каменных орудий труда, определяется критерий выделения человека.

Ясное понимание того, что представляет собой орудийная деятельность совершенно необходимо для определения границы между тем, что мы называем поведением животных и совокупностью тех действий, которые рассматриваются как трудовые операции и подлинно общественное поведение. В этом аспекте выделяется антропологический подход к определению места человека в пределах органического мира, к установлению его систематического ранга в рамках биологической классификации и трудовая деятельность, которая характерна только для гоминид.

Трудовая деятельность, даже примитивная, такая как у ранних гоминид, в качестве своей основной характеристики имеет высокую временную динамичность, в ней значительную роль играют акты творчества. Она быстро меняет свою форму в деталях, в ее истории часты возникновения развития и переходы к другим культурным вариациям на качественно более высокой ступени.

Таким образом, орудийная или трудовая деятельность начинается с человеком, подразумевая не только современное человечество, но и длинный ряд его гоминидных предков.

В этой связи особое значение приобретает правильное понимание того, что представляет собой подлинное орудие и как можно распознать его, отличив от похожих предметов. В процессе изучения каменных орудий труда раннего палеолита, открытых в антропогенных отложениях пещерной стоянки Сельунгур, в нижних и соответственно в наиболее древних горизонтах, были выделены определенные типологические особенности. С одной стороны, они являются бесспорными свидетельствами искусственного происхождения этих форм, полученных в результате целенаправленных действий, а, с другой, - показывают формирование определенных психологических особенностей популяций гоминид, изготовивших эти орудия и соответствовавших определенному этапу в развитии мышления. Таким образом, в динамике археологических культур и отраженные в ней ментальные или психические структуры показывают генезис их функционирования.

В свою очередь, для понимания процессов эволюционных изменений, происходящих в культурах каменного века, необходимо располагать данными о временных этапах, в которых они формировались. Основным условием данных определений является то, что рубежи отдельных исторических этапов должны быть универсальными и эталонными для датирования событий в истории развития природной среды и корреляции их с памятниками антропогенеза на всем земном шаре, с учетом всего комплекса геологических, археологических, биологических и палеоэкологических данных. В этом отношении территория Узбекистана, как регион исследований проблем раннего антропогенеза, представляет собой идеальную, но не простую природную лабораторию для изучения процессов формирования ранних гоминид на фоне изменений природной среды.

Учитывая сложность природной обстановки и высокую тектоническую активность горообразовательных процессов в регионе в качестве стратиграфической основы четвертичного периода применяется трехчленная схема, разработанная профессором Х.А. Тойчиевым. Данные по геомагнитным характеристикам и тектоническим особенностям формирования рельефа территории Узбекистана позволяют определить начало и конец этапов в развитии определенного природного явления. Новая схема отражает один из главных принципов теоретической хронологии – принцип реальности и неповторимости процесса развития. По этой схеме продолжительность всей четвертичной системы Узбекистана составляет 2,43 млн. лет. Данная хроностратиграфическая схема охватывает полностью периоды раннего антропогена Узбекистана. В отличие от существовавших ранее хронологических схем, разработанных для европейского континента, позволяет точно и однозначно интерпретировать историю развития древнейшей материальной культуры и изучать памятники палеолита Узбекистана таким образом, чтобы полученные результаты были понятны международным исследователям различных направлений.

Определенные хронологические рубежи служат возрастным ориентиром и показывают, что территория современного Узбекистана была пригодной для обживания ранними гоминидами более двух млн. лет назад. Это, в свою очередь, позволило открыть древние поверхности рельефа, которые

в геологическом прошлом являлись ареной жизнедеятельности древних обитателей данного региона. В результате их изучения были открыты более древние палеолитические памятники Чашма, Сох в Ферганской долине и Кызылалма, Ташсай, нижние горизонты многослойной стоянки Кульбулак в долине реки Ангрэн.

Успехи археологических исследований раннего антропогенеза Узбекистана заключались не только в возрастающем количестве открытых памятников, но и в усовершенствовании методики исследовательской работы, в расширении и усложнении ее задач. Без малейшего преувеличения можно отметить, что введение в научный оборот впервые в практике археологических исследований в Узбекистане результатов анализа абсолютного датирования периодов раннего антропогена, является важным историческим событием. Проведение аналитических исследований под руководством академика АН РУз Б.С. Юлдашева является принципиально важным и мировоззренчески значимым решением вопроса об истоках и генезисе раннепалеолитических культур Центральной Азии. В результате аналитического исследования зубов архантропа, обитавшего в пещере Сельунгур, проведенного в отделе анализа и информации сектора ядерной химии профессором Ш. Хотамовым, аналитиками Н.С. Осинской и Т.П. Рахмановой, впервые была получена абсолютная датировка. Выполненные определения показали, что ранние периоды обживания человеком южноферганского региона относятся к 1,5 млн. лет назад.

Когда осуществился переход от раннего антропогенеза к настоящему в определенной степени известно – в начале четвертичного периода, который принято именовать антропогеном. Но где осуществился этот переход?

В решении проблемы прародины человечества отмечается крайняя фрагментарность ископаемых находок и пробелы в знании о географии ископаемых гоминид. В отдельные периоды истории развития науки, изучающей проблему раннего антропогенеза, отмечается тенденция – где в определенный отрезок времени делается больше находок, там обычно и помещалась прародина человечества. Обнаружение и подробное исследование остатков питекантропов и синантропов отразились в гипотезе азиатской прародины человечества в начале XX в.

Фантастические открытия в области палеонтологии в Африке на протяжении второй половины XX века выдвинули этот материк на основное место прародины человечества. Аргумент в пользу африканской прародины человечества был выдвинут еще Ч. Дарвиным.

Безусловно, ученые изучающие африканский континент, достигли грандиозных результатов, однако на Сиваликских холмах на Севере Индии продолжают поступать находки приматов близких к гоминидным формам. Этим азиатской прародине придана новая жизнь. Многочисленные находки останков синантропа и более примитивного и, соответственно, более древнего гоминида в Ланьтяне, в провинции Шеньси в Центральном Китае, находки в 1967 г. останков питекантропа в Израиле дают важные аргументы в пользу включения южных областей Азии в границу прародины человечества.

Имеющиеся научные данные позволяют сделать вывод, что прародина человечества была более обширной, включая южную половину Азии, юг Европы и значительную часть Африки. Находки на территории Венгрии, в Грузии, как и многочисленные открытия ископаемых антропоидов в Африке, свидетельствуют об обширности прародины человечества.

Анализ имеющихся материалов наших исследований приводит к выводу, что раннее появление древних гоминид на территории Узбекистана обусловлено всем ходом предыдущей истории геологического развития природной среды и палеоэкологических особенностей. Памятники каменного века, в свою очередь, несут информацию по истории освоения человеком природного пространства республики более 1,5 млн. лет назад. На территории Узбекистана в бассейне реки Чирчик, в Кызылкумах, на Устюрте открыто большое количество памятников с интересными находками. Это, в свою очередь, позволяет считать, что территория Узбекистана имеет древнейшую историю человечества, уходящую своими корнями в глубь геологических эпох.

*Ш.С. Камолiddин
(Ташкент)*

О ГОРНОРУДНОМ ДЕЛЕ И МЕТАЛЛУРГИИ У ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Один из самых ранних этапов истории тюрков VI в. был связан с горнорудным промыслом, когда они добывали в горах Алтая железную руду для жужаньских хаканов¹. Железо представляло собой стратегически важный сырьевой материал, особенно для кочевников, поскольку оно было необходи-

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1967. С. 20.

мо для изготовления оружия. Поэтому тюрки придавали железу особое значение и занимались разработкой его месторождений еще на заре своей истории. По данным Менандра, в 568 г., когда византиец Зимарх, посланный императором Юстином к тюркскому хакану Дизибулу, прибыл в Среднюю Азию, тюрки предложили ему приобрести железо, которое они добывали в своих рудниках².

Так же, как и в любом другом обществе, большую ценность у древних тюрков представляли и цветные металлы. Медь и ее сплавы широко использовалась для чеканки монет и изготовления предметов быта, а драгоценные металлы – серебро и золото, использовали также в ювелирном деле и для изготовления парадной продукции. Изделия мастеров из Средней Азии, изготовленные из благородных металлов в первую очередь из серебра, пользовались большим спросом на международном рынке, о чем свидетельствуют многочисленные находки их на территории Восточной и Южной Европы³.

В эпоху раннего средневековья с тюрками было связано функционирование многочисленных железных, медных, серебряных и золотых рудников в верховьях Амударьи, о чем свидетельствует богатая тюркская топонимика, исторически сложившаяся в районах непосредственно прилегающих к местам расположения этих рудников⁴. В топонимике Средней Азии, наряду с иранскими названиями, существует огромное количество тюркских названий, связанных с разработкой месторождений металлов. Так, в различных частях региона часто можно встретить такие названия как Темиркан (Железный рудник), Тиллакан (Золотой рудник), Кумушкан (Серебряный рудник), Чуянкан (Свинцовый рудник), Янгикан (Новый рудник) и т.п., свидетельствующие о том, что они, по всей вероятности, разрабатывались тюрками. В средневековых источниках сохранились также такие названия гор как Демур-таг (Железная гора)⁵, Алтун-таг (Золотая гора)⁶, Бакырлыг-таг (Медная гора)⁷, Гошун-даг (Свинцовая гора)⁸ и др., которые также указывают на наличие в них месторождений металлов, разрабатывавшихся тюрками.

В представлении средневековых арабов настоящими тюрками были те, которые назывались *хакани* и в свое время были известны как «народ, добывающий железо». По преданиям местных жителей, древние горнорудные выработки, обнаруженные в горах Тянь-Шаня, Алтая, Урала и Саян, эксплуатировались древними тюрками⁹. Автор IX в. ал-Йа'куби отмечает, что в Туркестане испытывали недостаток в железе¹⁰. Но уже в XII в. ал-Идриси сообщает, что тюрки занимались главным образом добычей железа, которое они добывали в большом количестве в городе Хазхаракас (или Каваркас) в стране *токузогузов* и вывозили его в другие тюркские страны. В городе Астур, в стране *кимаков*, была железная руда, из которой делали прекрасные вещи – отливали изящные слитки. В городе Банджар, в стране *кимаков*, были серебряные рудники. Тюрки-*кимаки* добывали также золото на берегах Кимакского озера (Алакуль). Деньги у тюрков медные¹¹. В стране *гузов*, в 3 милях от г. Гарбиана¹², были рудники серебра, в которых они в большом количестве добывали серебро и получали большие доходы¹³. В стране *гузов* называется также река Магра или Марга, в которой при ее разливах собирали много самородного золота¹⁴. Согласно Абу Дулафу, у *кимаков* были рудники золота на равнинной

² Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV-VI вв. М.-Л., 1951. С. 205 – 206.

³ Буряков Ю.Ф. Благородные металлы Мавераннахра на территории Восточной и Южной Европы // ИМКУ, вып. 33. Ташкент, 2002. С. 132-145.

⁴ Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент, 1996. С. 155, 222 – 223.

⁵ Ал-Идриси. Книга Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак. Извлечение. Перевод Ш.Закирова // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент, 2003. С. 55.

⁶ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 386; Караев С.К. Древнетюркские топонимы Средней Азии // Советская тюркология, Баку, 1985, № 6. С. 24.

⁷ Древнетюркский словарь. С. 82.

⁸ Молла-заде С.М. Топонимия северных районов Азербайджана. Баку, 1979. С. 169.

⁹ A.Zeki Velidi Togan. Umumi Turk Tarihine giris, cilt 1, En eski devirlerden 16 asra kadar, 3-baski, Istanbul, 1981, s. 29.

¹⁰ Извлечения из «Китаб ал-булдан» ал-Я'куби (Перевод С.Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л., 1939. С. 150.

¹¹ Ал-Идриси. Книга Нузхат ал-муштак. С. 54-59.

¹² В среднем течении Сырдарьи.

¹³ Извлечение из «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак или «Китаб-Роджер» ал-Идриси (Перевод С.Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII-XV вв. Арабские и персидские источники. М.-Л., 1939. С. 222.

¹⁴ Там же. С. 221.

земле, которое они находили кусками¹⁵. *Харлухи* (карлуки) занимались добычей серебра и ртути¹⁶. *Печенеги* добывали золото и серебро в горах¹⁶.

На территории Средней Азии в средние века отмечается наличие множества богатых рудников золота и серебра, крупнейшие из которых находились в горах Панджхира, Ваххана, Ферганы, Шаша и Илака, Буттама, Шелджи и Лобана. Самые богатые из этих рудников были те, которые находились вблизи страны *хырхызов*. В этих же горах добывали также железо, медь, медный купорос, олово, ртуть и другие металлы¹⁷. В X в. в Мавераннахре отмечается такое изобилие железных месторождений, что излишки добывавшегося железа составляли основную часть внешней торговли. Что касается рудников золота, серебра и ртути, то по обилию и богатству с ними не мог сравниться ни один рудник во всем исламском мире¹⁸. Среди товаров, взимавшихся с этих областей в 211-212/826-828 гг. наместником Хорасана 'Абд Аллахом ибн Тахиром упоминаются 1300 штук лопат¹⁹ и слитков железа в половинной доле²⁰.

Возможно, что горнорудное дело и металлургия были знакомы еще далеким предкам древних тюрков, на что указывают многочисленные заимствования из тюркских языков слов в этой области, зафиксированные в древних финно-угорских²¹ и енисейско-кетских языках, имевших широкое распространение среди древнейшего доиндоарийского населения Средней Азии²². На это указывают также некоторые предания, распространенные среди средневековых тюрков. Так, М.Улугбек приводит предание, согласно которому во времена легендарного Огузхана тюркские племена *кийат* и *дарлакин* проживали в горах Арканун, из которых не было пути для выхода. Однажды им стало тесно в этих горах и они решили выбраться оттуда. Они обнаружили, что часть этих гор состоит из железного металла и решили расплавить ее. Они собрали много дров и угля, и изготовили 900 приспособлений из шкур горных коз и джейранов. Затем они разожгли костры, каждый в 50 маннов,²³ и стали раздувать его при помощи шкур. Когда огонь стал достаточно сильным, железо раскалилось и начало течь как вода. Таким образом, они расплавили часть горы и выбрались из тех гор²⁴. Схожее предание приводится также в сочинении «Шаджараи Турк» («Родословная тюрков») Абу-л-Газихана²⁵.

Названия многих металлов, употребляющиеся в современных тюркских языках, образованы на основе исконно тюркских слов: например, *темир* (железо), *алтун* (золото), *кумуш* (серебро), *калай* (олово), *чуйан* (чугун)²⁶, *кыргошин* (свинец), *кулом* (свинец), *бакыр* (красная медь), *жез* (медь, жесть) и

¹⁵ Йакут ал-Хамави. Му'джам ал-булдан (Извлечение. Перевод с арабского О.Б.Фроловой и Б.Вахабовой // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. Ташкент, 1988. С. 81.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁶ Тахир ал-Марвази. Таба'и' ал-хайван (Извлечение. Перевод с арабского Ш.Закирова // Материалы по этнической истории тюркских народов Центральной Азии. Ташкент, 2003. С. 47.

¹⁷ Перевод извлечений из Китаб Масалик ал-мамалик ал-Истахри // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Выпуск 1. М., 1973. С. 17, 26.

¹⁸ Ibn Naukal Abu-l-Kasim an-Nasibi, Opus geographicum, ed. M.J. de Goeje, Bibliotheca geographorum arabicorum, pars 2, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1967, p. 464-465.

¹⁹ Возможно, что под «лопатами» здесь имеются в виду *kuruk* – лопатка (совок) кузнеца, используемая для раскаленного железа. См.: Фазылов Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. 1. Ташкент: Фан, 1966. С. 629 (далее: Хорезмийские памятники).

²⁰ Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 68.

²¹ Хайду П. Уральские языки и народы (Перевод с венгерского языка Е.А.Хмельницкого под ред. К.Е.Майтинской. М., 1985. С. 22-23, 140, 144, 157, 167, 172, 192-195.

²² Яйленко В.П. Енисейцы-кеты в этнической истории древней Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. 1. М., 1990. С. 40; Поляков В.А.. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск, 1987. С. 80-81.

²³ Манн – средневековая мера веса, которая различалась по городам и областям и пересчитывалась в мискалях. По данным Абу Бакра ар-Рази (865- 925 гг.) 1 манн равнялся 160 мискалям или 680 граммам. См.: Каримов У.И. Неизвестное сочинение ар-Рази «Книга тайны тайн». Ташкент, 1967. С. 131. В XVI в. 1 манн Самарканда составлял 4000 мискалей или около 20 кг. См.: Давидович Е.А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии // Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом на метрическую систему. Перевод с немецкого Ю.Э.Брегеля. М., 1970. С. 85.

²⁴ Мирзо Улугбек. Тўрт улус тарихи. Форс тилидан Б.Ахмедов, Н.Норкулов, М.Хасаний таржимаси. Ташкент, 1994. 59-бет.

²⁵ Абулгозий. Шаджараи Турк. Нашрга тайёрловчилар К.Муниров ва К.Махмудов. Тошкент, 1992. 28-30 бетлар.

²⁶ Этот термин, возможно, происходит от китайского *йи-ун* – железо (см.: Изысканный дар тюркскому языку. Грамматический трактат XIX века на арабском языке (Введение, лексико-грамматический очерк, перевод, глоссарий, грамматический указатель Э.И.Фазылова и М.Т.Зияевой. Ташкент, 1978. С. 409), но его происхождение

др.²⁷ Следовательно, тюрки не заимствовали традиции горнорудного дела и металлургического производства, так же как и терминологию в этой области, у других народов, а имели свои традиции и сами формировали терминологию в этой области исходя из словарного запаса своих родных языков.²⁸

Многие из этих названий зафиксированы и в средневековых тюрко-язычных источниках, а также в памятниках древнетюркской рунической письменности. В словаре М.Кашгари и других тюрко-язычных источниках наряду с названиями металлов иранского происхождения такими, как *pulad* (*bulat*) – сталь, булат²⁹, *kukurt* (*gugurt*) – горючая сера³⁰, упоминаются такие чисто тюркские названия металлов как *altun* – золото³¹, *kumiç* – серебро³², *baqir* – красная медь³³, *temur* (*tamir*)- железо³⁴, *qorughžin* (*qoçun*) – свинец³⁵, *qurghaçin* (*qurçun*) – свинец³⁶, *qalay* – олово³⁷, *kona suvi* – ртуть³⁸, а также их сплавы – *tuç* – медь, бронза³⁹. Тюркская терминология в области горнорудного дела и металлургии зафиксирована также в трудах Беруни⁴⁰ и в средневековых армянских источниках⁴¹.

В зависимости от предназначения и состояния тех или иных металлов, использовались также специальные термины для обозначения их различных видов и форм. Например, *çodhin* – расплавленная и отлитая медь⁴², *sun altun* – сплошной кусок золота длиной от одного пальца до одного гяза⁴³, *urughlug altun* – золото, предназначенное для чеканки⁴⁴, *bixigh altun* – литое золото⁴⁵, *tuñ altun* – червонное золото⁴⁶, *sav altun* – чистое золото⁴⁷, *som* – слиток (серебра)⁴⁸, *qujma* – любая форма, полученная путем литья металлов⁴⁹, *buqursi* – железо, используемое для изготовления рукояток⁵⁰ и др.

можно также связывать с тюркским словом *çodhin* – расплавленная и отлитая медь. См.: Махмуд Кошгарий. Девону луготит турк (Туркий сўзлар девони). 3 жилдик (Таржимон ва нашрга тайёрловчи С.М.Муталлибов. Тошкент, 1960-19631-жилд. 388-бет; Древнетюркский словарь. С. 151.

²⁷ Каримова С.У. IX-XI аср кимё ва доришинуслик тараккиётида Марказий Осиё олимларининг ўрни. Тошкент, 2002. 124-142 бетлар.

²⁸ Об этимологиях этих терминов см.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М., 1974. С. 120, 164-165; Т. 2. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978. С. 45-46; 142-143; Т. 4. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Дж», «Ж» и «Й». М., 1989. С. 155, 169, и др.

²⁹ Хорезмийские памятники. Т. 1. С. 286; Т. 2. С. 214.

³⁰ Этот термин является персидским заимствованием в тюркском языке. См.: Изысканный дар. С. 330; Хорезмийские памятники. Т. 1. С. 310.

³¹ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 142-бет; Древнетюркский словарь. С. 40; Изысканный дар. С. 266; Хорезмийские памятники. Т. 1. С. 48; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951. С. 357; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С. 90.

³² Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 352-бет; Древнетюркский словарь. С. 326; Изысканный дар. С. 330; Хорезмийские памятники. Т. 1. С. 643; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 397; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. С. 100, 101. Для серебра иногда употреблялось также иранское слово *sim*. См.: Хорезмийские памятники. Т. 2. С. 287.

³³ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 341-бет; Древнетюркский словарь. С. 82; Изысканный дар. С. 276; Хорезмийские памятники. С. 199..

³⁴ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 342-бет; 2-жилд. 19-бет, 29-бет; 3-жилд. 260-бет, 270-бет, 380-бет ва бош-калар; Хорезмийские памятники. Т. 2. С. 377; Изысканный дар. С. 378. Для обозначения железа в тюркских языках использовалось также китайское слово *šu-yun* (см.: Изысканный дар. С. 409) и персидское *aħan* (см.: Хорезмийские памятники. Т. 1. С. 131).

³⁵ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 469-бет; Древнетюркский словарь. С. 460.

³⁶ Изысканный дар. С. 347

³⁷ Изысканный дар. С. 335. В персидском языке для обозначения свинца и олова используется слово *qala'* (см.: Gharib B. Sogdian Dictionary. Sogdian – Persian – English, Tehran, 1995, p. 56, No. 1420). Является ли этот термин заимствованием из тюркского или наоборот, предстоит еще выяснить.

³⁸ Древнетюркский словарь. С. 314. Для ртути употреблялось также иранское слово *simab*. См.: Хорезмийские памятники. Т. 2. С. 287.

³⁹ Махмуд Кошгарий. Девон. 3-жилд. 132-бет; Хорезмийские памятники. Т. 2. С. 417.

⁴⁰ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Перевод с арабского А.М.Беленицкого. М., 1963. С. 218, 226 и др.

⁴¹ Аракед Даврижеци. Книга историй (Перевод с армянского, предисловие и комментарий Л.А.Ханларян. М., 1973. С. 451-453.

⁴² Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 388-бет; Древнетюркский словарь. С. 151.

⁴³ Махмуд Кошгарий. Девон. 3-жилд. 152-бет; Древнетюркский словарь. С. 514.

⁴⁴ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 164-бет; Древнетюркский словарь. С. 615.

⁴⁵ Древнетюркский словарь. С. 105.

⁴⁶ Древнетюркский словарь. С. 586.

Значительным разнообразием отличается и тюркская терминология в области денежного обращения. В источниках упоминаются названия различных денежных единиц разного достоинства, причем используются как чисто тюркские термины, такие как *aqča* – серебрянная монета⁵¹, *tanga* – монета⁵², *benak* – мелкая монета⁵³, *biqi* – монета⁵⁴, *jarmaq (jarimaq)* – деньги, монета⁵⁵, *bičuiq jarmaq* – половина монеты⁵⁶, *avri* или *agri* – дирхем, акча⁵⁷, так и заимствованные из других языков: *satir (sitir)* – денежная или весовая единица⁵⁸, *pul* – мелкая монета⁵⁹, *fulus* – мелкая монета⁶⁰, *dirham* – серебрянная монета⁶¹, *dinar* – золотая монета⁶² и др.

Особую группу составляют термины, применявшиеся для обозначения специального оборудования и различных приспособлений, использованных в процессе металлообработки в мастерских металлургов и ремесленников металлостов. Например, *temurlik* – место, где плавят железный камень (т.е. руду) и выделяют из него железо⁶³, *očağ (očuiq, otčuiq)* – печь⁶⁴, *sačağ (očağ)* – печь⁶⁵, *kojda* – специальная посуда, предназначенная для плавки и очистки золота или серебра, т.е. плавильная печь⁶⁶, *khuqubari* – специальная посуда, используемая для плавки металлов⁶⁷, *urdu* – наковальня⁶⁸, *uzan* – наковальня⁶⁹, *ors* – наковальня⁷⁰, *kab* – форма для отливки металла, колодка⁷¹ и др., а также орудия труда: *koragu* – кочерга⁷², *kosav (kosagi)* – кочерга⁷³, *osak* – щипцы (для углей)⁷⁴, *qisghaç* – клещи⁷⁵, *čekuk* – молоток кузнеца⁷⁶, *čakuq* – молоток⁷⁷, *temraku* – щипцы для железа⁷⁸, *yilquvux* – щипцы, кле-

⁴⁷ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 420.

⁴⁸ Изысканный дар. С. 376. Этот тюркский термин, по-видимому, лежит в основе денежной единицы *so'm* – национальной валюты Республики Узбекистан.

⁴⁹ Махмуд Кошгарий. Девон. 3-жилд. 188-бет.

⁵⁰ Там же. Т. 3. С. 260.

⁵¹ Древнетюркский словарь. С. 48; Изысканный дар. С. 264; Хорезмийские памятники. С. 101; Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями (К вопросу о денежном обращении в древнехакасском государстве) // Нумизматика и эпиграфика, вып. XIV. М., 1984. С. 84-99. Этим термином обозначали главным образом серебрянные и золотые монеты, а также женские украшения из серебрянных монет. Происходит от тюркского слова *aq* – белый или *agh* – сокровище. См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1. С. 120.

⁵² Хорезмийские памятники. Т. 2. С. 379.

⁵³ Древнетюркский словарь. С. 94.

⁵⁴ Там же. С. 103.

⁵⁵ Махмуд Кошгарий. Девон.. 3-жилд. 50, 438-бетлар; Древнетюркский словарь. С. 242-243. Изысканный дар. С. 307; Хорезмийские памятники. С. 488; Под этим термином понималась обычно мелкая медная монета, но иногда он мог означать и серебрянную или золотую монету. Происходит от тюркского глагола *jağ* – блестеть. Допускается также, что слово могло быть заимствовано из тохарского. См.: Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 4. С. 144.

⁵⁶ Древнетюркский словарь. С. 105.

⁵⁷ Изысканный дар. С. 260.

⁵⁸ Греческое *soter* – заимствовано через посредство согдийского. См.: Gharib B. Sogdian Dictionary, p. 363 (No. 8991); Древнетюркский словарь. С. 491, 506.

⁵⁹ Изысканный дар. С. 362.

⁶⁰ Хорезмийские памятники. Т. 2. С. 475.

⁶¹ Хорезмийские памятники. Т. 1. С. 340.

⁶² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. С. 377; Хорезмийские памятники. С. 342.

⁶³ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 464-бет; Древнетюркский словарь. С. 551.

⁶⁴ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 95-бет; Древнетюркский словарь. С. 362. Этот термин образован от тюркских корней *ot* и *čuiq*. См.: Севортян С.Е. Этимологический словарь. Т. 1. С. 432.

⁶⁵ Изысканный дар. С. 357, 372.

⁶⁶ Махмуд Кошгарий. Девон. 3-жилд. 188-бет; Древнетюркский словарь. С. 312.

⁶⁷ Махмуд Кошгарий. Девон. 3-жилд. 261-бет.

⁶⁸ Древнетюркский словарь. С. 614.

⁶⁹ Изысканный дар. С. 395.

⁷⁰ Там же. С. 360.

⁷¹ Там же. С. 318.

⁷² Древнетюркский словарь. С. 321.

⁷³ Изысканный дар. С. 328.

⁷⁴ Там же. С. 360.

⁷⁵ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 424-бет.

⁷⁶ Там же. Т. 2. С. 331.

⁷⁷ Изысканный дар. С. 402.

⁷⁸ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 453-бет.

щи⁷⁹, *čimdivuč* – щипцы и клещи⁸⁰, *kuruk* – лопатка (совок) кузнеца, используемая для раскаленного железа⁸¹ и др. Специальными терминами обозначались различные состояния металлов, такие как *pas* – ржавчина⁸² и др., а также производственные отходы, получаемые в результате металлообработки. Например, *temur arqi* – железные отходы⁸³, *ekik* – отходы от плавки металлов⁸⁴, *kirқан* – свинцовая пудра⁸⁵, *qaraghu* – железный купорос, применяемый в качестве красителя⁸⁶ и др.

Среди описаний некоторых терминов встречаются также отдельные понятия, явления и материалы, связанные с процессом металлообработки, такие как *azmaq (izmaq, irimaq)* – плавиться⁸⁷, *komur* – уголь⁸⁸, *qor* – горящий уголь⁸⁹, *ot* – огонь⁹⁰, *učqun (iқqun)* – искры⁹¹, *kul* – пепел⁹², а также примеры, характеризующие процесс металлообработки и свойства металлов: Например, расплавить свинец⁹³, растянуть железо⁹⁴, накалилть железо⁹⁵, расплавить железо⁹⁶, расплавить золото⁹⁷ и т.д.

Все эти данные позволяют с достаточным основанием предполагать, что горнорудное дело и металлургическое производство были широко распространены среди древних и средневековых тюрков. Такая богатая терминология в этой области, несомненно, не могла возникнуть за короткий промежуток времени, а должна была формироваться в течение многих веков, прежде чем была зафиксирована в памятниках древнетюркской письменности эпохи раннего и развитого средневековья. Наличие у древних и средневековых тюрков своей богатой терминологии в этой области, в свою очередь, свидетельствует о том, что они изначально сами занимались этим видом деятельности, не заимствовали терминологию в этой области из других языков, а формировали ее исходя из словарного запаса своих тюркских языков⁹⁸.

Первые разработки полезных ископаемых в Средней Азии осуществлялись много десятков тысяч лет назад еще в древнекаменном веке, когда первобытные люди производили добычу камня из окремленных известняковых гряд⁹⁹. Эти работы были зачатками горных промыслов и первым этапом освоения природных богатств¹⁰⁰. К эпохе энеолита и бронзы относится начало добычи в Средней Азии цветных металлов – меди и олова¹⁰¹, а затем драгоценных металлов – золота и серебра¹⁰². Во II

⁷⁹ Изысканный дар. С. 315.

⁸⁰ Там же. С. 403.

⁸¹ Хорезмийские памятники. С. 629.

⁸² Изысканный дар. С. 361.

⁸³ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 78-бет.

⁸⁴ Там же. Т. 1. С. 143

⁸⁵ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 410-бет.

⁸⁶ Там же. Т. 1. С. 417; Древнетюркский словарь. С. 424.

⁸⁷ Изысканный дар. С. 272, 294, 298

⁸⁸ Хорезмийские памятники. Т. 1. С. 620.

⁸⁹ Изысканный дар. С. 345.

⁹⁰ Древнетюркский словарь. С. 373.

⁹¹ Хорезмийские памятники. Т. 2. С. 449; Изысканный дар. С. 301.

⁹² Хорезмийские памятники. Т. 1. С. 640.

⁹³ Махмуд Кошгарий. Девон. 1-жилд. 367-бет.

⁹⁴ Там же. Т. 2. С. 19.

⁹⁵ Махмуд Кошгарий. Девон. 3-жилд. 270-бет; 1-жилд, 217-бет.

⁹⁶ Там же. Т. 1. С. 464.

⁹⁷ Древнетюркский словарь. С. 273.

⁹⁸ Например, терминология согдийского языка в области металлургии не отличается таким богатством и разнообразием. В памятниках согдийской письменности зафиксировано всего несколько названий металлов: *god* – медь, *godenč* – латунь, *zin (zir n)* – золото, *span (sfan)* – железо, *aržiž* – олово, свинец, а также такие термины как *sqar (askar)* – уголь, *paп* – монеты, *ataran* – печь, *tanur* – печь, *ankir (anger)* – очаг, *agarban* – щипцы, клещи. См.: Gharib V. Sogdian Dictionary, p. 344 (No. 8561), 470 (No. 11544), 360 (No. 8921), 56 (No. 1420), 354 (No. 8776), 275 (No. 6874), 388 (No. 9689), 41 (No. 1061), 27 (No. 699) и др.

⁹⁹ Наследов Б.Н. Средневековый горный промысел Средней Азии // Природа, 1950, № 3 С. 73 – 76.

¹⁰⁰ Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. V – начало XIII вв. М., 1974. С. 97. Среднеазиатский регион, наряду с Алтаем, Южной Сибирью и Кавказом (Прикубанский очаг металлургии в верховьях Кубани в Карачае), является одним из первых центров металлургии, функционирование которых связывается с деятельностью древних тюрков. См.: Лайпанов К., Мизиев И. О происхождении древних тюрков // Материалы интернета по истории древней Средней Азии. Ташкент, 2004. С. 27-39.

¹⁰¹ Буряков Ю.Ф. Роль металлургии цветных и благородных металлов в формировании древней цивилизации и государственности среднеазиатского междуречья // Вестник НУУЗ, 2003, № 2. С. 53-56.

¹⁰² Буряков Ю.Ф., Аскарлов М.А., Абдуллаев У.М. История производства драгоценных металлов и меди на территории современного Узбекистана // Горный вестник Узбекистана. Ташкент, 2001, № 2 (6). С. 100-102.

тысячелетии до н.э. Средняя Азия уже являлась крупной рудной базой палеометаллов и цветной металлургии¹⁰³.

По археологическим данным, древнейшими центрами металлургии в Средней Азии были месторождения меди в Кызылкумах (между Согдом и Хорезмом)¹⁰⁴. В долине Зарафшана (близ Зияутдина) в эпоху бронзы добывали олово¹⁰⁵. Еще один крупный металлургический центр эпохи бронзы был расположен в верховьях реки Атасу (Сары Арка) в Центральном Казахстане¹⁰⁶. Металлургические пункты эпохи бронзы были открыты также в Фергане (Наукат, Кайраккум), Шаше (в Чаткало-Кураминских горах)¹⁰⁷, в Хорезме и Северной Бактрии¹⁰⁸. Археологические материалы, полученные из этих пунктов, показывают, что разработка многих из них была тесно связана с деятельностью кочевников¹⁰⁹. Кызылкумская медь использовалась в качестве сырья в металлообрабатывающем производстве древнейших городских центров Средней Азии – Сапаллитепа и Джаркутана¹¹⁰.

Данные средневековых письменных источников позволяют выделить в Средней Азии несколько крупных узлов золотых и серебряных месторождений: Шелджи-Лобан, Шаш-Илак, Фергана, Уструшана-Согд, Вахан-Бадахшан¹¹¹. В горно-металлургическом центре Шелджи, находившемся в долине реки Талас, начало разработки серебряных месторождений относится к эпохе раннего средневековья, а наиболее интенсивная их разработка относится к IX-XII вв.¹¹² В источниках X-XII вв. Шелджи характеризуется как небольшой город, расположенный в пограничной области тюрков, около Тараза¹¹³. В 280/893-94 г. саманидский правитель Исмаил ибн Ахмад занял Тараз, пленил тюркского владетеля и получил большую добычу¹¹⁴. Есть основания предполагать, что начало этих разработок было связано именно с тюрками в эпоху Тюркского каганата, а затем было продолжено при арабах, Саманидах и Караханидах¹¹⁵.

В другом крупном металлургическом центре средневековья, расположенном в области Шаш-Илака, начало добычи металлов относится ко II тысячелетию до н.э., а наиболее интенсивная разработка – к V-началу XIII вв.¹¹⁶ Арабские географы X в. отмечают наличие в Илаке золотых и серебряных рудников¹¹⁷. Золото и серебро добывали в долине реки Ахангаран¹¹⁸, юго-западных отрогах Чаткальского хребта и северных отрогах гор Карамазар¹¹⁹, где наиболее ранние выработки датируются

¹⁰³ Буряков Ю.Ф. Состояние металлургического производства в период возникновения Авесты // *O'zbekiston tarihi*. Ташкент, 2001, № 3. С. 17 – 22.

¹⁰⁴ Беленко А.Г. Предыстории золоторудного горного промысла в музее «Истории освоения Кызылкума» города Зарафшана // *Горный вестник Узбекистана*. Ташкент, 2001, № 2 (6). С. 102-104.

¹⁰⁵ Alimov K., Boroffka N., Bubnova M., Buryakov Yu.F. et al. Prahistorischer Zinnbergbau in Mittelasien // *Eurasia Antiqua, Zeitschrift fur Archäologie Eurasiens*, band 4, 1998, s. 137-199.

¹⁰⁶ Кадырбаев М.К., Курмангулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары Арки. Алма-Ата, 1992. 248 с.

¹⁰⁷ Буряков Ю.Ф. Роль металлургии. С. 54.

¹⁰⁸ Рузанов В.Д. Древняя металлургия. С. 113.

¹⁰⁹ Буряков Ю.Ф. Состояние металлургического производства. С. 22.

¹¹⁰ Рузанов В. Химико-металлургическая характеристика металлической посуды Сапаллинской культуры (Ўрта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Халқаро илмий конференция маърузаларининг тезислари. Тошкент, 2002. С. 106-108.

¹¹¹ Буряков Ю.Ф. Роль металлургии. С. 55.

¹¹² Бубнова М.А. Горно-металлургическая область Шелджи в IX-XII вв. н.э. (долина реки Талас) // Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л., 1963.

¹¹³ Abu Ishak al-Farisi. *Viae regnorum*, ed. M.J. de Goeje, *Bibliotheca geographorum arabicorum pars 1, Lugduni-Batavorum*: E.J.Brill, 1967, p. 312; Hudud al-'Alam. The regions of the world – a Persian geography, translated and explained by V.Vinorsky, second edition. London, 1970, p. 119; Абу Са'д 'Абд ал-Карим ибн Мухаммад ас-Сам'ани. Ал-Ансаб (Изд. 'Абд ар-Рахмана ибн Йахйя ал-Му'аллими. В 10 томах. Байрут, 1980-1981. Т.7. С. 377.

¹¹⁴ Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953. С. 32.

¹¹⁵ В сочинении Ибн Хаукала есть указание, что жители Мавераннахра в большом количестве употребляли в своей пище конину, занимались разведением коней и избытки своей продукции экспортировали в другие страны (см.: *Ibn Haukal*, p. 464). Это сообщение позволяет предполагать, что в IX-X вв., т.е. в эпоху Саманидов, значительную часть населения Средней Азии составляли тюрки, которые, как известно, преимущественно занимались скотоводством, в частности коневодством, и в большом количестве употребляли конину в своем рационе.

¹¹⁶ Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия. С. 97-131.

¹¹⁷ *Ibn Haukal*, p. 389; *Китаб Масалик ал-мамалик ал-Истахри*. С. 20.

¹¹⁸ Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия. С. 16-91.

¹¹⁹ Буряков Ю.Ф. Добыча золота и серебра в Средней Азии в средневековье // *ИМКУ*, № 30. Самарканд, 1999. С. 264-273.

второй половиной I тысячелетия до н.э.¹²⁰ Исследование исторической топонимии Шаш-Илакского региона показывает, что в эпоху раннего средневековья часть ее составляли тюркские топонимы¹²¹. Если учесть, что тюрки находились в тесном этно-культурном взаимодействии с согдийцами и широко использовали согдийский язык, то можно предполагать, что значительную часть населения этой историко-культурной области того времени составляли тюрки, которые, следовательно, и могли заниматься разработкой вышеуказанных месторождений. Об этом же свидетельствует и богатая тюркская, в том числе древнетюркская микротопонимия (Кайнар, Алтынтопкан, Акташкан, Бурачар, Кызыл-унгур, Учканташ, Кызылташ и др.), гидронимия (Галдысай, Ирису, Терекли-джилга, Уткемсу, Четсу, Ташбулак, Аксай и др.) и оронимия (Арсатау, Кушайнакбель, Караташкунтан, Кокрель, Алмалык, Тогберди, Унгурикан и др.), существующая по сей день в районах непосредственного расположения этих месторождений¹²².

В Фергане наиболее древними центрами металлургии являются месторождения Наукат и Кайраккум, где в эпоху бронзы производилась добыча меди¹²³. К концу II тысячелетия до н.э. в Ферганской долине формируется крупный чустско-бургулюкский центр металлургии, сложение которого происходило под воздействием как степных, так и земледельческих культур¹²⁴. Арабские географы X в. отмечают наличие в Фергане золотых и серебряных рудников, а также месторождений желтой меди, железа, олова, ртути, свинца и других металлов¹²⁵. Золото и серебро добывали в области Некада и Ахсикета, а медь, свинец и ртуть – в горах Соха¹²⁶. В горах Северной Ферганы выявлены следы серебряных месторождений (рудников), интенсивно функционировавших от рубежа н.э. до времени развитого средневековья¹²⁷. Рудники, функционировавшие в эпоху раннего и развитого средневековья, обнаружены в долинах Касан-сая, Соха, Гавасая, в округе Папа, в горах Исфары, Супетау, Чаткало-Курминского хребта, Арсланбаба и др.¹²⁸

В географическом сочинении «Худуд ал-Алам» (X в.) Фергана называется «Воротами Туркестана»¹²⁹. Исследования последних лет позволяют предполагать, что Фергана являлась одним из ключевых регионов, связанных с этногенезом и этнической историей тюрков Средней Азии¹³⁰. Многочисленные находки памятников древнетюркской письменности на территории Ферганской долины позволяют рассматривать ее также как один из центров возникновения и распространения рунического письма¹³¹. Ферганская долина, особенно ее восточная часть, является одним из районов наибольшей концентрации древнейших тюркских топонимов Средней Азии¹³². Здесь отмечены также топонимы, относящиеся к доиндоевропейскому, так называемому палеоазиатскому (прототюркскому и протое-

¹²⁰ Пругер Е.Б. Золоторудные промыслы Илака // Древняя и средневековая археология Средней Азии (К проблеме истории культуры). Ташкент, 1990. С. 153-161.

¹²¹ Бобоёров Г. Илк ўрта асрларда Чоч вохасида туркий топонимлар // Ўзбекистон урбанистик маданияти. Халқаро илмий конференция материаллари. Тошкент, 2003. 109-115 бетлар.

¹²² См.: Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия. С. 16-69, 70-91 и др.

¹²³ Буряков Ю.Ф. Роль металлургии. С. 54.

¹²⁴ Рузанов В.Д. Древняя металлургия и металлообработка Узбекистана в эпоху бронзы // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Ташкент, 1985. С. 113-114.

¹²⁵ Ibn Naukal, p. 396; Hudud al-‘Alam, p. 116; Китаб Масалик ал-мамалик ал-Истахри. С. 20, 28, 32.

¹²⁶ Перевод извлечений из персидской [Китаб] Масалик ал-мамалик Истахри // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 31; Джахан-наме Мухаммада Наджиба ибн Бекрана // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 51.

¹²⁷ Карасев В.А. Золото и серебро древнего горнорудного промысла в Средней Азии // Тезисы докладов Международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992. С. 66- 67.

¹²⁸ Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953. С. 12-31; Папахристу О.А. Черная металлургия средневекового Ахсикета (IX – начала XIII вв. // Древняя и средневековая археология Средней Азии (к проблеме истории культуры). Ташкент, 1990. С. 145-151; Буряков Ю.Ф. Добыча золота и серебра в Средней Азии. С. 268-271.

¹²⁹ Hudud al-‘Alam, p. 115.

¹³⁰ Караев С.К. Древнетюркские топонимы Средней Азии. С. 23-35; Ахунов Н.О. Этнонимы – важный исторический источник // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XIX вв. Ташкент, 1987. С. 85-98.

¹³¹ К настоящему времени на территории Ферганской долины найдено всего около 30 эпиграфических памятников с древнетюркскими руническими надписями, часть которых, по некоторым данным, является более архаичной, чем орхоно-енисейские. См.: Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. С. 57-74; Васильев Д.Д. Памятники тюркской рунической письменности Азиатского ареала // Советская тюркология. М., 1976, № 1. С. 71-81.

¹³² Никонов В.А. Заметки по оронимии Киргизии // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 86-107; Караев С.К. Древнетюркские названия Средней Азии // Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV-XIX вв. Ташкент, 1987. С. 112-120.

нисейскому) топонимическому слою, датирующимся приблизительно III-II тысячелетиями до н.э.¹³³ Все эти данные позволяют предполагать, что в разработке месторождений Ферганской долины активное участие принимали и тюрки, которые составляли значительную часть местного населения не только в эпоху раннего и развитого средневековья, но и в более ранние времена.

В Согде древнейший металлургический центр находился в степной зоне левобережья Зарафшана, где в эпоху бронзы близ Зияутдин-Зирабулакских гор добывали олово. Здесь исследованы древние разработки в районе селений Карнаб, Лапас (Семизкудук), Чангали и Мушистон, где осуществлялась добыча оловянной руды во времена андроновско-тазабагыябской культуры (пер. пол. II тысячелетия до н.э.)¹³⁴. В Южном Согде в юго-западных предгорьях Гиссарского хребта в эпоху раннего средневековья производилась добыча полиметаллов, железа, ртути и др.¹³⁵ Здесь же обнаружены следы древних золото-серебряных месторождений (рудников), интенсивно функционировавших от рубежа н.э. до времени развитого средневековья¹³⁶. Еще одним центром металлургии были горы Буттама в Уструшане, где согласно письменным источникам, добывали золото и серебро¹³⁷, а также железо, медь свинец, ртуть, купорос и нашатырь¹³⁸.

В средневековых источниках отмечается наличие множества золотых и серебряных рудников в Вахане и Бадахшане¹³⁹. Эти рудники были обнаружены в долинах рек Токуз-Булак и Кумыш-Джилга, притоков реки Гунт, в долине реки Базардара, в местности Курган-Тугай и др.¹⁴⁰ Керамика, найденная при раскопках поселений горняков, была исключительно лепной¹⁴¹, что указывает на возможное проживание здесь тюрков. На это также указывают тюркские названия многих рек, текущих в местах непосредственно прилегающих к этим месторождениям – Токуз-Булак, курган-Тугай, Кумыш-Джилга, Сасык, Ак-Джилга, Элги-сай и др. О проживании в эпоху раннего средневековья значительного количества тюрков в верховьях Амударьи свидетельствуют и данные письменных источников. Так, согласно Хой Чао, в первой четверти VIII в. тюрки составляли половину населения Хутталана¹⁴². В средние века тюрки составляли значительную часть населения Шугнана¹⁴³ и Вахана¹⁴⁴. В IX в. Шугнан вместе с Бадахшаном составлял владение тюркского правителя по имени Хумарбек¹⁴⁵, принадлежавшего к династии тюркских правителей Баничуридов (Абу Давудилов), многочисленные представители которой правили в различных городах и областях Тохаристана на протяжении всего IX в.¹⁴⁶ Среди наскальных рисунков в кишлаке Лянгар в Вахане выделяется группа так называемых «тюркских» изображений, которые датируются VII-VIII вв. и свидетельствуют о проживании здесь древних тюрков¹⁴⁷. В свете вышеизложенных данных представляется, что золотые и серебряные рудники Вахана и Шугнана разрабатывались именно тюрками, имевшими свои древние традиции горнорудного дела.

Еще одной из причин развития горнорудного дела у древних тюрков является то, что они, как в древности, так и в средневековье, были главными поставщиками рабов на невольничьи рынки. Из-

¹³³ Яйленко В.П. Енисейцы – кеты в этнической истории древней Средней Азии. С. 37-49.

¹³⁴ Pazinger H., Boroffka N. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien, I, Die siedlungsarchaologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten (Archäologie in Iran und Turan. Band 5). Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2003, s. 306 – 309.

¹³⁵ Пругер Е. Горный промысел Южного Согда – Кеша. Ташкент, 1986. 40 с.

¹³⁶ Карасев В.А. Золото и серебро древнего горнорудного промысла. С. 67.

¹³⁷ Ibn Naukal, p. 382; Йакут ал-Хамави. Му‘джам ал-булдан. С. 84.

¹³⁸ Китаб Масалик ал-мамалик ал-Истахри. С. 19; Джахан-наме Мухаммада ибн Наджиба Бекрана // Материалы по истории киргизов и Киргизии. Выпуск 1. М., 1973. С. 48.

¹³⁹ Abu Ishak al-Istakhri, p. 297. Jacut's geographisches, bd. 4, s. С. 909; Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География) (Введение, перевод, примечания, указатели Б.А.Ахмедова. Ташкент, 1977. С. 90.

¹⁴⁰ Бубнова М. Древние серебряные рудники в Шугнана // АРТ, вып. 11. Душанбе, 1975. С. 236-248.

¹⁴¹ Бубнова М.А. Изучение памятников, связанных с горным промыслом на территории Таджикистана в 1970 г. // АРТ, вып. 10. М., 1973. С. 205-214.

¹⁴² Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ, М., 1952, № 1. С. 187-195.

¹⁴³ Ibn Khordadbeh Abu-I-Kasim 'Obaydallah ibn 'Abdallah. Kitab al-masalik wa-l-mamalik, ed. M.J. de Goeje, Bibliotheca geographorum arabicorum, pars 6, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1967, p. 78.

¹⁴⁴ Jacut's geographisches wörterbuch . . . von F.Wustenfeld, band I-VI, Leipzig: F.A.Brockhaus, 1866-1870, bd. 4, s. 909.

¹⁴⁵ Ahmad ibn Abu Jakub ibn Wadhah al-Jakubi. Kitab al-buldan, ed. M.J. de Goeje, Bibliotheca geographorum arabicorum, pars 7, Lugduni-Batavorum: E.J.Brill, 1967, p. 292.

¹⁴⁶ De Zambaur E. Manuel de Genealogie et de Chronologie pour l'Histoire de l'Islam. Hanovre, 1927, p. 202.

¹⁴⁷ Жуков В.Л. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // МКТ. Вып. 3. Душанбе, 1978. С. 120-121.

вестно, что основной рабочей силой горнодобывающей промышленности всегда были рабы. Рабство было широко развито не только в эпоху так называемого рабовладельческого общества, но и в средние века¹⁴⁸. Значительная часть рабов поступала на невольничьи рынки по договорам с побежденной стороной и путем обращения в рабство военнопленных, а также за счет захвата людей в плен во время налетов и грабежей¹⁴⁹. Наиболее крупные невольничьи рынки средневековья были сосредоточены в Фергане и Исфиджабе¹⁵⁰, куда поступали в основном рабы-тюрки, составлявшие основной контингент рабов в Средней Азии¹⁵¹. Значительная часть этих рабов экспортировалась в центральные города Арабского халифата, где их использовали в качестве военной силы и прислуги, а другая не менее значительная часть использовалась в качестве черной рабочей силы в горно-рудных промыслах Средней Азии. Возможно, что это является одной из причин того, что местности, непосредственно прилегающие к рудникам в различных уголках Средней Азии, как правило, отличаются своей богатой тюркской топонимией.

Таким образом, все вышеизложенные данные позволяют с достаточным основанием предполагать, что древние тюрки, **во-первых**, имели свои богатые традиции горнорудного дела и металлургии, уходящие вглубь веков, **во-вторых**, начало разработки многих месторождений металлов в Средней и Центральной Азии в эпоху раннего средневековья было связано именно с деятельностью тюрков и образованием их централизованного государства – Тюркского каганата, **в-третьих**, тюрки, имея богатый опыт в области горнорудного дела и металлургии, занимались разработкой месторождений и первичной обработкой металлов не только в подвластных им территориях, но и в рудниках, расположенных в других странах, где они работали в качестве наемной или черной рабочей силы. Поэтому, исходя из всего выше изложенного, следует признать, что древние и средневековые тюрки внесли свой огромный вклад в историю развития горнорудного дела и металлургии, представляющих собой одно из крупнейших и важнейших достижений в истории мировой цивилизации.

*М-Ш. Кдырниязов
(Нукус)*

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДА ХОРЕЗМА

С обретением независимости Республики Узбекистан придается большое значение изучению урбанизации древней и средневековой эпохи на территории нашей родины. Плодотворно изучается богатейшее историко-культурное наследие узбекского народа в градостроительном деле. В XX в., благодаря работам археологических экспедиций, появились обобщающие исследования, статьи, посвященные различным аспектам городской жизни. Однако среди малоизученных проблем остаются вопросы урбанизационных процессов в Хорезме в средние века.

Развитию урбанизационных процессов способствуют различные факторы: природно-географическая среда, экономический потенциал края, заселенность территории, миграционные процессы и активные связи с внешним миром. Среди них значительное влияние на процессы урбанизации оказывает наличие торговых трасс. Хорезм своим выгодным расположением на стыке контактов с Великой степью, благодаря древним цивилизационным традициям и тесным связям с очагами других цивилизаций Востока, прежде всего Центральной Азии, имел большие успехи в урбанизационном процессе. В средневековую эпоху Хорезм осуществлял постоянные торговые связи с многими странами Востока и Запада. Особенно они усилились в период хорезмшахов и Золотой Орды. В целом, Великий шелковый путь (ВШП) оказал большое влияние в развитие урбанизационных процессов в средневековом Хорезме. Большинство городов, стоящих или близлежащих на трассах ВШП, занимались торговлей.

На караванной дороге и ее ответвлениях которые шли через Хорезм, наиболее крупными городами были Гургандж, Кят, Хива, Миздахкан, Шемаха кала. Города являлись центрами ремесел и торговли. Об их развитии свидетельствуют археологические находки, данные письменных источников. Каждый город Хорезма имел свое место в международной и межрегиональной торговле. О Замжане

¹⁴⁸ Большаков О.Г. Рабство в странах халифата // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986. С. 424-449.

¹⁴⁹ Надирадзе Л.И. Вопрос о рабстве в халифате VII – VIII вв. // Народы Азии и Африки. М., 1968, № 5. С. 75.

¹⁵⁰ Hudud al-'Alam, p. 115.

¹⁵¹ Китаб Масалик ал-мамалик ал-Истахри. С. 17; Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. С. 33-34.

(Шемаха кала) у ибн Филлана (922 г.) говорится «это врата тюрок («баб ат-тюрок»). О Ургенче у ал Истахри (930-933 гг.) говорится «это самый большой город в Хорезме, он место торговли с огузами и оттуда отправляются караваны в Джаркутан, к хазарам и в Хорасан». Автор «Худуд ал Алем» пишет: «Кас (Кят), ворота в Туркестан гузский, складочное место товаров порок, место стечения купцов из Туркестана, Мавераннахра и области хазаров». Ал Макдиси (985 г.) даёт перечень вывозимых из Хорезма товаров, состоящий из 42 наименований, среди которых преобладает (их 27) привозной ассортимент из Волжской Болгарии (МИТТ, с. 178, 216). Позднее о значении Гурганджа в международной торговле писали Ф.Б. Пеголотти (1342 г.), Ибн Арабшах (1389-1450 гг.) и ширазский купец Шамсаддин Мухаммад Ходжа (1438 г.).

В древности и средневековье столичный город Хорезма Гургандж по своим древним традициям и географическому положению соединял различные ответвления ВШП, являлся на этом пути одним из крупнейших транзитных пунктов. По свидетельству исторических источников и археологических исследований, ВШП, проходивший из Гурганджа, тянулся на юго-запад и северо-восток. Южная дорога через Каракумы связывала Хорезм с иранскими городами (Шираз, Табриз) и проходя через них доходила до городов Малой Азии (Багдад, Дамаск), далее шла в Египет. Эта транскаракумская дорога в основном использовалась купцами мусульманских стран, так как «торговое значение Ургенча должно было привлекать персидские караваны» (Массон, 1966, с. 152, 190). Северо-западный путь связывал Гургандж с городами Хазарии (Итиль), Волжской Болгарии (Биляр, Булгар), Золотой Орды (Аштархань, Сарай), Руси (Москва, Новгород Великий), Кавказа (Маджар) и Крыма (Судак, Азак, Кафа). Затем через Северное Причерноморье выходил к городам Византии (Константинополь), итальяским Республикам (Генуя, Флоренция). На этой дороге чаще всего торговали хорезмийцы, болгарские, русские и западноевропейские купцы. Ключевыми точками этого трансконтинентального маршрута были Тана-Сарай-Устюрт-Ургенч-Отрар-Алмалык и далее Китай (Федоров-Давыдов, 1965, с. 179). В эпоху Золотой Орды эта трасса была самой оживленной. По ней проезжали великие путешественники и миссионеры христианского и исламского мира; П. Карпини (1246 г.), Вильгельм де Рубрук (1252 г.), М. Поло (1260 г.), Ибн Баттута (1333 г.), Эломазин (1336 г.), Дж. Мариньоли (1338 г.), испанец Пасхали (1338 г.), А. Дженкинсон (1558 г.) и др. Джованни Монте Корвино, отмечая удобства этого маршрута, писал: «А что касается дороги (Золотой Орды), то путь через земли Катая (хана Токты – 1290-1312 гг.) императора Северных татар самый короткий и безопасный ...» (После, 1968, с. 119). Хорезмийцы еще в домонгольский период были посредниками в торговле между западом и востоком, осваивали рынки городов Хазарского Каганата, Руси и Волжской Болгарии, они же являлись распространителями культурных достижений, политических и религиозных идей.

Через Хорезм по ВШП шло основное число посольских и торговых караванов в VII-XIV вв. В 568 г. тюркский каган Истеми во главе согдийца Маниаха послал византийскому императору Юстиниану II (568-576 гг.) мирную делегацию. Эта депутация, выйдя из Мавераннахра, прошла через Хорезм и далее следовала в Северное побережье Каспия вышла на Кавказ и Византию. Цель посольства удачно выполнена и вскоре в страну из Византии прибывает посольство с киликийцем Земархом (История, 1884, с. 141). Он использует предыдущий отрезок шелкового пути: Кавказ – Северный берег Каспия – Хорезм, далее в Мавераннахр. Тогда же по этому пути движутся торговые караваны из Средней Азии, Хорезма. Византийские купцы увозили метаску, драгоценные камни, благовония и пряности, а ввозили сюда узорчатые ткани, ювелирные и стеклянные изделия. По материалам некрополя Миздахкана известно несколько фрагментов ткани типа парчи, с изображением птиц (Ягодин, Ходжайов, 1970, рис. 48). В основе узоров этих тканей лежат сасанидские и византийские влияния птицы-утки. Эти птицы, в сочетании с растительными и животными мотивами, часто встречаются в тканях Ирана и Византии в X-XIV вв. (Деникев, 1923, с. 185, 191-192).

В 1997 г. в городе Кердера, в ходе археологических работ, найдена золотая византийская индикация ссолида императора Тиверия III (698-705 гг.) (Мамбетуллаев, 1999, с. 29-31). В Мошевой Валке, Хасауте, близ г. Кисловодска (Россия), найдены шелковые ткани, а в Азове и Дагестане – серебряные сосуды из Хорезма (Даркевич, 1976, с. 46-47). Значение торговых связей Хорезма по ВШП с западными и восточными странами не теряло своего значения в последующие эпохи. В VIII в. араб Мухаммед ибн Мансур, в каталоге драгоценных камней, отмечал «фируза» (Бирюза) вывозиться из Нишапура, Хазана, Кермана, Хваризма» (Книга, 1928, с. 10). Одический поэт Грузии Ионэ Шавтели (XIII в.) в своей поэме «Абдул Мессия» упоминает о «хорезмийском сердолике» (Поэзия народов, 1972, с. 167). В XIII-XIV вв. в рамках международной торговли, наряду с другими среднеазиатскими купцами, у хорезмийцев появилась возможность торговать с Западной Европой. Этому способствовали интересы европейских феодальных государств. Дальние ойкумены Евразии, неведомая экзотика, стремление к распространению идей христианства, наконец, интерес к прибыльной торговле подхлестнули

миссионеров и купцов Западной Европы прибывать в страны Центральной Азии. Они, добираясь на территорию Золотой Орды, Хорезма и Мавераннахра, создавали опорные базы, подворья и убежища (колонии) в окрестностях стольных городов. Такие пункты монахов-францисканцев, по свидетельству Джованни Марьинолли (1338-1358 гг.) и Эльмазина (1336 г.) были и в Ургенче (После, 1968, с. 119). Это подтверждает и арабский историк Шихаб аддин ибн Фазлаллах ал Омари (1301-1409 гг.). Он пишет: «В Хорезме (Гургандж) 100 домов еврейских, 100 домов христианских» (СМИЗО, 1884, т. 1, с. 242). Тогда по ВШП, через Арало-Каспийское междуморье, Хорезм вывоз в Европу шелк-сырец. Нотариальные акты, составленные в 1289-1290 гг. в Старом Крыму, говорят о том, что генеэзские торговые аристократы Андрей Спиноло, Бонвассалино и Персиваль Ломеллина отправляли из Кафы в Геную шелк “carismisnuu” и “organinum” (Bratranu, 1927, p. 209, 211, 213). Значение городов Хорезма в торговле по ВШП отмечал и флорентиец Ф.Б. Пеголотти. Он в своей книге «Торговое дело» подробно описал значение Гурганджа в торговле с Китаем и с Западной Европой (Pegolotti, 1936, p. 21-22, 27).

По ВШП, наряду с распространением предметов торговли, культурных и архитектурных образцов, распространялись и религиозные идеи. Миссионеры Востока и Запада разносили свою веру в отдаленные страны. В раннем и развитом средневековье с Запада на Восток распространилось христианство. Тогда в Средней Азии, в том числе Хорезме, наблюдается конгломерат религий: местные жители исповедовали несколько религий. В Хорезме в это время, наряду с мусульманами, проживало христианское население, принадлежавшее несторианам. Арабский путешественник ал Якут, сообщая об огузах Приаралья, говорит о христианах-иноземцах на землях Хорезма и о том, что часть жителей из племени джикелей исповедуют христианскую веру. Большинство этих христиан этнически принадлежали к славянам. По данным ал Макдиси, ал Истахри, они были приезжими русскими купцами или невольниками (Гаркави, 1870, с. 264-265). Археологические исследования на территории Хорезма также свидетельствуют о распространении идей христианства среди населения Приаралья. На родине Миздахкан, среди погребальных построек, на оссуарных ящиках обнаружены изображения креста и звезды. На некоторых оссуариях, наряду с крестом, изображены листообразные полосы. Этот мотив связывается с несторианским течением в христианстве (Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 146-147). На фасадной стене пещерного города Бутентау в западном Хорезме имеется несколько изображений креста. Одно из них имеет расширяющиеся концы подобно крестам алебастровых оссуариев на Миздахкане. Здесь пещерные помещения по планировке также напоминают крестообразную форму. Пещерный город Бутентау-кала датирован XI-нач. XIII в. и XIII-XIV вв. К этому времени относятся сведения о христианской колонии в Хорезме. Плано Крпини указывает, что христианская колония в Хорезме состояла из хазар, русских и аланов (Путешествия, 1957, с. 46). В это же время (нач. XIV в.) в Хорезме существовала Ургенчская епархия, входившая в состав Ханбалыкской епархии и хорезмийские христиане подчинялись антиохскому патриарху. Судя по новым исследованиям, они были мелькитами (Богомолов, Буряков, Жукова и др., 1994, с. 12). Проникновение христианства в Хорезм по ВШП можно наблюдать и по нумизматическим материалам. В Адамли кала Беркуткалинском оазисе (замок № 3), в Шаватском районе Хорезмской области найдены хорезмийские монеты царя Шаушафана (VIII в.). На этих монетах на аверсе в диадеме или конце короны изображен равносторонний крестик по типу несторианского (Вайнбер, 1976, табл. XXIV, 4, 10, II; Мусакаева, 1997, с. 95). В золотоордынской нумизматике известны типы монет с рождественскими символами. Г.А. Федоров-Давыдов в монетах Хорезма XIII-XIV вв. установил изображение солнца в клешнях рака (символ созвездия Рака) (1965, с. 189-191). Монеты с зодиакальной символикой часто выпускались в городах Поволжья (Сарай, Новый Сарай), Урала (Сарайчик), Хорезма. Появление этих монет вызвано активностью католических миссионеров в городах Золотой Орды в XIII-XIV вв., в число которых входил и Гургандж.

Следует отметить, что по ВШП осуществлялись не только торговые связи, религиозное движение, по нему также шло основное число дипломатических караванов. Хорезмийцы не только занимались торговыми делами, но и являлись купцами, дипломатами, распространителями общественно-политических идей. В 986 г. киевский князь Владимир I (1015 г.) установил дипломатическое отношение с Хорезмом. По сообщению Лаврентьевской летописи (1377 г.), вводная часть которой является «Повесть временных лет» Нестора (1096 г.), традиционные связи христиан-болгар и хвалисов-хорезмийцев имели не только генеалогические корни, но и дипломатический характер (Толстов, 1948, с. 257, 261). Главы феодальных государств, определяя направленность во внешней политике, основывались на сведения купцов-дипломатов. В этом плане обращает на себя внимание двуликое деяние Махмуда Хорезмийского-Махмуда Яловача («посол» - по тюрк.). В письменных источниках эпохи Золотой Орды часто встречаются имена с нисбой «ал-Хорезми». При Узбек хане (1312-1340

гг.) Алааддин Аидогды ал Хорезмии был послом в Египте, Мухаммед Ходжа ал Хорезмии эмиром Азака (СМИЗО, 1884, т. 1, с. 167-168, 284, 307). Их имена дополняет личность «доблестного» Шуржадина Абдирахмана ал Хорезмии толмача (почти дипломата), прекрасно знающего общественную жизнь золотоордынского государства.

В целом, хорезмийцы много внесли по ВШП не только в торговлю, но сделали успехи в посольских делах. Современники тех далеких эпох (Макдиси, Ибн Баттута) писали не только об успехах Хорезма, но и о вкладе хорезмийцев в общечеловеческие ценности, духовную культуру того времени. Всему этому благоприятствовали расположение городов Хорезма на трассах ВШП и исполнение ими роли узловых точек. Кроме экономической функции, они же в значительной мере способствовали взаимодействию и взаимообогащению культур, среди которых немаловажное значение имеет религиозно-духовная идея. С другой стороны, купцы и ремесленники Хорезма, благодаря ВШП, проникли в Восточную Европу, Хоросан, Кавказ, Китай, Индию и др. Из восточных стран в Хорезм вывозили фарфор, селадон, шелк, зеркала (Китай), пряности, красители, лекарство, благовония, украшения-каури (Индия), металлические, керамические и стеклянные изделия (Иран, Ирак). Западноевропейские купцы вывозили в другие страны оружие, драгоценности и ткани (сукно), часть которых попадала в Хорезм. В свою очередь, и Хорезм по ВШП производил и торговал сельхозпродуктами, ремесленными изделиями, полудрагоценными камнями (бирюза, сердолик).

Таким образом, существование ВШП не только способствовало торговле, улучшению межгосударственных отношений и взаимообогащению культур, он также углублял урбанизационные процессы в Хорезме, с ослаблением движений по ВШП некоторые города средневекового Хорезма теряют свое торгово-ремесленное значение.

Литература:

1. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч. т. 2, часть II. М., 1865.
2. Богомолов Г.И., Буряков Ю.Ф., Жукова Л.И. и др. Христианство в Средней Азии // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1994.
3. Вайнберг Б.И. Монеты древнего Хорезма. М., 1976.
4. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII века до конца X века. СПб., 1870.
5. Деникев. Искусство Востока. Казань, 1923.
6. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. М., 1976.
7. Книга о драгоценных камнях Мухаммеда ибн Мансура (пер. Соколова). Горный журнал. Кн.: I. М., 1928.
8. Мамбетуллаев М.М. Византийская индикация из Куюк-кала (Северный Хорезм) // Нумизматика Центральной Азии. Вып. IV. Ташкент, 1999.
9. Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ). Т. I. М., 1939.
10. Массон М.Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр // Труды ЮТА-КЭ, т. 13. Ашхабад, 1966.
11. После Марко Поло: Путешествие западных чужеземцев в страны трех Индий. Пер. с латинского и староитальянского языков, введение и примечание Я.М. Света. М., 1968.
12. Поэзия народов СССР (IV-XVIII вв.). Том 1. М., 1972.
13. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В Тизенгаузена (СМИЗО). СПб., 1884.
14. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
15. Мусакаева А.А. Клад хорезмских монет Шаушафана // ОНУ, 1997, № 7-8.
16. Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
17. Федоров-Давыдов Г.А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода // нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965.
18. Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент 1970.
19. Vratinu G. Actes des notaries gentos de Pera de Caffa de la fin du XII siecle. Bucarest, 1927.
20. Pegolotti F.V. La Practica della Mercature // Ed by Allan Evans. Combridge-Mass, 1936.

ОССУАРНЫЙ НЕКРОПОЛЬ НА АФРАСИАБЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ Р-35)

Впервые остатки оссуарного некрополя на городище Афрасиаб были обнаружены в 1967 году в западной части городища (9, с. 110). Разрозненные находки фрагментов оссуариев, возможно, в перетолженном состоянии, находили и раньше (2, с.27-30; 12, с.29). Возможно, тогда же, впервые на Афрасиабе, были зафиксированы и наусы. Во всяком случае, были обнаружены пахсовые стены в месте скопления оссуарного боя и остатков костяков (4, с.44-46; 9, с. 110 и сл.). Авторы датируют некрополь по совокупности различных данных (от сопутствующей керамики до иконографии налестов на оссуариях) V-VIII вв.

В 1982 году, во время расчистки стрелковой галереи на раскопе 35 в западной части Афрасиаба (7, с. 105, рис. 36), автором были обнаружены захоронения черепов и разрозненные измельченные фрагменты костей. Первый череп был обнаружен в фрагментированном крупном сосуде, второй - в бойнице, третий - в специально выкопанной ямке, в заполнении внутрискенного коридора и, наконец, ещё два (№№ 4, 5) - на гребне вала крепостной стены, рядом с первым.

Определить последовательность захоронений практически невозможно. Вероятнее всего, последними являются захоронения, обнаруженные на самом гребне стены под дерном. Скорее всего, эти черепа находились в оссуариях. Во всяком случае в дерне и на поверхности на всей территории Р-35 находили в разные годы фрагменты оссуариев (6, с.4). Возможно, этим захоронениям предшествовало захоронение в сосуде. Корчага (или хумча) была помещена в специально вырубленную нишу в восточной стене стрелковой галереи, или же это была опущенная с поверхности яма, которая попала на кирпичную кладку. По устным сообщениям археологов известно, что иногда кучки костей и череп могут лежать на полу науса (И.Д. Иваницкий) или в крышке от крупного сосуда. На Р-35 было обнаружено несколько фрагментов крупных крышек, не исключено, что они использовались именно для этих целей.

Всё пространство внутрискенного коридора (стрелковой галереи) - около 17 м длиной и на глубину до 1,7 м - было заполнено рыхловатой темно-коричневой почвой, в верхней части, с кусками сырца, ниже натеки и рыхлые слои, с большим содержанием измельченных костей, фрагментов бытовой керамики, галек.

Наиболее выразительным для индивидуальной демонстрации в музее является захоронение в сосуде. Во время расчистки захоронения были обнаружены некоторые фрагменты сосуда, а череп и кости были в очень плохом состоянии. Вероятнее всего, что сосуд был целый и горловина была закрыта другим сосудом или крышкой. Всё это в древности в течение какого-то времени было открыто (не закопано) и подвергалось воздействию природных факторов, возможно, тоже было с черепом в бойнице. Скорее всего, именно в результате воздействия атмосферных осадков кости оказались в таком плохом состоянии. Значительно лучше сохранились черепа на гребне стены (4-й и 5-й), обнаруженные под дерном, и ранее находившиеся, вероятно, в оссуариях. Но лучше всего сохранился череп №3, найденный в яме, лежащий достаточно глубоко (около 1,5 м) от дневной поверхности.

Собрано значительное количество бытовой, преимущественно столовой посуды (во фрагментах). В приводимой таблице даны только некоторые археологически целые формы или достаточно крупные фрагменты, помещенные в экспозиции музея.

Сосуд, в котором обнаружено захоронение, представляет собой обыкновенный бытовой предмет - это хумча или корчага довольно крупного размера /высота - 39 см, диаметр венчика - 23 см, диаметр донца - 20 см/. Он сформован на гончарном круге, на песчаной, с добавлением слюды, подсыпке. Керамическое тесто плотное, розовато-коричневого цвета, с примесью шамота, ганча, рубленого самана. Обжиг неравномерный, в изломе серая и более светлая розово-коричневая полосы. С внешней стороны стенки сосуда тщательно заглажены, внутренняя поверхность ребристая (папиллярные ложбины). Донце снаружи подрезано ножом. С внешней стороны корчага покрыта светлым ангобом. От венчика, внутри и снаружи, нанесены пятна-потеки темно-коричневого цвета.

Полностью восстанавливается форма горшка с отогнутым наружу венчиком, эллипсоидным туловом и плоским устойчивым дном (высота - 13 см, ДВ -25 см, ДД -10 см). Он также сформован на гончарном круге, на песчаной подсыпке. Керамическое тесто розовое, плотное с примесью дресвы, ганча, рубленого самана. Обжиг неравномерный (в изломе серая и розовая полосы). В придонной части следы подрезки ножом. С обеих сторон горшок покрыт плотным серым ангобом. Потеки черного ангоба снаружи и внутри сосуда.

Следующая довольно характерная форма - цедилка. Небольшая (высота- 4 см, ДВ- 15 см, ДД- 3,5 см) чаша, с коническими стенками и отверстием в центре донца (верх - 0,5 см, низ - 0,4 см). Венчик отогнут наружу. Донце едва выражено, подрезано ножом, заглажено. Керамическое тесто плотное, розовое с примесью шамота и ганча. Поры очень мелкие. Обжиг неравномерный - в изломе светлая полоса. Снаружи следы пятен красного ангоба. Сосуд предназначался для сцеживания жидкости, (скорее всего, при приготовлении кисломолочных продуктов). Его широкий отогнутый венчик опирался на прямой венчик нижнего сосуда.

Весьма выразительными и характерными для всего комплекса керамики являются большие конические крышки (до 40 см, В - 12-15 см). Ни одного археологически целого экземпляра обнаружено не было. Крышка коническая, имеет ручку, нижняя часть не сохранилась. Ручка с выемкой сформована на круге. Черепок розовый, плотный, с примесью дресвы, шамота, слюды. Обжиг неравномерный - в изломе розовая и серая полосы. Снаружи покрыта светлым плотным ангобом.

У другой крышки не сохранились ручка и часть стенки. Она сформована на гончарном круге. Черепок темно-розовый, рыхлый, с примесью шамота, слюды, рублевого самана. Обжиг неравномерный - в центре излома более светлая полоса. Верхняя сторона при формовке заглажена мелкозубчатым инструментом. На внутренней стороне папилярные ложбины.

Как уже отмечалось выше, это только некоторые керамические формы комплекса, которые можно полностью или почти полностью восстановить и, которые помещены в экспозиции. По наличию в комплексе конических крышек, горшков с отогнутым венчиком, цедилок и отсутствию горшков со сливом (не обнаружено ни одного фрагмента слива сосуда) комплекс можно датировать III - началом V вв. н.э. (5, с. 186, рис. 3).

Стратиграфическое исследование некрополя позволяет говорить о некоторых элементах погребального обряда. К моменту начала захоронений крепостная стена, как объект обороны, не функционировала, но стены коридора ещё сохранились на высоту до 1,7 м или несколько больше. Для захоронений почти весь коридор был расчищен от завала и натеков на глубину до, подстилающих верхнюю кладку, продолговатых сырцовых кирпичей. На фрагменте этой последней кладки были обнаружены три небольшие горелые пятна (30X35 см. рис.1). Как уже отмечалось, захоронения были выделены индивидуально: в сосуде, в бойнице, в яме. В почве, вместе с фрагментами костей, встречались фрагменты бытовой керамики и оссуариев (на глубине до 1,5 м от дневной поверхности). Таким образом, можно говорить об основных требованиях предъявляемых к зороастрийскому, скорее, маздеистскому (Б.Я.Ставиский) обряду захоронения (10, 88-94), с поправкой на время и принадлежность комплекса одной из групп населения, бытовавшего в то время на территории Самаркандского Согда (вторжения кидаритов, хионитов, приток населения из Хорезма). Эти вопросы разбирались неоднократно исследователями, занимавшимися изучением оссуарных захоронений и культа (8, с.6 и сл.). Вероятнее всего, некрополь по совокупности всех данных нужно отнести ко второй половине III-IV вв. н.э.

Литература:

1. Алешковский М.Х. Изучение и описание археологического музейного предмета // Труды НИИК. Вып. 21. М., 1974.
2. Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище былого Самарканда. Самарканд, 1927.
3. Гроздилов Г.Д., Столяр А.Д.. К вопросу о построении музейной археологической экспозиции // СА, М., 1958, № 4.
4. Дадабаев Г. Оссуарии из Афрасиаба // ОНУ, Ташкент, 1969, № 10.
5. Кабанов С.К.. Изучение стратиграфии городища Афрасиаб // СА. М., 1969, № 1.
6. Кириллова О.В.. Полевой отчет о работе на объекте Р-35 городища Афрасиаб летом 1982 г. - Архив СГМЗ.
7. К исторической топографии древнего и средневекового Самарканда. Ташкент, 1981.
8. Павчинская Л.В.. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник (типология, районирование, хронология). Самарканд, 1990. Библиотека ИА АН РУз № 4760.
9. Пачос М.К. Находки оссуарных захоронений на Афрасиабе в 1967 году // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973.
10. Ставиский Б.Я., Большаков О.Г и Мончадская Е.А. Пянджикентский некрополь // МИА, М., 1956. № 37.
11. Сухарев И.А. Зороастрийские наусы городища Кафир-кала // Архив СГМЗ, № 568.
12. Шишкин В.А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969.

К ВОПРОСУ О МУСУЛЬМАНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ САМАРКАНДСКОГО СОГДА)

Первая половина VIII в. н.э. для Средней Азии стала временем появления новой религии - ислама и, соответственно, как можно было бы логически предположить - мусульманского обряда захоронений. Но как показывают археологические исследования, мусульманских погребений с присущими им классическими чертами, такими как трупоположения без инвентаря, с ориентировкой костяков на северо-запад и лицом, повернутым в сторону «кыблы», мы не имеем. На городище Афрасиаб такие погребения появляются лишь в начале X в. н.э. (Брусенко, Бурякова, Филанович, 1975). Поэтому большинство исследователей обычно не затрагивают вопрос о принадлежности к мусульманским погребениям VIII-IX вв. н.э. В таком случае, как выглядели погребения мусульман-арабов, умерших в Средней Азии после её завоевания и погребения той части согдийцев, которые уже в это время приняли ислам? Ведь в течение двух столетий, постепенно, в ислам перешло все население Средней Азии за исключением небольших зороастрийских и христианских общин.

У доисламских арабов-кочевников кладбищ не существовало. Умершего хоронили в грунтовых ямах без надгробий и насыпей над погребением, иногда над местом захоронения убивали верблюда. Родственники никогда не посещали мест захоронений и не делали поминок по умершему. Следы могил вскоре исчезали и невозможно было определить место захоронения покойных. После принятия арабами ислама основные черты обряда захоронения кочевников были отражены в шариате. Могила мусульманина не должна была иметь ни надгробий, ни выделяться на местности. Поверхность могильной ямы выравнивалась по уровню земли так, чтобы уже с расстояния 7 шагов ее невозможно было обнаружить. Но этот обычай долго в исламе не продержался и быстро оброс пышными погребальными обрядами. Узаконилось и создание специальных мест захоронения - кладбищ. Захоронение покойников осуществлялось в грунтовых ямах в саване, лицом, повернутым к кыбле. Могилы и надгробия фасадами также были обращены к Мекке (Керимов 1978, с. 48-57).

Логично предположить, что после завоевания арабами Средней Азии и с началом принятия ислама даже незначительной частью её населения, должны были появиться кладбища с мусульманскими захоронениями, чего не наблюдается нигде, в том числе ни в Самарканде, ни в Самаркандском Согде. Погребения Самаркандского Согда первой половины VIII в. н.э., вскрытые на настоящий момент, осуществлялись в наусах и заброшенных помещениях, приспособленных под наусы. Их классификация выглядит следующим образом:

I тип. Погребения очищенных костей в оссуариях;

II тип. Погребения очищенных костей в хозяйственных сосудах (хумах, хумчах, котлах и т.д.);

III тип. Погребения очищенных костей в виде «кучек» на суфах и полах наусов, а также в больших грунтовых ямах;

IV тип. Трупоположения с сопровождающим инвентарем и без инвентаря.

Первые три типа погребений являются типично зороастрийскими и, безусловно, не могли использоваться согдийцами, принявшими ислам. Остаются захоронения, совершенные по типу трупоположений в наусах с сопровождающим инвентарем или без него. Этот обряд появился в Самаркандском Согде ранее, в тюркское время в середине VII в. и продержался до середины VIII в. н.э. Казахстан, Ташкентская область и Ферганская долина использовали обряд трупоположений в наусах еще в до-тюркский период, но в Центральном Согде в это же время он распространения не получил (Агзамходжаев, 1966; Алимов, Буряков, Гришин, 1979; Горбунова, Шигин, 1979; Алимов, Алимов, 1983; Левина, 1993).

Трупоположения в наусах, датируемые монетами второй половины VII - первой четверти VIII в., обнаружены в Самаркандском Согде в настоящее время уже на некрополях трех городищ: Кафыркалы к югу от Самарканда (Сухарев, 1938), Дурмонтепа к западу от Самарканда (Наймарк, Яковлев, 1990) и Пенджикента (Маршак, Распопова и др., 2002). Внимание исследователей они привлекли сравнительно недавно и в достаточной мере не разработаны. Сам факт появления обряда трупоположений в наусах именно в тюркский период можно предположительно объяснить влиянием или давлением новой тюркской власти, для которой обряд очищения костей умерших мог считаться варварским. Объединение северо-восточных регионов Средней Азии с южными под властью Тюркского каганата и естественная при этом миграция населения из присырдарьинских территорий в Согд и обратно, могли повлиять на использование более приемлемого для согдийцев обряда трупоположений в

наусах, имевшего раннее практику в Фергане и Чаче, чем практику трупоположений в могильных ямах, характерную для тюркских племен. Вероятно, этот вариант мог устраивать обе стороны - как правящее, так и подвластное население.

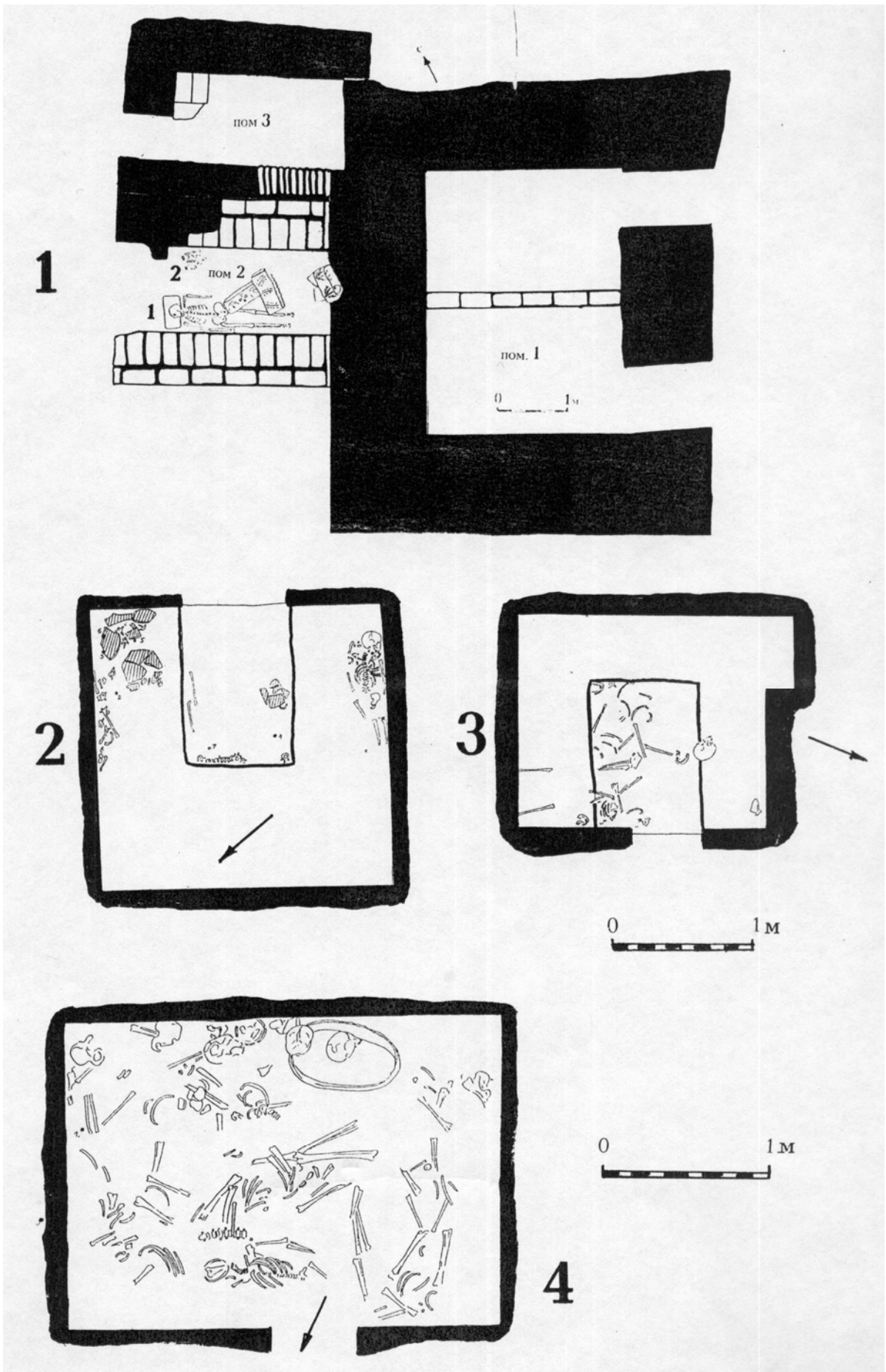
В то же время новый тип погребений в наусах сосуществовал с оссуарными и хумными, датировка которых подтверждена монетами. Медная согдийская монета чекана Вархумана (657-675 гг.) обнаружена в штампованном оссуарии под черепом в жилой усадьбе Сарытепа (Павчинская, Ростовцев, 1988, с. 91; Павчинская, 1990, с. 87). Монетные находки отмечены и среди разбитых оссуариев в наусах некрополя Пенджикента (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1980, наус 2). В Пенджикентском некрополе Дашти Урдакон оссуарий датируется монетами VIII в. н.э. (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1980, с. 243-244). Длительность сосуществования оссуарных захоронений с трупоположениями в наусах в Самаркандском Согде отмечается монетными датами вплоть до второй четверти VIII в. н.э. Зороастрийские общины продолжали практиковать захоронения очищенных костей в хумах и других хозяйственных сосудах, таких как кувшины, котлы, тагора (и не исключено, в оссуариях) и значительно позже, вплоть до начала XIII в. Одно из таких зороастрийских костехранилищ существовало в к. Фринкент под г. Самаркандом (Григорьев, 1939).

После прихода арабов обряд трупоположений в наусах продолжает практиковаться. Но в отличие от таковых, совершенных в тюркский период, преобладают трупоположения без монетного сопровождения. Несмотря на то, что количество вскрытых наусов с подобными типами погребальных обрядов пока незначительно, но уже на их примере весьма наглядно прослеживаются этапы перехода от оссуарных захоронений и захоронений очищенных костей в «кучках» к трупоположениям, с сопровождающим инвентарем и монетами, и затем к трупоположениям без монет и другого сопровождающего инвентаря. Стоит отметить, что этот процесс протекал неравномерно как в отдельно взятых городах и поселениях, так и в отдельных семьях того или иного города или поселения. Рассмотрим это на примере погребений некрополей городищ Дурмонтепа, Кафыркала и г. Пенджикента.

Наиболее ранний переход от оссуарного обряда к трупоположениям зафиксирован на городище Дурмонтепа. На его южной окраине в отдельно стоящем наусе было обнаружено трупоположение. Ещё три трупоположения были найдены в заброшенной в VII в. усадьбе, одно из них датируется монетой чекана Шишпира середины VII в. н.э. (Наймарк, Яковлев, 1990, с. 71-72).

На некрополе городища Кафыркала в 12 км к югу от г. Самарканда, сохранившиеся три науса были раскопаны в 1938 г. И.А. Сухаревым. Наусы имели типичную планировку, в древности были разграблены, оссуарии и хумы разбиты, костный материал разбросан. В одном из трех вскрытых наусов были обнаружены два помещения, пристроенные к основному зданию (рис. 1, 1). К западной стене науса первоначально было пристроено помещение № 2, а затем помещение № 3 (рис. 1, 1 пом. 2,3). Помещения коридорообразные, со сводчатым перекрытием, очень небольшие по размеру (1,24x2,4 м), стены тонкие, из пахсы (пом. № 3) и сырцового прямоугольного формата кирпича 46-48x22-23x8 см (пом. № 2) (Сухарев, 1938, с. 6-10). Учитывая тот факт, что помещения были пристроены к основному наусу, можно предположить, что делалось это вследствие того, что основной наус уже был заполнен или новые помещения предназначались для погребений, не соответствующих зороастрийскому обряду. В пом. № 2 на полу были обнаружены два трупоположения (рис. 1, 1 погр. № 1 и № 2) и мелкая согдийская монета с квадратным отверстием (Сухарев, 1938, с. 10,78). Оба скелета были перекрыты боем из сырцового кирпича, образовавшегося при разрушении свода и стен помещения № 2. В этом завале обнаружены три оссуария с костями. По характеру залегания оссуариев можно уверенно сказать, что они были сброшены через разрушенный свод в пом. № 2 из соседнего пом. № 1. Над оссуариями был обнаружен трёхгранный железный наконечник стрелы. Помещение № 3, одинаковое по размерам и планировке с помещением № 2, оказалось пустым, в нем не обнаружено ни оссуариев, ни трупоположений на полу. Данные стратиграфии заполнения помещений № 2 и № 3, а также находки в них указывают на то, что оба помещения предназначались для совершения трупоположений на полу. После захоронения двух покойников в помещение № 2, к нему с севера было пристроено такое же помещение № 3, но использовать его в качестве склепа не успели. Сброшенные оссуарии в помещениях № 2 и находки наконечников стрел в нескольких наусах указывают на военные действия, в результате которых наусы были разрушены и погребение покойников в них прекращено.

Трупоположения в наусе некрополя гор. Кафыркала сделаны на полу помещения № 2, вдоль южной и северной стены головой ко входу. Первое погребение (рис. 1, 1 погр. 1) у южной стены хорошей сохранности. Погребенный мужского пола крупного роста (178-180 см), на спине в вытянутом

положении, головой на С-З-З, лицом на Ю-З, без сопровождающего инвентаря. Под голову положен сырцовый кирпич размером 48x23x8 см. У противоположной стены - остатки скелета с нарушенным расположением костей (рис. 1, 1 погр. 2). Костяк был потревожен более поздним погребением в щелевидной камере. Погребения датируются мелкой согдийской монетой с квадратным отверстием. Монета в свое время не была определена, затем утеряна, но известно что мелкие монеты имелись в чекане почти всех правителей Самарканда, начиная с Вузурга (сер. VII в.) и включая Тургара (сер. VIII в. н.э.). В Пенджикенте - при госпоже Нане в первых десятилетиях VIII в. н.э. (Смирнова, 1981, с. 38, 41, 45). Монету можно датировать в пределах одного столетия (сер. VII - сер. VIII вв. н.э.) С учетом археологических данных, указывающих на уничтожение науса с пристройкой после военных событий, время погребения можно ограничить концом VII - серединой. VIII вв. н.э.

Пенджикентский некрополь дал труположения в двух группах наусов, расположенных вдоль дорог, ведущих в современный г. Пенджикент и в селение Коштета (Маршак, Распопова и др., 2002). В двух наусах из шести исследованных находились разрозненные кости от труположений. Ещё в двух - по одному необожженному оссуарию среди преобладающей костной массы от нарушенных труположений и скелетов, лежащих в анатомическом порядке. В последних двух и еще нескольких, сильно разрушенных строительной техникой наусах и вблизи них, обнаружены фрагменты различных видов овальной формы оссуариев. Все наусы на первоначальном этапе имели суфы для установки на них оссуариев. Затем оссуарии были выброшены и наусы стали использоваться для труположений. В одном из наусов суфы были перекрыты новым полом и труположения осуществлялись на этом полу.

В наусе № 4 (рис. 1, 2) представлены несколько типов захоронений. На восточной суфе - наиболее раннее захоронение очищенных костей в хозяйственном сосуде (крупный водоносный кувшин без верхней части), с монетами Укара и Амогйона (последняя треть VII в.), рядом кучка костей одного человека, с монетой Бидйана (рубеж VII-VIII вв.). На полу между суфами - фрагменты необожженного красноангобированного оссуария и остатки труположения с сопровождающим инвентарем (от костяка сохранился только позвоночный столб и лучевая с локтевой кости, от инвентаря - бронзовое кольцо). Рядом монета Бидйана. Наиболее поздним в наусе являлось труположение ребенка 7-9 лет на суфе. Скелет на спине, в вытянутом положении, головой к выходу, лицом к стене, во рту монета Гурека II типа (первая четверть VIII в. н.э.). Оба труположения в этом наусе отмечены в промежутке времени от рубежа VII-VIII вв. до второй четверти VIII в. н.э. (Маршак, Распопова и др., 2002, с. 70-71, рис. 115 б). В наусе № 3 (рис. 1, 4) на полу, перекрывшем более ранние суфы, прослежены: погребение в оссуарии, труположение с монетой Бидйана и в преобладающем количестве - труположения без сопровождающего инвентаря и без монет. Наиболее раннее захоронение в овальном, из рыхлой глины оссуарии, который установлен у противоположной, наиболее удаленной от входа части науса. Рядом нарушенные труположения, у руки одного из которых обнаружена монета Бидйана. Остальная, большая часть площади науса заполнена нарушенными костяками труположений. Наиболее позднее - труположение у самого входа. Это ребенок 2-3 лет, костяк на спине, головой на восток (Маршак, Распопова и др., 2002, с. 69-70, рис. 116). В наусе № 1 обнаружено одно труположение с сопровождающим инвентарем (железный нож, бронзовое кольцо, железный стержень). Костяк мужчины пожилого возраста нарушен, анатомически правильно сохранились лишь локтевая и лучевая кости правой руки. В наусе № 2 (рис. 1, 3) человеческие кости найдены над полом, в завале, на суфах, но наибольшее скопление на полу, в центре камеры. Один череп, три нижние челюсти, длинные кости рук и ног, позвонки. Все погребенные пожилого возраста. (Маршак, Распопова и др., 2002, с. 67-68, рис. 114 а; с. 68-69, рис. 115 а). Отсутствие в этом наусе захоронений в сосудах и оссуариях указывает на то, что здесь совершались захоронения очищенных костей в кучках или труположения. Учитывая тот факт, что в соседних наусах преобладают труположения, мы склонны считать скопление костей в центре науса перемещенными костными остатками труположений. Кроме последних исследованных наусов гор. Пенджикент, где явно прослежены труположения, некрополь города имеет много раннее вскрытых наусов, с большим количеством перемещенных в них костей, в которых обнаружены отдельные части костяков, сохранившиеся в сочленении, особенно часто - фрагменты позвоночных столбов (Ставиский, Большаков, Мончадская, 1953). На наш взгляд, эти находки предполагают использование обряда труположений и в этих наусах.

Имеющийся на настоящее время материал дает наиболее ранние труположения с сопровождающим инвентарем и монетами в наусах Самаркандского Согда в середине VII в. н.э. (некрополь городища Дурмонтета). Этот обряд захоронений продолжает практиковаться и в конце VII - начале VIII вв. н.э. (некрополи городища Пенджикент). Перед приходом арабов и в начале мусульманского времени в наусах появляются труположения без сопровождающего инвентаря, но с монетой во

рту, руке, на груди или рядом с головой. Это погребения в пристройке науса городища Кафыркала и погребение ребенка с монетой Гурека II типа в наусе Пенджикентского некрополя. Оба погребения близки по обряду: оба сделаны головой ко входу в наус и оба лицом к стене. Во второй четверти VIII в. н.э. в отдельных наусах начинают преобладать труположения без сопровождающего инвентаря и монет. (некрополи городища Пенджикент). С учетом того фактора, что в VIII-IX вв. н.э. в Самаркандском Согде не имеется как отдельных погребений, так и кладбищ с мусульманскими погребениями, совершенными по канонам шариата, возможно предположить, что новообращенных согдийцев - мусульман хоронили по местному обычаю, появившемуся ранее, в тюркское время. Это обряд труположений в наусах, который в определенной степени более близок к мусульманскому, чем обряд захоронения очищенных костей (Лебедева, 2003). Для первой половины VIII в. н.э. наиболее вероятны погребения мусульман в наусах по типу труположений без сопровождающего инвентаря и монет, начавшиеся практиковаться во второй четверти VIII в. н.э. Утверждать, что абсолютно все такие погребения принадлежат согдийцам-мусульманам пока рано, но и отрицать хотя бы частичную их принадлежность к таковым также не стоит.

Литература:

1. Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрен // ИМКУ, вып. 7. Ташкент, 1966.
2. Алимов К., Буряков Ю.Ф., Гришин В. Раскопки погребальных сооружений в Ташкентской области // АО 1978 г. М., 1979.
3. Алимов У., Алимов К. Погребальные сооружения Кавардана // ИМКУ, вып. 18. Ташкент, 1983.
4. Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ, 1975, вып. XV. Душанбе, 1980.
5. Брусенко Л.Г., Бурякова Э.Ю., Филанович М.И. К истории сложения мусульманского кладбища в северной части Афрасиаба // «Афрасиаб», вып. IV. Ташкент, 1975.
6. Горбунова Н.Г., Шигин А.Е. Могильники и крепость у Хангиза // АО, 1978. Ташкент, 1979.
7. Григорьев Г.В. Зороастрийское костехранилище в к. Фринкент под г. Самаркандом // ВДИ, № 2. М., 1939.
8. Керимов Г.М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.
9. Лебедева Т.И. К вопросу о труположениях в наусах Самаркандского Согда сер. VII-сер. VIII вв. н.э. // Материалы конференции, посвященные 75-летию академика Я.Г. Гулямова и 60-летию Института Истории 27-28 ноября 2003 г. «Узбекистон тарихи ва археология фанларининг долзарб муаммолари». Самарканд, 2003.
10. Левина Л.М. Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности, вып. II. Джетыясарская культура. Ч. I. Склепы. М., 1993.
11. Маршак Б.И., Распопова В.И. и др. Раскопки городища древнего Пенджикента в 2001 г. // Отчет о раскопках городища древнего Пенджикента в 2001. С-Пб., 2002.
12. Наймарк А.И., Яковлев А.А. Согдийское погребение VII в. с труположением из некрополя Дурментепе // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда: Тез. докл. Советско-французского коллоквиума, Самарканд 25-30 сентября 1990. Ташкент, 1990.
13. Павчинская Л.В., Ростовцев О.М. Оссуарии из Сары-тепе // ИМКУ, вып. 22. Ташкент, 1988.
14. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. М., 1981.
15. Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь // МИА, № 37. М.-Л., 1953.
16. Сухарев И.А. Отчет по раскопкам зороастрийских наусов городища Кафыркала // Архив ГМИКИУ, Д. 568. Самарканд, 1938.

*В.В. Лулева
(Ташкент)*

ИЗ ИСТОРИЯ КОСТЮМА УЗБЕКИСТАНА. (ПОЯСА И ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ)

В Средней Азии с древнейших времен в украшениях костюма важное место занимали пояса и поясные пряжки. Как любое кольцо, пояс являлся оберегом для его владельца. Считали, что он обладал способностями общения с магической силой, а это значит, что надевший пояс человек мог контактировать с силой другого мира [Супинский, 1932, с. 106]. Мусульманин при молитве обязан быть опоясанным. Пояс играл большую роль во многих важнейших обрядах, знаках отличия, был символом власти и т.д. Наличие пояса являлось характерным признаком праведности в Авесте /Яшт XVII, 11/.

Пояс сравнивали со змеей, считая, что она обладала таинственной и мощной силой. Змею считали божеством «низа», помимо земных вод, также змея являлась объектом религиозного отношения. Змею относили не просто к божеству, а к божеству значительному, с древнейших времен - эпохи неолита змея являлась символом царского достоинства, она олицетворяла бессмертие. В Древнем Египте, в Индии, у инков, у сирийцев змея - домашний дух, который дарует благополучие, те же достоин-

ства и свойства ценятся в змее у народов Востока. В Средней Азии змея изображалась в нагрудных амулетах, наручных браслетах, перстнях, являлась также символом благополучия, оберега. Если женщина не рожала ей на талию вместо пояса надевали живую змею. [Голан, 1994, с. 74-82; Андреев, 1958, с. 227].

Самые древние поясные украшения в костюме Средней Азии обнаружены при раскопках памятников эпохи бронзы (III-II тыс. до н.э.). Как правило, они украшены полудрагоценными камнями у оседлоземледельческих племен. Женщины кочевых племен носили пояса с бронзовыми обоймочками, часто обтянутые золотой фольгой. Пояса изготовлялись и из бусин. Фактами подтверждающими это является погребение состоятельной дамы в Саразме (долина Зеравшан). В другом захоронении, на мужчине находился пояс из четырех витых шнуров [Майтдинова, 1996, с. 27].

В ахеменидское время (VI-IV вв. до н.э.) пояса имели больше эстетическое значение, чем функциональное. В конце IV - нач. II в. до н.э. происходит влияние греческой моды. В эллинистический период пояс под грудью носил утилитарный характер; он поддерживал пышную драпировку платья и имел распространение в Бактрии, Парфии, Хорезме, Согде, Иране. В VII-V вв. до н.э. изготавливали наборные мужские пояса, украшенные металлическими заклепками [Майтдинова, 1996, с. 28, 35].

В античности I в. до н.э. - IV в. н.э. мода на пояса в основном оставалась схожей с прошлым временем. Женщины носили узкие, тканевые на завязке, пояса под грудью. Представляют интерес женские пояса с гофрированными «воланами». Мужские пояса, найденные в могильниках данного времени, были без пряжек, наборные с завязками из ткани или кожи. Впоследствии все кожаные ремни продолжали украшать фигурными накладными бляшками; пряжками к ремню подвешивали на узких ремешках мешочки, а вместо завязок применяли пряжки.

С этого времени пряжка (как амулет в центре ожерелья) считалась самой важной и нарядной в поясе. Она продолжала иметь функциональное, эстетическое, а главное - магическое (охраняла живот) назначение. Например, согдийская костяная пряжка (курган 7 Кызылтепинский могильник 7 и курган 7 Куюмазарский могильник) украшена циркульным орнаментом - круг с точкой. Аналогичный орнамент часто применяли в античности. Так, в Северной Бактрии циркульный орнамент имеет место на костяных игральными изделиях Дальверзинтепа, на поясной пряжке из Кампыртепа и т.д. Распространяется он и в раннем средневековье в изобразительном искусстве Пенджикента, и на согдийских терракотах в декоре одежды. Отдаленные аналогии такого типа орнамента на других предметах есть в древнетюрское время в Туве, на Кавказе, в Центральном Казахстане [Обельченко, 1992, с. 181].

Циркулярный орнамент происходит с древних времен. Во II тыс. до н.э. солярный символ-круг часто изображался на археологических находках Сапалитепа, особенно на навершиях булавок-шпилек, далее на печатках, в Средней Азии - на шейных украшениях и раструбообразных серьгах. Ряд исследователей считают, что в древние времена круг не только являлся солярным знаком, но также считался символом солнца в Египте, Древнем Китае и Средней Азии.

Другие исследователи считают, что круг с точкой - глаз. Они ссылаются на древних идолов, у которых глаза изображались круглыми, а в кружке обычно находилась точка в середине, и иногда по периметру изображались лучи. В Ригведе солнце называется божественным оком, у древних греков - глаз Зевса, у древних египтян солнце и луна назывались глазами.

Ряд других примеров характеризуют круг с точкой, как символ огня. Например, в Центральной Азии (V-IV вв. до н.э.) найден инструмент для добывания огня, украшенный таким знаком. В другом случае огонь изображался двумя графемами: женский символизировался кругом, а мужской прямоугольником (в индоевропейской мифологии). То же отметим в Средней Азии. На юге Таджикистана найден алтарь огня (XIII-IX вв. до V в. н.э.); в мужских захоронениях он имел прямоугольную форму, а в женских - круглую. Все это объясняется тем, что символом богини неба был круг, и солнце - в эпоху неолита тоже женское божество круглое, а символом неолитического бога земли являлся прямоугольник [Голан, 1994, с. 32].

Возвращаясь к знаку на костяной пряжке из Кызылтепинского и Куюмазарских могильников укажем, что О. Обельченко склонен считать данный орнамент символом солнца, тем более, что на пряжке от кружков отходят процарапанные линии, как лучи. Он считает, что такой орнамент на пряжке боевого пояса вполне оправдан, тем более, что солнечный бог Митра покровительствовал воинам лучникам. Очевидно, Митра лучами - стрелами убивал врагов, возможно, что лучи, изображенные на пряжке, - лучи-стрелы Митры. В итоге автор предполагает, что данная графема, нанесенная на пряжку, является культовой [Обельченко, 1992, с. 182].

На ажурных, литых, бронзовых пряжках известны изделия в зверином стиле, к примеру, в искусстве Согда эпохи античности. Ажурные пряжки, сами по себе, имели большое распространение на Кавказе в древние времена, а изображение сцены борьбы тигра с верблюдом на согдийских пряжках

очень схожи по стилю с бляшками сибирской коллекции Петра I и медной бляшкой из кургана Челябинска. Аналогичный сюжет на пряжках мы находим в искусстве Сибири, Центрального Казахстана, Южного Приуралья. Отдельное сходство декора нашего изделия есть на медной пряжке в Дайламанском захоронении (Иран), где животные изображены более в абстрактной форме, чем на согдийских, сибирских, приуральских поясных украшениях [Обельченко, 1992, с. 183].

Почему их изобразили древние мастера? Видимо, эти животные имели важное место в жизни населения Средней Азии. На кушанских монетах есть изображение верблюда, как священного животного. Образ верблюда в Средней Азии был глубоко почитаемым. Верблюд являлся одной из ипостасей Вертегране и его превращению посвящена в «Авесте» отдельная глава, которая имела название Бахрам Яшт. Верблуду приписывалась и магическая сила [Обельченко, 1992, с. 185]. Он изображался в древности, античности и раннем средневековье в предметах изобразительного искусства, а также на светильниках, скульптурах, монетах, печатках, терракотах, накладных бляшках на одежду, как олицетворение силы, власти или даже, как герб. В данном случае изображение верблюда в борьбе, на согдийской поясной пряжке воина, отождествлялось с богом войны.

Тигр тоже был почитаем в Средней Азии с древних времен. Что же означала борьба тигра с верблюдом? Скорее всего, борьба зверей означала борьбу могучих сил природы или определенных народностей, у которых тотемом являлись тигр и верблюд.

Другой пример звериного стиля находим в бактрийской круглой, золотой пряжке, со свернувшимся зверем. На пряжке изображено ушастое животное, которое свернулось кольцом, ухватив пастью свою лапу. Пряжка исполнена в технике инкрустации, где гнезда для вставки драгоценных камней имели сердцевидную форму. Аналогичное по стилю животное есть на золотых бляхах V-IV вв. до н.э. из Сибири и Зивийя (Иран) и на бронзовых - из Минусинской степи и Чиликты (Казахстан). Пряжка из Дальверзинтепа отличается от всех перечисленных более высоким рельефом и сильным резком изгибе животного. Орнамент и стиль изображенного животного характеризуется «сакским» [Пугаченкова, 1978, с. 102].

Подлинным шедевром бактрийского ювелирного искусства является уникальный золотой пояс. Он состоял из золотых нитей, которые сплетены в восемь рядов в ремень. На изделии расположены девять круглых золотых бляшек. Пряжки на месте нет.

Бляшки отлиты в индивидуальных матрицах, полые внутри. На всех бляшках видим в рельефе женщину, сидящую на льве. Лев изображен в профиль и в движении. Голова льва повернута в фас на зрителя и немного откинута назад, с зубастой пастью и высунутым языком. Спину льва украшает попона, орнаментированная по периметру мелкими кружочками, с концов которой ниспадают нарядные кисти.

Лицо женщины с резкими, грубоватыми чертами. Прическа гладкая, с округлым шишаком. Одета она в тунику, подпоясанную поясом. Одна рука женщины находится на шее льва. В другой руке она держит орнаментированный кувшин греческой формы, на ногах сандалии, доходящие до середины икр. Остальные бляшки украшены аналогичным сюжетом, но каждая имела небольшие изменения в позах льва и женщины [Сарианиди, 1963, с. 80-81].

Считают, что изображение женщины означало владычицу животных, богиню Кибелу. Богиня всегда изображалась со львом, который имел по отношению к ней подчиненное положение. Данный сюжет – Богиня, оседлавшая царя царей льва, означал то, что она господствовала над всеми животными.

Кибела считалась иранским божеством, а истоки такого образа нужно искать в глубокой древности. В эпоху бронзы в Бактрии найдена печать, на которой изображена женщина, восседавшая на фантастическом животном, все это свидетельствует о преемственности женского божества владычицы животных с древних времен. В античности ее называли богиней Кибелой.

Приведем другой пример изображения животных. Это прямоугольная пряжка, центральное место которой занимает всадник (божество) на крылатом коне, найдена в Кампыртепа. Конь в Средней Азии изображался довольно часто. Многочисленные находки бронзовых пряжек имеют место в Сырдарье (V-IV вв. до н.э.), далее в Индии, Иране - до Сибири и Восточной Европы. В Средней Азии образ крылатого коня распространен в изобразительном искусстве с эпохи бронзы, он символизировал идею света и добра. Крылатый конь изображен в росписях Дильберджина в связи с Диоскурами, Бамаиане образ коня имеется в нише малого Будды в связи с солнечным божеством.

Обратимся к истории. Во второй половине I тысячелетия до н.э. - первых веках н.э. в Восточной и Западной Европе существовали верования, связанные с женским божеством-покровительницей коней, медведей, коров. Выделяется группа божеств, связанных с конями, - это бог коней, богиня-покровительница кобыл. На монетах Канишки и Хувишки встречается изображение фронтально стоящего, с повернутой головой бородатого мужчины, позади которого – идущий вправо конь [Лит-

винский, 1978, с. 115], а на некоторых редких монетах Канишки изображено бородатое божество в диадеме, едущее на двуглавом коне, надпись MOZDOOANO - Мазда-победитель. «Мазда» означает солнце в хотано-сакском и памирских языках. Итак, в данном случае кампыртепинская пряжка связана с культом божественного коня, а также с культом солнца [Литвинский, 1978, с. 122].

Вернемся к наборным поясам. Уникальный и своеобразный наборный пояс из Хорезма состоял из стеклянных и бронзовых пластин прямоугольной формы, со следами позолоты. Стеклянные пластины плоско-выпуклые, часть из них имеет граненую поверхность. Стекло прозрачное, хорошего качества. Граненые бляшки были в меньшем количестве, очевидно, они были парадными и украшали основные, важные места (центр груди, пояс). Считают, что они являлись принадлежностью воина, украшали одежду, пояса. Аналогий нет, очевидно, местные хорезмские.

В XIV-XVI вв. по данным восточных миниатюр пояса изготавливались из золота, с инкрустацией красных и зеленых самоцветов, а также жемчуга. Продолжали изготавливать наборные пояса. В данном случае на ткань или кожу крепились инкрустированные золотые и серебряные бляшки, как и в прошлые времена.

В основном носили пояс-кушак или пояс-платок, который был многофункционален. Основная функция - практическая. На нем носили кисет, в него заворачивали лепешку, табакерку, мелкие покупки. Он служил полотенцем, скатертью, заменял коврик для молитвы, в непогоду носился как чалма.

В мужском костюме пояс-кушак, помимо утилитарного назначения, имел и ряд других функций. Если владелец кушака вешал его на шею, с концами спущенными на грудь, это означало, с одной стороны, горе или отрешение от всего земных сует, с другой, символизировало скорбь в похоронном обряде. Опоясывание верхней одежды означало, что он готов к служению. Обряд посвящения ученика-ремесленника в мастера, готовность к профессиональной работе производилось также его опоясыванием.

Обычно кушак-пояс обматывал стан несколько раз. Носили его как на талии, так и ниже. Цветовая гамма поясов самая разнообразная. Основные цвета: белый, голубой, реже черный. Встречаются разноцветные, состоящие из двух, трех полос: белых-черных-красных или черный пояс с вертикальными золотыми полосами. Более сложная композиция ткани это золотисто-коричневый фон с синим геометрическим орнаментом. Использование тканей с тем или иным сочетанием цветных полос или преобладание или же исключение какого-либо цвета указывает на возраст или на определенные обстоятельства его жизни. Отдельные цвета играли роль оберега.

Самым нарядным элементом в средние века, как и раньше, оставалась пряжка, но только растительного характера. С растительным орнаментом отмечены бляшки и пряжки наборных поясов. Как правило, они были в форме многолепесткового цветка – символа солнца и плодоносящих сил природы.

В XIX веке популярным считался пояс - «Камар». [Фахретдинова, 1988, с. 150]. В то время пояса кожаные и тканевые расшивали медальонами, золотым шитьем. На пояса крепились бляхи и пряжки в форме растительного и геометрического характера.

Распространенной техникой изготовления пряжек и бляшек на пояса являлось литье. Обычно после отливки изделие дорабатывалось резцами, пуансонами. Для драгоценных камней и разноцветных стекол оставлялись специальные гнезда. Большую красоту пряжки получали после прочеканивания. Особое место занимает зернь, которая известна с древних времен в Ольвии (IV в. до н.э.), в Средиземноморье, в средневековье в Сирии и Византии (X в. н.э.). Для этого растолченный уголь смешивали с небольшими кусочками серебра и золота и расплавляли в глиняных огнеупорных тиглях, далее всю эту массу выливали в холодную воду. В итоге получались мельчайшие серебряные и золотые шарики. Украшали зернью в форме круга, треугольника, ромба; зернью оконтуривали цветочные розетки и т.д. Зернь применялась и в филигранных изделиях, при перегородчатой инкрустации, где на гладкую металлическую поверхность изделия напайвались гнезда в виде сот, в которые вставлялись камни. В такой технике изготовлены изделия Амударьинского клада (V-III вв. до н.э.). В XIX в. она была популярна в Бухаре для ювелирных изделий головы, поясных блях и пряжек.

Накладные бляшки на пояса, округлой формы, часто изготавливали в технике штампа. В Бударче (подъемный материал, Сурхандарьинская область) найдена прямоугольная бронзовая форма, на которой вырезаны разных размеров гнезда полушария. Аналогичная форма найдена в Бухаре во второй половине XIX в. Для изделий растительного орнамента применяли выпуклые или углубленные штампы. Фактом, подтверждающим применение тиснения при изготовлении поясных пряжек, служит найденная в Пенджикенте (VII в. н.э., Согд) бронзовая матрица удлиненной формы, изготовленная для тиснения поясных наконечников. Она имеет каплевидный конец, на верхней стороне которой на-

ходилась рельефный растительный орнамент. Формы для тиснения-басмы деталей украшений найдены в Хиве во второй половине XIX в. н.э.

Для усиления красоты поясов их украшали камнями-самоцветами.

Как правило, самоцветы по композиции размещались треугольниками по 3 изумруда и 3 рубина. Изумруд считался дорогим, редким камнем и имел характеристику недостижимого совершенства [Николаев, 1995, с. 166]. Древние арабские сказания свидетельствуют, что якобы изумруды растут на деревьях волшебного подземного мира. Изумруд, в сочетании с золотом, считался сильнодействующим амулетом от всех неприятностей и даровал счастье. На Востоке он символизирует веру, мужество и предвидение. Ему приписывалась сверхъестественная сила, которая давала воину храбрость, неуязвимость в бою и даже способствовала возбуждению потенции мужчин. Например, Франсуа Рабле, при описании аксессуаров одежды Гаргантюа, поместил изумруд на пряжку гульфика. Полной противоположностью по цвету изумруда это красный гранат. Гранаты на Востоке символизировали славу, упорство, силу, красоту, преданность, здоровье. Если на гранате изображен лев, значит его владелец вылечится от всех болезней, а те, кто носят красные гранаты, имеют власть над людьми. Гранаты отгоняют печаль, даруют радость, снижают высокую температуру, врачуют головную боль, сердце, мозг и память. Он предохраняет владельца от окружающих, оберегает от страшных снов, а также от колдовства и «сглаза». Бирюза по восточным поверьям самоцвет, олицетворяющий процветание, благочестие и мужество и считается любимым камнем Востока; одно только ее созерцание приравнивалось к лицезрению священного для каждого мусульманина Корана [Николаев, 1995, с. 104, 107, 135].

С камнями - самоцветами в украшении поясов также применяли стекло, смальту, перламутр и особенно - жемчуг. Округлая форма не требовала дополнительной обработки и дала ему характеристику как самого красивого и совершенного. На Востоке жемчуг относили к символу чистоты, мудрости. Говорят, что он нежный и его, как друга, нужно беречь, он как молодая девушка, которую надо холить и восхищаться ее красотой, иначе она зачахнет. С.М. Николаев в книге «Камни» пишет, что в мусульманских и других восточных странах жемчуг также считается одним из наиболее любимых и носимых самоцветов. У арабов количество носимых жемчужин должно быть кратным трем: у персов три число священное - число мужское - символ плодородия, обозначающий три части фалоса. По древним мусульманским поверьям. Вселенная имеет многосферный характер и одна из таких сфер состоит из жемчуга [Николаев, 1995, с. 151].

Из рассмотренного материала можно сделать вывод, что пояса носили во все времена, и что они были многофункциональными. Изучение их семантики, символики открывает еще одну сторону истории костюма Узбекистана.

Литература:

1. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып. 2. Сталинабад, 1958, с. 227.
2. Голан А. Миф и символ. М., 1994, с. 74-82.
3. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М., 1978, с. 115.
4. Майтдинова Г. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. Авт. дис. канд. ист. наук. Душанбе, 1996, 27 с.
5. Николаев С.М. Камни. Новосибирск, 1995, с. 166.
6. Обельченко О.В. Культура античного Согда. М., 1992, с. 181.
7. Пугаченкова Г.А. Художественные сокровища Дальверзинтепа. М., 1978, с. 102, илл. 80.
8. Сарияниди В.И. Сокровища безымянных царей. М., 1963.
9. Супинский А.К. «Понева» и «вставки» в белорусской женской одежде // СЭ, № 2, М.-Л., 1932, с. 106.
10. Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Узбекистана. Ташкент, 1988.

*М. Мамбетуллаев
(Нукус)*

ХОРЕЗМ И КОНТАКТЫ С КОЧЕВНИКАМИ

Для Средней Азии на протяжении, по крайней мере, трех тысячелетий ее истории характерна бинарная система: оседлость и кочевники, что отражает закономерность проживания в единой экосистеме земледельцев и скотоводов на обширной пустынной зоне Средней Азии, в которую входили, с одной стороны, самый северный в Средней Азии земледельческий оазис в низовьях Амударьи - центр цивилизации и государственности древний Хорезм, с другой, - объединения кочевников, известные по письменным источникам (саки, массагеты, дахи и др.).

Низовье Сырдарьи (территория ее древней дельты) с глубокой древности становится центром кочевых объединений юго-восточного, восточного и северного Приаралья, где в местах массовых

зимовок и вблизи от них создаются оседлые поселения, ремесленные центры и простейшая ирригация.

С древности в регионе соседствуют хозяйственно-культурные типы оседлых земледельцев дельтовых областей (с ирригацией), в хозяйстве которых традиционно присутствуют земледелие (преимущественно каирное и лиманное) и скотоводство кочевников скотоводов пустынь и полупустынь (различные подтипы и сочетания их). Известно, что кочевники постоянно стремились к торговым контактам со своими оседло-земледельческими соседями. Первоначальные пункты обмена и торговли могли со временем перерасти в нечто вроде городских центров (Большая Айбуйир-кала, Дэвкескен, Бутентау-кала и др.). Однако, такие пункты, в основном, находились на стыке степи и земледельческого мира и, к тому же, их существование во многом зависело от политических обстоятельств. В результате таких многочисленных контактов происходил активный процесс обмена духовными и материальными ценностями. Среди древневосточных оседло-земледельческих цивилизаций Хорезм занимает особое место. Земледельческие оазисы Южного Приаралья располагаются значительно севернее всех остальных историко-культурных областей Средней Азии, связываясь с ними лишь тонкой нитью Амударьи и отделяясь огромными просторами великих среднеазиатских пустынь Кызылкумов и Каракумов. Такое расположение Хорезма, как области, окруженной морем кочевых племен, способствовало, по мнению С.П. Толстова, установлению тесных экономических и политических связей между Хорезмом и окружающими его степными племенами [Толстов, 1962, с.135]. Кроме того, нельзя не отметить определенное этническое единство населения древнего Хорезма и скотоводческих степей. По свидетельству Страбона, хорасмии входят в состав саков-массагетов [Страбон, XI, 8,8]. Такая тесная связь кочевников с оседлым населением проявилась, например, в виде родственных отношений, существовавших между представителями правящих родов кочевых племен и знатью оседлых районов [Толстов, 1948, с.234,235]. Так, основатель парфянской династии Аршак говорил, что он скиф [Stiabo, XI, 9,2]. Родство основателя династии младших Аршакидов Артобана со скифами также отмечается источниками. Народная традиция (записанная Бируни) связывает Аршака с мифическим хорезмийским героем Сиявушем; родоначальником Аршакидов традиция считает Аршака, вождя племени парнов (одна из ветвей дахов), обитавших на юго-востоке от Каспийского моря. Кочевые племена служат глубоким тылом для правителей Парфии в случае опасности. Будучи побежден в борьбе с Селевком Калинником, царь Аршак находит убежище у апасиаков [Strabo, XI, 8,9].

Хорезм также был тесно связан с кочевым миром. Считается, что раннесредневековая афригидская культура Хорезма возникла на основе синтеза культуры пришлых полукочевых племен из низовий Сырдарьи и культуры земледельцев и скотоводов оазиса. Города и крепости древнего Хорезма выглядят как бы символической границей двух, противопоставленных друг другу по характеру экономики, миров: оседло-земледельческого и кочевого - степного. Эта граница не могла быть глухой, исключая взаимные связи. Наоборот, археологический материал свидетельствует о бытовании довольно тесных контактов между ними. Известно, что кочевники внесли огромный вклад в экономику, культуру и формирование народов Средней Азии. Так, саки-сарматы составляли один из компонентов субстратного слоя в формировании узбеков, каракалпаков, казахов, туркмен и других народов Центральной Азии. У истоков каракалпакского эпоса Кырк-кыз мы находим сакский эпос.

Исследования показали, что степные кочевые племена, заселявшие области Приаралья в эпоху раннего железа, вели комплексное хозяйство, сочетавшее животноводство, в частности разведение крупного рогатого скота, с поливным земледелием - возделыванием проса, ячменя и др. [Толстов, 1963, с. 121]. О тесных контактах населения Хорезма с кочевниками свидетельствуют данные археологии. Например, планировка укрепленных сакских городов Чирик-рабат, Бабиш-мулла сочетает в себе местные планировочные традиции и традиции планировки Хорезма архаической эпохи, что объясняется общностью происхождения создателей древнехорезмийской цивилизации и окружавших его кочевых племен [Толстов, 1948, с.99]. Влияние древнехорезмийской цивилизации наглядно прослеживается в керамическом материале и некоторых украшениях, вооружении, выявленных во время исследований. Считается, что строительство крупных городов, крепостей и сооружение крупных ирригационных систем и массовое изготовление посуды производилось не только руками хорезмийцев - общинников, но и руками рабов иноплеменного происхождения.

Исследования культуры кочевников Южного Приаралья в последние десятилетия значительно продвинулись вперед. Исследовательские работы в этом направлении велись в древней Присарыкамышской дельте Амударьи и на плато Устюрт, на территории северо-западной окраины Хорезма. Такое направление работ было связано с изучением памятников в регионе, принадлежащем, с одной стороны, населению оазиса, с другой полуоседлому кочевому населению его окраины, что дало бы

возможность изучения экономики обоих обществ, их этногенеза, перехода отдельных групп кочевого населения в оседлость в результате взаимных контактов.

Исследования на западной периферии Хорезмского оазиса, на затухающих протоках древней Присарыкамьшской дельты Амударьи привели к открытию памятника куюсайской культуры полуоседлых скотоводов, сформировавшейся на сако-массагетской основе, под сильным влиянием культуры земледельческого юга, возраст которой определяется VII-V вв. до н.э. [Вайнберг, 1975]. С VI в. до н.э., с развитием древнехорезмийской цивилизации, куюсайцы воспринимают многие черты «городской» культуры Хорезма. Здесь распространяется та же гончарная посуда, что и в Хорезме, но наряду с ней сохраняется и своя традиционная «лепная», ряд форм которой подражает гончарной при сохранении традиционных особенностей ее выделки и оформления. В строительстве появляется сырцовая архитектура, но в жилых постройках сохраняются традиции каркасного строительства.

С другой стороны, в памятниках оседлого населения Хорезма восприняты и многие особенности культуры куюсайской группы: в первую очередь каркасное строительство (на Кюзелигыре, Калалыгыре). В керамическом комплексе Кюзелигыр значительное количество лепной посуды составляют куюсайские по облику и отделке сосуды.

В 1970-1972 гг. В.Н. Ягодин выявил много погребальных памятников кочевых племен Устюрта. Памятники V-III вв. до н.э. представлены курганами с погребениями на древнем горизонте внутри каменного кольца. В каменных курганах V-IV вв. до н.э. в урочище Айбуйир возле городища Большая Айбуйир-кала встречены, как правило, впускные погребения, по оссуарному обряду в сосудах или статуарных оссуариях. Статуарные оссуарии незакопанные по краям столовых высоток датируются от II в. до н.э. до II в. н.э., (могильник Каска жол) [Ягодин, 1982]. Подобная картина, когда оссуарные погребения, в том числе и статуарные, располагаются в поле кургана и не всегда закапываются, встречается и в левобережном Хорезме в могильнике Яссы-гыр [Яблонский, Болелов, 1991, с.4].

Исследуя материальную культуру кочевых племен плато Устюрт V-III вв. до н.э., В.Н. Ягодин выявил наличие постоянных контактов, культурных и экономических взаимосвязей обширного кочевого мира, оседло-земледельческих оазисов и городских ремесленных центров древнего Хорезма. По его мнению, скотоводческие племена, кочевавшие через Устюрт, были своеобразным материальным звеном переносчиком культурной информации Средней Азии, в первую очередь, Хорезма в обширный мир степных и лесостепных племен Приуралья и Западной Сибири и обратно [Ягодин, 1978, с.291]. Коммуникации же, по которым осуществлялся этот обмен культурой, информацией, не были ни путями завоевателей, ни возможно, даже путем торговых караванов. Это были пути, по которым традиционно осуществлялся сезонный кочевой цикл скотоводческих племен Южного Приуралья - юго-западного Приаралья [Ягодин, 1978, с.291].

Обнаруженные памятники кочевых племен V-III вв. до н.э. на Устюрте и локализация части их меридиональной цепочкой, протянувшейся через плато Устюрт к центрам древнехорезмийской оседло-земледельческой цивилизации, позволили В.Н. Ягодину высказать гипотезу о существовании кочевого цикла у сарматов по маршруту: Южное Приуралье - юго-западное Приаралье [Ягодин, 1976, с.48]. Кочевники, кочевавшие через плато Устюрт и зимовавшие на границах Хорезмского оазиса, находились в тесном контакте с населением городских и земледельческих центров Хорезма. О существовании связей свидетельствуют находки хорезмийских сосудов в прохоровских курганах Южного Приуралья и раннесарматских курганах Восточного чинка Устюрта [Ягодин, 1976, с.49]. Территория Закаспия, к сожалению, обследована археологически еще очень слабо, но все же имеются некоторые данные, позволяющие говорить о проходивших здесь кочевых путях, по крайней мере, уже с середины I тыс. до н.э. Природно-климатическая обстановка региона обусловила использование этих земель для кочевого скотоводства, с постоянными длительными перекочевками. Обследование хозяйства населения Закаспия, проведенное еще в 20-х годах прошлого столетия, показало, что половина обитателей Адаевского уезда (территория между Каспием и Аралом) совершают в течение года не менее 1000 км кочевых путей [Мошкова, 1987, с.111]. Следовательно, кочевые караванные пути, проходившие в прошлом по Устюрту, подходили вплотную к районам обитания южно-уральских кочевников. В результате к ним попадали керамика и другая продукция городских ремесленников Хорезма.

Кочевники-скотоводы постоянно вступали в торговлю с населением хорезмийских городов (Большой Айбуйир-калы, Дэвкескена, Бутентау, Гяур-калы и др.). Большое количество костей мелкого рогатого скота, обнаруженных в культурных слоях городищ, говорят о том, что кочевники снабжали жителей Большой Айбуйир-калы, Дэвкескена и др. продукцией кочевого скотоводческого хозяйства. В свою очередь, кочевники также подвергались воздействию культуры оседлого хорезмийского населения. По имеющимся данным, городище Большая Айбуйир-кала снабжало кочевников зерном, о чем свидетельствует значительное количество зернохранилищ-амбаров. Можно полагать, что эконо-

мика Большой Айбуйир-калы, Дэвкескена, Бутентау и Акчункуля была целиком ориентирована на обмен с кочевниками.

Судя по материалам раскопок городских некрополей Хорезма, в I-II вв. наблюдается процесс инфильтрации степного населения в оазисы Хорезма и его частичное оседание [Ягодин, 1982, с.80]. Это подтверждается материалами раскопок некрополя древнего Миздахкана [Ягодин, Ходжайов, 1970, с. 162, 166]. Обращает внимание сосуществование этнических групп (по материалам женских статуэток) с явно выраженной разницей антропологического типа лица, особенно очертаний глаз: у одних они прямого разреза, опущенные у висков, у других резко скошенные к вискам, но большие и без эпикантиса. Они свидетельствуют о проживании здесь разных этнических групп во II-III вв.

В эпоху раннего железа, в VII-V вв. до н.э., на нижней Сырдарье возникают обширные курганные могильники - Южный Тагискен и Уйгарак, принадлежащие сако-массагетским племенам и рассматривающиеся как составная часть историко-культурного единства, известного под наименованием «скифский мир» или «скифская культурная общность». Вместе с тем полагают, что культура и этнос в отдельных районах обширного «скифского мира» имеют автохтонное происхождение, основанное на их генетической связи с культурой и населением предшествующего периода эпохи поздней бронзы. При раскопках курганов были обнаружены многочисленные изделия в «скифском зверином стиле». Это главным образом детали конского убора, украшенные стилизованными изображениями хищных зверей и птиц, оленей, горных козлов, сайгаков, кабанов, верблюдов и других диких животных. Богато представлено оружие: бронзовые наконечники стрел, кинжалы, боевые топоры. Особенно интересен большой железный меч, рукоять и ножны которого украшены золотыми пластинами, с рельефными изображениями фантастических животных и головой архара. Большинство из них являются предметами местного производства и изображаемые животные в большинстве случаев хорошо известны местным мастерам. В некоторых курганах были найдены каменные жертвенники, а также бронзовые изделия с солярными знаками.

Саки низовьев Сырдарьи постоянно имели культурные и экономические связи с земледельческим населением Южного Приаралья. По мнению О.А. Вишневецкой, саки Приаралья играли немалую роль в проникновении к савроматам Южного Приуралья отдельных элементов культуры, имеющих средне- или переднеазиатское происхождение. Они же были посредниками при проникновении в земледельческие оазисы Средней Азии, особенно в территориально близкий им Хорезм, савроматских наконечников стрел [Вишневецкая, 1973, с. 132]. Известно, что продукция городских ремесленников оазиса распространяется в среде степных племен (Уйгарак, Куюсай), что свидетельствует о развитии культурной интеграции.

В период IV-II вв. до н.э. в дельтовых районах Сырдарьи, на базе обводненных в то время русел Жанадарьи и Инкардарьи, существовала группа поселений и древних могильников, по ряду существенных признаков (тип расселения, погребальных сооружений, керамических комплексов и т.д.) объединяемая исследователями в один комплекс, названный «Чирикратская культура». Выделяются крупные центры-крепости Чирикрат, Бобиш-мулла, Баланды, Чагырлы, Сенгиркала и др.

Носителями Чирикратской культуры некоторые исследователи полагают дахов или даев [Ягодин, 2003, с.21].

Об ирано-язычном кочевом племени Daai пишет Геродот, его отождествляют с daha Авесты (Яшт, XIII, 143). В качестве подданных Ахеменидской империи daha упоминается в «Антидевовской» надписи Ксеркса [Вайнберг, 1999, с.261] наряду с саками-хаумаварга и саками-тиграхауда. Последние две группы кочевых племен Средней Азии локализуются большинством исследователей на юго-востоке Средней Азии, по соседству с Бактрией и Согдом (это саки-хаумаварга или амюргийские) и к востоку от Каспийского моря (саки-тиграхауда, отождествляемые с массагетами) [Литвинский, 1972, с. 158-178]. Массагеты же, по общему признанию, жили к востоку от Каспийского моря. Открытия и исследования многочисленных памятников на Узбое и Закаспии [Вайнберг, 1999, с.262] делают эту локализацию весьма обоснованной и соответствующей данным Геродота, Страбона и других античных авторов о массагетах за рекой Оксом (Араксом) к востоку от Каспийского (Гирканского) моря [Вайнберг, 1999].

С.П. Толстов связывал территорию Чирикратской культуры на Жанадарье с апасиаками. Согласно данным письменных источников, апасиаки расселялись в низовьях каспийского рукава Амударьи. Новые археологические материалы, свидетельствующие об обводнении Узбоя (рукава Амударьи, впадавшего в Каспийское море), позволяют подтвердить эти сведения и связать с апасиаками западную группу памятников Узбойской культуры [Юсупов, 1991].

В качестве основания для определения Чирикратской культуры, как принадлежащей дахам, выдвигается ряд факторов: в первую очередь, это свидетельства письменных источников. У Страбона

имеются сведения о том, что дахи (дай) до переселения их к границам Парфии обитали «выше Меотиды». Известна точка зрения таких ученых как А. Gutschmud и В. В. Бартольд [Бартольд, 1965, с. 130; Ягодин, 2003, с. 21] о том, что Меотида Страбона - это Аральское море.

По Арриану, дай (дахи) жили «за Танаисом» или «по Танаису», что опять же отвечает их локализации на Пра-Жанадарье, бывшей в V-II вв. до н.э. самым юго-западным дельтовым руслом Сырдарьи. Поэтому можно локализовать дахов на Сырдарье, а принимая во внимание, что в IV-II вв. до н.э. основным руслом в низовьях Сырдарьи была Жанадарья, можно считать, что дахи расселились по этому руслу, т.е. по территории распространения Чирикратской культуры. Переселение даев (дахов) на границы Парфии происходит не позже первой половины III в. до н.э. Археологические материалы Чирикратской культуры этому не противоречат, так как к началу II в. до н.э. Чирикратская культура заканчивает свое существование.

Развитая архитектура и гончарная керамика носителей Чирикратской культуры свидетельствуют о тесных связях с Хорезмом. О прочных связях между скотоводами-кочевниками и земледельцами свидетельствует выявленный в ходе исследований и некоторый обрядовый и религиозный синкретизм захоронений у кочевников. В VI-V вв. до н.э. в Хорезме появляются племена, расовый тип которых был очень смешанным. Наряду с европеоидными чертами в нем отчетливо представлены монголоидные. Некоторые из курганов в Султануиздаге свидетельствуют о проникновении в Хорезм отдельных групп людей монголоидного облика, которые пришли, вероятно, через низовья Сырдарьи, где в VI-V вв. до н.э. расселилось сакское племя сакараваков [Толстов, Итина, 1966], которое включало в свой состав людей со значительно выраженным монголоидным типом происхождения.

Сходство культур оседлых и кочевых племен населения отмечает О. В. Обельченко, изучая культуру древних кочевников долины Зарафшана. По его мнению, культура скифов, сарматов и других кочевников испытывала влияние эллинизма [Обельченко, 1982, с. 42]. Влияние эллинизма на быт кочевников долины Зарафшана выявлено в керамическом производстве, в поклонении греческим богествам - Артемиде, Nike, изображения которых обнаружены в курганах Кызылтепинского могильника. Сказались черты эллинистической культуры и в погребальном обряде кочевников.

Вопрос об общественном строе кочевых племен Средней Азии и, в том числе, Приаралья требует своего решения. В свое время С. П. Толстов считал, что Хорезмийское царство как объединение массагетских племен во главе с хорасмийцами, постепенно переросло в государство [Толстов, 1948, с. 54, 341]. Эта гипотеза была в одно время принята большей частью ученых [Дьяконов, 1961; Массон, 1959, с. 127]. Но впоследствии эта точка зрения была пересмотрена из-за недостаточности аргументированного материала. Отмечая различие, неоднотипность видов хозяйств среднеазиатских кочевников Б. А. Литвинский предполагает, что «многие сакские племена находились на заре классового общества» [Литвинский, 1972, с. 194], хотя многие исследователи кочевого мира среднеазиатских степей признают недостаточность материалов для социальной реконструкции жизни кочевых обществ в древности. В этой связи надо отметить выделение Г. Е. Марковым ряда признаков, на которых основывалось кочевое общество [Марков, 1976]. К ним относятся частная собственность на скот, племенные пастбища, имущественная дифференциация, эксплуатация наемного труда, военные силы соплеменников, недоразвитость сословных и классовых отношений, племенная организация. В результате исследования социальной структуры кочевого общества Г. Е. Марков пришел к выводу, что при сильной имущественной и социальной дифференцированности процесс классовообразования не был завершен [Марков, 1976, с. 304]. Существует и другое мнение, согласно которому кочевники достигают самостоятельно лишь раннеклассового уровня, а их дальнейшее развитие во многом определяется взаимоотношениями с оседлым населением. Известно, что кочевники-парфяне, отнявшие Иран у селевкидов, довольно быстро осели на землю. В итоге это привело к слиянию знати кочевников-парнов со старой иранской знатью и их совместному господству над кочевниками и земледельческим населением страны. Сейчас господствует мнение, что общественной организацией раннесакских племен, по всей вероятности, являлась военная демократия с сильной властью племенных вождей, в руках которых к этому времени скопились уже значительные богатства.

Таким образом, нет единой точки зрения на общественную структуру кочевников. Однако, можно предполагать, что кочевники находились на заре классового общества, а дальнейшее формирование их общественной структуры во многом зависело от глубины взаимных проникновений в результате контактов с земледельческими оазисами. В целом вопросы возникновения государства кочевников, характера социально-экономических отношений и другие требуют специального исследования.

Литература:

- Абаев В.И. Скифо-европейские изоглосы. М., 1965.
- Бартольд В.В. Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. Соч. т. III, М., 1965.
- Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.
- Берг Л.С. Аральское море. СПб., 1908.
- Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.
- Вайнберг Б.И. Куюсаиская культура раннего железного века в Приаральской дельте Амударьи // УСА, вып. 3, М., 1975.
- Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура в низовьях Сырдарьи // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992, (сер. «Археология СССР»).
- Вайнберг Б.И. Этнография Турана в древности. М., 1999.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. /По материалам Уйгарака/ М., 1973.
- Геродот. История в десяти книгах, пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М, 1972.
- Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
- Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1971.
- Массой В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, №73, М.-Л., 1959.
- Мошкова М.Г. Среднеазиатская керамика из позднесарматских комплексов // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987.
- Обельченко О.В. Культура древних кочевников долины Зарафшана. Автореф.дисс.докт.ист.наук, М., 1982.
- Страбон. География в 17 книгах, пер. Г.А. Стратановского. М., 1964.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Толстов С.П., Итина М.А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА. №2, М., 1966.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Толстов С.П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. №2. М., 1969
- Толстов С.П. Приаральские скифы и Хорезм. К истории заселения и освоения древней дельты Сырдарьи // СА. № 4. М., 1961.
- Трофимова Т.А. Приаральские саки (краниологический очерк) // МХЭ, вып.6. М., 1973.
- Юсупов Х. Древние скотоводы северо-западного Туркменистана. Научный доклад представленный в качестве докт.дисс. МГУ. М., 1991.
- Яблонский Л.Т., Болелов С.Б. Могильник Ясы-гыр в Присарыкамшые: погребальный обряд и антропология // Новые открытия в Приаралье. вып.2. М., 1991.
- Ягодин В.Н., Ходжайов Т.К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.
- Ягодин В.Н. К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в 1-ой половине I тыс. н.э. // «Археология и этнография Башкирии». Вып. 4. Уфа, 1971.
- Ягодин В.Н. Археологическое изучение курганных могильников Каскажол и Бернияз на Устюрте // «Археология Приаралья». вып. 1. Ташкент, 1982.
- Ягодин В.Н. Ранние кочевники Центральной Азии. Нукус, 2003.
- Herrman A. Massagetai. - RE. 1930. Bd. 14/28.

*Д.К. Мирзаахмедов
(Самарканд)*

К СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БУХАРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XII - НАЧАЛА XIII ВВ.

За последние десятилетия археологические исследования древних и средневековых региональных центров Узбекистана получили широкий размах. Но основную массу памятников археологии Республики составляют небольшие сельские поселения, время сооружения и характер архитектурно-планировочных особенностей которых представляют не меньший интерес. На одном из таких объектов уже несколько лет проводит работы совместная Узбекско-Итальянская археологическая экспедиция Института археологии АН РУз и сотрудников отдела истории и искусства Индии и Центральной Азии Римского Университета.

Поселение Уч Кулах расположено в 7-8 км к востоку от одного из известнейших памятников Бухарского оазиса - городища Варахша. Оно имеет подтреугольную форму с топографически возвышающимися угловыми частями, издали напоминая «три шапки» за что и носит соответствующее название среди местного населения (рис. 1).

Уже первые результаты исследований показали, что из трёх углов - восточной, южной и западной последняя являлась наиболее возвышенной и представляла из себя остатки замковой части, а две другие относились к поселенческой части объекта. Визуально между нами читалась еле заметная ложбинка, видимо, некогда отделявшая их друг от друга. Нижние горизонты памятника датируются периодом IV-V вв. и характеризуются мощной фортификацией с щелевидными бойницами в замковой части поселения.

В представленной публикации мы остановимся на результатах обследования самых верхних культурных горизонтов Уч Кулаха относящихся ко второй половине XII - нач. XIII вв., видимо, окончательно заброшенному в результате монгольского нашествия.

К сожалению за восемь прошедших столетий атмосферные осадки и интенсивно дующие здесь ветра, практически полностью уничтожили архитектуру верхнего культурного горизонта. В процессе работ были выявлены небольшие отрезки нешироких стен, выложенных из малоформатных прямоугольных сырцовых кирпичей, по всей видимости имевших отношение к IX-X векам. Но отсутствие их регулярности, а также немногочисленность находок керамики этого периода может указывать на то, что обживание в это время носило лишь эпизодический, случайный характер. От исследуемого периода второй половины XII - начала XIII вв. на памятнике сохранились лишь остатки широких от 1,2 - до 1,6 м и не глубоких, от 0,5 - до 1,2 м гумусных ям, в большом количестве опускавшихся от уровня дневной поверхности (рис. 2) и сильно разрушивших архитектуру нижних горизонтов. Расчистка ям дает бедный невыразительный керамический материал исследуемого времени, но тем не менее свидетельствует об интенсивности обживания памятника в исследуемую эпоху.

Кроме того, по уровню верхнего горизонта, в поселенческой части нами были выявлены выложенные фигурными кирпичами остатки ташнау - гигиенических узлов для умывания и душа (рис. 3). На рисунке показаны фрагменты крупных жёванных кирпичей с прорезным геометрическим орнаментом на плоской стороне (рис. 3 фиг. 3-4) и отверстием для слива воды в центре. Вторую группу составляют фрагменты кирпичей с резным геометрическим орнаментом по торцам, которыми выкладывались края ташнау (рис. 3 фиг. 1, 2, 5, 6).

Но самую массовую группу находок составляют лежащие на поверхности поселения фрагменты глазурованной и неглазурованной керамики. Анализ полученных комплексов показал, что их основную массу составляет неглазурованная керамика. Это, преимущественно, фрагменты крупных водоносных кувшинов (рис. 4 фиг. 1-3). Встречаются также кувшины с огнеупорным составом теста, тёмного цвета для подогрева воды (рис. 4, фиг. 4).

Фрагменты глазурованной керамики составляют меньшую часть и по своим формам и характеру орнаментации в основном делятся на две группы. Первую, меньшую составляют образцы, которые продолжают как по формам изделий так и по характеру оформления орнаментальные традиции предшествующего периода. Это обычно наиболее массовые образцы в виде блюд с кольцевым поддоном, косо отходящими в стороны стенками и перегибом венчика вверх. На них наносилась полива светлых лимонно-желтых и оливковых цветов с

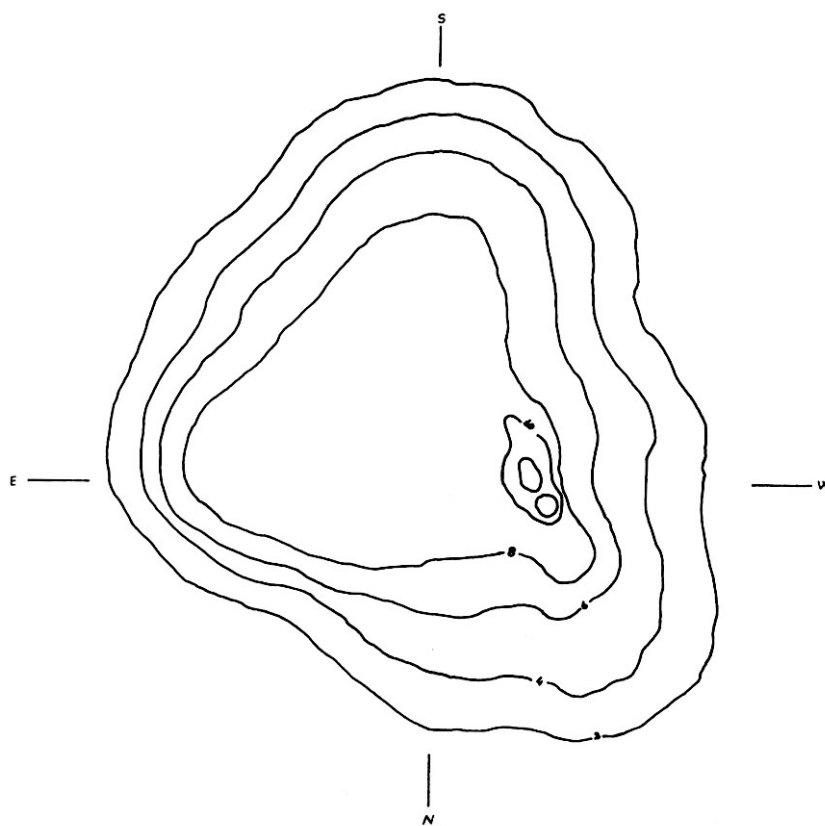

Рис. 1. Топографический план поселения Уч Кулах

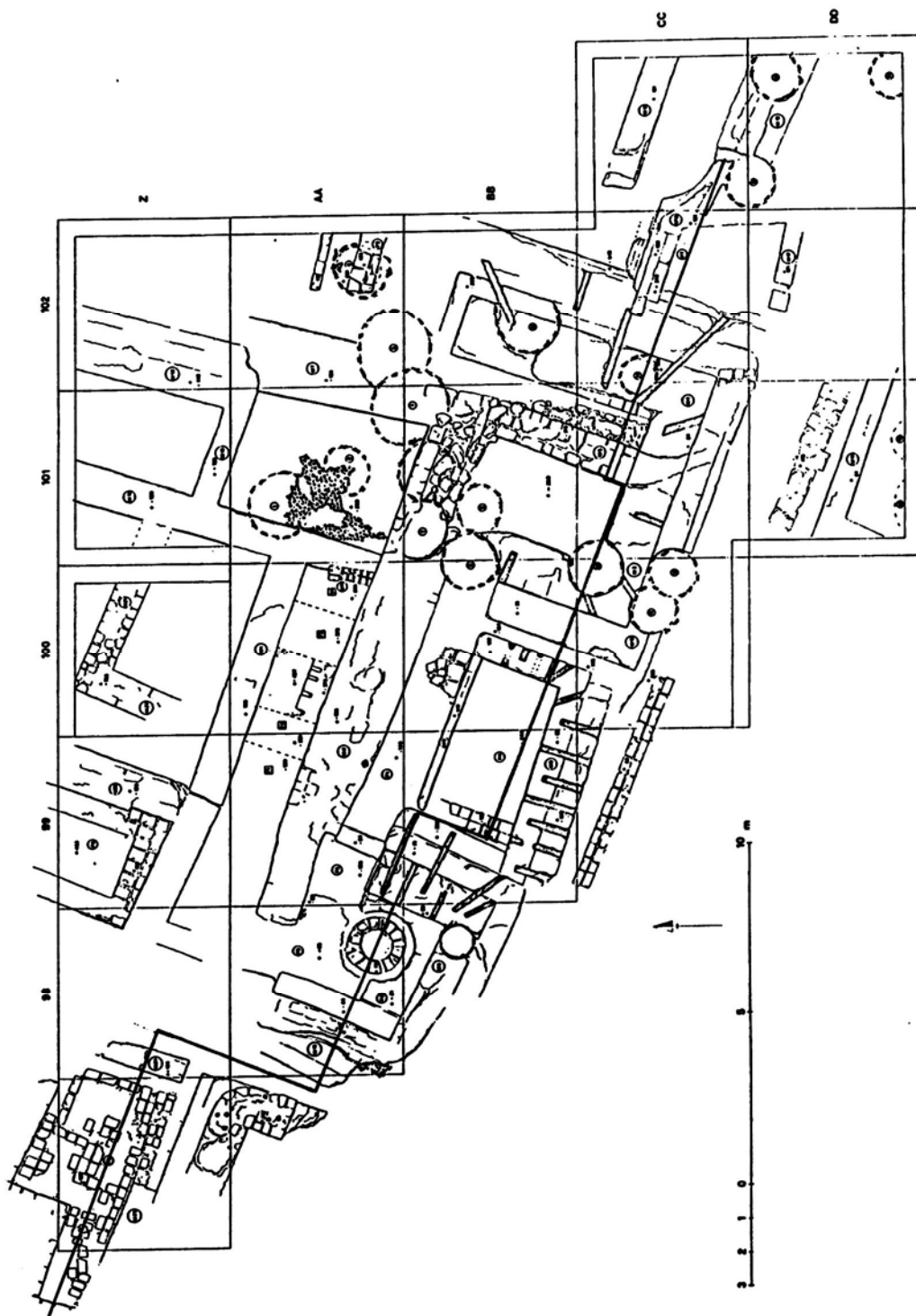

Рис. 2. Общий план поселения Уч Кулах с округлыми остатками гумусных ям верхнего горизонта

подглазурным белым ангобом и росписью коричневыми, желтовато-табачными и зеленоватыми красками. Существенной отличительной особенностью этой группы керамики от подобных образцов предшествующего периода первой половины XII в. являлась значительная стилизация орнамента и плохое качество отслаивающейся глазури (рис.5).

Вторую группу составляет значительно большая по количеству посуда с монохромной глушонной поливой голубовато-бирюзовыми и, в отдельных случаях, тёмно-зелеными глазурями без росписи. Хотя по формам обе группы в целом близки, для блюд второй группы при оформлении венчиков наблюдается значительно большее разнообразие. Это различные фигурные завершения венчиков: симметрично повторяющиеся защипы и фестончатые зазубренные окончания краев, круговые вдавленные мотивы повторяющихся рельефно выступающих бугорков и ямочек или волнистых

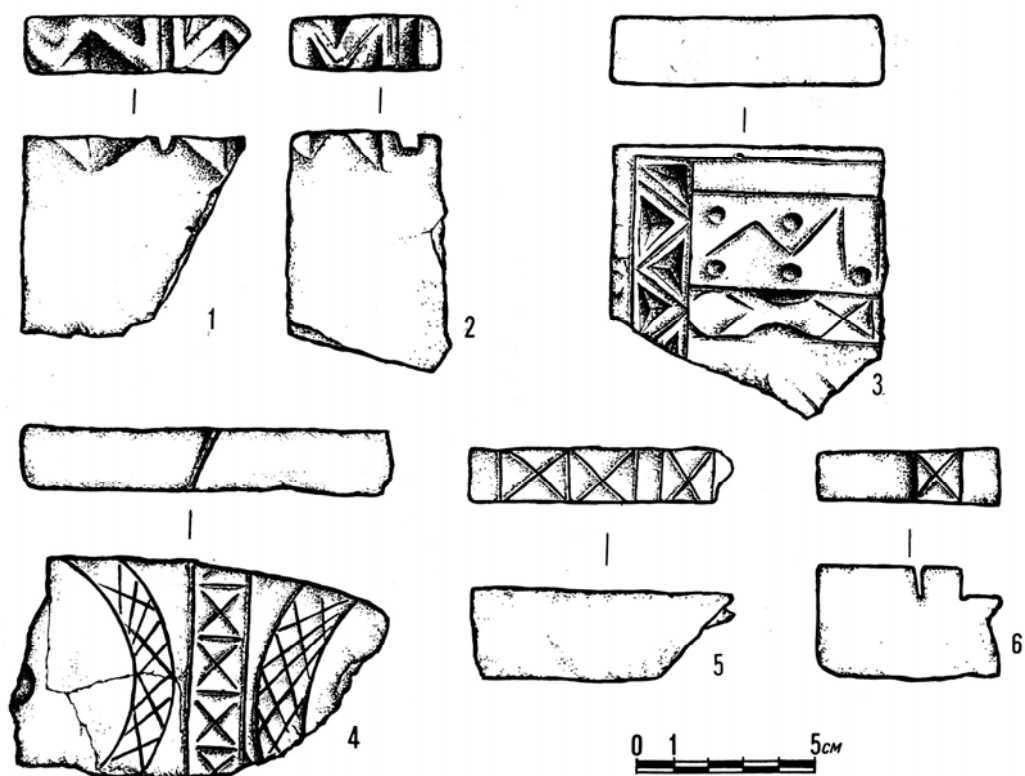

Рис. 3. Фрагменты резных кирпичей, оформлявших гигиенические узлы - таинау

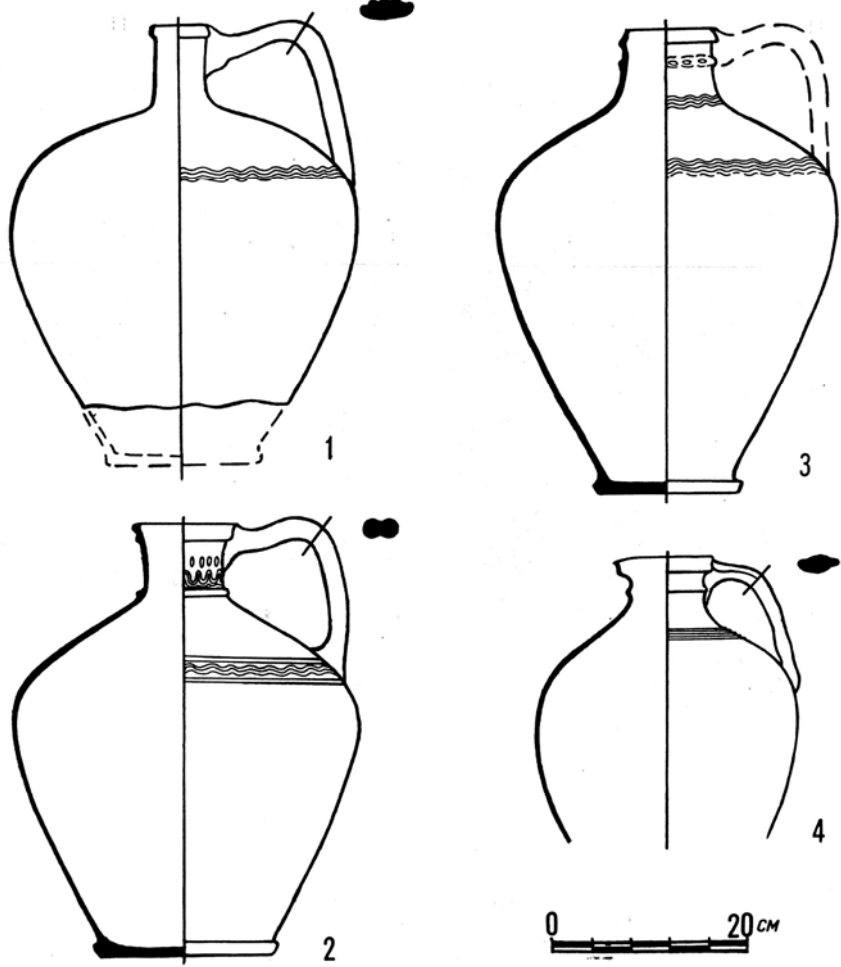

Рис. 4. Образцы крупных водоносных и огнеупорных кухонных неглазурованных кувшинов

линий по стенкам венчиков. Часто полива наносилась прямо по тесту черепка, но характерным для этой группы посуды являлись ангобы красновато-коричневых тонов, покрывавших внешнюю неглазурованную поверхность стенок посуды (рис. 6, 7).

Ранее мы уже отмечали, что эта группа изделий с характерной бирюзовой поливой и фестончатым завершением краев повторяет широко распространенные для этого периода формы и характер оформления привозных китайских селадонных изделий (Мирзаахмедов, Ахраров, 1981, с. 122; Мирзаахмедов, 1999, с. 86-88). Встречающиеся, в отдельных случаях, образцы посуды с зеленоватой поливой по белому ангобу и красновато-коричневым ангобом по внешней неглазурованной поверхности можно также считать подражаниями под этот вид изделий.

На несомненно подражательный характер посуды с голубой поливой указывает и то, что хотя обе группы изделий имели в целом общую форму, голубой поливой покрывалась только группа с характерными фигурными формами венчиков, также выполненных в подражание китайскому селадону.

Характерными для обеих групп керамики этого периода также являлись зафиксированные на многих фрагментах изделий аккуратные точечные отверстия, свидетельствующие об их починке и повторном использовании даже после битья (рис. 8). Типичный образец подвергнувшегося реставрации блюда, фрагменты которого были соединены между собой железными скобами, был найден на цитадели Пайкенда (рис. 9, фиг. 2) (Семенов, Мирзаахмедов, 1998).

Для поливной керамики предшествующих периодов IX - XI вв. такие починки с отверстиями встречаются очень редко, что видимо, указывает на относительную дешевизну глазурованной посуды или достаточную степень благосостояния населения этого времени. В исследуемый же период второй половины XII - начала XIII вв., уровень жизни населения видимо был так низок, что даже самые обычные образцы изделий нередко приходилось подвергать ремонту и продолжать использовать в качестве столовой посуды.

Таким образом, общий характер керамики, полученной с верхнего культурного горизонта указывает на преобладание в нем форм неглазурованной посуды, среди которой выделяются большие водоносные кувшины, служившие для транспортировки воды на поселение и кувшины с огнеупорным темным составом теста для подогрева воды.

В целом, также учитывая преобладание неглазурованной столовой посуды по материалам X-XII вв. Пайкенда (Мирзаахмедов, 2000) и Уч Кулаха можно отметить существенную разницу в столовой посуде крупных городских центров (Самарканд, Бухара) (Шишкина, 1979), где преобладает глазурованная керамика и сельских центров с их более низкими покупательными способностями и запросами.

Глазурованная керамика делится на две группы: меньшую со светлой лимонно-желтой поливой традиционно продолжавшей стиль предшествующего периода и большую группу с голубой (бирюзовой) поливой.

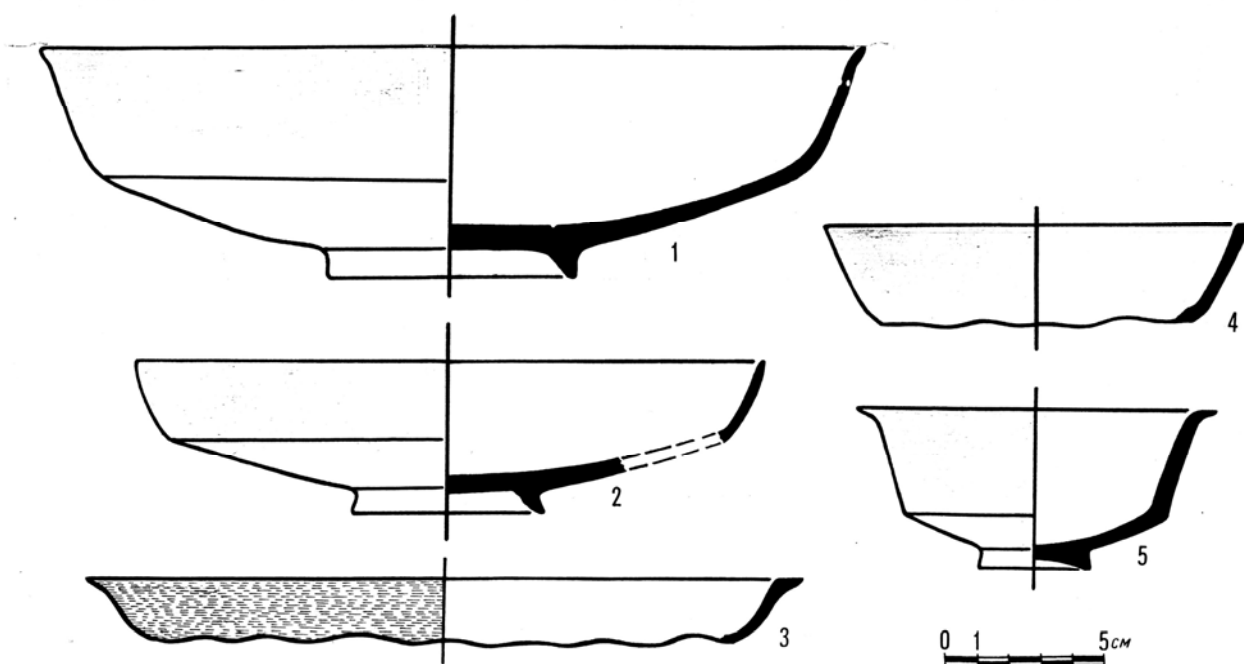

Рис. 5. Образцы глазурованной полихромной столовой посуды светлых и оливковых тонов

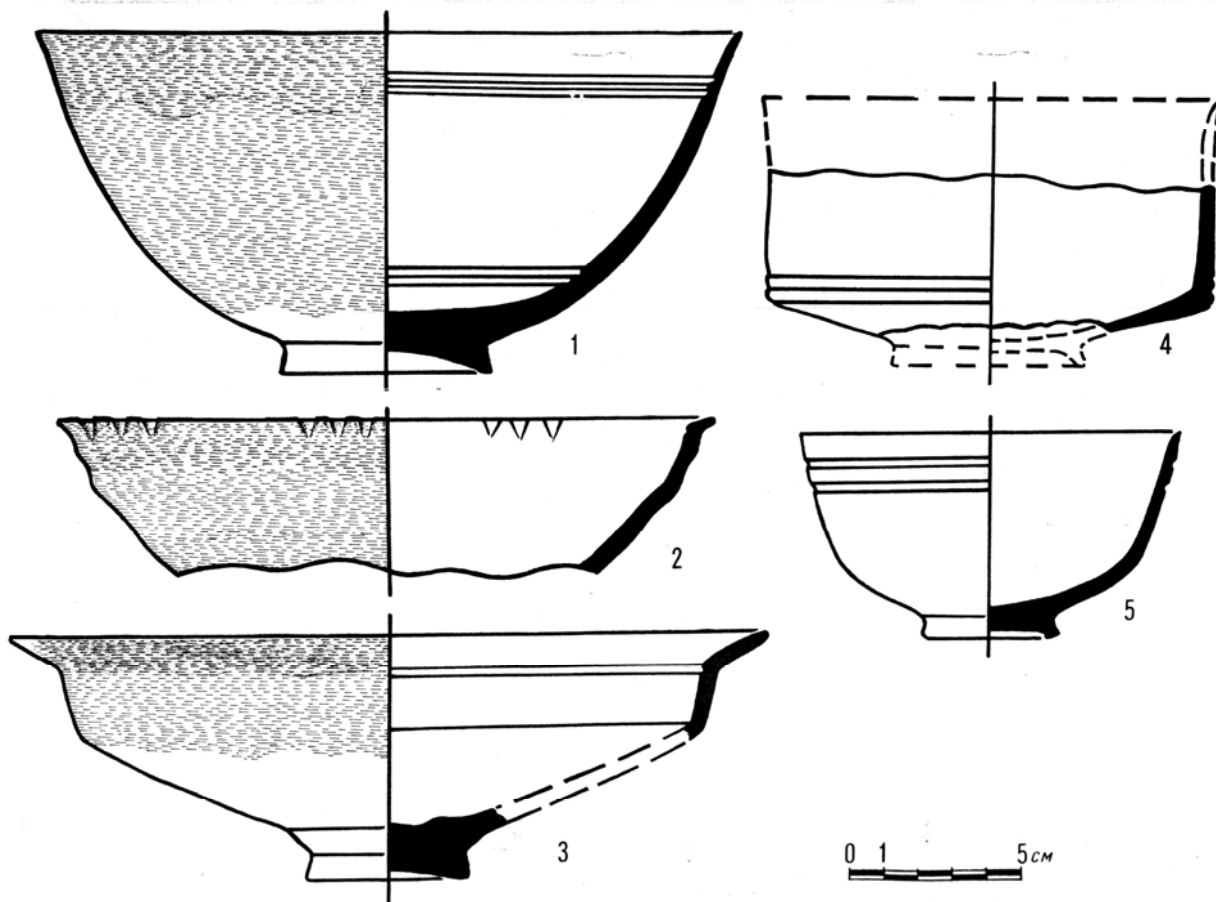

Рис. 6. Образцы монохромных столовых чаш, покрытых бирюзовой и зеленой поливой

Широкое распространение бирюзовой поливы было, во-первых, связано с подражаниями под китайские селдоны, а во - вторых, производством относительно дешевых, без орнаментации и в то же время покрытых достаточно качественной монохромной поливой изделий.

Представленные материалы полностью согласуются с отрывочными данными письменных источников об общем упадке хозяйства края к началу XII в. Так первый переводчик с арабского на персидский язык известной «Истории Бухары» Ахмад ибн Мухаммад ибн Наср ал-Кубави в 1127 году писал, что расположенные в пригороде Бухары и всегда очень дорого ценившиеся земли «Кушки мугон» в его время из-за произвола чиновников и непосильных налогов полностью обесценились, что их отдавали даром, но никто не хотел их покупать. Если кто и владел землей она у него оставалась пустой (Наршахи, 1966, с. 34). Следующие сведения по истории экономической жизни Бухары XII в. были получены О.Д. Чехович из юридических трактатов, частных актов (шурут), в работах по мусульманскому праву (фикх) и отражавших действительные изменения происходившие в жизни общества. Автору на основе изучения этих юридических документов удалось выявить усиление к XII в., в сравнении с предшествующими столетиями, феодального произвола, вторжение грубой силы в систему имущественных и торговых отношений (Чехович, 1980, с. 220).

В свою очередь, наряду с полученными выше материалами по керамике, данные письменных источников полностью подтверждают значительный социально-экономический упадок хозяйства Бухарского оазиса и сопредельных с ней регионов Мавераннахра в XII - начале XIII вв. и в какой-то степени, может объяснить результаты столь быстрого захвата Центральной Азии ордами Чингизхана.

Здесь же нам хотелось остановиться и на других сторонах материальной культуры верхнего горизонта XII - начала XIII вв. особо выделяющих её в сравнении с материалами предшествующих периодов.

Небольшие по глубине, не более 1,5 м и широкие, в среднем от 1,2 до 1,8 м гумусные ямы с мало-выразительными бедными материалами, в большом количестве усеявшие верхний культурный горизонт памятника и свидетельствующие о некогда массовом его обживании в исследуемый период, видимо, строились с учётом лёгкости выгребания из них гумуса для удобрения полей.

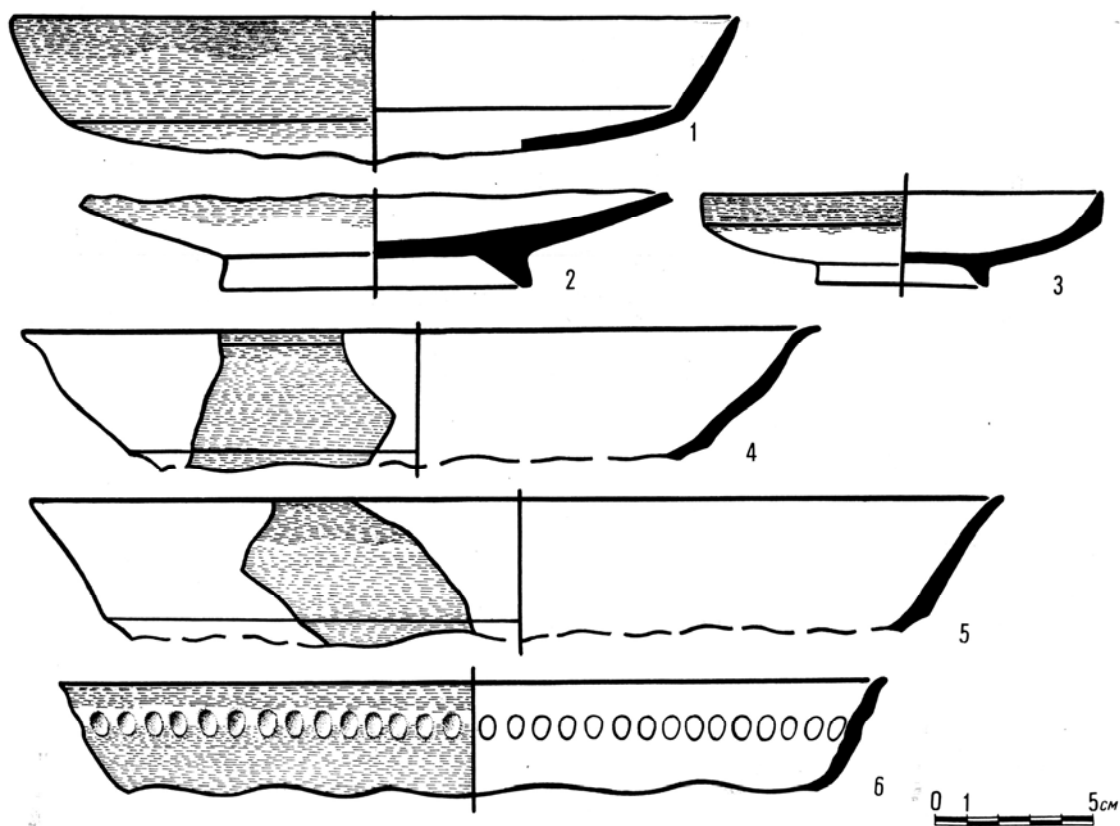

Рис. 7. Образцы монохромных столовых блюд и блюдец, покрытых бирюзовой и зелёной поливой

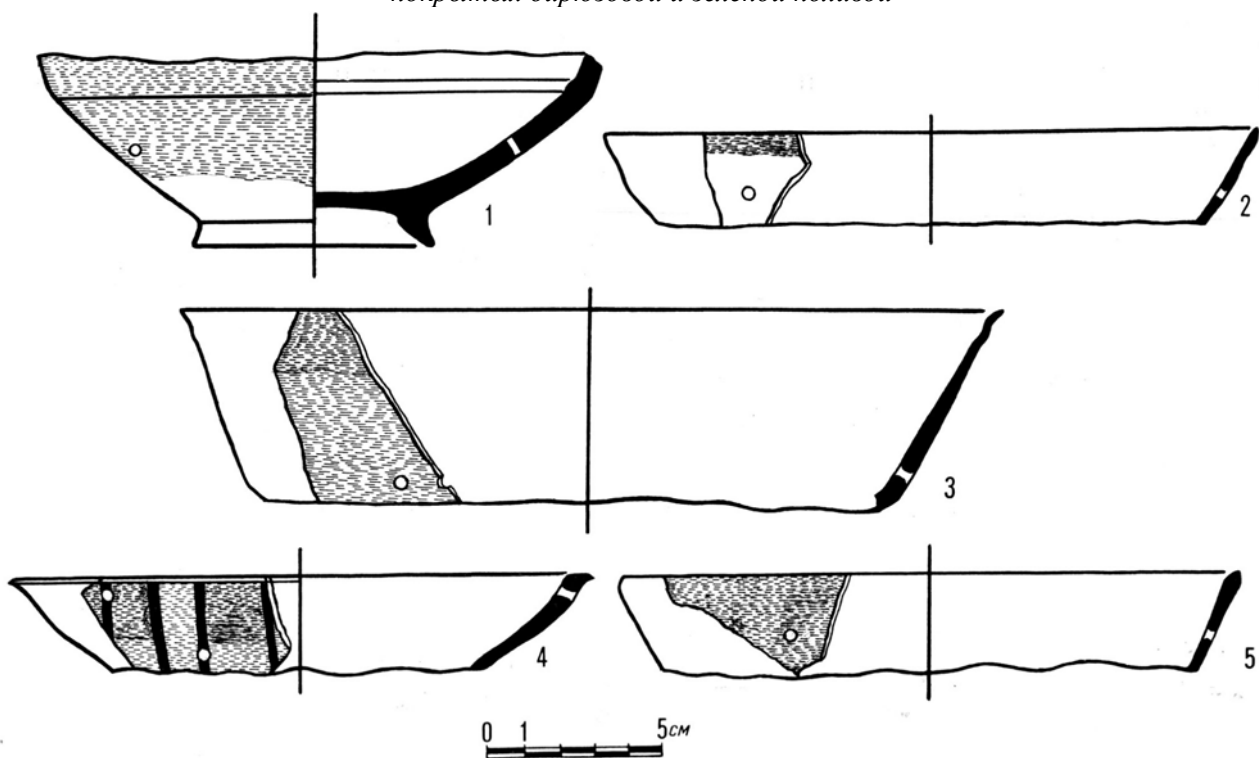

Рис. 8. Фрагменты керамики обеих групп с точечными отверстиями, предназначенные для починки и повторного использования

Для сравнения можно отметить, что гумусные ямы крупных городских центров (Самарканд, Бухара) были более узкими (0,8-1,0 м) и значительно более глубокими (от 8 до 12 м) с богатыми находками (керамика, стекло), указывая на непригодность их для очистки.

Таким образом, исходя из форм и размеров гумусных ям, можно с уверенностью утверждать, что одним из основных занятий жителей поселения Уч Кулах являлось земледелие.

Наиболее яркий сравнительный материал даёт в этом плане раскопанное в больших масштабах городище Карабулак в Юго-Западной Фергане. Его верхние культурные горизонты идентичны по времени и фиксируют гумусные ямы в таком же массовом количестве, по размерам и формам (Брыкина, 1974, рис. 19, 21).

Такой же сравнительный материал мы получаем по-другому крупному городскому центру - второй столице средневековой Ферганы - городищу Кува. Проводившиеся здесь в 1997-1998 гг. раскопки дали по верхнему культурному горизонту XII - начала XIII вв. такие же неглубокие массивные гумусные ямы, предназначавшиеся для их выгребания и фиксируемые как для шахристана, так и для цитадели. При этом гумусные ямы предшествующего периода IX - XI вв. имели здесь ту же характерную узкую и глубокую трубчатую форму.

Характерны в этом плане и материалы по Ирану, где отмечается, что «самое ценное из удобрений вообще - человеческие экскрименты. В изобилии пользуются ими в Исфаханском вилайете, их сушат, многократно взбивают лопатой и примешивают к ним некоторое количество золы и других удобрений» (Петрушевский, с. 142). Более подробно останавливаются на этом европейские путешественники XVII в. Рафаэль дю Ман и Шарден, отмечающие, что ранним утром крестьяне пригородных селений Исфахана отправляются в город продавать свои съестные припасы, потом они на ослицах возвращаются нагруженные мешками с нечистотами, которые они собирают вдоль улиц и уборных, обычно имеющих сток на улицу, вблизи от двери дома ... (Петрушевский, с. 143). Такие же этнографические материалы по сбору экскриментов по городу Бухаре имеются в описаниях русских исследователей и путешественников XIX в. При этом, наиболее часто используемый инструмент очистки - лопата была найдена в позднесредневековой гумусной яме на цитадели городища Пайкенд. Железная лопата имела характерную позднесредневековую форму, хорошо известную по миниатюрам XV - XVI вв., с обломанной у основания втулки деревянной ручкой, в результате чего она, видимо, и была забыта.

Подобные ямы, такие же неглубокие и широкие, были найдены не только на цитадели, но и на площадке перед цитаделью Пайкенда, свидетельствуя о периодическом обживании городища во второй пол. XII - нач. XIII и XV - XVI вв.

Мы полагаем, что все вышеприведенные примеры особенностей городского и сельского быта,

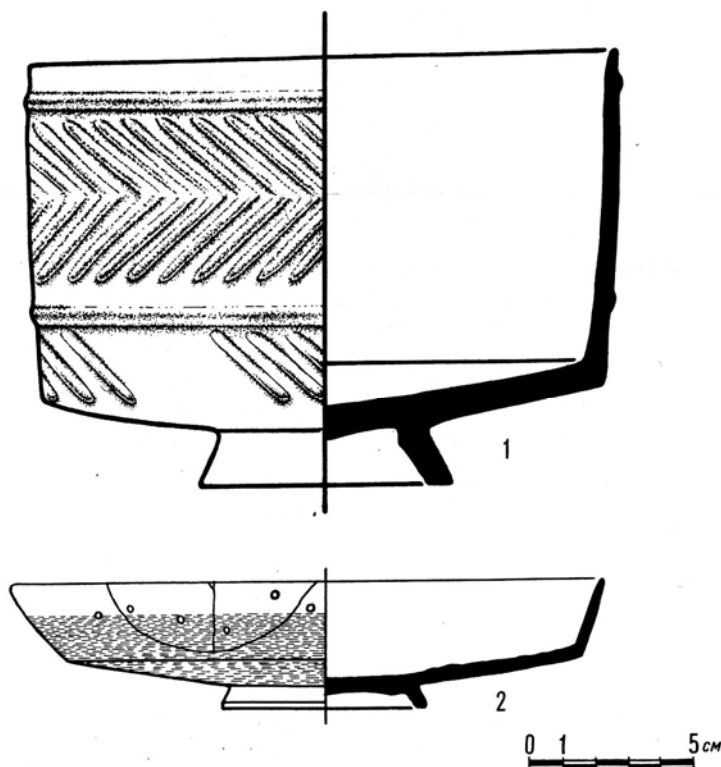

Рис.9. Столовая чаша и блюдо с голубой поливой из Пайкенда. Нижняя с реставрацией обломков железными скобами

полученные как археологически, так и по материалам исторических источников, видимо, не были случайны и имели под собой какие-то глубокие основания.

Во-первых, массовое расположение по верхнему культурному горизонту вышеприведенных памятников, от поселений и до крупных городских центров, широких и неглубоких гумусных ям свидетельствует о мощном демографическом всплеске населения Мавераннахра.

Во-вторых, для исследуемого периода мы располагаем авторитетными мнениями крупных востоковедов о борьбе Караханидов с крупной земельной аристократией - дехканством. По-видимому, временами эта политика была очень энергична и сурова, так как за караханидский период истории Мавераннахра постепенно сошли с политической арены почти все главные дехканские фамилии, а вместе с ними прекратили существование и их родовые владения (История народов Узбекистана, 1950. Т. 1, с. 289).

Таким образом, замок, некогда архитектурно и фортификационно само-

стоятельно выделенный и представлявший жилище феодала - дехканина к середине XII в. перестал существовать, на что указывает сплошное заполнение, гумусными ямами верхнего горизонта Уч Кулаха, включая как поселенческую часть, так и замковую. Теперь на этой территории жили простые селяне, которые, видимо, использовали разделенные на более мелкие участки земли бывших дехкан.

И в третьих, фиксируемые как на поселениях (Уч Кулах), городах (Карабулак), так и на крупных городских центрах включая шахристан и цитадель (Кува), специфические гумусные ямы свидетельствуют о том, что именно с XII в. сельским хозяйством начинают усиленно заниматься не только жители селений, но и крупных городов. В свою очередь это указывает на то, что как городская торговля, так и ремесло уже не обеспечивают прожиточного минимума горожан, как это было в предшествующие столетия. Одной из причин этого, видимо, являлся общий упадок уровня покупательной способности населения, которое мы фиксируем как по материалам керамики, так и по данным письменных источников. Для сравнения можно привести данные этнографии по городам Ташкенту и Бухаре, когда многие ремесленники во второй половине XIX в. имели в пригородах земельные участки, которые служили для них приработком.

Следующей особенностью материальной культуры Уч Кулаха XII - начала XIII в. являются практически полностью смытые стены верхнего горизонта. Мы полагаем, что виной этому являлось не только его расположение по верху и атмосферные влияния, но и кардинальные изменения в принципах строительства, происшедшие в исследуемую эпоху. Здесь мы хотим отметить, что с переходом от раннего к развитому средневековью жилища архитектура постепенно теряет свою монументальность. Это, видимо, объясняется мощным демографическим всплеском, повсеместно наблюдающимся для данного времени и насущной необходимостью в короткие сроки, на ограниченных пространствах средневековых городов обеспечить жильем быстрый прирост населения. Несомненно, что архитектурными принципами такого строительства могли явиться бытующие до сегодняшнего дня неширокие, малогабаритные по размерам, не требующие больших затрат, быстро возводимые и легкие в перепланировке каркасные постройки. Значительным их преимуществом также являлась исключительная сейсмостойкость, делавшая их незаменимыми в условиях Средней Азии. При перепланировках помещений деревянный каркас быстро разбирался, а 20-30 сантиметровое основание разравнивалось так, что от него практически не оставалось следов.

Именно это обстоятельство явилось одной из главных причин полного разрушения верхних культурных горизонтов Уч Кулаха второй половины XII - начала XIII вв.

Литература:

Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.

История народов Узбекистана. Том. I. Ташкент, 1950.

Мирзаахмедов Д.К., Ахраров И. Керамика риштанского типа из Бухары второй половины XIX в. //ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.

Мирзаахмедов Д.К. К характеристике предмонгольской поливной керамики Бухарского оазиса //Согд в системе культурных связей Центральной Азии. Научная конференция, посвященная 60-летию д.и.н. Р.Х.Сулейманова. Самарканд. 1999.

Мирзаахмедов Д.К. Комплекс керамики X в. из пригорода Пайкенда //Средняя Азия. Археология. История. Культура. Материалы Международной конференции, посвященной 50-летию научной деятельности Г.В.Шишкиной. М., 2001.

Наршахи М. Бухоро тарихи. Тошкент, 1966.

Петрушевский И.П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII - XIV веков. М.-Л., 1960.

Семёнов Г.Л., Мирзаахмедов Д.К. Отчёт о раскопках в Пайкенде в 1998 г. Санкт-Петербург, 1999.

Чехович О.Д. Черты экономической жизни Мавераннахра в сочинениях по фикху и шуруту // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980.

Шишкина Г.В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979.

*А.А. Мусакаева
(Ташкент)*

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ЧАЧЕ

Область Чач (Юени, Ши), известная по китайским источникам, в отличие от южных и центральных областей Средней Азии была несколько позднее втянута в сферу денежных отношений. В Согде, Греко-Бактрии и Хорезме их зарождение относят к III-II вв. до н.э., в Чаче появление собственных монет произошло на пять столетий позднее.

Исследователи отмечают, что эта область имела свою специфику развития, заключающуюся в преобладании здесь скотоводства и более поздним формированием оседлоземледельческого хозяйства. Эти процессы отразились на этническом составе, культуре и экономике региона (Буряков, Богомолов, 1990. С. 4). Сказались они и на более позднем появлении здесь денежных отношений и на их характере.

История изучения монет Чача, в основном, касается раннесредневекового периода, тогда как античный период остается практически белым пятном в его нумизматике. Если для первого проделана работа по систематизации и типологии материала, то для второго известны только отдельные типы и их описания. Это связано с малочисленностью находящегося в распоряжении исследователей материала.

Первое изучение монет Чача провел М.Е. Массон. Он выделил наиболее раннюю их группу, датируя ее III-нач. IV вв., с изображением правителя влево в диадеме, на об.ст. - тамгой и легендой «одной из разновидностей согдийского монетного алфавита». Эту группу он отнес к местному кангуйскому чекану. Ее датировка основывается на идентичности тамг на чачских монетах и сасанидском блюде, с изображением Варахрана I. Исследователь отмечал также находки в долине Чирчика монет Хорезма I в. н.э. с одной из разновидностей чачской тамги. (Массон, 1953. С. 27-28).

Вторая точка зрения опирается на данные лингвистического анализа, проделанного В.А. Лившицем. Он считает возможным отнести начало денежного обращения в Чаче к II-III вв. Надписи на монетах эволюционировали от раздельного написания до появления курсивных легенд и их деградации к III-VI вв. В.М. Массон также считает, что чекан Чача можно отнести к более раннему времени. Обе точки зрения подробно изложены и проанализированы Ю.Ф. Буряковым (Буряков, 1982. С. 117-118).

Е.В. Зеймалем опубликованы поздние варианты монет исследуемой серии. Со ссылкой на В.А. Лившица, он считает правомерным бытование титула MR'Y в Чаче (Zeimal, 1994. С. 259-260, № 1-7).

Э.В. Ртвеладзе опубликовал два великолепной сохранности образца монет раннечачского чекана и дал чтения их легенд. Он полагает, что здесь присутствует титул MR'Y в его искаженной форме «MYR'Y» и приводит имена: «nwnk_syr» и «и/anwd/lwd/lxwr».

В 1998 г. в числе монет, переданных на экспертизу, оказалась уникальная коллекция монет, представляющих чеканы античной, раннесредневековой и средневековой Средней Азии, практически из всех ее областей. В ее составе имеются 14 экземпляров медных монет, интересующей нас серии, в том числе ранних типов.

В частности, в коллекции В.А. Кучарева есть один экземпляр раннечачской монеты, где четко читалась легенда из двух слов: «Государь Чачский...». На городище Канка в 1986 г. в составе подъемного материала была найдена монета также раннечачского времени с остатками легенды.

Таким образом, имеющийся материал позволяет выявить новые типы и более подробно проследить линию развития раннечачского чекана.

Тип-1

Л.ст. изображение правителя в диадеме влево, имеются усы, борода передана в виде двух штрихов. Прическа в виде локонов, направленных концами от висков к лицу. Едва просматриваются концы диадемы, повязанной бантиком. Четко различим край одежды в виде двух концентрических линий с точечным ободком внутри них.

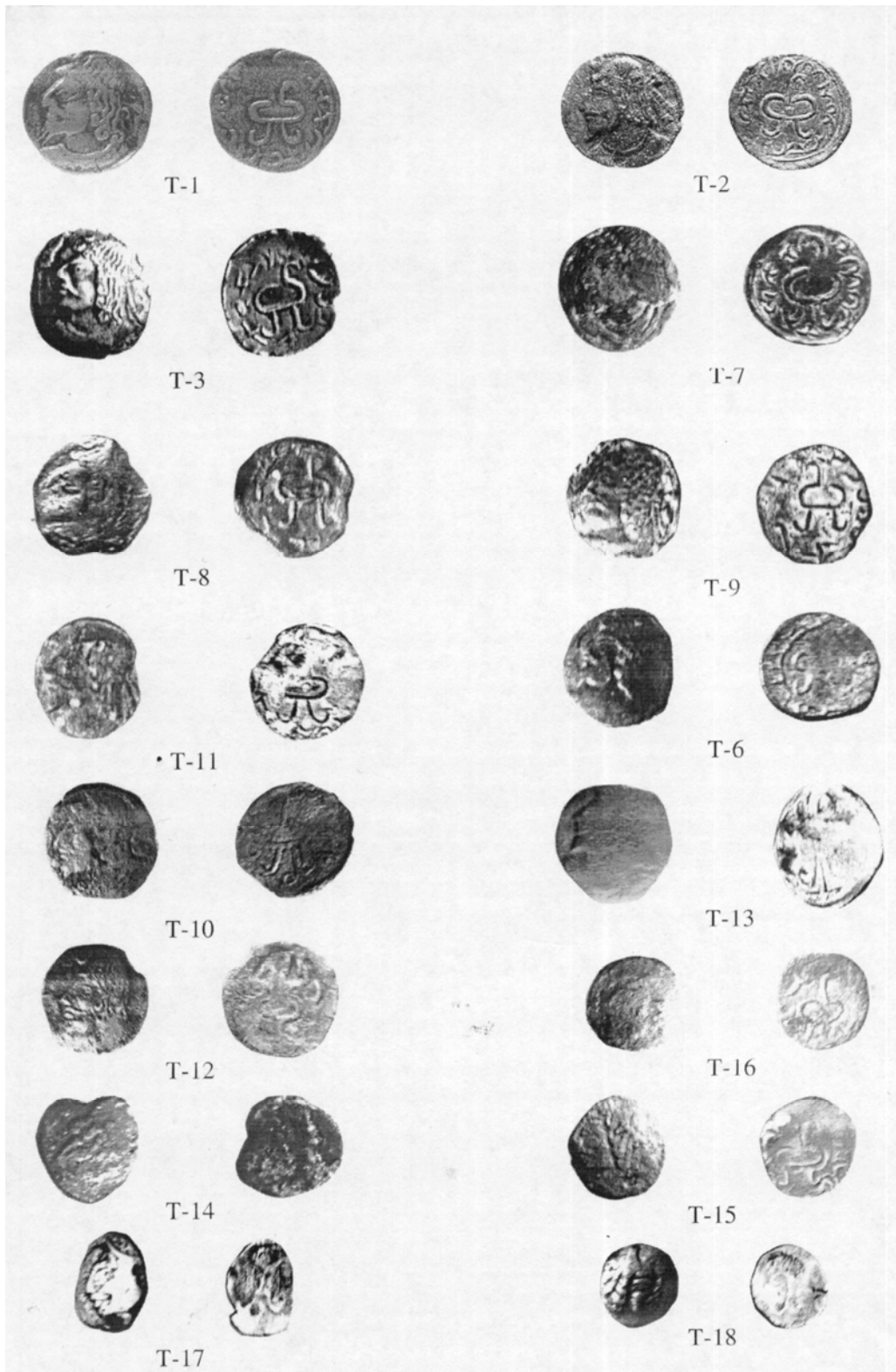
Об.ст. в центре тамга с верхним отростком вправо, у правого края овала. Вокруг знаки легенды древнечачским письмом: «гwв и'и'нк 'wk'wvwг/k». Впервые этот тип монет был опубликован Э.В. Ртвеладзе, который приводит иное чтение легенды «и'и'нк MYR'Y nwnk_syr» (Rtveladze, 1977/78. № 1).

Тип-2

Л.ст. портрет близкий типу-1 (общий этнический тип), но детали разнятся: прическа отличается формой локонов, все концы которых направлены в одну сторону. Диадема двойная, концы ее переданы лентами раструбообразно расширяющимися книзу, бантик в виде треугольника. Верхняя часть одежды оформлена в виде двух концентрических линий, внутри которых точечный ободок. Об ст. тамга в окружении легенды: «и'и[']у'нк гwв swв». Впервые этот тип монет был опубликован Э.В. Ртвеладзе, который приводит иное чтение легенды: «и'и'нк MYR'Y и/аn wд/lwd/l xwr» (Rtveladze, 1977/78. № 2).

Тип-3

Л.ст. то же, что и тип-2, но есть отличия: на голове - точечная диадема в два ряда, концы ее опускаются тонкими линиями. На шее - край одежды или гривна (изображение едва просматривается).

۱۸ سکه های مختلف
 در این مجموعه
 به نمایش درآمده است
 که هر یک از آن‌ها
 دارای ویژگی‌های
 خاص خود است
 و به دلیل قدمت
 و ارزش تاریخی
 آن‌ها مورد توجه
 قرار گرفته است
 و در این مجموعه
 به نمایش درآمده است

طرح کلی سکه

Об.ст. отличается тем, что легенда выписана не полностью: от имени осталась лишь первая буква, по-иному вписан «алиф», а также вторая буква (тот же «алиф») в слове «чачский». Написание букв свидетельствует о более позднем выпуске этого типа. Едва заметна скифатность, края монетного кружка в некоторых местах разорваны. В-4, 17 г. Д.-21,1 x 23 мм. Легенда: «гwв[y] и'иупк 'w».

Тип-4

Л.ст. несколько стилизованное изображение того же портрета, как тип-1. Просматривается точечный ободок.

Об.ст. легенда полностью не сохранилась, близка к типу-1, но часть ее за краем монетного кружка. Тамга отличается тем, что верхний отросток направлен влево и расположен у левого края овала, внутри которого две точки. (Из частной коллекции Кучерова В.А.).

Тип-5

Л.ст. тип тот же, как и тип-1, но есть отличия - портрет стилизован. Черты лица, прическа переданы очень тонкими линиями. Концы диадемы существуют, как бы отдельно, и переданы в виде двух почти параллельных линий.

Об.ст. сохранились остатки легенды, плохая сохранность. Начальный этап перехода к курсивной легенде? Найдена на городище Канка. В-2,30 г., Д.-19,1 x 21,7 мм.

Тип-6

Л.ст. тип близкий типу-2, но изображение, в целом, несколько меньше по отношению к площади кружка, концы диадемы отсутствуют.

Об.ст. тамга в центре, верхний отросток направлен вправо и расположен у правого края овала, внутри которого три точки. Легенда - один из вариантов перехода к курсиву - все буквы сосредоточены на одной линии, которая осуществляет их соединение «и'супк w'». Часть легенды оказалась за краем монетного кружка. Монета скифатная, В-4,96 г. Д-19,2x20 мм.

Тип-7

Л.ст. тип тот же, что и тип-2, но имеются отличия: диадема не в два ряда, а из одного ряда точек. Виден край одежды, переданный овалом, ниже - гривна с камнем в центре (вставка), ободок отсутствует, Изображение в целом несколько стилизованнее.

Об.ст. тамга, верхний ус направлен влево и расположен у левого края овала. Легенда раннечачским письмом. В-2,54г. Д-20,5 x 21 мм.

Тип-8

Л.ст. отличается от Типа - 1 тем, что на шее имеется ряд бус, ниже - гривна с крупной вставкой в центре. Сохранность плохая, прическа и диадема почти не просматриваются.

Об.ст. легенда: «... и'супк 'w ... wv», алиф той же формы, как и на тип-3. Тамга: отросток вправо, внутри овала «птичка» – дефект штампея. В-3,24 г. Д-20,2 x 21 мм.

Тип-9

Л.ст., как Т-2, но имеются свои характерные детали: концы диадемы в виде двух слегка заovalенных мелкоточечных линий, изображение которых несколько напоминает надчекан. Волосы переданы в виде локонов и крупных буклей. Сама диадема едва заметна.

Об.ст. тамга с верхним отростком влево у левого края овала. Легенда выписана так, что между знаками много промежутков, тогда как на других экземплярах монет буквы расположены гораздо ближе друг к другу. Легенда искажена. В-2,78 г. Д-19,5x20 мм.

Тип-10

Л.ст., как тип-1, диадема мелкоточечная в один ряд, за головой просматривается часть петли, остальное сбито. На шее ряд бус, ниже, вероятно, диадема.

Об.ст. в центре очень крупная тамга, верхний ее отросток направлен вправо и расположен у левого края овала. У нижнего правого отростка дополнение: он как бы раздваивается, левый завиток почти кружок. Знаки легенды стертые, вероятно, искажены. Монета в основе из красной меди, снаружи легкий налет из желтого металла. В-3 г. Д-19,7x24 мм.

Тип-11

Л.ст. как тип-2, концы диадемы украшены косыми, параллельными штришками, едва заметные штришки такого же типа присутствуют на лицевой стороне типа-2.

Об.ст. тамга, верхний отросток у правого края овала. Основная часть легенды за краем монетного кружка, сохранилась лишь буква «к» и штрихи от остальных знаков. В-1,80 г. Д-17x18 мм.

Тип-12

Л.ст. то же, как тип-1, но изображение в целом несколько стилизовано, просматривается любопытная деталь: диадема состоит из кружков, а не точек, концы диадемы не просматриваются.

Об.ст. полная деградация легенды: от нее остался лишь ряд параллельных штришков. Тамга получает сверху дополнительный отросток «» становится аналогичной бухарской тамге «туранской» серии. В-01,86 г. Д-18,5 x 19,6 мм.

Тип-13

Л.ст. то же, как тип- 12, но изображение в целом более стилизованное, полустертое.

Об.ст. сохранились лишь концы отростков тамги. Легенда деградировала: штришки - линии. В-2,73 г. Д-20 x21,3 мм.

Тип-14

Л.ст. как тип-2, но значительно стилизованнее, локоны короче, прическа возвышается над диадемой, напоминая шлем по форме, диадема прорисована с одним небольшим штришком.

Об.ст. стерта, едва просматривается тамга с двумя точками внутри. В-3,59 г. Д-17,7 x 18,5 мм.

Тип-15

Л.ст. стилизованное изображение лица почти полностью занимает монетный кружок, часть его за краем монетного кружка.

Об.ст. тамга с отростком вправо у правого края овала. От легенды сохранились лишь скобочки. В-02,57 г. Д-16,5x17 мм.

Тип-16

Л.ст. изображение лица полустертое, едва просматривается.

Об.ст. тамга с верхним отростком вправо у правого края овала.

От легенды сохранился лишь кружок с хвостиком (стилизация буквы «и» В-2,38 г. Д-15,8 x 16,3 мм.

Тип-17

Л.ст. изображение лица еще более стилизовано, чем тип-15, от локонов остались лишь завитки, диадема дана одной большой скобой.

Об.ст. тамга по типу бухарской, асимметрична, одна пара отростков направлена в одну сторону, в отличие от предшествующих вариантов. В-1,400 г. Д-12,5 x 15,5 мм.

Тип-18

Л.ст. еще более значительное искажение лица, направленного вправо, в отличие от всех предшествующих типов. Изображение в целом трудно понять без предыдущих его типов.

Об.ст. тамга с четырьмя отростками, но вместо центрального овала толстый штрих. В-1,15 г. Д-1,34x14,1 мм.

Имеющийся материал позволяет выделить три периода в развитии монет раннечачского чекана.

Первый период – монеты первых двух типов с читаемыми легендами.

Второй период характеризуется появлением монет с искаженными легендами. Оно сопровождается падением веса, уменьшением монетного кружка, но в целом иконографический тип сохраняется, портрет правителя узнаваем.

Третий период. Первый этап: портрет узнаваем, имеется диадема, переданная в виде кружков, но обратная сторона деградирует полностью. Появляется асимметричная тамга по типу бухарской, от легенды остаются лишь штришки. Происходит дальнейшее падение веса. Первый традиционный тип тамги присутствует наряду со вторым (бухарским). Иногда просматриваются буквы.

Второй этап третьего периода характеризуется следующими деталями: происходит деградация портрета, завитки волос передаются в виде скобок, так что постепенно утрачивается портретное сходство. Монетный кружок становится заметно меньше, вес падает. От легенды остаются лишь кружки.

Для третьего этапа характерно появление наряду с левосторонними портретами и правосторонних, однако к концу этапа их почти невозможно узнать. Происходит почти полная деградация портретов. Падение веса значительно в сравнении с предшествующими двумя периодами. Монеты приобретают вид небольших скифатных кружков весом до 1 г.

Еще одна важная деталь в генезисе раннечачского чекана – это его развитие в целом по двум линиям, четко прослеживаемым до третьего периода. Линии эти передают эволюцию двух основных типов монет, с полными читаемыми легендами (Т-1, Т-2).

Монеты второго периода подражают этим двум типам, но линии эти независимы друг от друга, при общих тенденциях развития всего чекана (от прототипов к подражаниям и деградации чекана в целом). Предположить наличие двух монетных дворов сложно, тем более, что самые ранние типы происходят с городища Канка и исчисляются единицами. Вероятнее всего, эти две линии отражают процесс развития чекана по образцу двух прототипов, имевшихся в обращении одновременно. По-

видимому, датировка типа-1 не отстоит далеко от датировки типа-2. Знаки легенд хронологически близки друг к другу.

В целом, развитие всей серии происходит по хорошо известной схеме, прослеженной ранее в Согде. Эта схема развития характерна для «туранской» серии монет Асбара в Бухарском Согде, серии Гиркода, подражаний Евтидема. В Самаркандском Согде она прослеживается на примере монет с лучником, в южном – монет с Гераклом и Зевсом. Наиболее близкие параллели дают серии монет Гиркода: в конце развития этого чекана также появляются мелкие скифатные монетки, с почти неузнаваемыми деградировавшими изображениями и легендами, происходит значительное падение веса. Процесс деградации легенд так же, как и в Согде, происходит на протяжении нескольких столетий.

Начало чекана раннечачских монет, по мнению исследователей, связано с первыми веками н.э. По аналогии с легендами Бухарского Согда наиболее ранней границей может быть I-II вв., наиболее поздней - II-III вв. В III-IV вв. появляется иной алиф. Наиболее поздние образцы (третий этап третьего периода) относят к VI-VIII вв. VI - началом VII в. датируют исследователи слой пожарища на городище Канка, на полу храма которого был найден клад монет. Эти события Ю.Ф. Буряков и Г.И. Богомолов связывают с тюркским завоеванием 605 г.

Ранние образцы монет концентрируются на городище Канка и в его округе. Таким образом, появление денежных отношений в области связано с функционированием этого крупнейшего городского центра Чача. Монеты с начальной фазой искажения легенд также находят на этом городище. И только лишь самые поздние их образцы (третий период) имеются на территории Ташкента и его округи: с Шаштепа происходит небольшой кладик монет, переданный в музей школьников.

В целом можно заключить, что появление денежных отношений в Чаче имеет множество параллелей в соседних областях Средней Азии, как в иконографии монет, так и в общей линии развития чекана. Возможно, появление данного иконографического типа связано с влиянием Западного Согда. Централизация и возникновение денежных отношений осуществлялись в районе крупного городского центра, каковым является городище Канка (Аккурганский район, Ташкентской области).

После прихода тюрков в Чач эта серия монет исчезает. Децентрализация денежных отношений сказывается на появлении множества мелких локальных чеканов, хорошо исследованных Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1982. С.31-38).

Появление курсивных легенд на монетах Чача по аналогии с Бухарским Согдом можно отнести к VI в. Появление же монет с нечитаемыми легендами, вероятно, отражает, как и в Бухарском Согде, приход кочевых племен эфталитов.

Таким образом, по нашему мнению, первый период развития чачского чекана можно датировать I-II вв. н.э. (возможно, III в.); второй период - III-V вв.; третий период - V-VI вв., началом VII в.

Литература

1. Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.
2. Bogomolov G.I., Burjakov Ju.F. Sealings from Kanka // In the Land of the Guryons. Papers on Central Asian Archaeology in antiquity. Edited by Antonio Invernizzi. 1995.
3. Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И. Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990.
4. Zeimal E.V. The Circulation of Coins in Central Asia during the Early Medieval Period (Fifth-Eighth Centuries A.D.) // Bulletin of the Asia Institute. The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union. New Series. Volume 8. USA, 1994.
5. Ртвеладзе Э.В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача // ОНУ. № 8. Ташкент, 1982.
6. Rtveldze Edward V. Pre-Muslim Coins of Chach // Silk Road Art and Archaeology. Journal of the Institute of Silk Road Studies. № 5. Kamakura, 1997/98.
7. Массон М.Е. Ахангеран (Археолого-типографический очерк). Ташкент, 1953.

*Н.Б. Немцева
(Ташкент)*

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ ЗОДЧЕСТВА УЗБЕКИСТАНА

Сохранившиеся исторические легенды и предания - одна из форм словесного народного творчества или фольклора. В ряде случаев легенды и предания аккумулируют значительный блок информации, чрезвычайно важный для понимания многих исторических и художественных явлений прошлого. Значение легенд и преданий, слагавшихся столетиями у памятников зодчества Средней Азии и бытующих до наших дней среди шейхов, мулл и окрестного населения около средневековых культо-

вых мест, неоспоримо. Этот вид источника нельзя игнорировать при исследовании того или иного памятника архитектуры.

Особенно этот источник важен в случаях, когда письменные документы или эпиграфические данные на самом архитектурном памятнике утрачены и дату строительства, имя заказчика, а часто даже функцию средневекового памятника архитектуры приходится восстанавливать по косвенным показателям.

Это в ряде случаев осложнено тем, что одна и та же типологическая форма архитектурного здания в средние века могла выполнять несколько функций. Особенно показателен тип сооружений четырехайванной дворовой композиции, характерный для широкого круга памятников. Дворовая четырехайванная композиция - одна из наиболее распространенных планировочных схем была полифункциональна и воплощалась с небольшой трансформацией в медресе, мечетях, госпиталях, дворцах, караван-сараях и суфийских обителях - ханака.

В сложных, спорных случаях для правильного определения приходится учитывать самые разнообразные показатели (тип здания, археологические и стилистические данные, географию местоположения - город, степь, дорога, кладбище и т.д.), в том числе предания, бытующие у памятника.

Эти предания и легенды совершенно удивительный и многогранный источник, который однако требует большой осторожности при рассмотрении. В процессе сложения легенд, которые изустно формируются иногда столетиями, происходит естественная трансформация, наслоения разного времени, что необходимо учитывать. Это, кстати, касается и письменных источников, дошедших до нас не в оригинале, а в переписи последующих времен.

В ряде случаев адекватность отражения исторических данных в преданиях становится явной, проявляется только при длительном и детальном изучении самого памятника зодчества. Предания и легенды, связанные со средневековой архитектурой Средней Азии, которые, на первый взгляд, кажутся далекими от реальных данных, при внимательном рассмотрении или в процессе исследований иногда содержат глубокий смысл.

Изучение памятников средневековой архитектуры Средней Азии ведется на протяжении более 150 лет, начиная с первой половины XIX в., когда этот регион начал привлекать большое число европейских и русских ориенталистов, путешественников, художников или разного толка чиновников от Российской Империи. Именно в это время были записаны многочисленные легенды и предания, большая часть которых в настоящее время утрачена или опровергнута в процессе исследований.

В плане означенной темы особенно важными являются первые зарисовки и описания XIX в. и, особенно, собранные предания и легенды о памятниках зодчества, которые уходят в глубокую старину. Ряд легенд кажутся совершенно невероятными или фантастически неправдоподобными, но часть из них при изучении того или иного памятника оказывается наполненной историческими реалиями.

В частности, один из ярких и интересных примеров дает царский некрополь XIV-XV вв. в Самарканде - ансамбль Шахи-Зинда, возникший на юге Афрасиаба в первой половине XI в. При изучении ансамбля Шахи-Зинда в 60-е годы XX в. мне не раз приходилось слышать от старожилов, что в главной святыне Самарканда - мавзолее Кусам ибн Аббаса замурована «голова барана». Это казалось совершенно нереальной сказкой и значения ей не придавалось. Только при археолого-архитектурном исследовании комплекса выяснилось, что «голова барана» таки там замурована.

Мавзолей Кусамы (Машад Кусамы по вакфу 1066 г.) - культовая основа Шахи-Зинды, очень сложный многовековой комплекс, который начал складываться в XI в. при тюрках - Караханидах. Построенный одновременно в первой половине XI в. на протяжении последующих столетий комплекс много раз ремонтировался, особенно при Темуридах в XIV - XV вв. и дошел до наших дней в сильно перестроенном виде. При этом первоначальная объемно-планировочная основа памятника XI в., при всей сложности строительных наслоений, осталась почти неизменной.

При исследовании комплекса Кусамы в 60-е годы XX в. в одном из поздних замурованных помещений были обнаружены художественно обработанные деревянные конструкции XI в. Была открыта уникальная и единственная для домонгольского Самарканда, сохранившаяся *in situ* резная деревянная консоль и резной профилированный деревянный фриз или архитрав с эпиграфическим орнаментом, заключающим арабскую надпись в стиле «цветущего куфи».

Датировка деревянных конструкций, как и время возведения «машада Кусамы», первой половины XI в. не вызывают сомнений. Дата строительства определяется не только на основании археологической стратиграфии и строительной периодизации памятника, но и письменных данных. К 1066 г.

у «машада Кусамы» было выстроено медресе Тамгач Богра-хана, как указано в вакуфном документе¹. Ко времени строительства медресе комплекс уже существовал может быть не один десяток лет.

Последующие археологические исследования показали, что консоль и фриз принадлежали интерьеру мечети XI в., располагавшейся на месте существующей мечети XV в. Предположение, что это наружные конструкции мечети, которая якобы могла быть на месте зиарат-ханы² с самого начала было бездоказательным.

Раскопками были вскрыты стены каркасной мечети XI в. располагавшейся севернее смежной зиарат-ханы, северная стена зиарат-ханы являлась одновременно южной стеной мечети. Именно на этой стене, в интерьере мечети XI в., находилась резная деревянная консоль и фриз, свидетельствуя не только о плоской кровле в этом помещении, но и о его высотных параметрах. Мечеть XI в. была каркасного типа, прямоугольная в плане, размером 5,8x17-17,5 м, высотой около 6 м, с плоским деревянным перекрытием³, основанным на внутрстенных деревянных стойках и выступающих на 87 см консолях. Стены мечети XI в. были оштукатурены ганчем. Судя по примерной длине мечети, таких консолей было пять или шесть пар. По отдельным следам как будто устанавливается шаг между несущими стойками консолями равный - 2,53м⁴.

Деревянная консоль - инженерная конструкция для опоры перекрытия мечети XI в. была сплошь покрыта художественной резьбой. Завершение консоли (при взгляде снизу вверх) имело форму стилизованной «головы барана» - представлявшей собой трехчастную фигуру - два длинных уха и узкая морда. С обеих сторон от морды в глубине консоли - два круглых глаза. Нет сомнений, что легенда сложилась в последние, видимо, столетия, когда эти деревянные конструкции были еще видны и очень точно очевидцами были названы «головой барана».

Эта совершенно неожиданная находка и важнейший вещественный документ, пролили свет не только на тип архитектуры комплекса Кусамы на раннем этапе, в период его строительства в XI в. при тюрках Караханидах, но и показали как высоко было искусство художественной резьбы по дереву в средневековом Самарканде.

Показательным кажется и сам мотив - «стилизованная голова барана» - одно из самых распространенных домашних животных в кочевой и полукочевой среде Средней Азии. Это древнейший символ благополучия и благоденствия у народов Востока⁵ был широко распространен в древности и средневековье. Закрученные «рога барана» известны в декоре бытовой керамики еще до исламского времени (так называемая каунчинская культура Чач-Илака), повсеместно встречающаяся в северо-восточных регионах Средней Азии на границе с кочевой степью.

Стоит отметить, как безошибочно точно народная молва определила предельно стилизованную «голову барана» в завершении консоли. В публикациях по этому поводу высказывалась ни чем не обоснованная догадка, что консоль завершена «фантастическим трехглавым существом»⁶ и т.д. Ничего подобного там нет. К этому стоит добавить, что изобразительные мотивы в мусульманской средневековой архитектуре и монументальном декоре следует искать в самой окружающей природе и среде.

Другой памятник архитектуры XI-XII в. тюркского периода в Средней Азии - Рабат-и Малик расположен в степи на главной дороге между Самаркандом и Бухарой. Памятник вошел в научную литературу до археологических работ, как придорожный караван-сарай. При этом легенда записанная А. Леманом в XIX в. сообщает довольно точное (для легенды) время постройки - 700-800 лет тому назад и называет строителя - вождя одного из кочующих племен древнего Мавераннахра - Малик-хана? «Малик-хан разбойничал и грабил в окрестностях, был грозой этих мест» (А. Леман). Действительно, при археологических исследованиях был вскрыт сложный многодворовый план памятника, который

¹ Немцова Н.Б. Медресе Тамгач Богра-хана в Самарканде (из археологических работ в Шахи-Зинде) // Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974. С. 99-143.

² Филимонов В.М. Древнее репное дерево из комплекса Кусамы ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зинда // Искусство зодчих Узбекистана. Вып. 1. Ташкент, 1962. С.275-27, рис. 5.

³ Немцева Н.Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI-XII вв. (по археологическим материалам) // Зодчество Узбекистана, в. П. Ташкент, 1970. С. 125-132; Немцева Н.Б. К истории сложения комплекса Кусамы б.Аббаса (новые данные) // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002. С. 188, рис 1.

⁴ Филимонов В.М. Указ. соч., с.272.

⁵ Литвинский Б.А. Кангуйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968. С. 95-99.

⁶ Филимонов В.М. Резное дерево из комплекса Кусамы ибн Аббаса в ансамбле Шахи-Зинда // Искусство зодчих Узбекистана, Ташкент, 1962. Вып. 1. С.267 и далее. Хмельницкий С.Г. Ходжа Машад, Берлин-Рига, 2001. С.172 и далее.

показывает, что Рабат-и Малик являлся степной резиденцией правителей Мавераннахра в XI-XII вв. - тюрок Караханидов, которые традиционно кочевали в степи, вели милитаристский образ жизни.

Дворцовая планировка, высокохудожественный резной ганч, покрывавший интерьеры Рабат-и Малика, уникальный кирпичный изразцовый орнамент пилонов входного портала показывают, что Рабат-и Малик в XI-XII вв. был выстроен как царская крепость. Это точно отражено и в самом названии памятника - Рабат-и Малик (ар. Царская крепость). Лишь после монгольского завоевания Средней Азии и исчезновения с исторической арены династии тюрок Караханидов, Рабат-и Мшшк был превращен в придорожный караван-сарай. В источниках XVI в. он фигурирует уже под этим названием - караван-сарай. Но и в это время Рабат-и Малик оставался по-прежнему дорогой, престижной придорожной крепостью, где останавливались правители (Абдуллахан), богатые купцы и другие высокопоставленные лица.

Еще одна показательная легенда связана с комплексом - ханакой Ходжа Машад XII в. на юге Таджикистана. При археологических исследованиях в 60-е годы XX в. была установлена одновременность возведения южных мавзолеев из жженого кирпича и примыкающего с севера сырцового двора, застроенного по периметру помещениями. От местных стариков в те же годы я услышала легенду. Легенда гласит следующее: отец убил двух своих сыновей за то, что они предались «врагу» и на месте их могил за одну ночь выросли два купола, т.е. мавзолеи построены одновременно. Это лишь отголосок действительных событий, маленькая, но выразительная деталь в общем комплексе доказательств одновременности памятника, тем более, что до последнего времени один из исследователей из всех сил пытался уверить, что мавзолеи разновременны.

Целый ряд других легенд, возникших в XIX-XX вв. (и раньше), связанных с памятниками архитектуры отражают действительные исторические события, иногда расцвеченные народным вымыслом, но в любом случае заслуживающих внимательного к ним отношения.

События прошедшего столетия и легенды недавнего прошлого хорошо иллюстрируют саму природу рождения легенд.

Известно, что летом 1941 года авторитетная ученая комиссия Академии Наук Узбекистана, с участием известного московского антрополога М.М. Герасимова, провела вскрытие склепа мавзолея Гур-Эмир, где был похоронен Амир Темура и его потомки. Вскоре тем же летом 1941 г. началась Великая Отечественная война, развязанная гитлеровской Германией. Воинственные подвиги основателя крупнейшей Империи Средней Азии XIV в. Темура, завоевавшего огромную территорию, вскрытие его могилы и начало войны 1941-45 гг. в народной молве связались в одну стойкую легенду - война началась потому, что был потревожен прах Темура. Эта легенда со временем потеряла свою актуальность, но многие годы середины XX в. в Самарканде она не сходила с народных уст. В данном случае это очевидное совпадение событий, но «пророческая» легенда обыгрывается до сего времени в художественных произведениях и даже фильмах. И чем дальше отодвигаются действительные события, тем больше вымысла на них наслаивается.

Это яркий пример процесса сложения народной молвы и предания, в данном случае отражавших, видимо, внутренний народный протест против вторжения науки в святыню - могилу известного правителя Средней Азии. Факт вскрытия могилы крупнейшего средневекового завоевателя XIV в. Амира Темура и начавшаяся война 1941-45 гг. народная молва поставила на один уровень по значимости.

Эти немногие примеры показывают, как возникают предания и легенды. В одних случаях они - серьезный исторический источник, в других - чистый вымысел. Но исследователь должен быть внимателен, к этому виду народного творчества и не упустить очень метких, подчас народных оценок и определений.

*А.В. Омельченко
(Ташкент)*

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАССЕЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ КЕША В КОН. IV В. ДО Н.Э. – IV В. Н.Э.

Восточная часть Южного Согда охватывает пять современных районов Кашкадарьинской области: Китабский, Шахрисабзский, Яккабагский, Чиракчинский, Камашинский. Площадь оазиса составляет около 6500-7000 кв. км; с севера, от Центрального Согда, он отделен отрогами Зарафшанского хребта, с юга, от Северной Бактрии, - Гиссарского. На территории области выделяются равнинная полоса вдоль р. Кашкадарья, адыры (Каратепинские, Миракинские на севере и Яккобагские, Гузарские на юге), предгорные и горные районы. Центральной водной артерией оазиса является текущая с

востока на запад река Кашкадарья. Главные ее притоки: по правому берегу - Шуробсай, Аякчисай и Калкамасай, по левому - более многоводные Джиньдарья, Аксу, Танхоздарья, Гузардарья. Основное питание реки получают за счет таяния снегов, грунтовых вод, саев и родников, выходы которых очень многочисленны¹.

Еще в ходе первых разведок и раскопок в Восточной Кашкадарье С.К. Кабановым был сделан вывод о мелкооазисном принципе расселения в эпоху античности и отмечено большое количество поселений сельского типа, среди которых особенно много возникло после рубежа н.э.² Работы, проведенные Кешской (Кашкадарьинской) археолого-топографической экспедицией, созданной М.Е. Массоном, выявили, что количественно значительно преобладают памятники эпохи раннего средневековья. Дальнейшее изучение долины показало, что уже после рубежа нашей эры обживалась вся территория оазиса, границы которой совпадают с современной культурной зоной³.

Исследователи отмечают, что к V в. до н.э. в Восточной Кашкадарье функционировало пять основных районов оседлого расселения: Шуробсайский, Танхасдарьинский, Кызылдарьинский, Кайрагачский и Гульдарьинский, с числом поселений не менее 25⁴. Из них своими размерами (70-72 га) выделяется городище Узункыр-Подаятак в Шуробсайском оазисе, которое сейчас с большой степенью вероятности отождествляется с известной по письменным источникам Наутакой (Навтакой)⁵. Раскопки показали, что территория внутри стен Узункыра была обжита не полностью, городище представляло собой скорее убежище для населения округи и для стад скота.

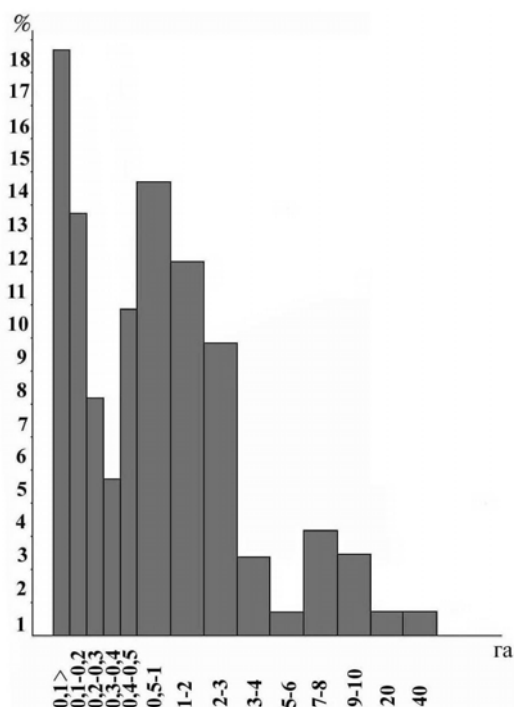

Рис. 1. График процентного соотношения поселений по размерам в Восточной Кашкадарье в первые вв. н.э.

В эллинистическое время, значительно сократившееся по площади, городище (Подаятактепа) продолжало функционировать в качестве пункта, через который в оазисе осуществлялись фискальные функции, и здесь же могло укрыться население в случае военной угрозы. Столица, по нашему мнению, уже при Селевке I переносится на территорию совр. города Китаба. Возведение цитадели площадью более 1 га на высокой платформе и окружение территории города площадью в 40 га довольно массивной стеной (элементы устройства которой находят ряд аналогий в укреплениях Узункыра)⁶, по видимому, свидетельствуют о централизации управления, что отмечается для начала III в. до н.э. и в других южных и центральных оазисах Средней Азии. Китайские источники второй пол. II в. до н.э. упоминают в долине верхней Кашкадарьи город Су-Се, который являлся столичным в одноименном владении, входившем в Кангюйскую конфедерацию.

Среди памятников II-I вв. до н.э. в Восточной Кашкадарье фиксируется тип крупного рассредоточенного сельского поселения. От предшествующей эпохи он наследует широкое использование естественных укреплений. Обороноспособность таких

¹ Кашкадарьинская область. Т. I. Кн. 14. Природа // Труды САГУ. Нов. серия. Географические науки. Вып. 155. Ташкент, 1959. С. 94.

² Кабанов С.К. Археологические памятники зоны Чимкуртанского водохранилища // Изв. АН УзССР. Серия общественных наук. Ташкент, 1957. № 2. С. 81; Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. н.э. Ташкент, 1981. С. 115.

³ В публикации используются материалы, подготовленные кафедрой к изданию свода археологических памятников пяти восточных районов Кашкадарьинской области и дополненные данными, которые получены исследованиями автора статьи, в том числе в составе совместной экспедиции кафедры археологии, отряда Института археологии АН РУз и Департамента Ближневосточных исследований университета Беркли (США).

⁴ Сагдуллаев А.С. Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи железного века // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент, 1987. С. 5.

⁵ Лушпенко О.Н. К вопросу о локализации Наутаки // Урта Осиё тарих ва археологиясининг долзарб муаммолари. Ташкент, 1995. С. 25-26.

⁶ Крашенинникова Н.И. Прошлое Китаба // Вехи времен. Ташкент, 1989. С. 28-29.

пунктов, особенно к рубежу нашей эры значительно усиливается за счет возведения на высоких лесовых останцах цитаделей квадратной и прямоугольной формы. Поселенческая агломерация с подобной структурой обследована при впадении Шуробсая в Кашкакдарью, в районе к. Нижний Сарай. Рядом с укрепленными убежищами Палвантепа, Эски-Курган, Сарайтепа располагались участки сплошной застройки и отдельно стоящие усадьбы общей площадью 16-20 га. Материалы, полученные в результате раскопок, свидетельствуют о непрерывном обживании данной территории начиная со II в. до н.э. вплоть до конца эпохи античности.

Похожая ситуация выявлена в 5 км выше от Подаятака-Узункыра по течению сая. Возле кишлаков Пастчиль и Чимбай существовала группа поселений, лидирующее место в которой занимало квадратное в плане (150x150 м) городище Пастчиль 1, с цитаделью в центре (40x40 м). На противоположном правом берегу Шуробсая вытянутые, по-видимому, вдоль русла древнего канала располагались поселения Пастчиль 2,3,4. С юга микрооазис прикрывало городище Чимбайтепа высотой 12-15 м. Наибольшего расцвета поселенческие агломерации по руслу Шуробсая достигают в эпоху поздней античности и это, несомненно, было связано с расширением ирригационной сети. И Палвантепа, и Пастчиль 1 на восточном берегу сая располагаются вдоль русел каналов, древние ложа которых хорошо читаются в современном рельефе. Следующая группа тепа, датируемая временем античности, находилась еще далее, в 4,5 км к северо-востоку по руслу Шуробсая, рядом с кишлаком Чечак. Она состояла из центрального поселения площадью более 1 га и ряда небольших пунктов по обоим берегам сая. Таким образом, расстояние между сельскими агломерациями в северных районах Кешского оазиса составляло 4,5-5 км и определялось необходимыми площадями угодий (земледельческих - по левому, скотоводческих - по правому берегу Шуробсая), находящихся в хозяйственной эксплуатации общин.

Близкие величины расстояний между группами поселений были установлены в ходе обследования среднего течения Аякчидарьи, на северо-западе изучаемой области. В месте разделения реки на два рукава Кичикджар (восточный) и Каттаджар (западный), на территории кишлака Верхний Сарай в группе тепа центральным являлось крупное неукрепленное поселение площадью 5 га, которое состояло из 9 компактно расположенных домовладений. Поблизости на естественных лессовых останцах находилось три синхронные усадьбы, а в 300 м к северу, на берегу древнего русла Аякчи (или канала?), возвышалась цитадель-убежище Оемчиктепа. В 1 км выше по течению, возле кишлака Бугаджилль было обследовано Каттаджартепа, которое, по заключению Н.И. Крашенинниковой, являлось одним из самых крупных поселений в Китабском районе, со сплошной застройкой (9 га) и цитаделью 80x95 м. Его возникновение, скорее всего, связано с функционированием дороги, ведущей из центральных районов Кеша в Центральный Согд через перевал Джам. В 4,5-5 км от к. Верхний Сарай, ниже по течению Аякчи, материалы античного времени обнаружены на поселениях Турткультепа 1 и 2, образующих с поселением на противоположном берегу реки еще один микрооазис. Большая часть памятников Аякчинского оазиса датируется временем после рубежа н.э. Но, несомненно, существовала и более древняя основа, на что указывают поднятая с поверхности Каттаджартепа монета, относящаяся к типу т.н. «варварских» подражаний оболам Александра Македонского или Селевкидов, а также материалы из нижних слоев сельского поселения в Верхнем Сарае.

Сходная система расположения пунктов античного времени была выявлена и на юге области, в предгорьях Яккабагского хребта. В районе к. Кайрагач специалистами кафедры археологии обследовалась группа поселений, связанных с руслами Талдысая и Гульдарасая. Обживание микрооазиса началось еще в эпоху раннежелезного века, о чем свидетельствуют раскопки Даратепы. В эпоху античности лидирующие позиции занимало Кайрагачтепа 1, датируемое V-IV вв. до н.э. - IV-V вв. н.э. Поселение рассредоточено на площади 20 га и за исключением цитадели 60x40 м, по-видимому, укреплений не имело. Рядом отмечены небольшие синхронные пункты Киндиклитепы 2 и Киндиклитепы 3,4,5,7, а также Кайрагачтепа 2 в двух км к юго-западу. Возможно, последнее являлось крепостью или даже небольшим городком на северо-западных подходах к оазису, о чем говорят его размеры - 10 га и цитадель 100x60 м.

Выявленная система расположения памятников первых веков н.э. в восточной части Южного Согда указывает на сохранение в районах близких к предгорьям микрооазисной системы расселения. Но внутренняя структура микрооазисов по сравнению с предыдущим периодом усложняется, а сами они зачастую смыкаются, образуя единую культурную зону. Сходные процессы максимального антропогенного освоения районов отмечаются исследователями и в Кушанской Бактрии. В древнем Кеше группы тепа (сельских агломераций) представляли собой сочетание различных типов поселений: укрепленных убежищ, значительных по площади поселений со сплошной застройкой, отдельных домов-усадоб.

Начиная с рубежа нашей эры в микрооазисах выделяются лидирующие городища правильной формы и обязательно с цитаделью. Скорее всего, подобные тенденции связаны с усилением экономической мощи области и централизацией власти. Именно этим периодом датируется строительство в Кеше крупных магистральных каналов, например, Пистахона, забирающего воду из Кашкадарьи для группы тепа в нижнем течении Шуробся, и Макридского - в предгорьях Зарафшанского хребта.

Имеющиеся сейчас в нашем распоряжении материалы не позволяют сделать какие-то определенные выводы по проблеме административного устройства древнего Кеша. Можно только предположить, что какие-то формы управления из центра существовали и на местах, особенно там, где требовалось проведение больших ирригационных работ. В то же время, наблюдаемая преемственность в типах сельских поселений с эпохи раннежелезного века, как и сама материальная культура, свидетельствуют о сохранении ведущей роли за общинным землепользованием. Появление нового типа сельского поселения (ок. 5 га) со сплошной застройкой, состоящего из крупных домовладений, на наш взгляд, служит еще одним подтверждением этого вывода. О существовании подобных поселков в античный период, жители которых занимались зачастую и товарным производством ремесленной продукции, писали исследователи Парфии, Маргианы, Северной Бактрии и Хорезма¹. В Восточной Кашкадарье свидетельства гончарного дела, направленного на рынок, выявлены на поселении Сарайтепа. По-видимому, именно такие общинные поселения, не переросшие еще в городки, но обладающие значительным экономическим потенциалом, определяли своеобразие античного Кеша. Большую роль играло и географическое положение Восточной Кашкадарьи, через территорию которой проходили транзитные торговые пути из Северной Бактрии в Центральный Согд, что, наряду с горнодобычей, являлось одной из основ экономики области.

После рубежа н.э. количество подрайонов расселения в изучаемом оазисе достигает тридцати трех, культурно-хозяйственных районов – пятнадцати, что близко числу рустак, зафиксированных средневековыми арабскими источниками. Наиболее характерными чертами развития области с этого времени являлись свободный характер расселения жителей, что говорит о наличии значительных запасов земли для последующего освоения, а также поступательность обживания новых районов и культурная преемственность, свидетельствующая о мирном характере жизни в оазисе.

По нашему мнению, восточные районы Южного Согда являются наглядным подтверждением специфики развития процессов градообразования в различных областях Средней Азии в античный период. Менее урбанизированная, чем в соседней Бактрии, культура Кеша значительно легче перенесла потрясения переходного периода. В конце эпохи античности поселения области сохранили многие элементы высокой культуры предшествующего времени, явившиеся основой ее расцвета в пору раннего средневековья.

Литература:

1. Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. н.э. Ташкент, 1981.
2. Кабанов С.К. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища // Изв. АН УзССР. Серия общественных наук. № 2. Ташкент, 1957.
3. Кашкадарьинская область. Т.1. Кн.14. Природа // Труды САГУ. Нов. серия. Географические науки. Вып.155. Ташкент, 1959.
4. Кошеленко Г.А. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 году // КСИА. Вып. 95. М., 1963.
5. Крашенинникова Н.И. Прошлое Китаба // Вехи времен. Ташкент, 1989.
6. Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973.
7. Лушпенко О.Н. К вопросу о локализации Наутаки // Урта Осиё тарих ва археологиясининг долзарб муамолари. Ташкент, 1995.
8. Неразик Е.Е. Сельское жилище Хорезма (I-XIV вв.). М., 1976.
9. Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.
10. Пилипко В.Н. Раскопки поселения Гарры-Кяриз // АО. 1971. М., 1972.
11. Сагдуллаев А.С. Памятники материальной культуры Южного Согда эпохи железного века // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент, 1987.

¹ Пилипко В.Н. Раскопки поселения Гарры-Кяриз // АО. 1971. М., 1972. С.536; Кошеленко Г.А. Раскопки на поселении Джин-депе в 1961 году // КСИА. Вып.95. М., 1963. С.79-82; Литвинский Б.А. Древний среднеазиатский город // Древний Восток. Города и торговля. Ереван, 1973. С.124; Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978. С.110-111; Неразик Е.Е. Сельское жилище Хорезма (I-XIV вв.). М., 1976. С.217-218.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУД СЛОЖНОГО ГЕОХИМИЧЕСКОГО СОСТАВА СРЕДНЕВЕКОВЫМИ РЕМЕСЛЕННИКАМИ ВОСТОКА

В юго-восточной части цитадели Амира Темура в 1988 году археологами были открыты остатки жилого дома конца XIУ-ХУ вв., в полуподвальном помещении которого обнаружены детали железного доспеха тяжеловооруженного воина-всадника (Абдуразаков, Лебедева, 1996, с. 91-92). Два наиболее сохранившихся фрагмента пластин доспеха, имевших металлические зоны, достаточные для металлографического исследования, были отобраны автором данных строк и переданы доктору техн. наук, проф. Ю.Г.Гуревичу. Анализ был осуществлен в металлографической лаборатории на кафедре металлов Курганского машиностроительного института (Папахристу, 1996, с. 148-153).

Изучение образцов показало, что после полировки пластин доспеха поверхность шлифов покрывается защитной пленкой. Кристаллическую структуру длительным травлением азотной кислоты выявить не удалось.

Под микроскопом (с увеличением в 200 раз) на шлифах отмечается слоистое строение материала, полосы располагаются в продольном направлении. Гомогенные зоны чередуются с гетерогенными. Выявляются три структурные составляющие, имеющие разный цвет и микротвердость. Химическим анализом, кроме железа, обнаружены Si - менее 1,0% и Cr -0.8%.

Светлая структурная составляющая обладает высокой микротвердостью (16000 -18000 МПа¹), средняя толщина - до 75 мкм, доля в общей массе - 23%, что характерно для карбидов. Химический состав материала дает основание полагать, что эта составляющая содержит большое количество цементита (карбида железа), легированного карбидами хрома. Форма карбидной составляющей - монолитная, иногда встречаются вкрапления более мягких структур.

Светло-серая составляющая представляет собой многофазную структуру. Ее микротвердость - 7000 -7200 МПа, средняя толщина - до 150 мкм, доля в общей массе -40%. Такая микротвердость характерна для закаленной высокоуглеродистой стали (мартенсит). В структуре имеются включения вторичного цементита.

Темно-серая составляющая мягкая, микротвердость - 4000-4200 МПа, средняя толщина - до 150 мкм, доля в общей массе - 37%; характерна для низкоуглеродистой эвтектоидной стали, имеющей перлитно-ферритную структуру.

Итак, металлографическое исследование показывает, что доспех конца XIУ-ХУ в. представляет собой композиционный материал - образец лучшей стали того времени, называемой сварочным булатом. В качестве одной из составляющих мастера использовали, по-видимому, природно-легированную хромом сталь, приготовленную в тигле. Как представляется, наличие в одной из составляющих композиционного материала большого количества цементита, легированного карбидами хрома, свидетельствует о том, что средневековые ремесленники умели распознавать и пользоваться железными рудами сложного геохимического состава. О том, что в железо-производящей промышленности Средней Азии мастера использовали железную руду сложного геохимического состава уже в IX-ХII вв. отмечалось в археологической литературе неоднократно, в связи с изучением тигельного производства сталей в Ахсикете (Папахристу, 1995: 86-90). Вместе с тем, в рассмотренном образце конца XIУ-ХУ вв., использованы руды, природно-легированные хромом, а хрому, как известно, присуща очень высокая температура плавления. В современной металлургии хром, как легирующий компонент, широко используется технологами, ибо даже небольшие его добавки придают стали невероятную твердость и износостойкость. Но это современная металлургия.

Присутствие в составе стали археологического образца хрома, казалось невероятным, а анализ неправдоподобным.

Однако в литературе появилось аналитическое исследование серии средневековых стальных изделий из Ирана, которые происходят из коллекции Танаволи (Allan. Gilmour, 2000). Среди прочих объектов, исследователями изучены кресала XI-XV вв. Электронным микроанализом (EPMA) были исследованы три кресала. Один образец представляет для нас особый интерес (Allan, Gilmour, 2000: 484). Это кресало из тигельной стали, с углеродным содержанием 1,5-2%. Из основных элементов в стали присутствуют: Cr - 1,2%, Ni - 0,3%, Mn - 0,3%, S - 0,1%, P - 0,08%, V - 0,05%, Si - 0,03%. Распределение элементов неравномерное. Наблюдаются присутствие свобод-

ных зон цементита, которые содержат в среднем 3,2% Сг и 0,2% V. Тогда как, концентрирующиеся вокруг этих зон, участки имеют 0,7 % Сг и 0,02 % V. Как контраст в последних участках более Ni и P, нет Si в цементите, наибольшая комбинация Mn и P как марганцевых сульфидных включений.

По мнению исследователей, сталь изготовлена тигельным процессом и, более вероятно, ее выплавляли в тиглях, используя при этом смесь чугуна и кричного железа. Предполагается, что для изготовления данного предмета могли быть использованы хромосодержащие магнетитовые руды горного района Загрос, который может быть локализован с центром тигельной индустрии стали в юго-западном Иране, как часть индустрии Фарса, упоминаемого ал-Кинди в IX в.

В заключение, я хотела бы выразить свою признательность и благодарность доктору Пол Креддок (Британский Музей), который любезно указал мне на данное совпадение и прислал данные из монографии Дж.Аллан и Б.Гилмор.

Литература:

Папахристу О.А. Опыт реконструкции черной тигельной металлургии Ахсикета IX–XII вв. // ОНУ, № 2-3, Ташкент, 1995.

Папахристу О.А. Доспехи воина из цитадели Амира Темура // ОНУ, № 7-10. Ташкент, 1996.

Абдуразаков А.А., Лебедева Т.И. Реставрация жилого дома XIУ-XУ вв. из цитадели Темура // Амир Темур ва унинг дуне тарихидаги урни (Тезисы докладов). Самарканд, 1966.

Allan J., Gilmour B. Persian Steel (The Tanavoli Collection). Oxford, 2000.

МПа (Мега Паскаль) - единица измерения давления и механического напряжения.

*А.А. Раимкулов
(Самарканд)*

ХРИСТИАНСКИЙ ХРАМ-МОНАСТЫРЬ КОШТЕПА В НАХШАБЕ: СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ И ЗАПАДНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Археологические исследования, проводившиеся на территории древнего Согда, практически всегда, завершались открытием новых уникальных памятников.

В начале 90-годов на территории Южного Согда (территория современной Кашкадарьинской области Узбекистана) в 1,5 км от средневекового столичного города Нахшаб (Насаф), в поселке Шайхали, близ современного города Карши, в прилегающей территории крупного поселения Коштепа нами был раскопан уникальный полуподземный архитектурный комплекс. Коштепа вытянут по направлению север - юг, имеет размеры 250 X 100 м, высоту 12-13 м. В южном конце холма возвышается цитадель. Памятник окружен оборонительным рвом шириной 15-20 м. Со всех сторон от рва имеются сильно оплывшие, плоские всхолмления. В последние годы эта территория, практически, полностью сnivelирована. На этом месте во время расширения современного стадиона зафиксированы керамические находки. Археологическое изучение данной территории завершилось открытием уникального архитектурного комплекса (рис. 1) (Раимкулов, 1997).

Комплекс представляет собой двухчастное сооружение, состоящее из тринадцати разнообразных помещений, нижняя часть которых была заглублена в землю (наземная часть его полностью сnivelирована при расширении стадиона). Западной части комплекса принадлежат помещения № 6-11 и № 13: восточной № 1-5 и № 12. В северной части этих помещений располагался двор, скорее всего, с айваном. Его неровный пол был открыт на глубине 20-25 см от современной поверхности.

Помещения западного комплекса расположены в следующем порядке. Вход в комплекс начинался со стороны айвана, через крестообразный в плане коридор (помещение № 13), размерами 4,60x1,50 м. В северной стене коридора имеется ниша, нижняя часть которой начинается от пола. На полу находился полувкопанный хум. Коридор кончается двухъярусной ступенчатой суфой, где расположен полукруглый очаг. Пол коридора постепенно понижается вглубь до 50 см. От входного коридора имеется проход в другой коридор меньших размеров (помещение № 7). К востоку от него расположено длинное помещение (пом.№ 6). Полы этих помещений зафиксированы на глубине 75 см от поверхности, т.е. на 50 см ниже пола айвана.

К югу от маленького коридора в один ряд расположены четыре помещения (помещения № 8-11). Пол помещения № 8 находится на глубине 1,25 м, т.е. на 50 см ниже уровня пола помещения № 7. Перед входом имеется ступенька. Южнее расположены помещения № 9 и № 10. Полы этих помещений расчищены на глубине 1 м. В процессе исследования выяснилось, что этот пол был верхним, а стена между помещениями № 9 и № 10 оказалась поздней, т.е. до возведения данной стены помеще-

ния № 9 и № 10 являлись единой комнатой размером 4,18 x 3 м. Пол данного помещения обнаружен на глубине 1,80 м, т.е. на 55 см глубже уровня пола помещения № 8. Как и в помещении 8, здесь перед входом сооружена ступенька. В помещении вдоль всех стен имеются суфы, а между суфами - четырехугольный подиум-алтарь размером 71 x 67 см, высотой 23 см. На поверхности алтаря имеются следы огня. На каком-то этапе обживания алтарное помещение теряет свое назначение и заполняется рыхлым песчанистым грунтом толщиной около 80 см, а сверху настлается новый пол и возводится вышеотмеченная стена. Причина этого переустройства пока неизвестна.

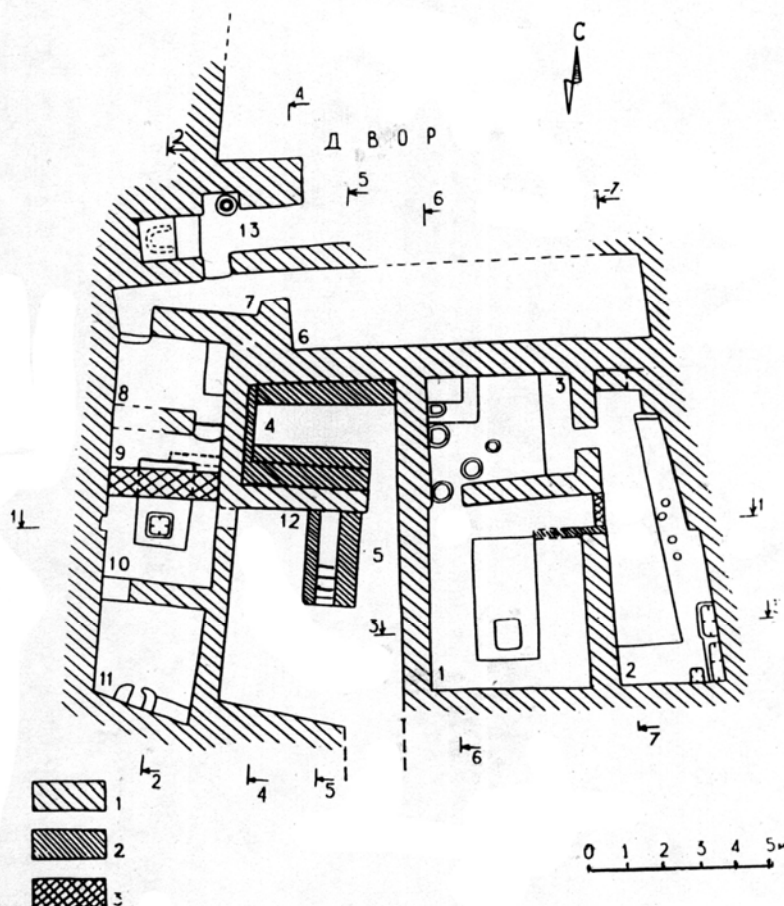

Рис. 1. План раскопа.

К югу от алтарного помещения расположено помещение №11. Пол помещения находится на глубине 1,63 м т.е. на 17 см выше пола алтарного помещения. Под южной стеной расположены суфа и огромный, сильно закопченный очаг. Очаг, видимо, сооружен позже, когда алтарное помещение прекратило функционировать.

За восточной стеной вышеописанных помещений располагались еще три помещения (№12, №4 и №5). Главный вход шириной около 1,5 м находился в юго-восточном углу комплекса. Полы этих помещений выявлены на глубине 1,20 м от современной поверхности. Внутренний интерьер этого комплекса выглядел так. В середине помещения №12 размещалась ступенька, ведущая на верхнюю площадку, которая расположена над помещением №4. О наличии этой площадки свидетельствует кирпичное сводчатое перекрытие помещения №4. Рядом со ступенькой имеется маленький коридор (помещение №5), ведущий в помещение №4. Помещение №4 имеет размер 3,80x1,65 м, с южной стороны огорожено тремя рядами стен. Самая южная стена, смежная с помещением №12, пахсовая, затем изнутри сооружается еще одна стена. Затем с двух сторон возводится третья стена, которая наверху заканчивалась сводом. Пята свода начинается прямо с пола. Остатки свода показывают, что внутренняя высота помещения №4 была не больше 1,5 м. Учитывая ширину сырцовых кирпичей, которые использовались при возведении свода, можно предположить, что, площадка над помещением

№4 находилась на высоте 1,80-1,90 м. В восточной стене этой площадки, по всей вероятности, находился вход, ведущий в восточный комплекс.

Восточный комплекс состоит из помещений №1-3. Наружного входа в комплекс не выявлено. Сюда спускались через вышеописанный вход с площадки над помещением №4. От входа начинается помещение №3, размерами 3,85 x 2,70 м. В северо-западном углу расположена двухъярусная суфа, где видимо, стояла временная лестница-стремянка, которая использовалась при спуске с вышеотмеченной площадки. Вдоль восточной стены сооружена широкая суфа, в этой же стене имеется также проход, с глиняным порогом. Сужение верхних частей прохода показывает, что высота его была всего около 1 метра. Почему проход сделан таким низким и еще с порогом, неизвестно. В юго-западной части помещения на полу стояли пять полых цилиндрических изделий, с прямыми стенками из красноватой керамической глины толщиной 2,5- 3 см. Самое большое из них имеет диаметр 55 см, самое маленькое - 32 см. Рядом с этими цилиндрами на полу стоял целый крупный котел, по наружной поверхности которого нанесены налепы, в виде плодоносных деревьев и сколопендры. О назначении этого котла и цилиндров мы расскажем ниже. Кроме того, были обнаружены другие кухонные котлы, со следами огня. Из этого помещения получен богатый археологический материал - обильный набор целых сосудов, терракотовые статуэтки, пряслице с библейским изображением «колодца», «родника жизни»¹ и т.д. Заполнение помещения состоит из очень рыхлого, однородного песчанистого грунта.

К востоку от пом. №3 расположено помещение №2. Оно представляет собой узкую комнату длиной 8,25 м. Ширина ее разная - от 1,20 до 2,90 м. В ее восточной стене имеются три изгиба, за счет чего комната постепенно расширяется к югу. Вдоль восточной и южной стен расположена высокая суфа. На ее поверхности имеются четыре круглых углубления конической формы, диаметром 20-25 см, глубиной 7-8 см. В юго-восточном углу помещения на поверхности суфы имеются три прямоугольных углубления с сырцовыми бортиками в виде ящика. Прямо в центре помещения на полу обнаружены еще два, горизонтально лежащих, необожженных цилиндра длиной 66-69 см. Практически, все они были раздавлены. В северном конце помещения, на 10 см выше уровня пола, имеется ниша с арочным оформлением. Ширина и высота ее входа 60 см. Скорее всего, эта ниша вырублена в нижней части пристенной тумбы, возможно, и пристенного алтаря, но ее верхняя часть сnivelирована. Заполнение помещения состоит из очень рыхлого, песчанистого грунта.

К югу от пом. №3 расположено помещение №1. Оно является самым большим в восточном комплексе. Размеры его 5,25 x 4,35 м. В северо-восточном и северо-западном углах имеются проходы. Рядом с северо-восточным проходом находилась тонкая стенка-перегородка, которая образовала тамбур, но в конце существования здания была разобрана. Вдоль всех стен имеются суфы, высотой всего около 10 см. Между ними - четырехугольный подиум - алтарь 80x70 см, высотой 10 см. На его поверхности зафиксированы следы огня. Заполнение помещения, как и предыдущих, состоит из очень рыхлого, песчанистого однородного грунта.

Данный архитектурный комплекс построен примерно во второй половине VI в. и, по всей вероятности, в первой четверти VII в. по неизвестным нам причинам прекращает свое существование². В это время все проходы культовых помещений замуровываются сырцовыми кирпичами (в это время была разобрана вышеотмеченная стена-перегородка в помещении №1), все культовые помещения намеренно засыпаются рыхлым песчанистым грунтом, все хозяйственные принадлежности монастыря (керамическая посуда, светильники, в том числе, и керамические необожженные цилиндры-заготовки) были оставлены в помещениях. Несмотря на утрату своего функционального назначения, как алтарное, так и помещения №9 и №10 не теряли своего культового значения и как все культовые помещения специально были засыпаны рыхлым песчанистым грунтом. Остальные вспомогательные помещения просто были заброшены.

Это оригинальное здание несомненно несет культовый характер. Его архитектура, планировка и приемы строительства не находят себе аналогов на территории Средней Азии. И все же многие ее внутренние архитектурные элементы известны в других культовых комплексах Средней Азии, а также соседних и отдалённых регионов.

Внутреннее убранство этого комплекса находит много идентичных элементов во внутреннем интерьере христианского пещерного монастыря, расположенного близ кишлака Айвадж в Южном Тад-

¹ Об этом пряслице автором готовится специальная статья.

² Данный архитектурный комплекс датируется с помощью археологических материалов полученных из помещений восточного комплекса, в помещениях западного комплекса керамических материалов практически не было. Во дворе, в маленькой яме была найдена башнеобразная курильница, в стволе которой, имеются три крестообразные отверстия. На территории Южного Согда курильница подобной формы встречается вперые.

жикистане. В пещерном монастыре тоже имеется полувкопанный хум, углубления для сосудов, ступеньки перед некоторыми входами, разные уровни полов и т.д. (Атаханов, Хмельницкий, 1973, с.187-204). Видимо, наличие хума являлось одним из необходимых элементов внутреннего убранства христианских культовых сооружений, поскольку в северо-западном углу одного из помещений христианского храма Коштепа I, близ селения Утамас в Ургуте, также обнаружено углубление для хума (Исаков, Ташходжаев, Ходжайов, 1977, с. 93). Что интересно, после прекращения существования айваджский пещерный монастырь тоже был засыпан рыхлым песком и это обстоятельство свидетельствует о близости назначений этих двух комплексов.

Здание Б в Коштепа 2, расположенное рядом с Коштепа 1 в Ургуте, тоже имело серое песчанистое заполнение. Видимо, оно тоже была засыпано специально, поскольку поверх него построено другое здание, которое датируется второй половиной VII - первой половиной VIII вв. Позже остатки здания В были забутованы рыхлым слоем, со строительным мусором, на котором построено здание Г. Здание Г датируется концом VIII - началом XI вв. (Исаков, Ташходжаев, Ходжайов, 1977, с. 95).

По нашему мнению, рядом с Коштепа 1, выполнявшим функцию христианского храма одновременно существовало и жилище-монастырь, которое несколько раз разрушалось и строилось заново. В течение нескольких столетий это здание два раза покидали жители и на это время некоторые культовые помещения специально засыпались серым песчанистым грунтом, как Коштепа, или вторично рыхлым строительным мусором.

Полученные материалы на разных территориях показывают, что рыхлый надувной песок или песчаный грунт широко применялись в различных религиозных обрядах христианского населения Средней Азии. Например, рыхлым песком были заполнены христианские погребения некрополя Старого Мерва, где был обнаружен и хум, в котором находились детские скелеты, присыпанные просеянной землей (Сусенкова, с.101). Несколько погребений в хумах с рыхлым песком (натечным слоем) были зафиксированы О.В.Обельченко в Мервском кладбище (Обельченко, с.88-89, 95).

На Коштепа в помещении №1, рядом с северо-восточным проходом, имелась стенка-перегородка, которая образовала тамбур (потом эта перегородка была разобрана, а ее кирпичи использовались для замуровывания внутренних проходов - Р.А.). Подобные перегородки широко известны: много раз встречались в алтарных помещениях и святилищах в раннесредневековых жилых и культовых комплексах. В айваджском пещерном монастыре вместо стен имелись три толстые горизонтальные палки.

Стенки - перегородки, которые образовывали тамбур перед входом в святилище, в археологических памятниках VII-VIII вв. на территории Средней Азии часто встречаются и всегда считались зороастрийскими. Подобные алтарные помещения были характерны и для несторианских алтарных помещений. Как указывает автор книги «Несторианское право» Ибн ат-Тайиб (XI в.), в несторианских алтарных помещениях против прямого попадания света, перед входом должна находиться стена-перегородка или темная занавеска (Ibn at-Taiyib, S.107-108). Видимо, в айваджском монастыре вместо стен тамбура использовалась темная занавеска, о чём свидетельствуют три толстые горизонтальные палки. Это показывает, что алтарные помещения Коштепа и пещерное помещение в айваджском монастыре построены по несторианским религиозным правилам. Этот факт доказывает, что среди ранее вскрытых среднеазиатских культовых помещений с тамбурами, которые практически всегда считались зороастрийскими, были и христианские.

Другим, близким по характеру к Коштепа, может быть архитектурный комплекс, раскопанный на территории городища Пайкенд в Бухарской области Узбекистана, который назван «химической лабораторией» (Мухаммеджанов, Семенов, 1986, с.210-220). Комплекс существовал во второй половине VIII в. В нём на поверхности суфы тоже обнаружены аналогичные прямоугольные углубления, В отличие от наших, эти углубления были без сырцовых бортиков. В конце существования пайкендского комплекса проходы помещений «...были заложены сырцовым кирпичом, а сами помещения до сохранившегося верха - чередующимися рядами обломков кирпичей и строительного мусора.» (Мухаммеджанов, Семенов, 1986, с.217). Данный, видимо, уже канонизированный ритуал, отмеченный в Коштепа, в химической лаборатории Пайкенда, в здании рядом Коштепа 1 в Ургуте, а также в айваджском пещерном монастыре, несомненно свидетельствует о едином вероисповедании служителей этих сооружений.

Вышеотмеченное прямоугольное «корытообразное» углубление, заполненное мощным зольником, имеется в церковном комплексе Ак-Бешима (Семенов, 2002, с. 56).

Возможно, общественное здание, с изображением христианского креста на наружном фасаде, раскопанное у юго-восточных ворот шахристана III городища Канка (средневековый Харашкет) в Таш-

кентской области Узбекистана (Богомолов, 1995, с. 77), по характеру было близко к пайкентской лаборатории, возможно, там тоже работали врачи-христиане.

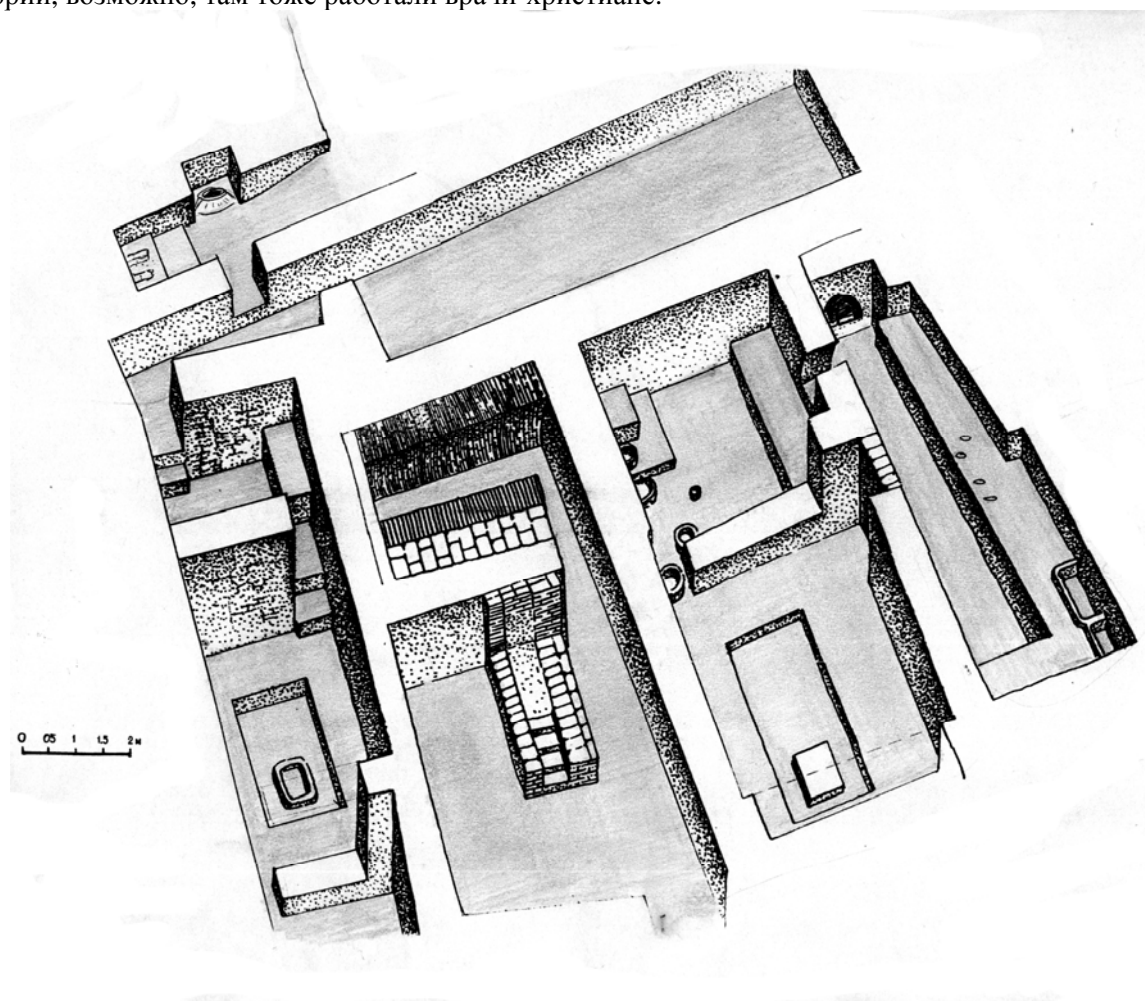

Рис. 2. Аксонометрия

Наиболее близким нашему комплексу, видимо, является Варрык - депе, которое расположено рядом с Мервским кладбищем. В Варрык-депе заложена длинная траншея, и там были обнаружены три параллельно идущие стены. Между этими стенами зафиксированы очень массивные песчанистые слои (Обельченко, 1969, с.97). Автор раскопа О.В.Обельченко считает, что здание на Варрык-депе является составной частью погребального комплекса древнего Мерва.

Рядом с Варрык-депе, в Мервском кладбище обнаружены несколько погребальных керамических цилиндров с человеческими останками. Размеры их одинаковы: длина 60 см, диаметр 30 см. Эти погребальные цилиндры были интерпретированы автором как христианские (Обельченко, 1969, с. 97). Несомненно, именно подобные цилиндры изготавливались и в храме-монастыре Коштепа в Нахшабе, о чем свидетельствует их необожженность. В крупном котле, который снаружи не имеет копти огня, по всей вероятности, перемещали и изготавливали специальную керамическую глину для формовки погребальных цилиндров.

В 1966-1967 гг. раскопочные работы на Варрык-депе вновь возобновились под руководством В.Н.Пилипко и тогда были получены дополнительные материалы. Правда, этих материалов оказалось недостаточно для уточнения функционального назначения памятника. В ходе работ были обнаружены остатки помещения, тщательно заложеного сырцовым кирпичом. Кроме того, в юго-восточной части памятника частично расчищены остатки помещения, перекрытого сводом длиной 25 м, шириной не менее 3-4 м (Пилипко, 1980, с. 40).

Полученные археологические материалы последних лет в Средней Азии позволяют нам высказать некоторые соображения по поводу функционального назначения здания в Варрык-депе. Близость памятника к загородному мервскому некрополю, в какой-то мере, определяет его культовый характер. Несомненно, культовым является помещение, заложеное сырцовым кирпичом, о чем свидетельствуют вышеприведенные аналогичные данные. По своему характеру здание на Варрык-

депе, видимо, очень близко к недавно вскрытому церковному комплексу на территории городища Ак-Бешим (Семенов, 2002, с.44-114).

В церковном комплексе городища Ак-Бешим тоже имеется помещение длиной около 25 м, шириной почти 5 м. Как полагает В.Н.Пилипко, в центральной части Варрык-депе было незаостренное пространство (двор?). Подобное пространство - двор размером 18 x 30 также имеется в церковном комплексе Ак-Бешим. Многочисленные керамические материалы и шлаки свидетельствуют о производственной деятельности жителей Варрык-депе.

Все археологические материалы из Варрык-депе и из мервского некрополя, полученные в период с 1955 по 1967 гг. показывают, что в позднепарфянское и раннесасанидское время в Варрык-депе, видимо, функционировала христианская церковь, подобная церкви Ак-Бешима и монастырь огражденный крепостной стеной. Жители монастыря - монахи, кроме их прямых обязанностей в церкви и некрополе, занимались и ремесленной деятельностью, в том числе и производством керамики, погребальных цилиндров-кубуров, как в нашем Коштепа в Нахшабе. Церковный комплекс вместе с монастырем, где были найдены монеты позднепарфянской эмиссии и сасанидского правителя Арташира I (224-242 гг.), видимо, является самым древним среди известных христианских культовых сооружений Средней Азии, поскольку в списке епископов сирийской церкви 224 г. упоминается епископ Дайлама - области к югу от Каспия (Никитин, 1984, с.121). По свидетельству Бируни, христиане появились в Мерве через 200 лет после смерти Христа (Бируни, 1957 с. 333).

Позже З.И.Усманова по поводу функционального назначения здания в Варрык-депе высказала более конкретное мнение, «...что здесь жили люди, объединенные в «братства», занимавшиеся погребением мёртвых и поддержанием порядка на кладбище, заодно они же изготовляли по мере необходимости кирпич, керамику, кобуры (имеется в виду керамические погребальные цилиндры - Р.А.), оссуарии (Усманова, 1995, с.32).

Во вскрытом христианском доме на Дура Европос тоже имеются некоторые идентичные архитектурные элементы. (Wessel, Restle, 1966, S.1221-1224, Abb. 2) храма Коштепа. Как и в помещении №12 в Коштепа, в христианском доме на Дура Европос также встречаются ступеньки, ведущие на второй этаж и дальше на крышу. Возможно, наши ступеньки тоже выполняли такую же функцию, поскольку помещение №4 имеет три ряда стен, видимо, они не были построены только лишь для основания очень небольшой площадки при входе в восточный комплекс, а на левой стороне, видимо, имелось продолжение ступенек, ведущих на крышу. По несторианскому религиозному обряду крыша храмов и церквей использовались для совершения некоторых религиозных ритуалов. У Абу Райхана Бируни имеется очень интересное сообщение: «А что касается дней, относительно которых (несториане) согласны с (мелькитами), но расходятся во времени и (обрядов) их празднования, то это, например, Малаьса, то есть (день) когда (несториане) выходят из предела храма на его кровлю. Это делается в память возвращения израильтян в Иерусалим и называется (этот обряд) «освящением церкви» (Бируни, 1957, с.353). Кроме того, в этом христианском доме в Дура Европос, в культовом помещении имеется богато оформленный пристенный алтарь.

Как и в раннесредневековых жилых и культовых комплексах нашего региона, в христианском доме в Дура Европос имелись парадные, жилые, хозяйственные и культовые помещения. В культовом помещении имеется пристенный алтарь, который очень часто встречается на территории Средней Азии.

Как выше отмечалось, во внутренних мелких архитектурных элементах и других чертах храм-монастырь Коштепа находит значительные параллели. Однако характер планировки и строительства в целом не имеет аналогов на территории Средней Азии. Известные христианские архитектурные памятники, такие как церковь Хароба Кошук (Пугаченкова, 1954), монастырь «Овальный дом» (Дресвянская, 1974) в Туркменистане, церковь на городище Ак-Бешим (Кызласов, 1959), монастырь Таш-Рабат (Пантусов, 1902) в Киргизии и др. - все они являются наземными и строились либо вровень с землей, либо на невысоком цоколе, либо на высоком стилобате. В отличие от них нижняя половина архитектурного комплекса Коштепа была заглублена в землю. Наземная его часть, как и у других сооружений этого времени, была высотой не менее 2,5 м, а общая высота храма, с внутренней стороны составляла около 4,5-5 м.

Подобный метод строительства широко применялся при возведении церковных зданий в Византии. Раскопанные древние византийские церкви на территории Турции в области Каппадокии также, как Белли килисе (название «килисе» по турецки означает церковь - Р.А.), и в местности Соганли и Дурмуш килисе в местности Мачан, на одну треть также находились ниже уровня современной поверхности. В местности Гореме имеются остатки очень крупной полуподземной церкви, с десятками

капелл. Остатки каждой капеллы местным населением называются как отдельные килисе-церкви, как Сакли килисе, Кулучлар килисе, Токалы килисе и т.д. (Wessel, Restle, 1978).

Известные христианские памятники Средней Азии, как церковь Хароба Кошук и обе церкви на Ак Бешиме, по характеру своей планировки в основном находят аналоги и на территории Сирии и Ирана (Высоцкий, 1990). В архитектуре монастыря Таш-Рабат и христианского храма в Старом Термезе использована крестообразная планировка, и автор раскопок термезского храма Л.И.Альбаум приводит ряд аналогий из армянской церковной архитектуры (Альбаум, 1995, с.39).

Анологичные данные показывают, что в строительстве храма-монастыря Коштепа в Нахшабе применены основные традиционные приёмы и элементы общехристианской культовой архитектуры, и, несмотря на большое расстояние, она находит свои параллели именно в черте этого круга.

Литература:

1. Альбаум Л.И. Христианский храм в Старом Термезе. Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
2. Атаханов Т.М., Хмельницкий С.Г. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968-1970 гг. // АРТ, вып. X. М., 1973.
3. Бируни. Памятники минувших поколений. Сочинение, том 1. Ташкент, 1957.
4. Богомолов Г.И. О христианстве в Чаче. Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
5. Высоцкий А.М. Христианский памятник на поселении Дуге-чакын около Мерва: интерпретация, датировка, реконструкция // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. Древность и средневековье. М., 1990
6. Дресвянская Г.Я. «Овальный дом» христианской общины в Старом Мерве // Тр.ЮТАКЭ, том XV, Ашхабад, 1974.
7. Исаков М.М., Ташхождаев Ш.С., Ходжайов Т.К. Раскопки Коштепа // ИМКУ. Вып. 13, Ташкент, 1977.
8. Кызласов Л.Р. Исследование на Ак-Бешиме в 1953-1954 гг. //Тр КАЭЭ, том II. М., 1959.
9. Никитин А.Б. Христианство в Центральной Азии. //Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.
10. Мухаммеджанов А.Р., Семенов Г.Л. Химическая лаборатория в Пайкенде (Работы на «Центральном» раскопе в Пайкенде в 1982-1983 гг.). // ИМКУ, вып. 20, Ташкент, 1986.
11. Обельченко О.В. Некрополь древнего Мерва (материалы раскопок 1955 г.// Тр. ЮТАКЭ, том XIV, Ашхабад, 1969.
12. Пантусов Н.Н. Таш-Рабат. Известия императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург, 1902
13. Пилипко В.Н. Разведывательное изучение Варрык-депе в окрестностях Старого Мерва //Тр. ЮТАКЭ, том XVII, Ашхабад, 1980
14. Пугаченкова Г.А. Хароба Кошук // Известия Академии Наук Туркменской ССР. № 3. Ашхабад. 1954.
15. Раимкулов А.А. Своеобразный культовый комплекс Южного Согда // ИМКУ. Вып. 28, Самарканд 1997.
16. Семенов Г.Л. История археологического изучения Ак-Бешима // Суяб Ак-Бешим. СПб., 2002
17. Усманова З.И. Христианские памятники Туркмении // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995.
18. Ibn at Taiyib. Fiqh an-Nasraniya «Das Recht der Christenheit». II. Teil Uebersetzt von W.Hoenerbach und O.Spies. Louvain Impimerie Orientaliste L.Durbecq. 1957.
19. Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Herausgegeben von K.Wessel unter mitwirkung von M.Restle, Lieferung 8, Stuttgart, 1966.
20. Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Herausgegeben von K.Wessel M.Restle, Band III, Stuttgart, 1978.

*В.Д. Рузанов
(Самарканд)*

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА САПАЛЛИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ТИПЫ, ХИМИКО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Многочисленен и морфологически разнообразен металлический инвентарь сапаллинской культуры, существовавшей на юге Узбекистана во II тыс. до н.э. Он представлен орудиями труда и оружием, украшениями, культовыми изделиями, предметами домашнего быта и туалета. Среди туалетных поделок привлекают внимание зеркала, выделяющиеся своей массивностью, относительным типологическим разнообразием и высокохудожественным исполнением (ручек для зеркал). Некоторые из этих находок, вместе с другими категориями вещей, уже рассматривались в общих работах, посвященных материальной культуре оседлоземледельческих племен Южного Узбекистана, где проводились типологические подразделения и приводились изображения предметов (Аскарлов, 1973; 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Аскарлов, Ширинов, 1993). Однако за рамками данных трудов остались весьма важ-

ные аспекты исследования, в частности, - химический состав металла зеркал, их металлургическая характеристика. Между тем решение данных проблем дает базовый материал для историко-металлургических заключений, например, о исходных рудных районах или источниках металла, рецептуре сплавов, направлении связей, происхождении типов вещей и технологии их изготовления.

В настоящей работе обобщаются результаты типологического и спектроаналитического изучения группы зеркал из памятников сапаллинской культуры. Удалось исследовать химический состав металла 18 экземпляров из поселения Сапаллитепа, могильников Джаркутан 3 и 4 А, В. Среди них у 4 зеркал к диску, с боку, припаяна ручка: металл этих ручек также был проанализирован. Химический состав находок изучен с помощью спектрального анализа, сделанного в лаборатории естественно - научных методов Института археологии АН РФ.

В начале рассмотрим результаты типологического анализа зеркал. По форме ручки, диска и характеру крепления ручки к диску они подразделяются на 6 конечных типологических разрядов (КТР) или типов (табл.1). Схематическое изображение представителей типов приведено в таблице 3. Там же даны количественные показатели спектрально проанализированных образцов выделенных разрядов.

Таблица 1

Схема дифференцирующих признаков зеркал

Тип 2 - зеркало без ручки, с загнутым краем диска происходит из могильника Джаркутан 4 В (раскопки В. Ионесова). Диаметр диска 130 мм, толщина: в средней части диска 4 мм; по краям – 2 мм.

Ареал распространению зеркал этого типа широк. Кроме Узбекистана, они были также популярны на юге Туркмении (Кузьмина, 1966, табл. XIII, 12; Ганялин, 1967, рис.6; Кирчо, 1980, рис.5;5,6; Удемурадов, 1994, рис.2;4,7) и в Южном Таджикистане (Мандельштам, 1968, табл. V, 2-4; VI, 1-4; Пьянкова, 1989, рис. 61; 10, 11). Отдельные находки зеркал типа 2 известны в северных комплексах как земледельческих (Исаков, 1991, рис.64, 2), так и степных (Гулямов и др., 1966, табл. XVI, 7, 9) культур. За пределами среднеазиатского региона эта форма была распространена в Афганистане (Сарианиди, 1977) и других странах Древнего Востока.

Тип 4 - зеркала без ручки, с треугольным в сечении валиком по краю диска обнаружены в комплексах поселения Сапаллитепа (Аскаров, 1977, табл. XXXVII, 2, 4, 7, 9-12) и могильников Джаркутан 3, 4А (Аскаров, Абдуллаев, 1983, табл. XXX 1, 1, 3). Диаметр дисков варьирует в пределах от 86 мм до 160 мм, толщина - от 1,5 мм до 3 мм, высота валика - от 2 мм до 4 мм. Кроме размеров, образцы этого разряда различаются между собой профилем сечения диска: у одних он прямой, у других - слабо изогнут. Также известны экземпляры с прямым профилем диска и слабо изогнутыми его краями.

Зеркала типа 4 находят аналогии в памятниках Южной Туркмении (поселение Адам-Басан 6, раскопки И.С. Масимова), Афганистана (Casal, 1961, fig.139, 17; Сарианиди, 1976, рис. 50, 2; его же, 1977, табл.11, 8) и Ирана (Schmidt, 1965, pl. LTY, 3192).

Тип 6 - зеркала с боковой ручкой, с загнутым или прямым краем диска встречаются в материалах поселения Сапаллитепа (Аскаров, 1977, табл. XXXVII, 5), могильников Джаркутан 4А, В (Ионесов, 1990; Аванесова, 1991, рис. 3; 8, 9) и Бустан VI, VII (раскопки Н.А. Аванесовой). Большинство образ-

цов зеркал данного типа это маленькие копии. В отличие от литых образцов они сделаны путемковки: небольшой кусок проволоки расплющивали до пластинки, из которой затем вырезали форму диска и ручки. Размеры таких копий невелики: их длина колеблется в пределах от 27 мм до 44 мм, диаметр диска - от 10 мм до 20 мм. В результате схематического исполнения диски и ручки таких имитаций всегда получались плоскими. У литых зеркал нормальных размеров сечение ручки чаще всегда было линзовидным или прямоугольным, реже - круглым. Такое же круглое сечение имеет ручка сапаллинского образца. Её длина равна 45 мм. Интересно отметить, что в отличие от зеркал других типов, имеющих обычно круглый диск, диск литого зеркала типа 6 эллипсовидный. Его края слабо загнуты, однако в средней части диск прямой. Размеры диска: диаметр 70x89 мм, толщина 1,5 мм.

На территории Средней Азии аналогичные зеркала известны также в Южной Туркмении (Кирчо, 1980, рис. 3, 4), Южном Таджикистане (Мандельштам, 1968, табл. VIII, I; Пьянкова, 1989, рис. 61, 12) и в Северной Киргизии (Бернштам, 1941, рис. 1; Кибиров, Кожемяко, 1956, рис 2-4; Кузьмина, 1966, табл. XI, 6, 9; Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, рис 1, 2). Несколько таких зеркал найдены случайно в Ташкентской области и близ г. Душанбе (Пьянкова, 1989, рис. 82).

Кованные маленькие копии зеркал разряда 6, кроме южно-узбекистанских памятников, встречаются в комплексах Южного Таджикистана (Виноградова, 1980, рис. 4).

Тип 8 - зеркала с треугольным в сечении валиком по краю диска и припаянной с боку прямоугольной в сечении ручкой. В профиле диск прямой. Его размеры: диаметр 151 мм, толщина 1,5 мм, толщина валика 2 мм, Зеркало снабжено массивной ручкой длиной 161 мм, шириной 17-20 мм, толщиной 10 мм. Учтено 2 экземпляра: одно зеркало найдено на поселении Сапаллитепа (Аскарлов, 1977, табл. XXXVII, 1); второе происходит из могильника Джаркутан 4В (Ионесов, 1990). Последний образец отнесен к данному разряду условно, т.к. это уменьшенная копия, изготовленная в другой технологии (ковка). Аналогии данному типу зеркал нам не известны.

Тип 10 - зеркало с треугольным в сечении валиком по краю диска и припаянной с боку многосоставной ручкой, изготовленной из округлых в сечении стрежней, происходит с поселения Сапаллитепа (Аскарлов, 1977, табл. XXXVII, 3). Этот образец привлекает к себе внимание техникой исполнения ручки. Для нее, в качестве исходного материала, были использованы небольшие стержни длиной от 17 мм до 28 мм. Их складывали по трое и припаявали к другим стержням, примерно такого же размера, располагавшихся в той же плоскости, что и первые, но только перпендикулярно к ним. Затем начальный конец ручки припаявали к плоскому, грибовидному набалдашнику, имеющему паз, в который и устанавливали диск зеркала и с помощью пайки крепили его к ручке. Размеры ручки: длина 114 мм, ширина 16-19 мм, толщина 5 мм: диска: диаметр 142 мм, толщина 1,5 мм, толщина валика 2 мм. Диск слабо искривлен.

Пока сапаллинский образец - единственная находка и нам не известны аналогии такой технике изготовления зеркальной ручки ни на территории среднеазиатского региона, ни за его пределами.

Тип 12 - зеркала с треугольным в сечении валиком по краю диска и припаянной с боку ручкой в виде антропоморфной фигуры. Учтены 2 экземпляра из поселения Сапаллитепа (Аскарлов, 1973, табл. 25, 1; 32, 14; его же, 1977, табл. XXXVII, 6, 8). Ручки зеркал отлиты в виде фигуры стоящего человека, с опущенными вниз руками. Одна из этих фигур, с хорошо выраженной грудью, женская, другая, не имеющая такого признака, видимо, изображает мужчину. Размеры данных предметов туалета следующие. Зеркало с ручкой в виде женской фигуры: диаметр диска 182 мм, толщина 1,5 мм, толщина валика 3,5 мм: длина ручки 97 мм, ширина 24-48 мм, толщина 16,5 мм. Диск в средней части прямой, но его края слабо изогнуты. Сечение ручки эллипсовидное. У другого зеркала этого типа диаметр диска равен 179 мм, толщина 2 мм, толщина валика 3 мм, длина ручки 123 мм, ширина 27-40 мм, толщина 12-15 мм. Диск у этого образца слабо искривлен, сечение ручки эллипсовидно-подпрямоугольное.

Зеркала с ручкой в виде антропоморфной фигуры - редкий тип. В Южной Туркмении они не известны. За пределами Средней Азии встречено пока 2 экземпляра, в Северном Афганистане (Сарианиди, 1977, рис. 40,2) и в Белуджистане (Stein, 1931. P.XXX11). С. Пигготт (Piggott, 1962, 119, 146) допускает белуджистанское происхождение данной формы. В.И. Сарианиди (1977, с.78) связывает появление таких зеркал с иранским центром.

Теперь рассмотрим химико-металлургическую характеристику проанализированных зеркал. Сведения о химическом составе меди и бронз этой категории предметов туалета представлены в таблице 2. Как видим, металл находок богат примесями. В нем постоянно присутствуют олово, свинец, серебро, сурьма, мышьяк, железо, никель и часто золото. За некоторым исключением в состав также входят висмут и кобальт. Иногда встречается цинк. Среди этих примесей олово, мышьяк и свинец выделяются повышенными концентрациями, колеблющимися в пределах от десятых до целых долей про-

цента: в некоторых случаях их содержание оказывается весьма высоким (более 10%). Их других элементов заметно присутствие железа, содержание которого колеблется от десятых, реже сотых долей процента до 1,7%. Концентрация серебра, сурьмы и никеля невысока (от тысячных до первых десятых долей процента). Кобальт и золото встречаются спорадически и в небольших количествах (в тысячных долях процента)¹.

Таблица 2

Металлические зеркала Сапалинской культуры

Шифр лаборатории	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
17645	основа	1,0	2,0	-	0,008	0,2	0,3	2,0	1,2	0,05	0,002	0,001
17653а	основа	14,0	0,15	-	0,009	0,2	0,01	2,0	0,15	0,25	-	0,001
17653б	основа	0,25	0,1	-	0,008	0,025	0,05	1,0	0,02	0,06	-	0,001
17657	основа	7,0	0,4	-	-	0,01	0,01	0,9	1,2	0,02	0,002	0,001
17672	основа	1,5	2,3	-	0,008	0,2	0,01	1,6	0,45	0,25	0,002	0,001
17689	основа	2,4	0,07	0,03	0,008	0,03	0,03	1,1	0,25	0,05	-	0,001
17691а	основа	2,4	0,55	0,07	0,1	0,2	0,03	2,0	0,45	0,1	0,002	0,001
17691б	основа	0,45	0,55	0,03	0,055	0,2	0,03	0,5	0,02	0,1	0,002	0,001
17694	основа	0,1	0,2	1,0	0,02	0,1	0,15	0,6	0,63	0,03	?	0,001
17739	основа	0,05	0,01	-	-	0,003	--	0,02	0,25	0,001	-	0,001
18579	основа	5,0	0,25	-	0,015	0,003	0,025	1,0	0,05	0,04	?	0,0005
18657	основа	0,15	0,025	0,07	?	0,0005	0,003	1,6	0,8	0,005	-	-
18658	основа	11,0	0,015	~?	0,003	0,001	0,025	0,8	0,07	0,04	0,0015	-
18659	основа	0,3	0,5	0,8	0,02	0,088	0,03	1,7	0,3	0,15	0,0025	0,001
18660	основа	0,15	12,0	0,15	0,03	0,1	0,04	3,4	0,01	0,15	?	0,002
18661	основа	0,3	6,0	0,02	?	0,2	0,02	5,0	1,7	0,1	0,008	0,004
18662	основа	0,9	3,6	0,2	0,03	0,2	0,03	2,6	0,6	0,15	0,006	0,003
21133	основа	0,9	0,1	0,1	0,01	0,01	0,04	1,5	0,5	0,5	0,02	0,001
21160	основа	0,008	0,06	0,1	-	0,001	0,002	0,2	0,2	0,03	0,008	?
21161	основа	0,9	0,2	0,06	0,02	0,01	0,009	0,4	0,2	0,01	0,004	0,001
35873	основа	0,03	0,06	-	?	0,0004	0,005	3,0	0,4	0,002	?	?
35910	основа	0,04	0,1	-	0,001	0,0001	0,007	0,8	0,3	0,007	-	0,001

Примечание: Изделия ан. 17645, 17653, 17657, 17672, 17689, 17691, 17694, 18579, 18657, 18658, 18659, 18660, 18661, 18662 происходят из поселения Сапаллитепа; изделие ан. 35873 - из могильника Джаркутан 3; изделия ан. 17739, 21133, 21160, 21161 - из могильника Джаркутан 4 А; изделие ан. 35910 - из могильника Джаркутан 4 В; ан. 17653б, 17691б, 18660, 18661 - ручки зеркал.

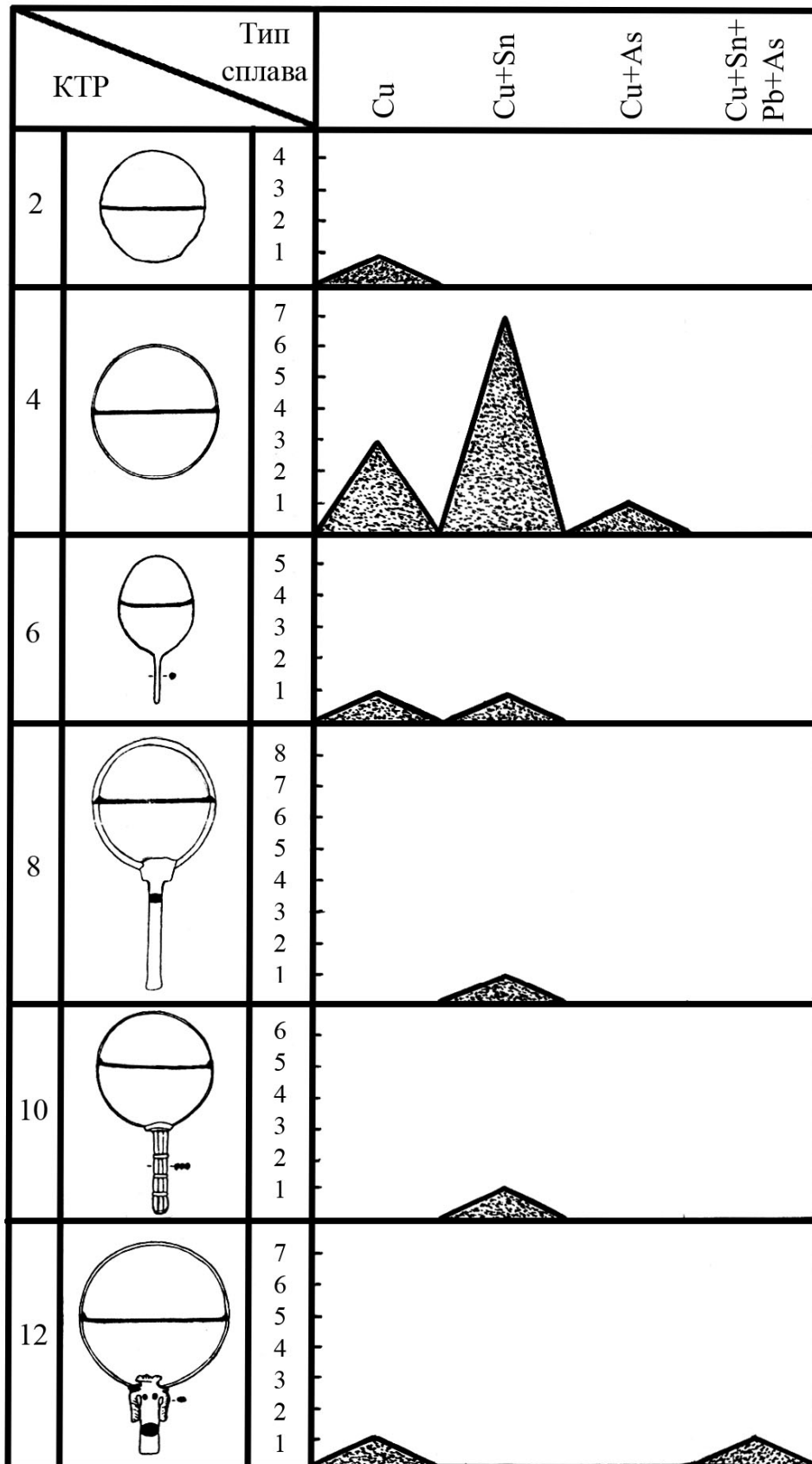
Статистическая обработка результатов спектроаналитического исследования металлического инвентаря сапалинской культуры позволила выделить в нем ряд химических и металлургических групп (Рузанов, 1982). В зеркалах, относящихся к ранней фазе (XVII - середина XIV вв. до н.э.) этой культуры, выявлены 5 химических групп. Химические аналогии этим группам известны во многих памятниках юга Средней Азии, а также в комплексах Северного Афганистана бронзового века. По предварительным данным металл с таким химическим составом находит соответствия в рудах полиметаллических месторождений Афганистана (Рузанов, 2002). Поэтому поиски рудных источников металла земледельческих культур периодов ранней, средней и начала поздней бронзы, скорее всего, следует вести за южными пределами Средней Азии, в горнорудных районах Афганистана. Вместе с тем не исключается вероятность взаимосвязи какой-то части металла южно-среднеазиатских коллекций с месторождениями Ирана, где также известны древние медные полиметаллические и касситеритовые рудники (Vatandoust, 1999). Одно вотивное зеркало, относящееся к моллалинскому периоду

¹ Следует указать, что положение с наличием цинка, зафиксированного в некоторых зеркалах от сотых до десятых долей процента и более, остается не ясным. Дело в том, что до спектрального анализа зеркала были подвергнуты химической обработке с целью очистки металла от продуктов коррозии. При этом использовали цинк, который мог попасть в пробу металла. Поэтому установленное содержание данной примеси в меди зеркал вызывает сомнение и требует проверки.

(первая - третья четверть XII в. до н.э.) культуры Сапалли, сделано из «чистой» меди с неясным исходным рудным районом ее происхождения.

Таблица 3

Соотношение образцов металлургических групп с КТР зеркал

В металлургическом плане металл зеркал подразделяется на 4 группы. Они выделяются по таким легирующим примесям как олово, свинец и мышьяк, которые присутствуют в меди в целых долях процента. Граница искусственного ввода этих элементов различная: для олова она определяется в интервале от 0,9 до 1%, для свинца и мышьяка - от 2,6 до 3%. Среди сплавов преобладают оловянистые бронзы: из них отлито немногим более 55% образцов. Второе место (более 33%) занимает металлургически «чистая» медь, не имеющая искусственной присадки. Мышьяковистая и оловянно - свинцово - мышьяковистая бронзы употребляются очень редко.

Припаянные к диску ручки четырех зеркал были отлиты из «чистой» меди и свинцово-мышьяковистой бронзы (по два экземпляра от каждого типа сплава).

К сожалению, количество спектроаналитических исследований для большинства типов зеркал очень мало. Поэтому сегодня мы можем судить о характере соотношения образцов металлургических групп с КТР (типами) зеркал лишь предварительно. Данные о рецептурных показателях разрядов зеркал (их дисков) приведены в таблице 3. Из нее следует, что для отливки безручковых зеркал, с валиком по краю диска, чаще использовались бинарные оловянистые бронзы. Преимущественно это низкооловянистые сплавы, с содержанием олова от 0,9 до 7%. Только в одном случае зафиксирована высокая концентрация данной лигатуры (11%). Кстати, для зеркал сапаллинской культуры применение высокого олова не характерно. Кроме вышеуказанного случая, большое содержание оловянной присадки (более 14%) установлено в сплаве диска еще одного образца с боковой, прямоугольной в сечении, ручкой и валиком по краю диска (тип 8). В металле представителей прочих типов зеркал искусственные добавки олова оказались низкими (до 5%) или же их вовсе не было, а присутствие этой примеси носило естественный характер, т.е. было связано с использованием руд, содержащих касситерит. Кроме бинарных оловянистых бронз, в производстве этого вида туалетных предметов сапаллинские литейщики-кузнецы использовали: для зеркал типов 2, 6, 12 - металлургически «чистую» медь; типа 4 - мышьяковистую бронзу; типа 12 - оловянно - свинцово-мышьяковистый сплав. В меди последних рецептов содержание легирующих примесей свинца и мышьяка фиксируется в небольших пределах (от 2,6 до 3,6%). Высокая концентрация свинца (более 12%) установлена в металле ручки одного из зеркал (тип 12).

Литература:

- Аванесова Н.А. Результаты исследований могильника эпохи бронзы Джаркутан 4 В1 // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Тр. СамГУ. Самарканд, 1991.
- Аскарлов А.А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.
- Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.
- Аскарлов А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.
- Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии // МИИКК. Фрунзе, 1941.
- Виноградова Н.М. Отчет о раскопках могильника Тандыр - йул в 1975 г. // АРТ, вып. XV. Душанбе, 1980.
- Ганялин А.Ф. Раскопки в 1959-1961 г. на Алтын-депе // СА, № 4, М., 1967.
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Ионесов В.И. Некоторые данные о могильнике Джаркутан 4В // ИМКУ, вып. 24. Ташкент, 1990.
- Исаков А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины (раскопки 1977-1983 гг). Душанбе, 1991.
- Кибиров А.К., Кожемяко П.П. Новые памятники эпохи бронзы // ТИИ АН Кирг.ССР, вып. 2. Фрунзе, 1956.
- Кирчо Л.Б. Металлические изделия эпохи энеолита и бронзы Алтын-депе // СА, № 1. М., 1980.
- Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА, № 4. М., 1980.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии // САИ, вып. В4-9. М., 1966.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА, №145. Л., 1968.
- Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка»). Душанбе, 1989.
- Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф. дисс.канд.ист.наук. МГУ. М., 1982.
- Рузанов В.Д. Некоторые сведения о источниках сырья бактрийского металла и характере перехода примесей из руды в медь в процессе металлургической плавки // ИМКУ, вып.33. Ташкент, 2002.
- Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // ДБ, вып. 1. М., 1976.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
- Удемурадов Б.Н. Древние земледельцы Южной Туркмении // АВ, №3.СПб., 1994.
- Casal I.M.Fouilles de Mundigak // MDAFA. Paris, 1961.
- Piggott & Prehistoric India to 1000 B.C.London, 1962.
- Schmidt E.F. Archaeological Excavations in Anan and Old Mer // Explorations in Turhestan, V.1. Washington, 1965.
- Stein A. An Archaeological Tour in Yedrosia. Calcutta, 1931.

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ТАЛЬХИРА

В течение 25 лет ведутся археологические исследования средневекового городища Тальхир, расположенного в 25 км восточнее г. Алматы.

Городище находится на южной окраине города Талгар, у подножия гор Заилийского Алатау, на правом берегу р. Талгар, у выхода ее из горного ущелья. Городище отождествляется со средневековым селением Тальхир, о котором сообщает анонимный персидский источник X в. «Худуд ал-Алам», называя его жителей «воинственными и храбрыми», а само селение располагалось на границе тюркских племен джикилей и карлуков.

Топография городища типичная для горных и степных районов Казахстана, точно определяется местными терминами «тортколь» - четырехугольник и «кора» - двор. Это четырехугольный в плане участок, окруженный стеной, с башнями по углам и периметру, сейчас превратившийся в оплывший вал. Вокруг вала прослеживаются следы рва. Внутри ведут четыре въезда, сейчас это разрывы в стенах, которые соединяются улицами, делящими городище на четыре почти равные части.

В юго-западном углу прослеживается возвышение - овалный бугор длиной 20 м, шириной 10 м и высотой 2,5 м, который условно был назван цитаделью.

Вокруг центральной укрепленной части городища на площади около 20 гектаров прослеживаются следы усадебной застройки, уличная сеть и остатки водоснабжения и ирригации.

Город, как удалось установить, существовал в VIII-XIV вв. Запустение Тальхира произошло в результате общего коллапса городской жизни в регионе Семиречья, последовавшим в результате междоусобных войн в монгольской империи и общей политики, направленной на превращение культурной полосы земель в пастбище, о чем писал Вильгельм Рубрук в середине XIII в. Однако, следует учитывать и природные факторы и прежде всего разрушительные землетрясения, обычные для региона. Следы их обнаружены при раскопках (Корженков А.М., Савельева Т.В., Чанг К.). Есть также сведения письменных источников, сообщающих о землетрясении, разрушившей средневековый город Алмату в XIV в.

Следует отметить, что запустение крупных городов не означало абсолютную гибель оседло-земледельческой культуры в Семиречье. Местные традиции оседлости, земледелия, навыки использования ирригации сохранялись здесь до второй половины XIX в., когда край был присоединен к России и начался новый этап развития городской и аграрной жизни.

Раскопками выявлена застройка города, отчасти уличная сеть. Городские кварталы и внутри укрепления и за его пределами состояли из кварталов-блоков, объединяющих от 6 до 12 домовладений, объединенных внутриквартальными улочками.

Магистральные улицы были вымощены булыжником, на них выходили ряды торговых лавок. В городе имелся водопровод.

Выяснен характер городского жилища - планировка, интерьер и экстерьер жилищ, строительная техника.

Особенностью тальхирских жилищ явилось наличие при домах больших дворов, с постройками для скота и остатками оснований юрт, использовавшихся под жилье в летнее время.

Изучена фортификация города. Тальхир занимал важное положение на Великом Шелковом пути, несколько трасс которого пересекали Илийскую долину и соединяли ее с Восточным Туркестаном, Алтаем, Сибирью, Центральным Казахстаном, Средней Азией. Тальхир являлся узловым центром, где торговые трассы сходились вместе. О развитии международной торговли свидетельствуют найденные при раскопках импортные изделия: среднеазиатская керамика, иранские бронзовые изделия, китайский фарфор и японская фаянсовая чаша, восточные и китайские зеркала.

Тальхир был крупным ремесленным центром, где производились керамика, стекло, изделия из меди, бронзы, железа. В силу особенности предгорных почв, изделия из железа сохраняются очень хорошо и это позволило достаточно полно изучить кузнечное ремесло города (Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А.). В числе изделий из железа, чугуна и стали выявлены изделия из литебуритной (булатной) стали, что говорит об очень высоком уровне кузнечного ремесла. Собраны богатые коллекции керамики; изделий из бронзы - кувшинов, светильников, чаш, подносов; поделок из кости, в том числе шахматные фигурки: украшений, с использованием цветных камней.

Обнаруженные при раскопках домов зернохранилища, объемы которых во много раз превышают потребности семьи, позволяют говорить о том, что Тальхир был центром хлеботорговли, а его окрестности и поселения обладали высоким потенциалом производства зерна.

Город, таким образом, был не только центром международной, но и региональной и местной торговли. Собраны монеты тюркшей, саманидов, караханидов.

Население города составляли тюркские племена джикилей, карлуков, тухси, а также, что характерно для крупных городов, выходцы из Согда, Ирана, Китая.

В X-XI вв. население города приняло ислам. Обнаруженное на южной окраине городища кладбище содержит захоронения, совершенные по мусульманскому обряду. Однако, в городе жили представители и других конфессий - буддисты и христиане, о чем свидетельствуют находки. Интересен вопрос о грамотности населения - найдены обломки керамических изделий с надписями на арабском языке, обнаружена древнетюркская руника, китайские надписи.

Археологическое изучение городища Тальхир продолжается и сейчас, кроме задач научного его изучения поставлена проблема консервации раскопов и музеефикации средневекового города.

*Л.М. Сверчков
(Ташкент)*

ГОРОД В МАРГИАНЕ – МАРГИНИИ: НОВАЯ ВЕРСИЯ

Насколько далеко зашли процессы урбанизации в Средней Азии IV в. до н.э., судить трудно, но, как известно, историки походов Александра Македонского называют некоторые крупные населенные пункты, обозначая их «*urbs*» и «*polis*». Одним из таких являлся город в Маргании или Маргинии, или Маргиане, сведения о котором приводит только Квинт Курций Руф: «Перейдя затем реки Ох и Окс, он прибыл к городу Маргианы. Поблизости были выбраны места для основания шести крепостей, для двух из них к югу, для четырех к востоку от этого города, на близком расстоянии друг от друга, чтобы не искать далеко взаимной помощи. Все они были расположены на высоких холмах; прежде как узда для покоренных племен, ныне, забыв о своем происхождении, они служат тем, над кем когда-то господствовали» (VII.10. 15). Возможно, не исключается трактовка, что крепости были обращены на восток и на юг.

Как обычно бывает в тех случаях, когда основным, если не единственным, источником информации являются только тексты древних авторов, в среде ученых по поводу местонахождения Маргианы – Маргании возникла разногласия мнений, связанная, прежде всего, с определением места переправы через реки Ох и Окс армией Александра весной 328 г. до н.э. В результате были названы, пожалуй, все переправы – от Чарджоу до впадения р. Кокча в р. Пяндж, более того, ввиду бесперспективности зашедшей в тупик дискуссии, была поставлена под сомнение достоверность информации Курция Руфа. Все это нашло отражение в блестящей обобщающей статье Г.А. Кошеленко, В.А. Гаибова и А.Н. Бадера «Александр Македонский в Маргиане», изданной в 2000 г. В полемике с И.Н. Хлопиным авторы вновь подвергли тщательнейшему анализу все виды источников, и, казалось бы, поставили точку в нескончаемом споре: город в Маргании-Маргинии-Маргиане – Эрк-кала (Мерв), река Ох – Келифский Узбой. Но уже через год, в 2001 г. выходит в свет не менее блестящая статья Ф. Грене и К. Рапена, вновь возродившая дискуссию о местонахождении Маргании и шести крепостей, построенных там Александром. Авторы попытались найти некий компромисс мнений А.Б. Босворта и П. Бернара. По А.Б. Босворту, армия Александра переправлялась сначала через реку Ох – Кундуз, там, где позже возникает Айханум, затем через реку Окс – Пяндж; следовательно, Марганию надо искать где-то между Айханум и «Железными воротами» у Дербента, может быть, в долинах рек Вахш или Кафирниган. П.Бернар полагает, что Александр в 328 г. до н.э. избрал более прямой маршрут из Бактр в Мараканду, переправившись через Окс – Амударью или в Келифе, или восточнее, но не дальше Термеза; название области Маргания-Маргиния должно означать Маргиану – Мерв, об основании которого Александром писал Плиний Старший. Не отрицая возможность военных действий в Мервском оазисе, Ф. Грене и К. Рапен вновь обращают внимание на тот очевидный факт, что ключом к решению проблемы является точное определение места переправы армии через реки Ох и Окс.

Ф.Грене и К.Рапен провели детальный анализ происхождения названий рек Окс и Ох, в результате чего Окс отождествляется с правым истоком Амударьи – рекой Вахш, а Ох соответствует левому истоку – реке Пяндж. Древнее название Пянжда реконструируется как Вах и сохранилось в имени левой, основной составляющей, - Вахандарья, которая, сливаясь с р. Памир, образует р.Пяндж. Впрочем, по данным Н.А. Аристова, прежде вся река Пяндж, вплоть до слияния с Вахшем, называлась Ва-

хан. Важно подчеркнуть, что отождествление Окс – Вахш и Ох – Пяндж ни в чем не противоречит информации об этих реках, содержащейся в «Географии» Страбона. Как следует из доводов Ф. Грене и К. Рапена, переправа войск Александра через Ох – Пяндж должна была происходить в районе порта Шерхан, западнее г. Имамсахиб; через Окс – Вахш – возле городища Тахти-Сангин. Отсюда Александр с частью армии пришел в Марганию – городу, которому, по мнению авторов, соответствует Термез, а четыре из шести крепостей располагались на месте Фаязтепа, Каратепа, Чингизтепа и Малый Чингиз. Таким образом, Маргания – «Луговая страна» – обозначение местности вокруг Термеза, а сам Термез – «брод, место переправы» – город Маргании, где Александр, как предполагают вслед за А. Тарном, Ф. Грене и К. Рапен, основал Александрию Оксианскую. До попытки отождествления района Термеза с Марганией доводы Ф. Грене и К. Рапена вполне логичны и последовательны, но последующие рассуждения не представляются убедительными и вызывают нарекания в среде археологов, особенно тех, кто ведет раскопки на городище Старого Термеза. Тем не менее, мы должны быть благодарны Ф. Грене и К. Рапену за блестящий анализ всех имевшихся в их распоряжении видов источников, попытку синтеза самых разнообразных и порой взаимоисключающих точек зрения и, самое главное, возрождение интереса к, казалось бы, исчерпавшей себя и закрытой для дискуссий теме. Более того, авторы, как кажется, ближе всех подошли к решению вопроса о локализации Маргании.

Таким образом, суть проблемы заключается в следующей триаде: 1. Маргания идентична Маргиане в долине р. Мургаб – Мервский оазис; 2. Маргания располагалась в округе современного г. Термез; 3. Существовали две почти одноименные области – Маргиана в Мервском оазисе и Маргания в правобережье Амударьи, причем сообщение Курция Руфа относится ко второй из них. В обоснование третьей точки зрения нужно вспомнить, что топоним «марг» – «луг» иранского происхождения и имеет самое широкое распространение не только в долине реки Мургаб и Фергане (Маргинан – Маргелан), но и в верховьях р. Зарафшан, и, вероятно, отражен в названии местности Маймург между Бухарой и Несефом (Карши), и владения Маймург к югу от Самарканда (Ургутский район). На территории последнего в 730-31 г. произошло крупное сражение, и в этой связи ат-Табари упоминает русак ал-Мургаб, надо понимать Маймург. Китайские хроники дают нам поразительные примеры переноса реальных исторических событий из Мерва (Му) в тот же самаркандский Маймург (Ми). Не был ли таким же образом введен в заблуждение и Плиний Старший, писавший об основании Мерва Александром Македонским? Положение усугубляется еще и тем, что свой Маймург был где-то в Сурхандарьинской области, по правому берегу Амударьи: в XII в. ас-Сам'ани упоминает местность Маймург; Йакут называет его городом. В такой, казалось бы, безнадежной ситуации выход видится только в привлечении данных археологических исследований, однако результаты многолетних и планомерных работ как в Мервском оазисе, так и в Старом Термезе оптимизма не прибавили. Ни одной из шести крепостей, поставленных Александром, там обнаружить до сих пор так и не удалось, отчего исследователи стали искать скрытый смысл в информации Курция Руфа: Александр, выбирая места для будущих строений, якобы только предполагал возвести здесь укрепления, но позже необходимость в этом отпала.

Однако в 2001 г. вскользь промелькнуло сообщение о выявлении слоев конца IV – начала III вв. до н.э. в шурфе в южной части кушанской крепости Поенкурбан, расположенной в 5 км к югу от г. Байсун (Абдуллаев). В 2003 г. в 7 км к от Поенкурбана, на том же, правом берегу Байсунсая (Бандыхансая) была обнаружена круглая в плане крепость конца IV – начала III вв. до н.э. – Курганзол (диаметр 35 м, высота 3,5 м). Раскопки выявили два пола и связанные с ними остатки стен (периоды 1 и 2), перекрытые двумя уровнями, когда крепость уже не использовалась по прямому назначению и, по сути, была заброшена (периоды 3 и 4). Терраса к северу от крепости на площади около 1 га несет следы обживания, вскрытый здесь слой достигает 40-50 см. Керамический материал с полов Курганзола более всего похож на комплекс «переходного периода» Джигатепе в северном Афганистане конца IV – начала III вв. до н.э. (Пидаев); периода 1 Кумушкенттепа, датируемым около IV в. до н.э. (Пугаченкова); периода КТ-1 с цитадели Кампыртепа (Ртвеладзе). Материалы с двух верхних, кроющих уровней Курганзола по всем признакам относятся к так называемому комплексу айханумского типа раннего этапа – первой половины III в. до н.э. Таким образом, перед нами – первый и единственный пока в Бактрии памятник, существовавший в узком хронологическом диапазоне и не скрытый под позднейшими напластованиями, как соседний Поенкурбан. Курганзол демонстрирует некий симбиоз позднеахеменидских и раннеэллинистических традиций, с явным преобладанием первых. Сейчас материалы из Курганзола и из нижних слоев Поенкурбана являются самыми древними в Байсунском районе, хотя совершенно ясно, что дорога от Шерабада до Дербента функционировала и раньше. Слои VI – IV вв. до н.э. могут быть обнаружены и в Мунчактепа (киш. Мунчак), и в Калаи Хисор

(киш. Сайроб), и в Дербенте (Султанкультапа и Капчигайтепа), и во фланкировавших Дербентский проход (Железные ворота) крепостях Узундара (горы Сусистаг) и Мачайкуртан (горный массив Сарымас). Но в самой Байсунской предгорной котловине памятников VI-IV вв. до н.э. нет, что ставит под сомнение сложившееся представление о вхождении этой территории в состав Паретаки.

Паретака – Паретакаена («Поречье»), следует полагать, соотносится с Верхнесурханской котловиной, где располагаются две группы памятников (оазисы, по Э.В. Ртвеладзе): Халкаджарская и Сангардак-Туполангская. Первая группа включает крупный центр Кизилтепа с окружающими его усадьбами плюс еще три поселения VI-IV вв. до н.э., а также несколько обособленное поселение в киш. Обишир. После исследований 2000-2002 гг. в Денауском районе (Сангардак-Туполанг), кроме известных материалов из нижних слоев городища Халчаян, было найдено еще 13 памятников VI-IV вв. до н.э. Освоение Верхнесурханской котловины началось еще в эпоху бронзы, причем еще на ранних этапах сапаллинской культуры, - сюда уходят истоки сложения историко-географической области Паретака.

Первые признаки обживания долины Байсунсаю – Бандыхансаю (за исключением, разумеется, находок каменного века) зафиксированы только на подступах к Байсунской предгорной котловине, у ее юго-восточной окраины, в пределах современного г. Бандыхан. Здесь, в нижнем слое известного поселения Бандыхан I, выявлен комплекс позднего этапа сапаллинской культуры, отделенный от вышележащих слоев периода Яз I прослойкой песка (Сагдуллаев). К интересующему нас времени, VI-IV вв. до н.э., относятся: верхние слои поселения Бандыхан II (площадь 13 га), в том числе крепость Киндыктепа (40x30 м); Газимуллотепа (Бандыхан III) площадью около 10 га; остатки непонятной двухметровой платформы, сложенной из квадратного сырца размером 30x30x8, 32x30x8 см поверх заброшенного поселения Бандыхан I. Хотя стратиграфия и, особенно, хронология комплекса Бандыхан I-III недостаточно разработаны, и существует некоторое противостояние мнений авторов раскопок Э.В.Ртвеладзе и А.С.Сагдуллаева, в Сурхандарье поселение Бандыхан для VI-IV вв. до н.э. является вторым по величине после Кизилтепа и, несомненно, имеет полное право на отождествление с городом Маргании. В этом случае маршрут Александра в 328 г. до н.э. представляется следующим образом: переправа через Ох (Вах–Пяндж) и Окс (Вахш); выход к группе памятников в низовьях р.Кафирниган – Калаи Мир, Мунчактепа и Хирмантепа; переправа через Сурхандарью у киш. Ходжа, где на правом берегу Бандыхансаю, чуть ниже позднесредневекового моста Искандара располагалось крупное поселение VI-IV вв. до н.э.; поселение Бандыхан – город Маргании; далее вверх по Бандыхансаю (Байсунсаю) по проходу Кизирикдара сквозь невысокую горную гряду в холмистую местность Байсунской котловины, где расположены крепость Курганзол и, должно быть, аналогичное сооружение в нижнем слое Поенкуртана. Наблюдая реконструируемый маршрут – от переправы возле порта Шерхан на юго-востоке до района железных ворот у Дербента на северо-западе, мы видим прямую линию, лишенную каких-либо невнятных и петлеобразных отклонений, как в случае с Термезом и, тем более, Мервом. Укрепление операционной линии от Бандыхана до Дербента обуславливалось постоянной угрозой правому, северо-восточному флангу со стороны беспокойной и сильной Паретаки. Таким образом, тот «Гордиев узел», который представляла собой область правобережья Сурхандарьи, состоявшая из обособленных и полунезависимых владений, был рассечен ясным и логичным ударом в направлении к Железным воротам, к Согдиане, что вполне соответствует стилю и характеру самого Александра.

*Х.Т. Султанов
(Ташкент)*

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ САМАРКАНДА, ИХ РЕСТАВРАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Узбекистан - страна с древнейшей историей и многовековой культурой, лежащая в сердце Центральноазиатского региона. С древнейших времен через него пролегали трассы Великого Шелкового пути, соединявшие страны от Средиземноморья до Дальнего Востока.

Выгодное географическое расположение, плодородные земли в бассейнах рек создавали все условия для появления, а затем и развития крупных государств еще с I тысячелетия до н. э.

По свидетельствам античных историков и географов, с IV в. до н. э. большинство городов Узбекистана имели городскую структуру и укрепления. К ним, безусловно, относится Самарканд с более 2700-летней историей, Бухара и Хива, 2500-летие которых мы отметили в 1997 году.

Узбекистан бережно относится к своему историко-культурному наследию. Все памятники истории и культуры взяты под государственную охрану. Десять городов Узбекистана официально внесе-

ны в список исторических городов, благодаря чему сохранены памятники архитектуры, являвшиеся шедеврами мирового зодчества. Без всякого сомнения, к их числу можно отнести архитектурный ансамбль Регистан, соборную мечеть Темура - Биби-Ханым, царские некрополи - Гур-Эмир и Шахи-Зинда в г. Самарканде; мавзолей Имама ал-Бухари в Самаркандской области; мавзолей Саманидов, ансамбли Пои-Колон, Ляби-Хауз, Бохоуддина Накшбанди и Чор-Бакр в г. Бухаре; историко-архитектурный музей-заповедник Ичан-Кала в г. Хива, руины дворца Амира Темура - Ак-Сарай и культово-мемориальные ансамбли Дорус-Саодат и Дорус-Тиловат в г. Шахрисабзе и многие другие. Вышеприведенные памятники исторических городов Республики дают наглядное представление об этапах развития архитектуры Узбекистана и искусстве народных зодчих региона.

У истоков охраны и реставрации памятников истории и культуры Узбекистана стояли выдающиеся специалисты и ученые: В.В. Бартольд, В. Вяткин, М. Мауэр, М. Саиджанов, Б.Н. Засыпкин, М.Е. Массон, Я.Г. Гулямов, В.А. Шишкин, а также народные зодчие Уста Ширин Мурадов, Абдукадыр Бакиев и другие. Именно кропотливым трудом народных мастеров еще в 20-е годы XX в. были возвращены к жизни полуразрушенные минарет Колон, мавзолей Саманидов в г. Бухаре, отдельные части памятников ансамбля Регистан в г. Самарканде.

Основы научной реставрации также складывались в 20-х годах прошлого столетия. На основе поисков, наблюдений и практических работ началась разработка основных принципов научной реставрации памятников Центральной Азии.

За прошедшие несколько десятков лет в Узбекистане создалась и развилась своя реставрационная школа, сформировался свой научный центр, сложились традиции и методы консервации, инженерного укрепления и реставрации памятников с благоустройством прилегающих к ним территорий. Благодаря этому стало возможным выполнение сложных в инженерном и архитектурном отношении реставрационных и консервационных работ. Наглядным примером является выпрямление падающего северо-восточного минарета медресе Улугбека, выполненное еще в 1932 г. В 1965 г. успешно выпрямлен юго-восточный минарет того же медресе.

В 1976 г. реконструирован наружный купол мечети в медресе Тилля-Кари, полностью, на документальной основе, отреставрирована вся порталная группа этого же медресе. Используя научные данные, полученные в результате комплексных исследований, было произведено понижение площади Регистан до уровня XV в., с сохранением и консервацией его архитектурных остатков.

Огромные по масштабам реставрационные работы выполнены на архитектурном комплексе мавзолея Гур-Амир в честь 660-летия Сахибкирана Амира Темура. Наисложнейшие по инженерному замыслу работы выполнялись в ходе реставрации купола большой мечети Биби-Ханым, сохранившегося на этот момент только на 50%, причем все части купола, дошедшие до наших дней, полностью вошли в реконструкцию. В наши дни сложные инженерные и реставрационные работы выполняются во входной порталной группе этой мечети.

Ко дню юбилея Амира Темура художниками-реставраторами была проведена уникальная работа по консервации, закреплению и реставрации художественной росписи с позолотой в интерьере мавзолея Гур-Амир. Группа реставраторов за научно-исследовательские, проектно-изыскательские и реставрационные работы на мавзолее Гур-Амир была удостоена Государственной премии Республики Узбекистан имени Алишера Навои.

Большой объем реставрационных работ выполнен на архитектурных памятниках Шахрисабза. Законсервированы руины входного портала и изразцовые полы знаменитого дворца Темура Ак-Сарай, виденного и описанного еще в 1404 г. испанским послом Кастильского королевства Рюи Гонзалесом де Клавихо в целостности и прекрасном состоянии. Методами архитектурной археологии выявлена планировочная структура и законсервирован Темуридский семейный некрополь Дорус-Саодат и ансамбль Дорут-Тиловат.

Аналогичные реставрационные и консервационные работы осуществляются и сегодня во всех регионах Республики Узбекистан, включая Каракалпакстан.

Наряду с достигнутыми успехами в области охраны и реставрации памятников нашей Республики имеются существенные проблемы, требующие научного осмысления, изучения опыта работ зарубежных государств и специалистов.

Практика наших работ в отдельных случаях не всегда вызывает положительную оценку не только ученых Узбекистана, но и зарубежных специалистов. В частности спорными остаются вопросы полной или частичной реставрации памятников.

Сторонники полной реставрации памятников хотят видеть их и сегодня в былой красоте и изяществе, чтобы они были доступны для туристического показа и возможности их использования для музеефикации или приспособления для других целей.

Противники этой стороны выступают за минимализацию реставрационных работ, так как памятники в данном случае утратят свою историчность, а следом за этим - историко-художественную и архитектурную ценность.

Вместе с тем, прислушиваясь к предложениям с обеих сторон, нам представляется, что следует внимательно изучать проблему в каждом конкретном случае. Скажем, без полной реставрации купола мечети Биби-Ханым, возможно ли сохранить саму мечеть, которая ранее стала интенсивно разрушаться из-за отсутствия кровли, тем более, если в интерьере имеется художественная роспись, реставрацию которой еще предстоит выполнять?

Другой пример - в результате реконструкции наружного купола в мечети Тилля-Кари были созданы условия для консервации художественной росписи с позолотой в интерьере. Без реставрации наружного купола мы могли потерять навсегда эту уникальную роспись.

Аналогичный пример можно привести в отношении любого памятника с купольным перекрытием, в том числе и в знаменитой Темуридской усыпальнице Гур-Амир.

Как известно, у многих памятников архитектуры XIV-XVI вв. наружные и дворовые фасады облицованы глазурованными изразцами. С течением времени под влиянием атмосферных осадков и экологии они теряют свои физические свойства и разрушаются. На тех участках, где майолика и мозаика отслаивается от конструкции здания, принимаются меры по их закреплению, с помощью вяжущих материалов на местах. Но, когда глазурь отслаивается от терракоты, приходится производить ее полную реставрацию путем изготовления в керамических мастерских облицовочных плит, которые по качеству и художественному решению практически не уступают древним образцам.

На наш взгляд, очевидно, что в местных условиях более правильно использовать методы полной реставрации. Во-первых, мы сохраняем памятник от всеразрушающих атмосферных осадков, во-вторых, создаем более целостную картину памятника для широкого круга людей и тем самым продлеваем ему жизнь еще на несколько веков.

Следующей проблемой является применение на памятниках архитектуры современных строительных материалов, в том числе металла, бетона и цемента.

Данный вопрос был предметом обсуждения специалистов и представителей ЮНЕСКО в Узбекистане. Применение современных строительных материалов было аргументировано тем, что памятники архитектуры Узбекистана строились на штучном малогабаритном кирпиче. В качестве вяжущего и сцепляющего раствора применялся ганч (разновидность гипса). Для строителей эти материалы очень удобны. Кирпич легковесный, хорошо поддается обработке и фигурной кладке. Известно, что памятники архитектуры Узбекистана в своем объеме имеют значительный процент криволинейной поверхности, это: купола, своды, арки, арочные ниши, тимпаны и т.д. Вяжущий ганч способен быстро схватываться. Кроме того, в отличие от цемента, он более пластичен, что особенно важно в сейсмоактивной зоне, каковым является Узбекистан. Кирпич и ганч изготавливались издревле в Узбекистане. Запасы лесса для изготовления кирпича почти неисчерпаемы и были наиболее дешевым и хорошим строительным материалом. Однако ганч со временем теряет свои вяжущие свойства и не является, в отличие от цемента, долговечным строительным материалом. Вот почему иногда вынужденно применяется в кладках цементный раствор.

На сегодняшний день в реставрационной практике Узбекистана принято решение использовать цементный раствор только в исключительных случаях: там, где памятник несет огромные физические нагрузки (большие арочные своды, инженерные крепления фундаментов, массивных пилонов и т.д.). На наружных фасадах памятников от применения цемента полностью отказались. Металлические конструкции и железобетон также применяются только лишь в исключительных случаях, если отсутствует другой строительный материал. Такой подход к решению вопроса о применении современных строительных материалов при реставрации или консервации памятника вполне устраивает и представителей ЮНЕСКО.

Наиболее серьезной проблемой, угрожающей памятникам культуры, является чрезмерное повышение уровня грунтовых вод. Агрессивные воды способны разрушить не только кирпичный фундамент памятников, но и железобетонные основания даже современных зданий. На сегодняшний день эта проблема стала номер один для памятников городов Бухары, Хивы, Коканда. Государственные органы охраны памятников не в состоянии самостоятельно разрешить эту проблему. Необходимость решения гидроизоляции памятников культуры назрела давно. Каждый руководитель города обязан задуматься над этим вопросом и решать его комплексно как для сохранения памятников, так и для всей городской среды совместно с водно-хозяйственными, коммунальными органами, так и со специалистами гидромелиораторами.

Проблемы исторических городов, их возникновение, внутренняя структура, динамика развития и проблемы урбанизации общества в последнее время все более привлекают внимание историков, археологов, социологов, архитекторов. Изучение этих вопросов, направленности и тенденции современных процессов имеет и первостепенное методологическое значение. Восточный город, его жизнь в данном случае, занимает особое место. Самарканд, а на его примере и другие средневековые города, не являются исключением, так как основные градостроительные принципы центральноазиатских городов вплоть до конца XIX в. оставались практически неизменными.

Не углубляясь в историю и динамику развития Самарканда с древнейших времен, вкратце рассмотрим его сложение в конце XIV - начале XV вв., т.к. в эпоху Темура и Темуридов развивалась та часть города, на которой сохранились выдающиеся архитектурные памятники Востока.

По данным археологических исследований, территория темуридского Самарканда обживалась задолго до XIV-XV вв., уже в X в. здесь располагались жилые кварталы, занимавшие площадь примерно в два раза большую, чем тогдашний шахристан, находившийся на опустевшем с XIII в. городище Афрасиаб. В X в. эти кварталы были обнесены особой стеной, в которой были устроены несколько ворот. Они были разрушены Чингизханом в 1220 г. и именно здесь сосредоточилась в основном жизнь Самарканда, быстро оправившегося от ужасного, но все же кратковременного погрома.

К началу XV века Самарканд достиг на этом месте относительного благосостояния. Ибн Батута, посетив Самарканд, причислил его к самым большим, благоустроенным и красивым среднеазиатским городам. К середине XV в. в нем располагались крупные здания: соборная мечеть, медресе, зиаратхана и мавзолей Кусамы Ибн Аббаса.

В период правления Темура город, став столицей, значительно преобразился в результате громадных работ по строительству мечетей, медресе, торговых сооружений и других общественных культовых зданий, возводившихся из жженого кирпича. Массовая жилая архитектура в основном была глиняно-каркасной, с применением деревянных конструкций.

По мнению историков градостроительства, официальной границей города (хисар) считалась стена с многочисленными башнями-буржами, которая была отстроена в 773 г. х. (1371-1372 г.), причем она повторяла по контуру городскую стену Самарканда XI-XII вв. Площадь Самарканда, имевшего 6 ворот, составляла 4,1 кв. км. Наименования отдельных ворот сохранились и в наши дни. Северо-восточные ворота, очевидно, располагались на месте бывших ворот Намазгох. В XV в. эти ворота именовались воротами Шайхзаде. Дорога, ведущая от Самарканда в сторону Бухары, называлась Ку-ча-Малик, восточнее находились ворота Аханин или Железные. Иногда они назывались также воротами мазара Кусамы Ибн Аббаса, так как от них дорога вела и к мавзолею именитого шейха. На востоке располагались ворота Мешхед или Дарваза Феруза. В южной стене имелись двое ворот: первые - Дарвазаи Сузангорон, т. е. ворота игольщиков, квартал которых возможно располагался в южной части города; вторые ворота первоначально назывались Кяризгох, а затем были переименованы в ворота Ходжа Ахрора, так как от них дорога вела к махалле Ходжа Кафшир, где проживал в XV в. этот крупный государственный деятель. В западной стене, несколько южнее калы, находились ворота Чорсу, т.е. рыночные, именовавшиеся также Чораха. От них по разным направлениям шли четыре дороги.

От перечисленных ворот начинались шесть главных городских уличных артерий, сходящиеся примерно в середине Самарканда, где располагались городские базары. Эти улицы своим, радиально расходящимся, пучком определяли основную планировку города. В XV в. город был в совершенстве организованным по своим функциональным особенностям. Здесь располагались многочисленные караван-сарай, ремесленные кварталы, многочисленные специализированные торговые лавки. Общий городской фон Самарканда составляли жилые здания, с плоской кровлей и обязательными двориками, купола бань, квартальные мечети. Среди них выделялись монументальные здания медресе, соборных мечетей, стройные минареты, которые и сегодня украшают и делают неповторимым облик города.

Вплоть до конца XIX в. Самарканд по своей структуре сохранял основные черты исторического города. Однако урбанизация XX в. не обошла и его. Особенно пострадала старгородская часть в так называемый период социалистического градостроительства, когда перед архитекторами ставилась задача строительства новых социалистических городов, а старым уготовивалось полное уничтожение.

В Международной хартии по охране исторических городов говорится: «Никогда нельзя забывать, что охрана исторических городов и кварталов прежде всего касается их обитателей». Разве судьбу исторического города градостроители решали с участием его жителей? Здесь больше вопросов, чем положительных ответов.

Это пренебрежительное отношение привело к невозполнимым утратам. Исчезли специализированные кварталы ремесленников и изменилась историческая топография. Вместо фоновой традиционной жилой застройки в зоне памятников появились многоэтажные здания далекие, от архитектурного совершенства. Площадь Регистан осталась без окружающей застройки, повсюду видны оголенные площади, которые граничат с малоценными типовыми зданиями. Более того, нашлись энтузиасты которые предложили разместить напротив Регистана крупный туристический центр. Эскизный проект этого комплекса был разработан в Москве, специалисты которого утверждали, что его размещение вблизи памятников архитектуры обеспечит высокую стоимость мест в гостинице. По единодушному мнению органов охраны памятников и протесту архитектурной общественности эти предложения были отвергнуты. Аналогичных примеров можно привести много.

Для молодого суверенного государства, каковым является сегодня Узбекистан, в период духовного обновления его общества и для воспитания молодого поколения наиболее актуальными являются вопросы сохранения и восстановления историко-градостроительного наследия. Для решения этой проблемы необходимо предусмотреть правовую и законодательную базу. На этой основе следует организовать комплекс работ по реконструкции исторических городов с взаимосвязанным порядком проектирования и планирования работ. Основной целью реконструкции исторических городов должно быть сохранение и восстановление исторической городской среды, как главной составляющей историко-культурного наследия, обеспечивающей индивидуальность и архитектурно-художественное своеобразие. Важнейшими задачами являются эффективное использование расположенного в этой среде социально-культурного и градоформирующего потенциала, создание благоприятных условий проживания и жизнедеятельности в районах исторической застройки, с обеспечением единства архитектурно-пространственной композиции, историко-художественной ценности и ее функционального значения.

Основы подхода градостроительной деятельности при реконструкции исторической части города должны заключаться в преемственном развитии его планировочной и пространственной структуры, основывающейся на историко-архитектурных исследованиях.

В генеральных планах проекта детальной планировки должны закладываться планировочно-пространственные основы сохранения исторического и культурного наследия, использования его градоформирующей роли путем сохранения планировочной структуры, композиционных доминант, зон их восприятия, визуальных взаимосвязей, открытых пространств улиц, площадей, а также архитектурной среды, формируемой рядовой застройкой.

При разработке планов и проектов планировки необходимо предусматривать выход из исторической среды на другие территории больших уличных магистралей с мощным транспортным грузопотоком, промышленных предприятий, складских объектов, крупных торговых, спортивных и медицинских комплексов. В исторически сложившихся центрах целевым заданием следует провести комплексные научные исследования и на их основе разработать проекты охранных зон; разработать опорные планы с нанесением всех архитектурных памятников и жилых строений, представляющих историко-архитектурную ценность.

В опорных планах в обязательном порядке должны быть определены махаллинские центры или исторические сложившиеся гузары.

В генеральных планах и проектах детальной планировки требуется сохранить историческую топографию. Необходимо провести учет и выявление наиболее ценных в историко-архитектурном отношении традиционных жилых строений.

Внести предложение о сносе или замене малоценного, диссонирующих с исторической средой зданий и сооружений, препятствующих созданию в ней благоприятных санитарно-гигиенических условий.

В обязательном порядке провести демографические исследования для учета проживаемого в исторической среде населения и его роста в перспективе.

После получения и осмысления результатов проделанной работы следует приступить к разработке проектов реставрации и консервации памятников архитектуры, разработке проектов их приспособления, а также использования; разработке проекта реставрации жилой застройки, представляющей историко-архитектурную и этнографическую ценность; разработке генеральных планов исторически сложившихся махаллинских центров с сохранением природного ландшафта и археологических культурных слоев; реконструкцию малоценного жилого фонда, а также пешеходных дорожек и новое строительство транспортных и инженерных коммуникаций, с обеспечением сохранности ценной исторической среды.

Следует тщательно продумать экономические механизмы по реализации этих предложений. Не исключено, что для осуществления данной программы можно привлекать все заинтересованные организации, в том числе и хокимияты, местных жителей, организации и учреждения, органы охраны памятников и реставрационные службы, а также зарубежных инвесторов, спонсоров, туристические фирмы.

Круг рассматриваемых вопросов обширен и многогранен. В целях избежания ошибок желательно создать координационный Совет и все сложные вопросы обсуждать на его заседаниях. Будем надеяться, что затронутые вопросы послужат началом большой работы на ближайшее время.

*Х.А. Тойчиев., К.А. Крахмаль
(Ташкент)*

К ПРОБЛЕМЕ ХРОНОЛОГИИ И СТРАТИГРАФИИ АНТРОПОГЕНА СЕВЕРО-ВОСТОКА УЗБЕКИСТАНА

Северо-восток Узбекистана является одним из интересных регионов Центральной Азии. В его пределах находятся основные горные сооружения республики, относящиеся к двум системам: Тянь-Шань и Алай. На крайнем северо-востоке Узбекистана, в сторону равнин Турана, простираются отроги Западного Тянь-Шаня - хребты Угамский, Пскемский, Чаткальский и Кураминский. Алай отделен от Тянь-Шаня Ферганской депрессией. Данный регион в области исследования проблем раннего антропогенеза до настоящего времени остается наиболее изученным в Центральной Азии. Начало целенаправленного и систематического изучения памятников каменного века было положено А.П. Окладниковым. В 1953 г. им были обнаружены в отложениях р. Он-Арча, правого притока Нарына, оббитые человеком гальки, близко напоминающие галечные орудия Восточной Азии, датируемые эпохой нижнего палеолита (Окладников, 1965). В 1954 г. А.П. Окладниковым были открыты палеолитические местонахождения в Кайрак-кумах, где было собрано 1 040 экземпляров разнообразных каменных изделий, а также местонахождения на склонах Акчоп-Акбельского и Супетаусского адыров. А.П. Окладников сделал ряд определений, что на этих памятниках в смешанном состоянии открыты два археологических комплекса: древний ашело-мустьерский и более молодой левалуа-мустьерский (Ранов, 1965).

Существенный вклад в изучение эпох палеолита Ферганы был внесен П.Т. Коноплей (Конопля, 1959). Он обнаружил палеолитические орудия в долине Охна, а также открыл ряд палеолитических памятников: Айрабаз 1-7, Карамкуль, Капчигайская палеолитическая мастерская и др. (Окладников, Леонов, 1961).

В последние десятилетия в центре внимания исследователей палеолита находится проблема первоначального обживания северо-востока Центральной Азии. Длительное время следов этого древнейшего периода становления и развития человечества и его материальной культуры в данном регионе не фиксировалось. В этой связи исследования древнепалеолитической стоянки Сельунгур имеет принципиально важное значение (Исламов, Крахмаль, 1995).

В результате исследований каменного инвентаря многослойной стоянки Сельунгур, по данным археологической периодизации, основанной на определенной типологической последовательности в развитии материальной культуры во времени, было установлено, что данный памятник относится к ранним этапам древнего палеолита. Характерной особенностью изучения данного памятника заключалось также в комплексной методике исследования, при которой каждый метод и раздел научной дисциплины взаимоконтролировал и дополнял полученные результаты.

Так, периодизация палеолитической индустрии взаимоконтролировалась условиями стратиграфического залегания культурных отложений, литолого-фациальным изучением и сопоставлялась с геолого-морфологическими результатами исследований данного региона. Цикличность отложений различалась по наличию в основании слоя более крупного обломочного материала, в конце его отмечается заметное уменьшение размерности осадочных частиц.

Различия были зафиксированы и в петрографическом составе обломков. В неогеновых отложениях выделяется до 10 петрографических групп. В основном встречаются обломки гранодиоритов, яшмы, яшмовидной разновидности, жильный кварц молочно-белого цвета, обломки серых и розово-серых опаловидных пород. В нижнечетвертичных отложениях эти разновидности встречаются редко и только в зонах разрыва неогеновых конгломератов, здесь преобладают обломки известняков до 97-98%. Данные литолого-фациальных, стратиграфических и геолого-морфологических исследований позволили отнести периоды седиментации антропогенных отложений стоянки Сельунгур к концу

неогена - началу плейстоцена. Полученные хронологические определения периодов раннего обживания пещерной стоянки были уточнены и дополнены биостратиграфическими исследованиями, которые позволили определить последовательность событий в геологическом прошлом.

Из культурных слоев было собрано более 5500 костных фрагментов, принадлежащих к ряду вымерших видов. Среди них *Allophaimys*, которые в раннем плейстоцене уже не встречаются (Воложеиных, Крахмаль, 1996; Маркова, 1996). Комплекс палеоботанических исследований археологического памятника позволил также произвести ряд историко-хронологических и историко-географических проблем. В процессе археологических исследований из толщи пещерных отложений отобрано 49 образцов на споро-пыльцевой анализ, который был выполнен Р.А. Халмухамедовой в Институте ботаники АН РУз (Халмухамедова, 1988). Палеоботанические исследования также были проведены К.В. Кременецким в институте географии РАН, им были изучены образцы из отложений раскопа № 6 (Кременецкий, 1990). Результаты анализов показали, что ряд древесных пород, обнаруженных в нижних слоях пещерной стоянки, относятся к реликтам третичной флоры тургайского типа (Халмухамедова, 1996).

В процессе многолетних исследований антропогенных отложений пещеры Сельунгур, в комплексе с археологическими, литолого-фациальными, геолого-геоморфологическими, биостратиграфическими, минерало-петрографическими проводились и гидрогеохимические изучения в районе стоянки. Особое внимание уделялось разработке методов интерпретации геохимических аномалий. В связи с поставленной задачей рассматривались условия формирования ореолов рассеивания геохимических активных минеральных образований и условий вторичных концентраций тех же элементов. Для этого в районе стоянки был изучен материал, характеризующий не только условия формирования ореолов рассеивания химических элементов, но и условия их вторичных концентраций. В результате в районе стоянки были выявлены ряд аномальных явлений, связанных с экзогенными концентрациями высвобождающихся при выветривании горных пород ртути, урана, стронция и др. Молекулярное строение ряда соединений показывает высокую упругость их паров и, следовательно, активное участие в пневмотологических и гидротермальных процессах формирования антропогенных отложений. Ряд факторов определяет такие важные для миграции свойства элементов и их соединений, как агрегатное состояние, растворимость в природных водах, способность сорбироваться высокодисперсными минеральными и органическими сорбентами, а также их вторичную миграцию между слоями стоянки.

В результате работ академиков В.Г. Хлопина, И.Е. Старика и др. (Старик, 1960; 1961) было установлено следующее важное положение: для определения абсолютного возраста пригодны только такие природные объекты, на которые воздействие внешней среды было малым. Привнесение и уход радиоактивных элементов и продуктов распада смещают соотношение изотопов. Миграция элементов является основным фактором, затрудняющим исследования по геохронологии, и для определения абсолютного возраста пригодны только образцы, обладающие весьма хорошей сохранностью. Только правильный выбор образцов, удовлетворяющий радиолога с точки зрения возможности применения радиологических методов определения возраста и привязанных к относительной радиохронологической шкале, может обеспечить успех исследований. Поэтому работы по установлению абсолютного возраста требуют постоянного и тесного контакта представителей исторических и естественных наук (Чердынцев, 1956; Колчин, 1965). Однако, без изучения радиоактивного фона в районе стоянки Сельунгур, была опубликована абсолютная дата торий-иониевым методом 126 ± 5 тыс. лет (ЛУ-936). Не имея представления о ряде геохимических аномальных ситуаций в районе стоянки, вряд ли возможно рассматривать данную датировку как абсолютную. Более того, по методу изотопов тория, определение возраста стоянки Тешикташ в среднем показателе составило 150 тыс. лет (Чердынцев, 1956). Следовательно, Сельунгур никак не может быть моложе Тешикташа.

Более подробно разобрать эти примеры в данной статье мы не имеем возможности. Но необходимо отметить, что, несколько не умаляя значения результата, полученного радиологами, которые добросовестно провели определение образцов из пещеры Сельунгур, мы не можем сопоставить их с антропогенными отложениями стоянки и определить периоды ее обживания. Так как в публикации отмечено, что данные образцы были взяты выше первого культурного слоя, т.е., эти образцы не имеют никакого отношения к археологическим проблемам хронологии. Выше указанного слоя залегают отложения вплоть до современности.

Полученные результаты геохимических и радиологических изучений в районе расположения стоянки Сельунгур показали, что условия формирования отложений раннего антропогена значительно затрудняют, а для некоторых методов, традиционно применяющихся на ряде памятников каменного века, исключают возможность определения абсолютного возраста по методу накопления радиоэле-

ментов. Основываясь на этом мы пришли к выводу, что коллагеновый анализ в периоды изучения стоянки был единственным доступным методом хронологического определения. Данный метод широко использовался в исследованиях памятников каменного века Крыма (Формозов, 1958; Колосов, 1967), в дальнейшем получил распространение в исследованиях Зоологического института АН СССР в Ленинграде, в Воронежском лесотехническом институте и в др. научных учреждениях (Векилова, 1971). Коллагенные анализы ископаемых костей, открытые в антропогенных слоях пещерной стоянки Сельунгур, были выполнены в Институте почвоведения АН РУз и в Институте зоологии АН РУз Н.Н. Воложениновым по методу И.Г. Пидопличко (Пидопличко, 1952). Возраст для нижнего культурного слоя в среднем показателе анализов составил 1 100 000 лет (Воложенинов, Крахмаль, 1989). Безусловно, дальнейшие анализы и совершенствование методики коллагенового исследования могли бы дать более совершенные определения и создать региональную хроностратиграфическую шкалу эпох раннего антропогена. Но, в связи с рядом обстоятельств, исследования не были продолжены. Тем не менее, полученные результаты долгое время служили возрастным ориентиром, а впоследствии стали дополнением к биостратиграфическим, геоморфологическим и историко-геологическим результатам исследований.

Хронологические рубежи, полученные в результате комплексных междисциплинарных исследований пещерной стоянки Сельунгур, определили ранние стадии обживания Ферганы. Это, в свою очередь, позволило определить синхронные отложения и реликтовые формы рельефа, которые явились ареной жизнедеятельности древнейших обитателей данного региона. В результате изучения древних террасовых уровней были открыты более ранние палеолитические памятники Чашма и Сох в Ферганской депрессии и Кызылалма, Ташсай в долине р. Ангрэн.

Долина р. Ангрэн, представляющая собой тектоническую, межгорную впадину с окружающими ее массивами юго-западной части Чаткальского хребта и Кураминских гор, является объектом археологических исследований эпох раннего антропогена северо-востока Узбекистана. В центральной части на правом берегу р. Ангрэн расположена многослойная стоянка Кольбулак. Благодаря многолетним исследованиям М.Р. Касымова, Г.Ф. Тетюхина, М.Х. Година, Д.И. Хусанбоева этот уникальный многослойный памятник приобрел широкую известность (Касымов, 1990).

Геолого-геоморфологические, стратиграфические исследования и датировку культурных слоев стоянки проводили Г.Ф. Тетюхин, М.Х. Годин, Д.И. Хусанбаев и др. (Касымов, Тетюхин, Годин, Хусанбаев, 1980, 1981, 1982, 1985). По данным этих авторов формирование культурных отложений происходило в эпоху ташкентского и голодностепского циклов по схеме четвертичного периода, принятой в 60-е годы. Непосредственно в районе раскопа наиболее древней является раннеташкентская (среднеплейстоценовая) терраса и синхронные ей отложения.

М.Х. Годин в ритмостратиграфической схеме палеолитической стоянки Кольбулак выделил две ритмосвиты - среднюю (ташкентскую) и верхнюю (голодностепскую). А так же две ритмосвиты - верхнесреднеплейстоценовую и нижневерхнеплейстоценовую. При этом М.Р. Касымовым к верхне-среднеплейстоценовой ритмосвите отнесена раннемустьерская эпоха (Касымов, Годин, 1982).

В 1985 г. данная схема этими же авторами была пересмотрена. В новой схеме, как и ранее, выделяются две ритмосвиты - средне- и верхнеплейстоценовые. В отличие от первой схемы, в среднеплейстоценовой свите выделяются две подсвиты нижне- и верхнеташкентские, а в верхнеплейстоценовой одна - голодностепская.

М.Р. Касымов выделяет позднеашельскую эпоху и относит ее к нижнеташкентской подсвите, а к верхнеташкентской - древнее и развитое мустье. Позднее мустье отнесено к голодностепской подсвите. В целом, по мнению этих авторов, культурные слои стоянки Кольбулак образовались в среднеплейстоценовую эпоху. Временной интервал плейстоцена в соответствии с периодом разработки схемы представлен в пределах 600-700 тыс. лет.

В 1980 г. разрез многослойной палеолитической стоянки Кольбулак был изучен палеомагнитным методом Х. Тойчиевым (Тойчиев, 1981). Результаты исследований были представлены во время экскурсии XI Конгресса INQUA в 1982 г. в Ташкенте. Заново, в едином разрезе, а не по нескольким шурфам, была описана и изучена лессово-песчано-галечниковая толща мощностью 16 м. Полная мощность подобных отложений в данном районе превышает 30 м и вскрыта в разрезе Апартак, который расположен выше стоянки Кольбулак на 5 км к востоку.

Отложения разреза до глубины 16 м (неполная мощность) намагничены в эпохе прямой полярности (Брюнес). В верхней части разреза установлено два аномальных и один кратковременный обратный эпизод геомагнитного поля. В соответствии с региональной стратиграфической схемой (Тойчиев, 1996) изученные отложения Кольбулака отнесены к эпохе тяньшанского орогенного комплекса.

Нижние слои разреза отнесены к раннетяньшанской, а верхние к аральской серии. По международной шкале это верх эоплейстоцена, весь неоплейстоцен и голоцен.

Таким образом, проведенный анализ имеющихся данных по ранним этапам обживания северо-востока Узбекистана позволил выявить существенные недостатки в методике хроностратиграфических определений. В связи с этим в последнее время в археологии палеолита Узбекистана остро встал вопрос необходимости разработки новой геохронологической схемы антропогенных отложений.

Литература:

1. Окладников А.П. Археологические исследования в Киргизии // Вестник АН СССР. Вып. 9. М., 1954.
2. Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. Вып. 1. Палеолит. Душанбе, 1965.
3. Окладников А.П., Леонов Н.И. Первые находки каменного века в Фергане // КСИА. Вып. 89. М., 1961.
4. Борисковский П.И. Древнекаменный век южной и Юго-восточной Азии. Л., 1970.
5. Коробков И.И. Палеолит Восточного Средиземноморья. Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978.
6. Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. Ташкент, 1995.
7. Крахмаль К.А., Халмухамедова Р.А., Воложенинов Н.Н. Палеогеографическое изучение Щайдарканской долины // КИИДВСА. Ташкент, 1996.
8. Маркова А.К. Фауна млекопитающих грызунов из ашельской стоянки Сельунгур // КИИДВСА. Ташкент, 1996.
9. Батыров Б.Х., Батиров А.Р. Костные остатки млекопитающих пещеры Сельунгур // КИИДВСА. Ташкент, 1996.
10. Воложенинов Н.Н., Крахмаль К.А. К алайскому плейстоценовому териокомплексу // КИИДВСА. Ташкент, 1996.
11. Касымов М.Р., Тетюхин Г.Ф., Годин М.Х., Хусанбаев Д.М. К вопросу о комплексном исследовании многослойной палеолитической стоянки Кольбулак в Узбекистане // КСИА. № 81. М., 1985.
12. Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. № 71. М., 1958.
13. Колосов Ю.Г. К истории населения Крыма в раннепалеолитическую эпоху (По материалам мустьерской стоянки в гроте Шайтан-коба): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев, 1967.
14. Пидопличко И.Г. Новый метод отделения геологического возраста ископаемых костей четвертичной системы. Киев, 1952.
15. Воложенинов Н.Н., Крахмаль К.А. Алайский териокомплекс плейстоцене // Узбекский биологический журнал. Ташкент, 1989. № 4.
16. Векилова Е.А. Каменный век Крыма. Некоторые итоги и проблемы // МИА. № 173. Л., 1971.
17. Трофимов А.К., Чедия О.К. К методике оценки интенсивности новейших тектонических движений по геолого-геоморфологическим данным (Юго-восточная Фергана) // Материалы по геологии кайнозоя и новейшей тектонике Тянь-Шаня. Фрунзе, 1970.
18. Халмухамедова Р.А. Палинологические исследования пещерных отложений древнепалеолитической стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1988.
19. Величко А.А. Арсланов Х.А., Герасимова С.А., Кременецкий К.В. и др. Стратиграфия и палеоэкология раннепалеолитической пещерной стоянки Сельунгур // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1988.
20. Колчин Б.А. Археология и естественные науки // Археология и естественные науки. М., 1965.
21. Чердынцев В.В. Определение абсолютного возраста палеолита // СА. № XXV. М., 1956.
22. Старик И.Е., Старик Ф.Е., Петряков Е.П., Лазарев К.Ф., Елизарова А.Н. Значение миграции радиоэлементов для определения их возраста свинцовым методом. // Определение абсолютного возраста дочетвертичных формаций. М., 1960.
23. Старик И.Е. Ядерная геохронология. - М.-Л., 1961.
24. Касымов М.Р., Годин М.Х. О комплексном исследовании палеолитической стоянки Кольбулак. // ИМКУ. Ташкент, 1982. Вып. 17.
25. Касымов М.Р., Тетюхин Г.Ф. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кольбулак // ИМКУ. Ташкент, 1982. Вып. 16.
26. Тойчиев Х.А. XI конгресс ИНКВА. Путеводитель экскурсии А-11, С-11. - М., 1981.
27. Тойчиев Х.А. Палеомагнитная стратиграфия континентальных четвертичных отложений Узбекистана: Автореф. дис... доктора геолого-минералогических наук. Ташкент, 1996.
28. Toichiev Kh. Guidebook for excursions A-11, C-11. XI Congress INQUA. М., 1982.

К ИСТОРИИ ЭРК-КАЛЫ

Руины Старого Мерва включают пять разновременных городищ и расположены в среднем течении реки Мургаб на территории Туркменистана. Из них самой древней является овальная в плане Эрк-кала (400х500 м - 20 га), вписанная в северный фас крепостных стен городища Гяур-кала. Единственный пандусный въезд на Эрк-калу находился с южной стороны. Оплывы ее крепостных стен возвышаются на 23-27 м, в центре городища, со смещением на юго-запад, находится цитадель (50х50 м) высотой более 25 м, с юга и востока к ней примыкают всхолмления былых застроек, к северу от цитадели, до крепостных стен, выделяется пониженная площадь, использовавшаяся для расположения военного гарнизона и установления камнеметных орудий.

Первые раскопки на Эрк-кале проводились в 1890 г. В.А. Жуковским по линии Археологической Комиссии¹. В 1904 г. разведочные работы осуществлялись американской экспедицией под руководством Р. Пампелли². В 2004 году в Туркмении широко отмечалось 100-летие открытия американцами миру «культуры Анау» и раскопок в Мерве. В 1937 г. раскопочные работы на Эрк-кале велись Б.Б. Пиотровским, А.А. Марущенко и в 1947 г. С.А. Вязигиным³, а с 1950 года начались стационарные археологические изыскания по линии ЮТАКЭ под руководством академика М.Е. Массона, которые продолжались до 1992 года.

В результате разреза крепостной стены, доведенного до материка, был получен фактический материал для решения вопросов древней урбанизации и приемов градостроительства⁴. В основании стен находились ранние глинобитные укрепления, надстроенные продолговатым сырцом, с керамикой, с ярко выраженным клювовидным венчиком и подкосом стенок при переходе к донной части. Эти находки в 70-х годах XX в. позволили говорить о времени возникновения укрепленного поселения не ранее середины I тыс. до н.э.⁵ Однако стратиграфический шурф, заложенный к югу от центрального бугра Эрк-калы, глубиной 17 м выявил на уровне материка два ранних культурных слоя с материалом, аналогичным посуде из древних стен, причем древние погребенные болотные почвы с фрагментами керамики указывали на более раннюю дату обживания данной территории - со второй четверти I тыс. до н.э., что было затем подтверждено раскопками на центральном бугре в 1986-1992 годах. Здесь на раскопе 7 получены достоверные факты наличия раннего культурного слоя на рубеже культур Яз I и Яз II, соответствующего погребенным почвам в стратиграфическом шурфе. На этом основании в последних публикациях автор данных строк датирует возраст Эрк-калы в пределах 2700 лет⁶.

Разрез центрального холма-цитадели Эрк-калы по северному склону показал, что в его основе находится платформа из прямоугольного сырца, оформленная по северному фасу угловыми выступами, образующими углубленную нишу, по краю которой, на высоте 15 м, находился храм огня под открытым небом, функционировавший одновременно с ранними постройками городища. Пылающий костер был виден за пределами городских стен, высота которых была намного ниже (10 м) самой цитадели. Таким образом, полученные на протяжении сорокалетнего изучения Эрк-калы материалы позволяют воссоздать историческую картину развития городского поселения на территории Древнего Мерва.

Укрепленный пункт возникает здесь на рубеже смены культур Яз I и Яз II. Возводится мощная платформа цитадели из сырца, с функционирующими храмом огня и постройками, оставившими на восточном склоне платформы культурный слой более 2-х метров, с ранней керамикой. Был найден фрагмент лепной расписной посуды типа Яз I с примесью в тесте шамота и дресвы, покрытый густым ангобом, по которому нанесена роспись геометрического характера. С этим же слоем связаны находки в 35 ярусе двухлопастного втульчатого, бронзового наконечника стрелы и каменного биконического ядра, характерных для древнемаргианских поселений⁷.

¹ Жуковский В.А. Развалины Старого Мерва // Древности Закаспийского края. ЗВО, XI. СПб., 1894. С. 327-333.

² Schmidt H. Arceological Excavations in Anau and Merv // Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Vol. I. Washington, 1908.

³ Материалы ЮТАКЭ. Вып. I. Ашхабад, 1949. С.35-41.

⁴ Труды ЮТАКЭ. Т. XIX. Ашхабад, 1989. С.21-62.

⁵ Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969. С.13-56.

⁶ Usmanova Z.I. New material on ancient Merv // Iran. XXX. 1992. P.55-63.

⁷ Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. 73. М.-Л., 1959. Табл. XXXII.

Поверх этого древнего культурного слоя вскрыто здание с глинобитными стенами ахеменидского времени. В одном из помещений на северном склоне *in situ* были обнаружены, врытые в пол, крупные хумча с вертикальными стенками, закачивающимися венчиком в виде плоского валика, дающего в разрезе профиль клювика, оттянутого вниз, и покрытыми светлым ангобом до подкоса стенок при переходе к донцу, вкопанному в пол. Встречено несколько трехперых бронзовых наконечников стрел с выступающей втулкой, аналогичных стрелам из дворца Дария I в Персеполе¹. Этот этап в истории Эрк-калы связан с периодом вхождения Маргианы в состав Ахеменидского государства в VI-IV вв. до н.э. Городские стены Эрк-калы дополнительно укрепляются и на платформе цитадели строятся новые здания дворцово-храмового назначения. Такой Эрк-калу застали греческие войска и в честь своего полководца нарекли ее Александрией Маргианской. Эрк-кала того периода имела большое сходство в планировке и истории сложения с современным ей городом Бактры.

В эпоху эллинизма (IV-III вв. до н.э.) Эрк-кала теряет статус самостоятельного городского организма и в качестве уже готовой укрепленной цитадели включается в северный фас крепостных стен как неотъемлемая часть строящегося нового, прямоугольного в плане, города при Антиохе I Сотере. С этого времени история Эрк-калы неразрывно будет связана с развитием античного города на территории Гяур-калы. Замкнутая стенами Эрк-кала интенсивно обживалась в основном к югу и юго-востоку от бывшей цитадели (центрального холма), а северная половина оставалась свободной. Она и сейчас представляет собой низину, где в древности располагались арсенал и камнеметные орудия. Дальнейшая история Эрк-калы связана с возведением и функционированием со II в. до н.э. дворцово-храмового комплекса к востоку от городских ворот, а также жилых кварталов для правящего сословия, прилегавших к центральному холму с восточной стороны, где сохранились культурные напластования античного времени. Накопление культурных слоев сасанидского времени отмечено к юго-востоку от центрального холма, где общая толща культурного слоя достигает 17 метров, из них 5 м приходится на сасанидский период. Более поздних наслоений на Эрк-кале нет.

Период вхождения Маргианы в состав Сасанидской державы (III-V вв.) оставил значительный след в истории Эрк-калы. На центральном холме, поверх античного здания, на мощной платформе возводится административное сооружение, использованное затем арабами как место пребывания халифа Мамуна в Мерве. К западу от центрального холма, у подножия крепостной стены, располагался арсенал². У южных ворот, на месте дворцово-храмового комплекса, сооружается форт, оформленный по северному фасаду стеной с ложными бойницами, в одной из которых была найдена терракотовая фигурка женщины-воина, с мечом³. Оплывы форта в настоящее время расположены на высоте 34 м от уровня основания крепостной стены, с его верхней площадки открывается широкая панорама окрестностей до 30 км в округе.

Сасаниды уделяли большое внимание укреплению границ своей державы на северо-востоке и поэтому в Мерве, и в частности в Эрк-кале, проводилось крупное строительство - сооружаются протей-хизмы, стены с двойными, параллельными внутрестенными коридорами и др.⁴

С целью получения новых данных по исторической топографии городища и выявления характера культурных наслоений в 1990-1991 гг. были проведены раскопки (Раскоп 9) в 100 м к востоку от центрального холма на одном из всхолмлений, граничащих с низиной северной части городища. С поверхности были подняты фрагменты в основном посуды, хорошо известной по керамической шкале Мерва для III-VII вв. Довольно рыхлый верхний слой образовался в результате многовековых разрушений былых построек и натеков. Остатки строений на раскопе были обнаружены только на глубине 1,5-2 м. Вскрыта часть жилого дома, состоящая из 4-х комнат, установлено два уровня пола, связанных с двумя строительными периодами. Стратиграфия напластований оказалась сложной вследствие нескольких капитальных перестроек и ремонтов. Основой жилого дома является помещение (№1), с пахсовыми стенами, на полу были расчищены пристенные очаги со скоплением целых сосудов: хума, хумчи, кухонного котла. К северу от сосудов лежали два жернова и клинчатый кирпич. Во втором строительном периоде на заполнении помещения устраивается новый уровень пола, который перекрывает снивелированную южную стену. Размеры уже нового помещения значительно увеличиваются за счет расширения в южном направлении, с сохранением прежней северной стены. При этом перекрывается помещение, располагавшееся к югу от помещения 1. На данном этапе стены

¹ Schmidt E.F. Persepolis. II // OIP. Chicago, 1957. P.16, pl.76.

² Усманова З.И. Раскопки арсенала сасанидского времени в Старом Мерве // Археология Средней Азии. VII. Труды ТашГУ. Вып. 295. Ташкент, 1866. С.34-42.

³ Усманова З. И. Эрк-кала // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1969. С. 54, рис.27-28.

⁴ Усманова З.И. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Труды ЮТАКЭ. Т. XIX. Ашхабад, 1989. С.57, рис.17,19.

строятся из сырца размером 38-42 см, толщиной 10-12 см. Во втором помещении первый уровень пола понижается к югу на 15-20 см. На нем было отмечено скопление целых сосудов и их фрагментов, представляющих собой исключительный интерес, так как они оказались зажатыми между полами и могут быть датированы более точно. Этот комплекс позволил внести ясность в хронологические рамки бытования разных форм посуды, оказавшихся здесь вместе, тогда как взятые отдельно они могли бы датироваться разным временем. В частности, это касается кувшинов по ножкам, которые обычно относят к более позднему времени.

Особенностью помещения 2 является отсутствие южной стены, что хорошо видно по восточной стене, сохранившей гладкую южную грань, со следами былой штукатурки. Помещение представляет собой открытый во двор айван, выполнявший функцию парадной комнаты длиной 4,5 м и шириной 2,2 м, и характерный для парфяно-сасанидской дворцовой архитектуры¹. Такие айваны использовались и в жилой архитектуре, выполняя роль парадных помещений, с выходом во двор². Для Мерва это уникальное открытие, позволяющее говорить о новых принципах планировки и строительных приемах в жилой архитектуре Эрк-калы, если учесть, что и при парфянах и сасанидах она выполняла роль цитадели-крепости.

Помещение 3 расположено к востоку от помещения 2, вход был со стороны двора. Стены сложены из сырца 40-42 на 10-11 см, с использованием половинок для перевязки. Западная стена примыкала вплотную к восточной стене второго помещения, создавая дополнительную опору для сводчатого перекрытия айвана. Над южным дверным проемом сохранились следы перехода в свод. В одном метре от западной стены в IV-V ярусах обнаружена, спущенная сверху яма, в рыхлом заполнении которой встречено 32 фрагмента остраконов. Надписи нанесены черной тушью на стенки сероглиняной керамики; на некоторых надписи с обеих сторон. По начертанию букв и скорописи, которые характерны для реднеперсидского почерка (пехлеви на арамейской основе), остраки можно отнести к VI-VII вв. Первоначальное ознакомление с находкой позволило А.Б. Никитину отнести их к той же категории, что и остраки с буддийского памятника в Мерве и датировать VI-VII вв.³

К северу от помещения 3 находилось помещение 4, в котором отмечен уровень пола с очагами. Рядом находились клинчатые кирпичи и перевернутый хум, использованный в качестве тандыра. Пол перекрывает заполнения помещений 1 и 2, и связан он с разрушенным верхним культурным слоем. Найденные на раскопе медные монеты определены А.Б. Никитиным как сасанидские, общегосударственного и местного чекана. Керамика с первого пола помещений 1 и 2 представлена следующими формами: хумы, хумча, котлы, кувшины разных типов, горшки, чаши, крупная кружка типа бокала с одной ручкой. Вся посуда сделана на гончарном круге, черепок хорошего качества, розового серого и желтоватого цветов со светлым, розовым и серым ангобом. На некоторых сосудах следы вертикального рифления, украшения в виде волнистых линий. В тесто кухонной посуды, в качестве отошителей, добавлены дресва и песок, поверхность заглажена, хорошо сохранился ангоб. В заполнении помещения 3 встречены фрагменты стеклянной посуды, бронзовые наконечники стрел, бронзовая обкладка рукояти ножа, каменная формочка, керамическая курильница.

Стратиграфия раскопа позволила установить, что юго-восточная часть городища интенсивно обживалась в III-V вв. н.э. Выявленные уровни полов указывают на несколько строительных этапов и ремонтов на одном и том же объекте, что свидетельствует о плотной застройке территории цитадели, где в пределах мощных городских стен не было возможности жить рассредоточено. Это и определило здесь такое мощное накопление культурных слоев. Жилой дом на раскопе 9 строится на руинах здания предшествующей эпохи в середине III в. н.э., когда Мерв оказался в составе Сасанидского государства. С IV века появилась реальная военная угроза со стороны северных кочевых племен и Мерв был постоянно в поле зрения сасанидских царей. Шапур II заключил договор с хионитами и галанами⁴. Кризисные явления сильно ослабили Мерв, особенно при Хормизде (302-309 гг.). Чувствуется некоторый упадок в хозяйственной жизни страны. На Гяур-кале пустеет целый сектор, где в основном располагались ремесленные кварталы медников, мукомолов, керамистов и стеклодувов. На Эрк-кале приходит в упадок здание на раскопе 3, а также объект на месте будущего арсенала. На этих холмах на поверхности нет материалов позднее III-IV вв. Экономический спад усугубился борьбой с эфталитами в первой половине V века. Варахран V (420-438 гг.) разбивает эфталитов под Мервом, а

¹ Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. I. М., 1970. С.318-325, рис. 32-35.

² Кошеленко Г.А. Культура Парфии. М., 1966. С.124-130.

³ Никитин А.Е.. Среднеперсидские надписи из буддийского святилища в Старом Мерве // ВДИ. 1992. №1. С.95-101.

⁴ Луконин В.Г. Завоевание Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии // ВДИ. М., 1969. №2. С.42.

Ездигерд II постоянно держал армию на северной границе, для чего основал в Мервском оазисе военную ставку. Однако военные действия Ездигерда II против эфталитов и хионитов окончились поражением. Эта борьба ослабила Сасанидское государство и тяжело сказалась на Мерве, который был ареной военных столкновений. В начале V века в оазисе все еще чувствовался экономический спад. Именно в это время спокойно существует не только христианская община на пустующей территории Гяук-калы (IV - начало V в.), но и община буддистов в юго-восточной части городища, где были построены ступа и сангарамы. В этот тяжелый период для Мерва на Эрк-кале функционировал жилой дом, изученный на раскопе 9.

Во второй половине V века Мерв выходит из кризиса, укрепляется новый уклад хозяйства, большую роль в экономической и культурной жизни города и его округа стали играть отдельные замки-кешки, в которых теперь жила новая земельная аристократия, составлявшая опору государственной власти. Последний этап в истории Эрк-калы связан с арабами, когда в период пребывания здесь халифа осуществлялось укрепление городских ворот и гребней крепостных стен жженым кирпичем-маломеркой. С X века Эрк-кала, по данным письменных источников, находится в руинах.

В.С. Хан
(Ташкент)

ТЕОРИЯ АНТРОПОГЕНЕЗА СЕГОДНЯ: ОТКРЫТИЯ И ГИПОТЕЗЫ

Открытия последних десятилетий радикально изменили прежние представления о происхождении человека, что сделало теорию антропогенеза одной из самых динамично развивающихся областей научного знания. Будучи областью междисциплинарных исследований, современная теория антропогенеза формируется в горниле открытий, получаемых не только в области археологии и палеоантропологии, но и в сфере молекулярной биологии, ядерной геохронологии, палеоэкологии, биомеханики, этологии, информационных технологий и других научных дисциплин. Выход теории антропогенеза на новый уровень эмпирического и теоретического обоснования ранее делавшихся гипотетических конструкций и допущений, *или* их переосмысления, не означает установления единства позиций по всем, некогда спорным вопросам. По всему периметру проблемного поля теории антропогенеза по-прежнему идут ожесточенные споры.

В свете новейших открытий не может не возникнуть вопрос о том, какие представления прошлых лет подверглись ревизии, а какие – остались в арсенале современного научного знания? Другой немаловажный вопрос – о природе или методологических предпосылках и эмпирической базе, лежащих в основе прошлых и настоящих представлений о происхождении человека и влияющих на построение тех или иных концептуальных схем.

Важнейшим условием обновления теории антропогенеза стало принципиальное изменение самой *системы доказательств* по многим ключевым вопросам, таким как определение ближайших родственников человека, времени появления собственно гоминидной линии и принципов классификации гоминид. Долгое время в основе аргументации той или иной концепции по обозначенным вопросам лежал морфологический анализ ископаемых костных останков. Сегодня морфологический анализ, прежде всего, относительно определения места того или иного вида в систематике, начинает перемещаться в область косвенных свидетельств, в то время как функцию доказательств начинают выполнять результаты, полученные в молекулярной биологии и генетике.

Изменения в системе доказательств повлекли за собой и изменения в самой картине антропогенеза. Результаты морфологического анализа по ряду вопросов носили принципиально гипотетический характер, что порождало нескончаемые дискуссии. Молекулярно-генетические исследования дали ту основу, которая позволила гипотетические конструкции заменить точными выводами.

Во-первых, в связи с недавними результатами по расшифровке генома человека, можно считать снятой проблему его ближайших родственников среди ныне живущих приматов. В свое время высказывались тарзиальная гипотеза о происхождении человека от древнетретичного долгопята (Ф. В. Джонс), гипотезы о происхождении человека от американских обезьян (К. Фогт, Ф. Амегино, Д. Серджи). Однако наибольшее количество ученых придерживалось теории родственных связей человека с антропоидами. В качестве ближайших родственников человека выдвигались гиббоны (Г. Пильгрим, Г. Верт, А. Шульц), орангутаны (Г. Клаач, Г. Фриденталь), гориллы (А. Кизс, Ф. Вейденрейх), шимпанзе (Г. Швальбе, В. Грегори, Г. Вейнерт) [М. Нестурх, 1970: 95-123]. Все эти концепции базировались, прежде всего, на морфологическом анализе. По мере развития сравнительных анатомо-физиологических, а также молекулярных исследований гипотеза о близком родстве с шимпанзе ста-

новилась все более доминирующей. А после недавних публикаций по расшифровке генома человека на генетическом уровне было доказано, что ближайшим, ныне живущим, родственником человека является именно шимпанзе, который отличается от нас по генам чуть более 1,5 % [Wildman D. E., Uddin M., Liu G., Grossman L. I., Goodman M., 2003: 7181-7188].¹

Генетические исследования прояснили не только степень родственных отношений с антропоидами, но и, как мы покажем ниже, с ископаемыми гоминидами, в частности с неандертальцами, долгое время считавшихся непосредственными предками людей современного физического типа.

Во-вторых, неизмеримо точнее, по сравнению с прежними представлениями, определился период, в рамках которого начинается собственно линия человеческой эволюции. Согласно данным, основанным на скорости изменения нуклеотидной последовательности молекулы ДНК (метод «молекулярных часов»), у нас с современными высшими обезьянами был *общий* далекий предок, а эволюционное разветвление линии их предков и гоминидной линии, ведущей к человеку, произошло около 5-7 млн. лет назад. Если говорить о шимпанзе, то эта дивергенция произошла 5 млн. лет назад, отделение же линий горилл и орангутангов произошло раньше. Цифра близкая к 5 млн. лет была получена еще в 60-х годах на основе анализа белков крови (сывороточного альбумина) человека и шимпанзе. Однако в те годы палеонтологи полагали, что разделение между ними произошло около 10-25 млн. лет назад. Достаточно обратиться к генеалогическим древам У. Ле Гро Кларка (1959 г.), М. Нестурха (1970 г.), Дж. Нейпера (1971 г.), Я. Елинека (1985 г.), в которых период разветвления гоминидных форм и крупных антропоидов помещен в районе 13-15 и даже 20 млн. лет. А по Б. Куртену разделение гоминидов и человекообразных обезьян и вовсе произошло 30-40 млн. лет назад [Нестурх М., 1970: 70-71 (вкладыш); Иди М., 1977: 53, 130, 140; Елинек А., 1985: 16]. Разница подходов палеонтологов и иммунологов на протяжении почти трех десятилетий являлась камнем преткновения. «Как может наука двигаться вперед, - писал в 70-х годах М. Иди, - если палеонтологи утверждают, что разделение человека и человекообразных обезьян произошло тогда-то, тогда-то или тогда-то – вплоть до 50 миллионов лет назад, а иммунологи утверждают, что оно случилось всего четыре миллиона лет назад?» [Иди М., 1977: 136].

В-третьих, достижения в области молекулярной биологии и генетики поставили на повестку дня вопрос о смене самих принципов систематики гоминид, что сравнительно недавно бы рассматривалось как посягательство на святое святых. А как сегодня пишет М. Л. Бутовская: «В наши дни прочно утвердилось мнение, что классификация гоминид должна строиться не на основе морфологических признаков, а на степени генетического родства» [Бутовская М. Л., 1998, № 9]. В этом плане показательна статья директора палеоантропологии южноафриканского университета Йоханнесбурга Ли Бергера «Точка зрения: время пересматривать систему научных наименований?», в которой автор, основываясь на данные генетики, подчеркивает, что морфологические различия не являются доказательством эволюционных отношений, и что мы должны заменить классификацию, основанную на морфологических признаках, на систему, представляющую эволюционные отношения на основе генов [Berger L. R., 2001].

Другим важным источником ревизии прежних представлений стали новые палеоантропологические находки последних трех десятилетий. В результате этих находок изменились представления о времени, условиях и морфологических характеристиках древнейших гоминид.

Во-первых, начальная дата прямохождения отодвинулась минимум на 1,5-2 млн. лет в глубь истории, чем это ранее предполагалось.²

Наиболее древними доказанными фактами прямохождения на сегодняшний день являются цепочка следов в Летоли (3,8 млн. лет назад) и строение костных останков *A. anamensis* (4,2-3,9 млн. лет назад) и *A. afarensis* (3,9-2,9 млн. лет назад). Обладали ли более древние существа (ардипидек, сахелантроп и оррорин) прямохождением – постоянное поле дебатов. Например, авторы находки сахелантропа признают, что имеющиеся останки не дают основания твердо говорить о прямохождении, хотя считают, что, скорее всего, это имело место [Brunet M., Guy F., Pilbeam D., Mackay H., Likius A., Djimdoumalbaye A., 2002, 418: 145-151]. А. Зубов также допускает возможность бипедии у Тумая, но не выражает этот тезис в категоричной форме: «Точка прикрепления шейных мускулов на задней

¹ В 70-х годах эта цифра составляла 2, 5% (работы Д. Кона и Б. Хойера) [Иди М., 1977: 131].

² В результате открытий последних десятилетий удревнилось не только прямохождение. Так, производство орудий удревнилось с 1, 75 млн. лет (Олдувай, Танзания) до 2,3-2, 6 млн. лет (Эфиопия, Кения). Еще недавно считалось, что древнейшие люди – *Homo erectus* – жили несколько сот тысяч лет тому назад. Открытие *Homo ergaster* (1,8-1,4 млн. лет назад, Кения), резко удревнило время появления первых представителей рода *Homo*. С открытием *Homo georgicus* (1, 8 млн. лет назад, Дманиси, Грузия) почти на миллион лет удревнилось появление *Homo erectus* в Европе.

стороне черепа позволяет предположить, что Тумай был прямоходящим» [Зубов А., 2003, 5]. О локомоции *A. Ramidus* неопределенно отмечается, что она эволюционировала в сторону прямохождения [Jordan P., 1999: 19]. Отсутствие категоричности, а порой и скептицизм, имеют место и относительно прямохождения у *A. Ramidus kadabba* и *Orrorin tugenensis* [Shipman P., 2002: 25; Aiello L. C. And Colvard M., 2001: 526-527].

Новые находки

Наименование находки	Возраст	Год и место находки	Авторы находки
<i>Australopithecus afarensis</i> (Люси и другие хадарские гоминиды)	3,9 – 2,9 млн. лет назад	1974 - 1976 гг., Хадар, Эфиопия	Дональд Джохансон, Том Грэй и др.
Следы в Летоли	3,8 млн. лет назад	1978 г., Летоли, Танзания	Мэри Лики, Паул Абель
<i>Ardipithecus ramidus</i>	4,4 – 4,5 млн. лет назад	1992 г., Арамис, Эфиопия	Тим Уайт, Г. Сува, Б. Эсфю
<i>Ardipithecus ramidus kadabba</i>	5,2 – 5,8 млн. лет назад	1997-2001 гг., Эфиопия	Йоханнес Хайле-Селаз
<i>Australopithecus anamensis</i>	4,2 – 3,9 млн. лет назад	1994 г., Канапо, Кения	Мив Лики, Петер Нзубе
<i>Australopithecus bahrelgazali</i>	3,3 – 3 млн. лет назад	1995 г., Коро Торо, Чад	Мишель Брюне
<i>Australopithecus garhi</i>	2,5 – 2,3 млн. лет назад	1997 г., Боури, Эфиопия	Тим Уайт, Йоханнес Хайле-Селаз
<i>Kenyanthropus platyops</i>	3,5 – 3,2 млн. лет назад	1999 г., Ломекви, Кения	Мив Лики, Юстус Эрус
<i>Orrorin tugenensis</i>	6 млн. лет назад	2000 г., Кения	Мартин Пикфор, Брижит Сеню
<i>Sahelanthropus tchadensis</i> (Тумай)	7 – 6 млн. лет назад	2002 г., Южная Сахара, Чад	Мишель Брюне, Ахоанта Джимдоумалбе

Прямохождение всегда рассматривалось как признак, непосредственно ведущий к гоминизации, и, прежде всего, к производству орудий. Встать на две ноги - означало встать на путь очеловечивания. Подобное понимание сущности человека и, соответственно, принципиальной роли бипедии встречается и сегодня. Так, Ричард Лики в одной из своих последних работ, говоря о том, что ряд ученых используют термин «гоминид» для обозначения всех видов людей, включая ископаемые, а термин «человек» только для обозначения людей подобных нам, пишет: «...Определение «человек» просто подразумевает, что обезьяны, которые ходили вертикально – двуногие обезьяны». И далее: «Возникновение двуногой локомоции является столь значительной адаптацией, что оправдано называть все виды прямоходящих обезьян «человеком» [Leakey R., 1994: 13; См. также: Алексеев В. П., 1984: 94-95].¹ Именно поэтому каждое обнаружение более древнего свидетельства прямохождения носило характер сенсации. Так было с открытием Д. Джохансоном в 1974 г. в Эфиопии скелета самки *Australopithecus afarensis*, прозванной Люси, чей возраст был определен в 3,4-2,8 млн. лет. Афаренсис сменил с пьедестала прародителя древа человеческой эволюции австралопитека африканского (по причине своей древности, сопряженной с бипедией). Так было с обнаружением следов в Летоли. Так было с *A. anamensis*. Так было с ардипитеком и оррорином.²

Сенсационный характер древних прямоходящих форм всегда был связан с тем, что бипедия напрямую увязывалась с направленностью эволюции в сторону человека. Поэтому каждый найденный

¹ Стремление стереть грань между человеком и прямоходящими приматами приводит к тому, что даже косвенные свидетельства о бипедии приводят к тому, что ископаемых обезьян, именно обезьян, объявляют древнейшими людьми, что, например, делает по отношению к оррорину И Лалаянц [Лалаянц И., 2002, № 7].

² История находок гоминид или близких им форм изобилует примерами субъективной предвзятости авторов открытий относительно места своих находок в эволюции гоминид. Практически никто из них (Р. Дарт, Е. Дюбуа, Д. Джохансон, Р. Лики, Т. Уайт и др.) не избежал искушения именно свои находки объявить либо «недостающим звеном», либо исходной формой, ведущей к человеку, либо первым Номо.

более древний прямоходящий (или считавшийся таковым) примат объявлялся очередным претендентом на *нашего* предка. Насколько это оправдано?

Во-первых, обнаружение многообразных форм прямоходящих приматов за *1, 5 млн. лет* (это не сто, не тысяча и даже не сто тысяч лет) до первых самых примитивных форм производственной деятельности и увеличения головного мозга,¹ говорит о том, что сама бипедия была чисто *биологическим* приобретением, не означающим *необходимости* последующей гоминизации.

Во-вторых, известно, что бипедия как у *A. africanus*, так и парантропов - доказанный факт [Алексеев В.П., Першиц А.И., 1990: 109-110; Tattersall I., 1998: 125; Klein R., Edgar B., 2002: 35]. Если по поводу первых иногда и допускается роль предков *Homo*, то *робустосы* и *бойсеи* уж точно боковые ветви человеческой предистории. Иначе говоря, прямохождение не является атрибутивной характеристикой *только* людей и *их* предков. Данный вывод подтверждается недавней находкой *Ogierithesuc bambolii*, ископаемого примата, обитавшего 9-7 млн. лет назад на островах (территория современных Аппенин), обладавшего прямохождением и не имевшего никакого отношения к эволюции человеческих видов на континенте [Moyà-Solà S., Köhler M., Rook L., 1999: 313-317; Rook L., Bondioli L., Köhler M., Moyà-Solà S., Macchiarelli R.: 1999: 8795-8799].

В научной литературе последних лет все чаще можно увидеть признаки отхода антропоцентристского понимания бипедии ископаемых приматов. Показательно, что ряд авторов начинает избегать называть древние находки ардипидека и ранних австралопитековых гоминидами, обозначая их как «прямоходящих человекообразных обезьян» [Klein R., Edgar B., 2002: 29-62]. Как пишет Ян Таттерсаль, даже стало модным их называть «прямоходящим шимпанзе» [Tattersall I., 1998: 111].²

Новые находки, и, прежде всего, *A. ramidus* подвергли сомнению общепринятую концепцию о том, что эволюция, ведущая к человеку, началась в связи изменением климата, поредением лесов и появлением открытых пространств. Суть проблемы заключается в том, что по палеоэкологическим материалам *A. ramidus* обитал в тропическом лесу. Ставится вопрос о том, что «двуногое хождение возникло вне связи с глобальными изменениями климата и аридизацией среды обитания предков человека, а значит, не было адаптацией к жизни в открытых пространствах» [Бутовская М. Л., 1998], поскольку аридизация Восточной Африки началась спустя 2 млн. лет после перехода приматов к прямохождению.³

Произошел отказ от бытовавшей прямолинейной стадиальной схемы «австралопитек – питекантроп – неандерталец – *Homo sapiens*». Как отмечают археологи, современная картина антропогенеза «склоняет к идее не прямолинейного и однозначного, но сложного и многопланового процесса становления людей» [Ларичев В.Е., 1990: 242]. Она сегодня представляется не в виде прямого древа с ветвями (тупиковыми линиями эволюции), а в виде куста, где в каждую эпоху эволюционного развития соседствовало множество конкурирующих линий гоминид. Иначе говоря, в далеком прошлом по пути гоминизации шли *различные* виды приматов. Это относится как к антропоидным предкам человека, так и к самому роду *Homo*, то есть можно говорить о различных линиях эволюционного развития и различных формах *Homo*. Даже в момент своего появления человек современного биологического типа был представителем лишь *одной* из линий рода *Homo* (наряду с неандертальцами).

¹ Объем и структура мозга, равно как и деятельность ранних австралопитековых, мало чем отличались от антропоидов.

² Наметившаяся в последние годы тенденция новой интерпретации ископаемых прямоходящих приматов совпадает с позицией автора настоящей статьи, высказанной 20 лет. В своей диссертации автор подверг критике антропоморфную интерпретацию бипедии и орудийной деятельности ископаемых приматов, ведущей к телеологическому пониманию гоминизации, как имеющей заданный характер: «В процессе эволюции более развитые (животные) формы отличались от менее развитых отнюдь не тем, что обладали большим количеством «человеческих» черт. Рассуждать иначе – значит рассматривать данный процесс как заданный, где от исходной «чисто» животной формы идет постепенное накопление «человеческих» черт, которое в конце концов приводит к человеку (обладателю всех человеческих черт). Такое видение эволюционной картины происходит потому, что такие элементы как прямохождение, использование естественных предметов, их подработку (которую часто неверно называют изготовлением орудий труда) и т. д., заранее считают человеческой монополией. Однако это не так. Все, что характерно для грацильных австралопитеков, определенная разновидность которых имела непосредственное отношение к становлению человека, в основном было характерно и для массивных видов, которые представляли из себя тупиковые ветви *биологической* эволюции» [Хан В. С., 1985: 51-52].

³ Эта мысль, правда, без какого либо обоснования, в силу отсутствия соответствующих данных, высказывалась еще в 80-х годах, до открытия *A. ramidus*: «Не исключена возможность, что превращение обезьян в предлюдей завершилась еще в лесу, и лишь в дальнейшем в основном уже сформировавшиеся предлюди перешли в саванну» [Семенов Ю.И., 1989: 51].

В свете новых данных меняется картина о взаимоотношениях между архантропами, палеоантропами и неантропами. Предполагается, что некоторые виды архантропов имели отношение к появлению людей современного типа, а некоторые остались таковыми, либо эволюционировали в неандертальцев. Иначе говоря, в лице *Homo erectus* мы также встречаемся с феноменом *различных* видов (подвидов) древнейших *людей*.

Говоря о смене стадии древнейших людей стадией древних людей, необходимо иметь в виду, что данная стадиальность не означает, что все архантропы превратились в палеоантропов. Поскольку в различных регионах существовали различные популяции архантропов, некоторые из них эволюционировали в новый вид, а некоторые, сохранив прежние черты, определенное время сосуществовали с более прогрессивными палеоантропами. Кроме того, надо иметь в виду, что сами палеоантропы также подразделялись на виды, имевших разных предков из среды архантропов. К последним можно отнести неандертальцев и, так называемых, архаических сапиенсов.

До недавнего времени неандертальцы считались прямыми предшественниками людей современного биологического типа. Однако недавние находки неандертальцев, датируемые в 28 000 лет, временем, когда уже обитал неантроп, говорят о сосуществовании в одном временном интервале двух разновидностей рода *Homo*. У них был общий предок, а расхождение линий, ведущих к неандертальцу и неантропу, произошло между 690-550 тыс. лет назад. Генетические исследования ДНК неандертальцев и людей современного типа подтвердили, что генетический материал неандертальцев, скорее всего, не вошел в наш генетический фонд. Результаты 1999 г., полученные немецкими учеными [Krings M., Geisert H., Schmitz R. W., Krainitzki, Paabo S., 1999: 5581-5585], получили подтверждение в 2000 г. группой российских, британских и шведских ученых [Ovchinnikov I., Gotherstrom A., Romanova G., Kharitonov V., Liden K., Goodwin W., 2000: 490-493], а также исследованиями итальянских и испанских биологов в 2003 г., сравнивших ДНК неандертальцев и кроманьонцев [Caramelli D., Lalueza-Fox C., Vernesi C., Lari M., Casoli A., Mallegni F., Chiarelli B., Dupanloup I., Bertranpetit J., Barbujani G., Bertorelle G., 2003: 65693-6597]. Иначе говоря, неандертальцы являются нашими родственниками, но не предками.

Все чаще для понимания тайн нашего прошлого начинают применяться компьютерные технологии. Например, 3D моделирование кисти неандертальца позволило понять ее манипуляционные возможности [Берд К., 2003]. Осуществлено прослойное просвечивание ряда останков: костей неандертальца и бэби из Таунга.

Как мы видим, применение достижений современной науки в различных областях существенным образом сказывается на реконструкции антропогенеза. Дальнейшее развитие научных методик и технологий, безусловно, уже в ближайшем будущем позволит серьезно продвинуться в ликвидации белых пятен человеческой предыстории.

Литература:

1. Алексеев В. П. Становление человечества. М., 1984.
2. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 1990.
3. Берд К. Одним мифом меньше // Компьютерра, 20 мая 2003.
4. Бутовская М. Л. Эволюция человека и его социальной структуры // Природа, 1998, № 9. – См. электронную версию: <http://www.vivovoso.rsl.ru/W/PAPERS/NATURE/HOMO.HTM/>
5. Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1985.
6. Иди М. Недостающее звено. М., 1977.
7. Зубов А. Наследники по прямой // Вокруг света, М., 2003, №5. - См. электронную версию: <http://www.vokrogsveta.ru>
8. Лалаянц И. Гомо сапиенс и геном // Наука и жизнь. М., 2002, № 7.
9. Ларичев В. Е. Поиски предков Адама // Мироздание и человек. М., 1990.
10. Нестурх М. Происхождение человека. М., 1970.
11. Семенов Ю.И. На заре человеческой истории. М., 1989.
12. Хан В.С. Генезис элементарных логических форм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1985.
13. Aiello L.C., Colard M. Our newest oldest ancestors? // Nature, 2001, N 410.
14. Berger L. R. Viewpoint: Is It Time to Revise the System of Scientific Naming? // National Geographic News, 2001, December 4. – См. Электронную версию: http://news.nationalgeographic.com/news/12/1204_hominin_id.html
15. Brunet M., Guy F., Pilbeam D., Mackay H., Likius A., Djimdoumalbaye A. A new hominid from the upper Miocene of Chad, central Africa // Nature, 2002, N 418.
16. Caramelli D., Lalueza-Fox C., Vernesi C., Lari M., Casoli A., Mallegni F., Chiarelli B., Dupanloup I., Bertranpetit J., Barbujani G., Bertorelle G. Evidence for a genetic discontinuity between Neandertals and 24,000-year-old ana-

- tomically modern Europeans // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2003, vol. 100, N 11.
17. Jordan P. Early Man. UK: Sutton Publishing Ltd., 1999.
 18. Klein R., Blake E. The Dawn of Human Culture. N.-Y.: J. Wiley & Sons, Inc., 2002.
 19. Krings M., Geisert H., Schmitz R. W., Krainitzki, Paabo S. DNA sequence of the mitochondrial hypervariable region II from the Neandertal type specimen // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1999, vol. 96, N 10.
 20. Leakey R. The Origin of Humankind. N.-Y.: BasicBooks, 1994.
 21. Moyà-Solà S., Köhler M., Rook L. Evidence of hominid-like precision grip capability in the hand of the Miocene ape *Oreopithecus* // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1999, vol. 96, N 1.
 22. Ovchinnikov I., Gotherstrom A., Romanova G., Kharitonov V., Liden K., Goodwin W. Molecular analysis of Neandertal DNA from the northern Caucasus // Nature, 2000, N 404.
 23. Rook L., Bondioli L., Köhler M., Moyà-Solà S., Macchiarelli R. *Oreopithecus* was a bipedal ape after all: Evidence from the iliac cancellous architecture // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 1999, vol. 96, N 15.
 24. Shipman P. Hunting the First Hominid // American Scientist, 2002, vol 9, N 1.
 25. Tattersall I. Becoming Human. San Diego – New York - London: Harcourt Brace & Company, 1998.
 26. Wildman D. E., Uddin M., Liu G., Grossman L. I., Goodman M. Implications of natural selection in shaping 99.4% nonsynonymous DNA identity between humans and chimpanzees: Enlarging genus *Homo* // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2003, vol. 100, N 12.

М. Хасанов
(Самарканд)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КРЕСТООБРАЗНОЙ ПЛАНИРОВКИ В АРХИТЕКТУРЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1984-86 гг. Кашкадарьинский отряд проводил археологический раскопки на отдельно стоящем тепе, расположенным в 250 м к северу от центрального холма поселения-крепости Киндиктепа¹. Киндиктепа находится на северо-западной окраине Каршинского оазиса.

Наиболее высокая часть холма достигает высоты 3 м. Верхние слои памятника снесены, вокруг бугра площадь усеяна фрагментами керамических сосудов.

С целью изучения этого объекта были произведены раскопочные работы. Вскрыто 15 помещений, объединяющихся в один комплекс, который делится на три части - центральную, северо-восточную, юго-западную.

Центральный комплекс. Центральная часть, являясь основной для всего комплекса, состоит из четырех помещений, связанных между собой проходами и образующими в целом форму креста. Стены монументальные, из пахсы толщиной до 2,5-2,7 м. Центральная часть раскопа объединяется с остальными через помещение 1.

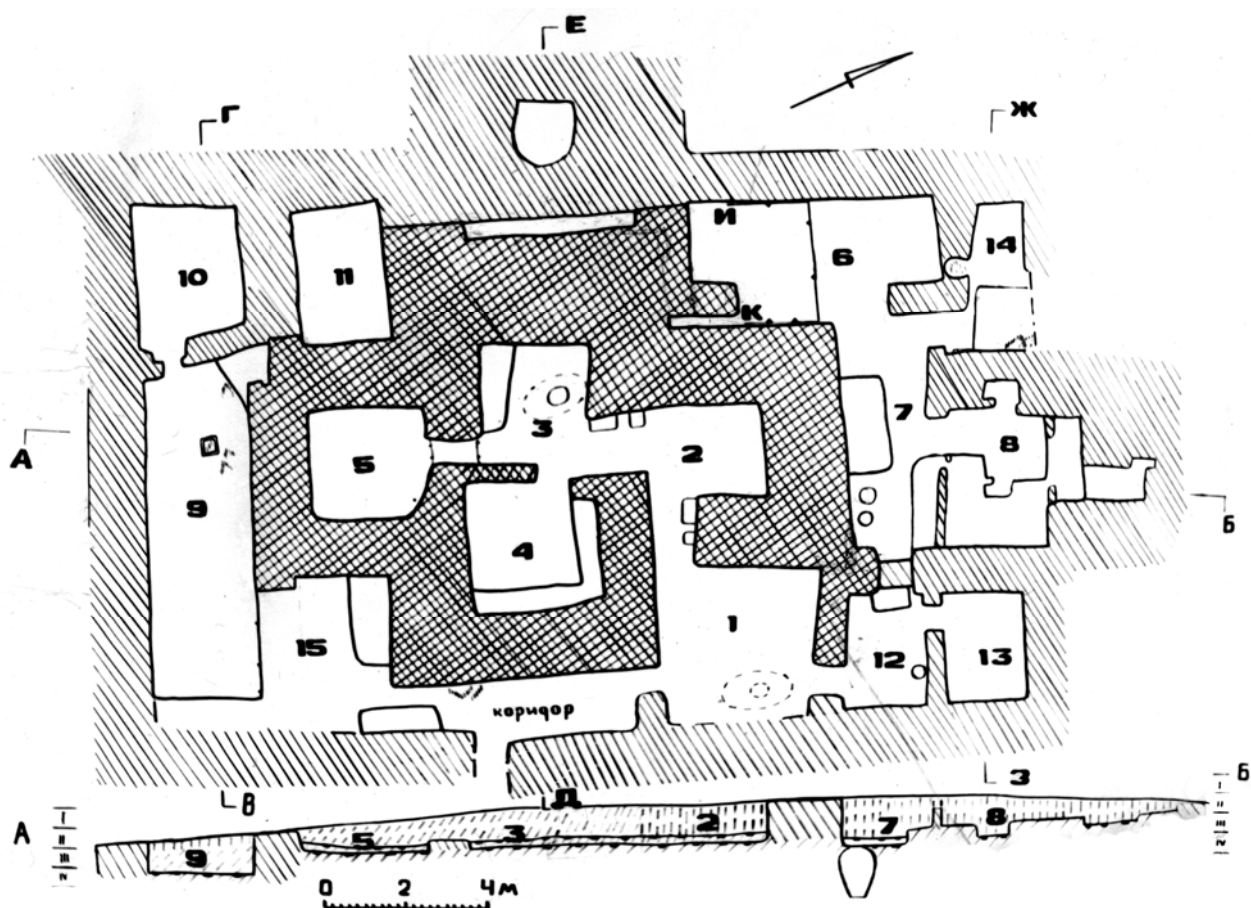
Помещение 2 (3x2,4 м) находится к северо-западу от помещения 1. Между помещениями мощная пахсовая стена толщиной 1,7 м. Она являлась некогда одной из фасадных стен центрального комплекса. На пороге сохранились остатки от дверной коробки, состоящие из двух пахсовых выступов (60x40 и 40x40 см), по сторонам гнезда от деревянного косяка сечением 20x15 см.

В помещения 3 (2,3x2,6 м) открыты два уровня пола, относящихся к небольшому отрезку времени, нижний выявлен на глубине 1,25 м от реперной точки. Из верхнего припольного слоя собраны фрагменты керамических сосудов и одна нахшебская монета V-VI вв.²

Проход в помещение 3 (3x2,6 м) в юго-западной части помещения. Он имеет конструкцию, аналогичную дверному проему между помещениями 1 и 2. Ширина прохода около 1,5 м. Вдоль южной стены имеется суфа, шириной около 0,8 м и высотой около 10-15 см. В центре помещения вскрыта яма яйцевидной формы. Она слегка вытянута с юго-запада на северо-восток, глубиной около 1,2 м, на уровне пола ее устье шириной около 0,7 м, заполнена рыхлой землей с органическими остатками.

¹ Хасанов М. К стратиграфии городища Киндиктепа // Я. Г. Гулямов и развитие исторической науки в Узбекистане. Тезисы научной конференции, посвященной 80-летию академика АН Уз ССР Я.Г. Гулямова. Ташкент, 1988. с.96-97; Еще раз о крестообразной архитектуре. Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии //Тезисы докладов международной конференции, посвященной 25-летию образования Института археологии АН РУз и 60-летию академика А. А. Аскарлова, г. Самарканд, 20-21 сентября 1995 г.

² Кабанов С.К. Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III-IV вв.) Ташкент, 1977.

План усадьбы близ поселения Киндиктепа

Помещение 4 (3x3 м) находится юго-восточнее помещения 2. Оно отделено от помещения 3 выступающей тонкой перегородкой (1,6x0,4 м). Вдоль северо-восточной и юго-восточной стены имеются суфы шириной 0,6 м. Имеются два уровня полов. Верхний пол неровный и поднимается, как пандус к юго-восточной стене. Около юго-западной стены на верхнем полу найдена глиняная очажная подставка и рога козла. Пол расположен на глубине 1,1 м от реперной точки. Имеются два уровня полов. Заполнение над верхним полом состоит из рыхлой земли с обломками пахсовых стен, толщиной 0,7-0,8 м, над нижним полом в основном, из гумуса, толщиной 15 см.

Помещение 5 (2,8x2,8 м) расположено юго-западнее помещений 3 и 4. Проход в помещение шириной 0,6 м, находится в середине северо-восточной стены. Уровень пола на глубине 1,5 м от реперной точки. Пол в виде утрамбованной земли. На нем слой органических остатков. Заполнение состоит из рыхлой земли с фрагментами керамических сосудов.

В северо-западной части раскопа вскрыта подквадратная в плане с закруглением в южной части яма, размерами 1,6x1,4 м, стены которой не обмазаны штукатуркой. Дно на глубине 1,53 м от реперной точки. На нем органические остатки, смешанные с рыхлой землей. В заполнении имеются фрагменты керамических сосудов, аналогичные материалами с полов других помещений.

Таким образом, само расположение помещений показывает, что здание имело довольно сложную монументальную архитектуру. Центральный комплекс был особо высокой постройкой, что объясняет толщину его стен. Относительно к монументальным стенам помещения очень узкие, возможно, это связано с его функцией.

Северный комплекс. Северо-восточная часть раскопа состоит из семи помещений, объединяющихся в единый комплекс общим коридором (пом.7). Весь комплекс вписывался по наружному контуру в прямоугольник, образованный обводной пахсовой стеной.

Помещение 1 (4,2x3,6 м) находится, как отмечено выше, в северо-восточной части центрального комплекса. Это помещение связывает центральную крестообразную часть с окружающим его обводным комплексом. Оно имеет проходы с трех сторон: в сторону северного комплекса в северо-восточном углу помещения и проход в помещения с южной стороны, в сторону центрального комплекса с северо-западной части помещения. Над полом помещения были прослежены органические

остатки.

Помещение 6 (6x2 м) находится в северо-западной части здания. В середине юго-восточной стороны имеется широкий проход шириной 3,7 м. Часть прохода закрывается северо-восточным углом центрального комплекса. В южном углу помещения между пристроенной стеной и стенами центральной части остается пространство шириной 0,35 м.

Заполнение помещения состоит из утрамбованной земли средней плотности, толщиной 60-50 см, сопровождающий материал в виде керамических сосудов. Пол обмазан глиной с примесью самана и прослежен на глубине 1,8 м от реперной точки.

Помещение 7 (6x2 м). Между помещениями 12 и 6 имеется сквозное помещение-коридор. Он объединяет пять помещений в единый комплекс.

В середине северо-восточной стены, в юго-восточной стене, а также и в северо-западной имеются проходы в другие помещения. В середине у южной стены коридора имеется суфа (2,4x1 м) высотой 0,4 м. В восточной части коридора прослежена срубленная стена (2,3x0,6 м), стоящая на нижнем полу, высотой 1,5x2 см. Уровень нижнего пола в 1,5 м от реперной точки. Над нижним полом 15-20 см гумусированная земля, верх которой соответствует верхнему полу. Заполнение состоит из утрамбованной земли с комками пахсы толщиной около 70-80 см.

Помещение 8 (2,6x3,6 м) находится к северо-востоку от помещения 7. С трех сторон в нем имеются небольшие отсеки, отделяющиеся закрылками-стенками. Первый отсек в виде ниши находится в середине северо-восточной стены, размер его в плане 0,9x0,5 м. Другой - напротив него, выгорожен в суфе, он меньшего размера. В северо-восточной стене имеется и третий отсек в виде ниши размерами 1,2x0,8 м в плане. В заполнении этого отсека найдена одна монета, выпущенная в подражание медным монетам Весудевы. Аналогичная монета по типологии Е.В. Зеймалья относится к V периоду¹.

Около северного угла у суфы найден колокольчик с ручкой, с изображением летящей птицы. Внутри колокольчика обнаружена дисковидная каменная подвеска с отверстием в центре диаметром около 2 см, толщиной около 0,5 см. В верхней части колокольчика есть отверстие для подвешивания. Рядом с колокольчиком найдена костяная шпилька с отверстием у верхнего края. Около неё миниатюрный кувшинчик.

Помещения 12 и 13 (2,9x2,2 и 2,8x2 м) находятся в северо-восточной части всего комплекса. Разделены они сырцовой стеной толщиной около 60 см.

На последнем этапе жизни проход из помещения 12 в помещение 7 закладывается кирпичной кладкой. Перед кладкой - сырцовая приступка. Около северо-восточного угла хум грушевидной формы с валикообразным венчиком. Вход в эти два помещения (12 x13) с юго-восточной стороны.

Помещение 14 (3,8x1,2-1,2-1,6 м) находится в северном углу всего комплекса, из-за плохой сохранности можем только предположить, что проход находился в юго-восточном углу. Почти целиком юго-восточную часть помещения занимала суфа площадью 1,8x1,6 м, высотой около 15x20 см. В стену, отделяющую от помещения 6, вырыт очаг. В нем и около него найдены фрагменты кувшинов. Стены помещений сохранились на высоту 10-15 см. Они не обмазаны. У юго-восточной стены найдены две очажные подставки с изображением головы барана. На одной из них имеются налепы в виде рогов. Четко вырисовывается глаза, открытый рот, нос, показана шерсть на загривке. Подставка изготовлена из глины, в примеси которой большое количество шамота, ее длина в основании 24 см, ширина 12 см. Другая подставка очень проста, в нижней трети с двух сторон имеется вдавления от пальцев. Хотя она изготовлена с примесью шамота и довольно плотная, но она не обожена, тесто светло-коричневого цвета. Длина в основании 12 см, ширина 5 см.

Таким образом, перед нами комплекс с интересной планировкой, особенно помещение 8 с его отсеками.

Южный комплекс. Юго-западная часть раскопа состоит из трех помещений. Вдоль юго-западной внешней стены шел длинный коридор. Этот первоначальный коридор был позднее разделен на два помещения 9 и 10 (2,65x3,45 м).

Узкое помещение 9 (8,05x2,64 м) находится в юго-западной части раскопа. В северо-западном углу выступами выделена небольшая ниша (0,9x0,7 м), в заполнении которой найден археологически целый котел шаровидной формы, с вытянутым вверх венчиком. Плотный черепок с примесью песка серого цвета. На плечике сосуда орнамент, нанесенный острым концом инструмента. Кроме того, имеются налепы в виде небольших ушек. Диаметр венчика 28 см.

В западной половине помещения на полу обнаружен очаг (40x40см). Рядом найдена простая очажная подставка.

¹ Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана . Душанбе. 1983.

Южная сторона помещения 9 позднее была снесена до основания, прослеженная часть стены, видимо, выглядела уже как суфа высотой 20 см.

Помещение 11 (3,5x2,6 м) находится к северу от помещения 10. Оно глухое, стены сохранились на высоту 10-20 см. Пол немного выше, чем в других помещениях, обмазки пола или стен не сохранились, заполнение состояло из земли средней плотности. Такая сохранность не характерна для других помещений усадьбы. Это оставшееся пространство между помещением 10 с западной частью центральной крестообразной постройки.

Помещение 15 (3x4 м) находится в южном углу здания. Его первоначальный план и размер не ясны. Оно проходное и соединяет помещение 9 с коридором, в юго-восточной стене которого находился вход в здание снаружи.

Позднее между помещениями 9 и 15 стен не было и они образовали единое коленчатое в плане пространство. В помещении 15 вдоль северо-восточной стены имеется широкая суфа-лежанка (2x0,9 м), высотой 20 см. Проход в коридор шириной 60 см. Сам коридор (4,85x1,6 м) имел проход по торцам и единственный вход в здание в длинной стене. Ширина этого входного проема 0,9 м. Почти напротив входа у стены имеется горелое пятно, однако без оборудованного очага.

Таким образом, вскрытые помещения объединяются в единый комплекс и по сопровождающему материалу их можно определить, как помещения жилого типа.

Для определения стратиграфии объекта в южной части помещения 6 был заложен шурф (3,3x2 м). В шурфе открыты прослойки одновременно насыпанной платформы, поднявшей здание над окружающей равниной на 1,5 м.

Вся керамика из платформы переотложенная, поскольку происходит из насыпных слоев. В ней нет форм позднее II-I вв. до н.э. Самый поздний сосуд-чаша III-IV вв. н.э. Следовательно, здание построено не раньше III-IV вв. н.э. Уточнить дату помогает керамика с полов помещений усадьбы, которая по многим признакам объединяется в единый комплекс. Во-вторых, с наружной стороны от северо-восточного угла помещения 6 есть узкий промежуток шириной всего 35 см, внутренняя стена которого оштукатурена. На этом участке можно увидеть, что ранее было построено центральное крестообразное здание, и затем ее окружающий двор с айваном.

Интересны в этой связи усадьбы и замки на юге Узбекистана Балалык-тепе, Баба-тепа. Они имеют квадратную планировку с двором, застроенным в более позднее время¹.

Усадьбу близ Киндиктепа можно представить как обладающую высокой крестовидной в плане серединой, возвышавшейся над низкой периферией прямоугольного плана, возможно, снабженной какими-то выступами или пристройками. Большая высота объяснила бы, почему так толсты стены крестовидной части, которая могла бы быть двухэтажной².

Представленные миски или корчаги с отогнутым венчиком с внутренней стороны покрыты светло-коричневым ангобом. У некоторых корчаг сохранились ручки. Эти сосуды имеют сходные формы в комплексе керамики III-IV вв. н.э. Еркургана³. Одна из характерных форм комплекса - лепные котлы шаровидной формы с отогнутым наружу краем.

Основываясь на анализе форм керамических сосудов и монете с пола помещения усадьбы около Киндиктепа, можно датировать ее IV-V вв. н.э. Монета V-VI вв. из помещения 3 допускает более позднюю дату, но в керамике нет характерных для VI в. форм, как например, тонкостенных кувшичков.

Результаты, полученные из усадьбы около Киндиктепа представляют интерес в нескольких аспектах: 1) по своей структуре, состоящей из центрального, более монументального ядра и обведенного оградой периферии; 2) как образец укрепленной усадьбы и, наконец, 3) как еще один пример крестообразного в плане здания.

Поселения и здания с монументальным ядром известны в Средней Азии с древнейших времен. В качестве примера можно привести здания Дашли-3 или Кутлуг-тепе в Бактрии, состоящие из двух частей, округлого монументального здания в середине и обводной стены⁴.

¹ Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960; Немцева Н.Б. Раннесредневековая усадьба и замок у городища Бабатепа на юге Узбекистана // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.

² Допустимо, что подъем осуществлялся по несохранившейся деревянной лестнице или по также несохранившейся лестнице в толще особенно массивной северо-западной стене помещения 3, ширина которой 2,7 м. К сожалению, стена низко срезана бульдозером, так что проверить последнее невозможно.

³ Исамиддинов М.Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). Ташкент, 1984.

⁴ Кругликова Т.И., Сарияниди В.И. Пять лет работы Советско-афганской экспедиции. // Древняя Бактрия. Т. 1. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг. М., 1976, с. 3-20.

Укрепленные усадьбы появились в Средней Азии с I тыс. до н.э. Это, например, Гарри-Кяриз в Туркмении - памятник раннежелезного века. У него округлые башни со стреловидными бойницами, внутри коридорообразные узкие помещения¹.

Античные замки-усадьбы есть в Средней Азии и в Центральном Согде. Это - сельское поселение Холикназартепа со стреловидными бойницами во внешней стене².

Такие укрепленные монументальные усадьбы-предшественники мелких замков раннего средневековья, подобные сельским усадьбам в Кафыркале под Самаркандом³, Фильмандар в Центральном Согде или Айтугдитепа в Южном Согде⁴.

Крестообразные здания не раз обнаруживались в Средней Азии и Иране, многие из которых состоят из крестообразного ядра, прямоугольной или округлой периферии.

Монументальную крестообразную постройку со стрельчатыми бойницами представляет собой позднеантичное поселение Хамтуда в Центральном Согде⁵.

Поселение Сетелак 1 в Бухарском оазисе во втором строительном горизонте состояло из четырехлепестковой монументальной постройки, имевшей обводную оборонительную стену. Центральная часть здания построена на мощной платформе. Р.Х. Сулейманов, автор раскопок, основываясь на наличии зольных прослоек и приводя аналогии планировке, определяет все сооружение как культовое⁶ и датирует его III-IV вв. н.э. На керамике Сетелак 1 прослеживается влияние Каунчинской культуры.

По плану усадьба близ Киндиктепа близка некоторым памятникам Ташкентского оазиса. Это поселение Шаштепа, которое М.И. Филанович датирует III-IV вв. н.э.⁷. В среднем течении Сырдарьи Чоль-тобе и Кызыл-кайнар-тобе в плане имеют четырехлепестковую планировку с обводной стеной и датируются I-IV вв. н.э.⁸ Р.Х. Сулейманов нижнюю дату этих памятников считает удрежденной.

Н.Г. Горбунова среди памятников Ферганы выделяет группу отдельно стоящих построек. Среди них крестообразная в плане, по мнению автора, культовая постройка с восемью выступающими округлыми в плане "лепестками". От здания сохранилась только сплошная платформа.

Другое здание-цитадель поселения Актепа с башнями, образует крест. Вскрыты узкие коридорообразные помещения со сводчатыми перекрытиями. Н. Г. Горбунова датирует усадьбу II-III вв. н.э.⁹.

Крестообразное монументальное здание в середине имеет круглую крепость Билувуртепа на юге Ферганы. Ю.А. Заднепровский определяет это здание как донжон-жилище-убежище представителя земледельческой знати, тогда как в основной жилой части поселения обитали рядовые общинники¹⁰.

Такие античные цитадели селений предвосхищали раннесредневековые замки с монументальным жилищем владельца и домами, зависимых от него людей¹¹. Правда, крестообразной планировки нет после V в. н.э., но это только архитектурно-планировочное различие при большом функциональном сходстве. Как отмечает Г. Семенов, крестообразная планировка восходит к традициям архитектуры Древнего Востока¹².

Действительно, аналогичные по планировке здания известны для более раннего времени в Иране. Такое здание вскрыто на Мидийском памятнике Тепаи-Нушиджан. Этот памятник состоит из нескольких зданий, обведенных общей оборонительной стеной, а также крестообразной постройкой с небольшими выступами на углах, лепестками. Также небольшие выступы прослеживаются и на на-

¹ Пилипко В.И. Поселение раннежелезного века Гары-Кяриз I // Ашхабад, 1984. с. 28-58.

² Исаков А.И. Отчет о работах Косатарошского отряда в 1976 г. // АРТ, XVI, Душанбе, 1976, с. 221-233.

³ Шишкина Г.В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом // ИМКУ, вып.2, Ташкент, с.192-222.

⁴ Кабанов С.К. Нахшаб на рубеже древности и средневековья (III-IV вв.). Ташкент, 1977.

⁵ Выражаю искреннюю благодарность автору раскопок Хамтуда Ш. Курбанову за согласие использовать его неопубликованные материалы.

⁶ Мухамеджанов А.Р., Сулейманов Р.Х., Ураков Б. Культура древнебухарского оазиса III-VI вв. Ташкент, 1983.125с

⁷ Филанович М.И. Ташкент-зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. Ее же Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Археология СССР, с. 433. табл. СХIV, М., 1985.

⁸ Мерсчиев М.С. Поселение Кызыл-Кайнар-тепе II-IV веков и захоронение на нем воина I-IV веков // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1972, с. 79-92.

⁹ Горбунова Н.Г. Ферганская экспедиция // СГЭ, №53. Л.; Она же. Поселения Ферганы первых веков нашей эры (некоторые итоги исследования) // СА, №3, М., 1977, с.107-120.

¹⁰ Заднепровский Ю.А. Городище Билувуртепе (восточная Фергана) // КСИА, вып. 1984, с.88-95.

¹¹ Распопова В.И. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда // УСА, вып. 4. М., 1979

¹² Семенов Г.Л. Городские стены раннесредневекового Согда как исторический источник. Автореф. дис.канд. ист.ских наук. Л., 1985.

ружных углах постройки усадьбы около Киндиктепа. Д. Стронах считает крестообразную постройку Тепе-Нушиджан культовой¹.

Крестообразные постройки известны и на парфянском поселении Шахри-Кумис. На нем план становится крестообразным в результате устройства четырёх выступающих в середине каждой из стен квадратного здания, причем в плане доминирует именно квадрат, а не крест.

Позднее комнаты были засыпаны, поэтому сохранился свод из длинных кирпичей мидийского типа. За основу датировок приняты найденные сосуды парфянского времени и монета Санатрука или Фраата III из завала усадьбы VII² I в. до н.э. Также найден черно-лаковый фрагмент аттического сосуда. Надо отметить, что материалов с полов нет и поэтому здание, возможно, древнее I в. до н.э.

Если сопоставить эти памятники древнего Ирана, то они почти одинаковы по плану, разные по назначению. В древнемидийском здании внутри только два помещения (кроме пандуса). В парфянских много комнат, что придает им жилой характер, есть там закрома.

Крестообразные в плане постройки в парфянском Иране встречаются уже как отдельно стоящие дома-усадьбы. Погребение в них, как и в Кафыркале под Самаркандом позднейшие, в слоях забутовки.

Если сопоставить вышеперечисленные памятники Ирана и Средней Азии, то мы прослеживаем некоторые общие характерные черты.

Во-первых, в Иране, как и на памятниках Средней Азии, крестообразная часть постройки является ядром здания. Затем в памятниках Ирана и Средней Азии в крестообразных зданиях имеются узкие коридорообразные помещения со сводчатым перекрытием и в обязательном порядке они построены на возвышенных специальных платформах.

Видимо, как в Иране, так и в Средней Азии памятники с крестообразным ядром могли быть культовыми или чаще усадьбами.

План типа Шахри-Кумис в Иране и в Средней Азии хорошо приспособлен к обороне, башни, нередко с бойницами, на середине стены функционируют углы основного квадрата здания. Это столь же удачный фортификационный пример, как и более обычное расположение башен по углам квадрата, кстати, тоже зафиксированное в Шахри-Кумисе³. Храмовая архитектура чаще развивалась под влиянием светской, чем сама влияла на нее. Поэтому, хотя мидийский храм древнее светских построек, это еще не дает оснований считать крестообразный план изначально культовым.

Крепость с башнями в середине стен позднее в Киндиктепа превратилась в укрепленную усадьбу, в которой крест из башен вытеснил средний квадрат, составляющий ранее основу плана. Архитектура крепости служила образцом при строительстве усадеб до XIX-XX вв.⁴ А.К. Писарчик пишет, что в Самаркандском вилояте было всего три крепости - "курганы" в Самарканде, Шахрисябзе и Касане. В первой половине XIX в. богатые люди строили усадьбы с декоративными башенками, наподобие крепостей. Тем самым они как бы претендовали на статус независимых владельцев крепостей. Это не осталось без внимания властей. Один из первых владельцев подобной усадьбы был вызван в суд, где у него спрашивали, почему он, не будучи государем, строит крепость-курган. Небольшая усадьба около поселения Киндиктепа тоже, вероятно, демонстрировала претензию не очень богатого владельца на независимость и высокий статус для обороны в беспокойное время. "Курганчи" XIX в., как и миниатюрная крепость-усадьба близ Киндиктепа, имело не только престижное значение, оно, конечно помогало защищаться от банд грабителей или от противников при местных распрях.

В связи с усадьбой близ Киндиктепа мы возвращаемся к основному вопросу среднеазиатской археологии - вопросу о причинах многочисленности "замков", поставленному еще С.П. Толстовым в главе "Башня Африга" в своем труде "Древний Хорезм"⁵. Ученый отмечает, что раннесредневековая замковая застройка отражает не сложившийся феодализм, а феодальное общество, в котором семьи свободных крестьян - владельцев укрепленных усадеб лишь количественно отличались от семей знати, владевших подлинными замками. Сейчас мы можем подтвердить, что "замковое расселение" много старше средневековых, однако в Согде даже малые укрепленные усадьбы типа открытой около Киндиктепа, нельзя считать рядовым крестьянским жилищем. Это были дома людей, пусть не бога-

¹ Stronash D. Taphei Nusi Jan: A Case for building of the II nd annual symposium on archaeological research in Iran/-Teheran, 1974; Stronach D., Roaf M., Stronach R and S. Bokonyi. Excavations at tepe Nush-i-Jan // Iran , XVI, 1978.

² Hansman J., Stronach D. Excavations at Shahr-Qumis, 1967 // Journal of the Royal Asiatic society. 1970. No. 1. pl. 1X, (b-c).

³ Stronash D. Taphei Nusi Jan: A Case for building of the II nd annual symposium on archaeological research in Iran/-Teheran, 1974; Stronach D., Roaf M., Stronach R and S. Bokonyi. Excavations at tepe Nush-i-Jan // Iran , XVI, 1978.

⁴ Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда XIX-XX вв. (по материалам 1938-1941 гг.). Душанбе, 1974.

⁵ Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.

тых, но с явными претензиями на знатность.

С.К. Кабанов в своей топологии поселений Кашкадарьи отмечает, что для III-IV вв. характерны двухъярусные тепе. На Киндиктепа, действительно, в это время возвели угловой донжон, а на усадьбе - крестообразное высокое здание. Возможно, эти изменения отражают не только чисто архитектурную моду, но и рост значения знати, однако еще рано делать определенный вывод.

Крестообразные постройки Сырдарьи, верховий Зарафшана (Хамтуда), Южного и Бухарского Согда занимают, по существу, сплошной ареал, в котором вновь появляются традиции изготовления столовой керамики от руки, наряду с производством круговой посуды. В Южном Согде прослеживаются связи по лепной керамике с верховьями Зарафшана, Бухарой и Чачем (каунчинская культура).

Вновь, как и в начале работы, возникает вопрос о связи строительных и керамических традиций с этносом. Архитектурный тип крестообразных построек первоначально был характерен для Ирана. Однако во II-I вв. его ареал соответствует совокупности тесно связанных друг с другом земель центральной части Средней Азии. В него не попадают Хорезм и Тохаристан. Лепная керамика позволяет провести внутри этого ареала этническую границу собственно Согда IV-VI вв., которая почти совпадает с его пределами, известными по письменным источникам. Во всем Согде были распространены котлы с округлым, вылепленными в миске, низом. Их нет в Фергане и Чаче. Хотя в Чаче было много кружек с зооморфными ручками, а в Согде образцы этой формы единичны. Граница ареала сходной лепной посуды в IV-V вв. н.э. та же, что и в IV-III вв. до н.э.

Хотя территориальные изменения малы, сама лепная керамика в Согде в IV-V вв. н.э. обновилась очень сильно и по технике изготовления, и по форме. Важнейшим индексом этноса оказалась неустойчивость в самой производственной традиции, а то, что новшества распространялись, то в основном, в тех же географических пределах, в которых до них производились другие формы. Люди одного этноса больше общались между собой, чем с представителями других народов. Наиболее эта замкнутость была характерна для быта женщин, многие из которых изготавливали лепную керамику. Влияния со стороны, конечно, имели место, но даже заимствованный прием или элемент формы "прижился", прежде всего, на территории одного народа, редко переходя к соседним (это касается в большей мере кухонной, т.е. не столовой лепной посуды).

Феномен границы менее характерен для профессионального ремесла. Мастера, возводившие крестообразные сооружения, возглавлялись людьми весьма высокой классификации, которые переезжали из страны в страну.

Исследование небольших сельских памятников дало новые факты, позволяющие понять разные аспекты истории Южного Согда: этнические процессы, развитие ремесла, динамику внешних связей, эволюцию домостроительства и архитектуры.

*Ш.Б. Шоназаров
(Ташкент)*

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ГОРОДА БЕЗДА (КУНЯ-ФАЗЛИ) XIX-XX ВВ.

Каршинский оазис чрезвычайно богат памятниками материальной культуры прошлого. Мусульманские эпиграфические памятники составляют лишь часть этого богатейшего наследия. Среди всего разнообразия эпиграфических памятников выделяется обширная группа мусульманских надгробных камней.

В области Несефа в источниках упоминается о больших селениях, – в том числе о Безде. В источниках IX-X вв. он упоминается наряду с Касбой, как один из двух городов области Насафа, имевших соборную мечеть¹. По некоторым данным, в X в. он по величине, также как и Касба, превосходил столичный город Насаф². В XII в. ас-Сам'ани упоминает Базду как «неприступную крепость», расположенную на пути из Насафа в Бухару³.

¹ Aby Isak al-Farisi al-Istahri. *Viae regnorum*. Ed. M.J. de Goeje. *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Pars I.- Lugduni-Batavorum, 1967. – 325 p.

² Abu-l-Kasim Ibn Haukal an-Nasibi. *Opus geographicum*. Ed. M.J. de Goeje. *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Pars I.- Lugduni-Batavorum, 1967. – 503 p.

³ Shamsaddin Abu Abdallah Mohammad ibn Ahmad al-Moqaddasi. *Descriptio Imperial moslemisi*. Ed. M. J. De Geoeje. *Bibliotheca geographorum arabicorum*. Pars 2.- Lugduni-Batavorum, 1967. –188 p.

Средневековый город Базда, так же как и Касба, являлся крупным торговым центром, так как он был расположен на важном караванном пути, следовавшим из Насафа и Калифа в Бухару¹.

Сведение о поселении древней Безде, мы могли бы подчеркнуть из археологических данных. Средневековая Базда локализуется на городище Куня-Фазли, расположенном на расстоянии 40 км к югу-западу от городища Шуллиуктепа и 10 км к юго-востоку от кишлака Камаши. Город состоял из цитаделей (150x100 м), шахристана, окруженного крепостной стеной (55 га), и рабада. Самые нижние археологические слои цитадели Базды относятся к первым векам н. э.² Максимальное развитие города приходится на X-XII вв.

Примерно в 150-200 м к юго-западу от городища расположено кладбище с мазаром. Кладбище действующее, в плане овальное, общая площадь примерно 2-2,5 га, ограждено металлической сеткой. Главные ворота с востока. В середине кладбища находится мазар, огражденный металлической сеткой. В нем имеется однокамерная чилляхона, состоящая из архаичных сырцовых ульеобразных построек.

Надо отметить, что захоронения в оградках круглой или четырехугольной формы практиковались в Средней Азии еще до ислама: много их зарегистрировано и в до монгольское время и эта традиция доходит до наших дней.

В связи с развитием страха перед умершим появляются различные типы погребений и возникают приемы, назначение которых - оградить живых от вредоносности мертвых.³

Считалось также, что в мазарах обитают духи умерших святых, относящиеся к категории «чистых духов».⁴

Кладбище распадается на два хронологически участка. Самая древняя часть находится в центре кладбища, где и обнаружены многие намогильные камни.

Все намогильные камни имеют трапецевидное сечение (продолговатую форму) и разные размеры. Длина их колеблется от 97x18x5 до 14x22x11 см. Памятники XVIII-XX вв. изготовлялись людьми, знающими грамоту и камнерезное дело, в домашней обстановке. Большинство памятников такого типа хронологически относится к XVIII-XX вв.⁵

К этому периоду относится большая однородность; стиль намогильных камней имеет единый и устойчивый тип. Изделия в основном некачественные и, по внешнему облику, довольно примитивные. Надписи, особенно исторические данные, расположены только на верхней площадке продолговатых плит. Надписи намогильных камней состоят в одном ряду, где указаны лишь имена и время кончины усопших. Дата смерти покойных указана арабскими цифрами (год по хиджре).

Надо отметить, что тексты на намогильных камнях кратки, конкретны и содержат точную дату памятника.

Подавляющая часть текстов намогильных камней составлена почерком *насх* и *наста'лик*, отличающимися своеобразием сцепления и связывания букв с другими буквами. Буквы и орнаменты вырезаны на ровной поверхности камня, образуя углубленный шрифт. Поздние надписи в большинстве своем были сделаны самоучками, пытавшимися продолжить традиции своих предков, профессия которых передавалась из поколения в поколение.

Эпиграфические памятники городища Куня-Фазли не упоминаются в других источниках или литературе. Как археологический объект и исторический источник они исследуются впервые. Нами были зафиксированы и эстампирована 13 намогильных камней хорошей сохранности.

№1. Во имя, [Аллаха] Абул-Касим сын Аббос бобо «О, боже прости Аллах его грехи» 1313 г.х. / 1895 г.

№2. «О, боже прости Аллах его грехи» Суннатбай сын Шукурбая. 1322 х./1904 г.

№3. Во, имя [Аллаха] Абул-Касим «О, боже прости Аллах его грехи». 1332 г.х./1913г.

№4. Караммох дочь Абулбая «О, боже прости Аллах ее грехи» 1330 г.х. / 1911 г.

№5. Мухарраммох дочь Рахманкулбая «О, боже прости Аллах ее грехи» 1330 г.х. / 1911 г.

№6. Назар Мухаммад сын Рахманкулбая «О, боже прости Аллах его грехи» 1328 г.х. / 1911 г.

¹ Shamsaddin Abu Abdallah Mohammad ibn Ahmad al-Moqaddasi. Descriptio Imperial moslemisi. Ed. M. J. De Geoje. Bibliotheca geographorum arabicorum. Pars 2.- Lugduni-Batavorum, 1967. -343 p.

² Лунина С.Б. Города Южного Согда в VIII-XII вв. – Ташкент, 1984.- С. 24.

³ Шишло Б.П. Среднеазиатский тул и его сибирские параллели // Домусульманские верование и обряды. М., 1975.

⁴ Сухарева О.А. Пережитки демонологии и обряды шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.

⁵ Аминов Б. Б. Памятники эпиграфики юга Узбекистана как исторический источник (XV-XX вв.). Автореф. диссер. канд. ист. наук. Ташкент, 1998.

- №7. Бобо Салим сын Казимбая. «О, боже прости Аллах его грехи» 1262 г.х. / 1845 г.
 №8. Хасан Алибай сын Бобоханбая. Без даты.
 №9. Казимбай сын Мухаммадийхана. 1262 г.х. / 1845 г.
 №10. Это могила Тагай Мухаммад Шарифа сын [...] бая. Без даты.
 №11. Туракулбай сын Хошим. Хазар. 1290 г.х. / 1872 г.
 №12. Джанбай сын Джаннатбая. 1291 г.х. / 1873 г.
 №13. Аманбай сын [...] бая. Без даты.

Анализ эпитафий показывает, что в текстах надгробных камней наряду с именами усопших, представлены термины, указывающие титулы, звания, должности исторических лиц того времени. Эпитафии XIX-XX вв. содержат следующие титулы: как «бай» и «бобо».

Термин «бай» зафиксирован в 15 эпитафиях при именах отца и сына. Надгробные надписи со словом «бай», являющимся определителем и указателем социальной принадлежности погребенных, подразделяются на две группы: 1) эпитафии, в которых в составе имен присутствует слово «бай» один раз (№ 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11); 2) эпитафии, где термин и понятия «бай» встречаются в составе имени усопшего, а также его отца (№ 2, 8, 12, 13).

Термин «бай» обозначает, прежде всего, принадлежность людей богатого и среднего состояния, занимавших высокие посты в административно-управленческой системе.

В микропонимии гагаузов сохранились в качестве топокомпонентов названия термин «бой» как, мера длины, равная 480 м, так как поле имело в длину немногим более одного *бойя*. Поле было разбито на ряды (полосы). В с. Авдорма гагаузы под словом бой тоже понимают «ряд»¹.

Слово и понятие «бай» больше всего отмечены в текстах надгробных камней горных и предгорных районов Кашкадарьи XVIII-XX вв.²

Понятие «бай» начало употребляться еще с XV в. Тот же смысл это понятие имеет и в позднейшее время.

Титул «бобо» было выявлено впервые на эпиграфических памятниках Каршинского оазиса. Слова «бобо» в текстах зафиксировано три раза в эпитафиях (№ 1, 7, 8).

Сведения об обязанностях «бобо» в более позднем периоде мы получаем у М.Е. Массона: «Одну из особенностей основной массы здешнего населения составляло то, что она делилась на две территориальные группы, обозначавшиеся термином «эль» (буквально - народ, племя). Старшина каждого эля титуловался «бобо».³

У народов Средней Азии и в Азербайджане к имени святого добавляются слово «ота» (отец) или «бобо», «бова» (дед).⁴ Г.П. Снесарев и И.Я. Ямпольский связывали его с традициями культа предков: «Через культ предков термины родства перешли в сферу почитания святых».⁵

Термин «бобо» встречается и в надгробных камнях XVI века в Восточной Кашкадарье.⁶

Также выявлен этнический термин «хазар», который был встречен лишь один раз (№11). Термин «хазар» дает представление об этнических группах, проживавших в этом регионе. В текстах эпитафии такие термины обычно стоят после имени усопшего.

Термин «хазар» встречается в XIII веке в военно-управленческих частях монголов. В фарсийских источниках об хазарейцах дается сведение, как образующего отдельный народ, который живет в предгорьях Центрального Гиндукуша.⁷

И.М. Рейснер в свое время писал: Монгольские и тюркские завоеватели (XIII в.), которые назвали себе хазарами, вели оседлую жизнь в предгорьях Центрального Гиндукуша. В период правления Бабура они разговаривали на таджикском языке, забыли свой былой монгольский язык.⁸

Встречаемые эпитафии по структуре подразделяются на следующее:

1. Надпись указывающие место захоронения «Это могила», выявлена один раз (№10).
2. Титулы, имена и их родословие.
3. Благожелательная формула «Прости аллах их грехи». Формула лишь один раз идет перед текстом (№2), а в других случаях дается в конце текста (№ 1, 3, 4, 5, 6).

¹ Дрон И.В., Курогло С.С. Современная гагаузская топонимия и..., с. 86.

² Аминов Б.Б. Памятники эпиграфика юга Узбекистана..., с. 17.

³ Массон М. Е. Столичные города ..., с. 94-95.

⁴ Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М., 1970. С. 90.

⁵ Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 282.

⁶ Аминов Б.Б. Кеш-Шахрисабз саййидлари ва амирлари // Шахрисабз. 2700 Минг йиллар мероси. Ташкент, 2002, 129 бет.

⁷ Шомансурова О. Хазаралар. Ташкент, 1972, с. 6-7.

⁸ Рейснер И.М. Развитие феодализма и образования государства у афганцев. М., 1954, с.83.

4. Слова с этническим термином.

5. Дата, как правило, обозначена арабскими цифрами (год хиджра).

Из перечисленных эпиграфических памятников три намогильных камня (№ 2, 4, 5) установлены на могилах женщин. Эпитафией на всех женских намогильных камнях указано, чьими дочерьми были покойницы. При этом приводятся имена отцов и титулы, соответствующие занимаемым при жизни должностям.

Во многих надписях не даются даты, а лишь указывается кому принадлежит эта могила.

Представляют интерес встречающиеся в эпитафиях имена. Выявлено немало имен, как мусульманских, так и местных домусульманских.

Популярнее всего, разумеется, имя основателя ислама - Мухаммед (Мухаммад), - но одно оно не употребляется, может быть, из уважения к пророку.

Часты имена первых халифов (чар яр, т.е. четыре друга пророка), - Усман (№ 4, 5), Али (№ 8).

Имя Назар Мухаммад (№6), заимствовано из области мусульманской мистики или суфизма. Таковы названия наиболее милостивых свойств божества. Часто в имена входят тюркское «кул», т.е. раб; Рахмонкулбай (№6), Туракулбай (№11). Имена Шариф (№10) служат, как арабские прилагательные.

Женские имена - Караммох (№4), Мукарраммох (№5) обыкновенно иранского происхождения и берутся от хороших различных свойств. Женские имена оканчиваются на «мох» («луна»). Приставка «мох», скорее всего, сохраняется на девичьи имена.

Намогильные камни Куня-Фазли (Безда), кроме эпитафии, содержат геометрические орнаменты, как пяти-лучевые звезды, треугольники, рельефная полусфера, прямоугольник – с внешней стороны по одному треугольнику.

Остановимся подробнее на геометрических орнаментах, составленных из треугольников. В культуре средневекового Хорезма этот орнамент известен по фрагментам штукатурки облицовки дворца городища Кават-кала (XII-XIII вв.).¹ Ныне он характерен для народного искусства казахов.² Сюжет этого треугольного орнамента является характерным и для русского прикладного искусства. На русских надгробных памятниках он господствует в первой половине XVI века³. Мотив этот известен и в памятниках булгара - татарской эпиграфики (XV в.)⁴.

В процессе исследования материала, особенно орнаментального, мы отмечаем большое значение этих памятников и в деле выяснения культурных взаимоотношений Каршинского оазиса с другими народами.

Обнаруженные надписи на намогильных камнях в Куня-Фазли (Безда) расширили наши представления о границах распространения арабского письма в Каршинском оазисе.

*Р.К. Юсупов, Н.Х. Ташкенбаев
(Самарканд)*

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ УЗБЕКИСТАНА (вопросы историографии и методологии)

Историческая демография в решении своих проблем опирается на ряд методов. Под методами необходимо понимать определенные принципы и средства познания, с помощью которых исследователь может получить информацию об изучаемом объекте, а также обрабатывает ее и анализирует.

В научной литературе совокупность методов обычно классифицируется. При этом одни ученые выделяют общенаучные, специально-научные, конкретно-научные или проблемно-научные.¹

Мы же, говоря о методах исторической демографии, будем ориентироваться на ее смежность между историей и демографией. Поэтому считаем, что методы именно этих наук в историко-демографическом исследовании должны быть доминирующими.

При этом отметим, что возросший интерес к истории Узбекистана обусловил интерес и к исторической демографии, который, в свою очередь, как и другие отрасли знания, имеет собственные методы, методологию и подходы исследования.

¹ Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 163, табл. 67, рис. 2.

² Казахский народный орнамент. М., 1939, табл. VI, рис.15.

³ Нумизматика и эпиграфика. Вып. 1. М., 1960. Табл. 1-VI, рис. 1-2, с.66-68.

⁴ Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М.-Л., 1960, табл. 59, с.140.

Историческая демография Узбекистана сравнительно молодая научная дисциплина, только начинающая свое становление в исторической науке нашей республики.²

Утверждение ее в качестве самостоятельной проходит в тесной взаимосвязи с развитием как собственно истории, так и демографии. По утверждению ученых-демографов Узбекистана, это наука начинает интенсивно развиваться в нашей республике со второй половины XX века.³ Кстати, сегодня особенно актуальна разработка проблем народонаселения Узбекистана, которые выражают реальные запросы и практические потребности современного общественного развития суверенной республики.⁴

Как известно, демографические процессы, будучи социальными, многоаспектны. Поэтому к изучению вопросов демографической истории вполне обоснован такой междисциплинарный подход, который, через соответствующее переосмысление и приспособление к конкретной проблеме, позволяет вполне органично вписаться в историческую демографию. Теоретической основой при этом является системный подход, позволяющий выявить те связи и свойства, которых нет у каждой части объекта в отдельности, но есть в их совокупности, целостности.

Разработка теоретико-методологических вопросов для исторической демографии является одной из актуальных задач. Следует иметь в виду, что в конце XX века некоторыми учеными был выделен особый раздел демографии- теоретическая демография или так называемая демология. Демография, по словам А.Я. Шевелено, - это народописание, а демология-народоведение.

Он подчеркивает, что демология исследует народонаселения от эпохи к эпохе и внутри каждой из них, зависимость людей от материальных и духовных условий их бытия и их собственную роль в изменении таких условий, соотношение социального и биологического факторов в их жизни.⁵ Не вдаваясь подробно в разработку теоретических проблем исторической демографии, отметим, что основным вопросом является определение объекта изучения данной отрасли науки, ее предметной области и хронологических рамок.⁶

В исторической демографии объектом изучения является народонаселение в его демографической истории. В демографической истории предметная область меняется, чем предметная область изучения народонаселения исторической наукой. Таким образом, хронологические рамки диктуются последней, совпадает с ней. Это значит, что историческая демография изучает свой объект на протяжении всего общественно-исторического процесса – с древнейших времен и до наших дней. В то же время историческая демография, являясь разделом демографии, изучает те же процессы и явления, что и демографическая наука, но в их исторической ретроспективе. Следовательно, она полностью подчинена тем задачам, которые решает демография в изучении ее современной проблематики, тесно взаимодействуя с широким кругом общественных и естественных наук, исследуя различные стороны жизнедеятельности народонаселения.⁷ Поэтому довольно распространенными может быть использование в исторической демографии общественных и естественных наук, целесообразность которых определяется в зависимости от конкретной проблемы, целей и задач исследования. Эти связи смежных дисциплин настолько разнообразны, что считаем необходимым остановиться на них несколько подробнее.

Прежде всего, историк занимающийся вопросами демографии, должен быть знаком с социально-философскими аспектами своей проблемы, а также активно использовать данные исторической социологии, изучающей общество, общественные группы, социальные взаимодействия в их исторической ретроспективе. Но она шире, чем до сих пор это делала история, вводит в исторические построения социологические способы исследования и моделирования общественных объектов, явлений, сменяющих друг друга социально-исторических ситуаций и т.д.

Сегодня в начале XXI века особенно четко осознается, какое большое влияние на историческую демографию оказывает политика. Благоприятный межнациональный климат в условиях полиэтничности, созданный в независимом Узбекистане, является бесценным капиталом, который бережно охраняется государством и выступает главной целью национальной политики, выразителем ее практического воплощения в жизнь. «Наша модель государственного строительства основывается на идее сохранения и укрепления исторически сложившейся на нашей территории многонациональной структуры общества и использования данного фактора для осуществления конечных целевых задач создания демократического правового общества»⁸ - пишет Президент республики Ислам Каримов. Несомненно, достижения политологии, в том числе исторической политологии, для историка-демографа должны быть близко знакомы. Это позволит ему понять общественный строй и экономические структуры государства той эпохи или периода, проблема которой определяется целью его конкретного исследования. Например, говоря о современном демографическом состоянии современного общества, многое можно понять в его демографической истории, зная корни складывания совет-

ского тоталитаризма, откуда начались репрессии, насильственная депортация народов, ныне живущих в Узбекистане.⁹

Значительный вклад в исследование проблем исторической демографии может внести диаспорология, новая отрасль знаний, изучающая пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны его происхождения на положении национально-культурного меньшинства.

Историческая действительность, а также последние многочисленные научные исследования свидетельствуют, что демографические изменения определяются социально-экономическими факторами.¹⁰ Однако, как отмечают специалисты, уровень современных исследований еще не позволяет определить точную меру взаимодействия между демографическими и социально-экономическими процессами.

Но бесспорно: такая связь есть. Это находит отражение в существовании проблем социально-демографического развития общества, что сказывается на рабочей силе, занятости, трудовых отношениях, социальной защите и, в конечном счете, на качестве жизни населения страны.¹¹

Если говорить о начальном этапе существования человечества то следует прежде всего обратиться к археологическому материалу, который очень информативен и его роль в реконструкции исторических процессов первобытности огромна. Например, Узбекистан богат многочисленными памятниками древности. Особое место среди них занимает пещерная стоянка Оби-Рахмат, где сделана сенсационная находка останков древнего человека в слое, датированном возрастом 50 тыс. лет до н.э.¹² Открытие человеческих останков в Оби-Рахмате впервые позволяет определить антропологический тип носителей переходных индустрий и время появления человека современного облика в Центральной Азии.

Достижения археологов помогают понять развитие общества не только в древности, но и в средние века. В частности, Э.В. Ртвеладзе¹³ и Т.К. Ходжайов¹⁴ в своих трудах доказали, что взаимодействие и взаимовлияние различных культур и культурных зон явилось важнейшим фактором и в развитии этногенеза. Это убеждает в необходимости формирования такого исторического сознания, где знания достижений археологической науки должны быть обязательными, что позволит более внимательно отнестись к палеодемографии, которая как наука стала развиваться только в последнее время. Однако перспективы ее весьма значительны, ведь она представляет собой раздел исторической демографии, где на основе данных палеоантропологии, археологии и этнографии изучаются демографические процессы, происходившие в древнейших человеческих коллективах. Например, крупный знаток эпохи палеолита профессор П.И. Борисковский в своих трудах пишет, что первобытные люди в целях сохранения своего существования были вынуждены постоянно участвовать в миграциях на заре человечества. Миграционные процессы первобытных общин происходили довольно часто и в основном с севера на юг, причем в весьма крупных территориальных масштабах, даже всего земного шара¹⁵.

Большим подспорьем для историко-демографической науки является лингвистическая классификация народов мира, которая систематизирует языки по их родству. Это подразумевает и родство носителей данных языков, т.е. самих этносов, хотя следует учитывать, что на одной языковой основе возникали различные этнические общности. Здесь же уместно было бы поддержать убеждение академика Э.В. Ртвеладзе о том, что « современные народы Средней Азии сформировались на полиязычной – многостадийной основе и разнообразии антропологических типов.

Субстратная их основа, уходящая своими корнями в эпоху бронзы, растворилась в среде этнических миграций и перемещений многочисленных народов и племен, не оставив никакого следа в языке, но, возможно, сказавшись на их антропологическом облике. Неизвестные нам языки аборигенов Средней Азии эпохи бронзы сменились восточноиранскими (с начала I тыс. до н.э) и тюркскими (с середины I тыс. н.э) языками, которые сыграли огромную роль в глоттогонии * современного населения этого региона»¹⁶.

Историческая демография тесно взаимодействует и с исторической географией населения, изучающей развитие закономерных связей между народонаселением, и природно-географической средой, ведь историческая судьба этноса непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта¹⁷.

Географический принцип в исторической демографии используется также часто, как и в демографии, в которой, кстати, в последнее время получили развитие такие самостоятельные разделы историко-демографического аспекта Узбекистана, как региональная и страноведческая демография¹⁸.

При этом подходе применяется различное ранжирование тех или иных территорий, будь это на уровне всего мира, части света, страны или внутри государства. Ранжирование, используемое для более глубокого анализа поставленной проблемы, позволяет конкретно выявить особенности демогра-

фического развития населения. Разумеется, ранг - это формальный показатель сходства объектов и его значение зависит от собственного устройства исследуемой системы. В общественных и естественных науках эта типология применяется весьма активно.

Особое место среди общественных наук, привлекаемых исторической демографией, занимает этнография (этнология). Эта наука, изучающая происхождение и этническую историю народов, формирования специфических особенностей их культуры и быта, в последнее время получила новый взрыв интереса к своей проблематике, что связано с желанием лучше понять историю этносов, населявших территорию страны в предыдущие эпохи¹⁹.

Немало информации для конкретной историко-демографической проблемы может дать историческая психология (социальная психология), которая изучает общие закономерности общения и взаимодействия людей на разных уровнях социальной организации в разных сферах социальной деятельности, социально-психологические характеристики больших и малых социальных групп, социально-психологические проблемы личности в их историческом прошлом.

Кризис биосферы, ставший глобальной проблемой современности, подчеркнул огромную значимость экологии как науки, в том числе ее раздела, изучающего взаимодействие человека и природы в исторической ретроспективе. Разумеется, историческая демография и историческая экология тесно взаимосвязаны. Ведь экологический фактор отражается на воспроизводстве человека, его расселении, адаптации к различным климатическим условиям. На этот аспект в воспроизводстве населения обратили внимание не только экологи, медики, но и демографы²⁰.

Разумеется, рамки статьи не позволяют осветить все отрасли знаний, которые так или иначе могут способствовать освещению проблем исторической демографии. Но надеемся, что даже из перечисленного круга научных дисциплин можно сделать вывод о больших возможностях междисциплинарного подхода. В частности, в зависимости от историко- демографической тематики отечественной и зарубежной истории, каждый конкретный ее аспект желательно исследовать как исторической наукой, так и той наукой, с предметом которой он связан.

Выбор подходов к раскрытию поставленной проблемы, круг междисциплинарных связей с тематикой своего исследования, ученый вправе оставить за собой, демонстрируя тем самым свободу научного творчества.

Литература

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.
2. Алимова Д.А. Мустакиллик йилларидла тарих фани // Узбекистон тарихи, 2001, № 4-сон.
3. Каюмов А. Ахоли // Узбекистон Миллий Энциклопедияси. Том 1, - Ташкент, 2001; Буриева М. Демография // Узбекистон Миллий Энциклопедияси. Том 3. - Ташкент, 2002.
4. Муртазина Р. Проблемы и задачи семинара «Актуальные проблемы демографического развития Узбекистана» // Общественное мнение. Права человека, 2002, № 3 (19); её же. Республиканский научный семинар «Актуальные проблемы демографического развития Узбекистана» // Общественные науки в Узбекистане, 2001, № 4-5.
5. Шевеленко А.Я. Демология // Вопросы истории, М., 1993, № 10.
6. Шелестов Д.К. Историческая демография. М., 1987.
7. Каримов И.А. Узбекистан на пороге XXI века: угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса – Ташкент, 1997.
8. Максакова Л.П. Миграция населения Республики Узбекистан - Ташкент, 2000, - с. 48-52; Российская историческая политология. - Ростов на Дону, 1998.
9. См: Бобожонова Д. Узбекистонда ижтимоий-иктисодий муносабатлар (70-80 йиллар) – Тошкент, 1999, Её же. Узбекистонда демографик жараёнлар ва уларнинг хусусиятлари, - Тошкент, 1996; Киселев В. Демографическая статистика в колониальном Туркестане во второй половине XIX века // Узбекистон тарихи, № 1 сон, 2002.
10. Райымбаев Ч.К. Демографические процессы и рынок труда в условиях современного мирового развития // ОНУ, Ташкент, 2004, № 2-3.
11. Исламов У. Сенсационные археологические находки в Узбекистане // Узбекистон тарихи, № 3-сон, 2004.
12. Ртвеладзе Э.В. Миграция народов в Средней Азии // Общественное мнение. Права человека. 2001, №1 (13), №2 (14).
13. Ходжайов Т.К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа //Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986.
14. Борисковский П. Древнейшее прошлое человечества. М., 1978.
15. Ртвеладзе Э.В. Миграция народов в Средней Азии // Общественное мнение. Права человека. 2001, №2, (14).
16. Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.
17. Ата-Мирзаев О., Гентшке В., Муртазаева Р., Салиев А. Историко-демографические очерки урбанизации Узбекистана. Ташкент, 2002.

18. Шониёзов К. Узбек халкининг шаклланиш жараёни. Тошкент, 2001; Ўзбекистон этнологияси: янги чаларашлар ва назарий методологик ёндашувлар // ЎзРФА академиги Карим Шониёзов таваллудининг 80 йиллигига бағишланган халъаро илмий анжуман материаллари. Тошкент, 2004.
19. Демография: современное состояние и перспективы развития. М., 1997.

*А.Р. Ярмухамедов, Р.И. Денисов,
К.О. Ланге, К.А. Крахмаль
(Ташкент)*

ГЕНЕЗИС Р. БОЗСУ В СВЕТЕ СЕЙСМИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ И ИСТОРИЯ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ЕЕ ДОЛИНЫ

Район города Ташкента представляет собой сложный узел [Ярмухамедов и др., 2000], где сходятся разнонаправленные, разноамплитудные, разновозрастные структурные линии - юго-западные окончания Каржантауского хребта и южные окончания структур Чулей.

Отражением первой является Каржантауский разлом, Ташкентская флексурно-разрывная зона [Ибрагимов, 1976], проходящая через район поселка Улугбек, Ташкента, Янгиюля. Отражением второй является расположенный в 5-6 км к западу от поселка Назарбек узкий, строго меридиональный водораздел, представленный нерасчлененными четвертичными отложениями (по нашему мнению, это могут быть нижнечетвертичные осадки), среди которых обнажаются локальные пятна верхне-олигоцен-нижне-миоценовых отложений, отождествляемые нарушением меридионального простирания.

Между этими линиями и долиной Салара развит лессовый массив Ташкентского комплекса Бозсу-Салар, являющийся разделом на западе от Келесского прогиба, на юго-востоке от Чирчикской депрессии. Чирчикская депрессия имеет четкую тектоническую границу - Саларский разлом.

Район Ташкента тяготеет к зоне Приташкентского прогиба, который несет в себе следы субмеридионального простирания чулей [Захаревич, 1994]. На северо-востоке к нему, через субмеридиональный разлом, примыкают Майско-Полторацкие дислокации северо-восточного простирания. К юго-западу также, через систему субмеридиональных разломов, развита группа Янгиюльских складок.

Морфоструктурный анализ, как рельефа, так и геологических карт разного масштаба (1:100 000, 1:500 000, 1:200 000), позволяет в пределах Чирчикской депрессии проследить не только сеть продольных поднятий, прогибов и нарушений юго-западного простирания, но и поперечные, которые трассируются с юго-восточного борта депрессии, где обнажено палеозойское основание Чаткальского и Кураминского антиклинориев.

С севера на юг здесь предположительно возможно выделить:

1. Сюреньятинское поперечное нарушение начинается на северном склоне Кызылнуринского массива в пределах выхода палеозойского основания. Это нарушение трассируется на запад, проходя вдоль резкого погружения на юг Сюреньятинского поднятия в широтном направлении. Здесь широтный водораздел (район Паркента) делит простирание долин на две зоны: к северу от этой линии все долины имеют северо-западное простирание, а к югу - юго-западное. Дальше нарушение несколько отклоняется к северо-западу и выходит в зону развития вышеотмеченных нерасчлененных четвертичных отложений в район северного погружения верхне-олигоцен-нижне-миоценовых отложений.

2. Кызылнуринское нарушение начинается в пределах выходов палеозойского основания, согласуется с Кызылнуринским водоразделом широтного простирания. В пределах депрессии, дальше на запад, просматривается по аномально выраженному широтному водоразделу (район Сумсарека) и выходит на резкое сужение долины р. Чирчик, и на сужение и коленообразный изгиб отложений голодностепского комплекса р. Салар. Дальше, несколько отклоняясь к северо-западу, оно проходит через Назарбек и выходит на южное погружение вышеотмеченного останца верхне-олигоцен-нижне-миоценовых отложений.

3. Каульды-Саукбулакское нарушение начинается на левом борту р. Ангрэн, пересекает в северо-западном направлении долину и на правом борту реки проходит вдоль резкого погружения палеозойских образований в районе нижних течений рр. Шавазая и Карабашая. Дальше трассируется через аномальный коленообразный изгиб долины Беляутая, Сергели и выходит в 5 км к юго-западу от Назарбека.

4. Каракиясайское нарушение согласуется с одноименным водоразделом северо-западного простирания. Начинается нарушение в зоне развития палеозойских образований. Дальше оно трассируется

ется через Пскентский лессовый массив, где палеозойские образования высоко подняты и обнаруживаются скважинами на глубине 300-350 м, контактируя с меловыми отложениями. Еще дальше на северо-запад нарушение выходит в районе Янгиюля.

Таким образом, Бозсуйский водораздел находится в зоне пересечения как юго-западных, так и поперечных-меридиональных и северо-западных простираний. Современная долина Бозсу расположена на самом гребне водораздела.

Рассмотрим ее генезис и причины ее возникновения. Долина имеет мягкие контуры в гребне борта. В самой долине просматриваются сплошные зоны обрывов, высота которых колеблется от 3-5-6 м на севере, где водораздел имеет максимальные отметки в 500-520 м. Вниз же по течению, в районе Актепа, обрывы достигают значений 18-20 м и это несмотря на то, что водораздел снизился до отметок 400 - 450 м на расстоянии 3-4 км.

За длительную историю естественный рельеф долины в значительной степени подвергся искусственному преобразованию хозяйственной деятельности человека. Так, террасообразование поверхности вдоль каналов, особенно в местах их пересечений водораздельными массивами, своим появлением обязано режиму эксплуатации ирригационной сети.

Следствием эксплуатации ирригационной сети и действия сбросовых вод стали эрозия почвенного покрова и карстовые образования вдоль Бозсу и Каракамыша. Свое воздействие на рельеф оказало и обживание его участков человеком. Так, по улице Навои остатки хозяйственной деятельности, датируемые XI в., обнаружены в толще лесса на глубине до 7 м от современной поверхности, на значительно большую глубину преобразована поверхность более ранних эпох [Тетюхин, 1982].

За длительную историю функционирования канал (долина) подвергался значительным искусственным преобразованиям. Но какова история и этапы его возникновения? По мнению авторов, вдоль водораздела, в результате сейсмического события, на границе с Келесской депрессией, произошло растяжение в виде раскрывшейся трещины. Причем, в результате этого события, произошло вскрытие водоносного горизонта и по нарушениям, образовавшиеся родники стали насыщать водой эту трещиноватую зону. Затем они стали дренировать по падению водоносного горизонта, вырабатывая начальное его ложе. Что такие родники были, это исторический факт: на восточном склоне водораздела, вероятно, также по нарушению меридионального простирания заложена долина Чаули, которая не имела транзитных вод, но имела постоянный сток родниковых вод в своих верховьях (район парка «Победы»). Люди, проживающие вдоль этой долины, пользовались этой водой. Затем, в результате роста численности населения и дальнейшего усиления урбанизационных процессов, ее воды и сама долина превратились в бытовой сток, а родники, вероятно, заилились, либо закрылись в результате происшедших здесь сравнительно часто незначительных сейсмических событий.

Археологическое изучение края и полученные таким путем материалы, как равноценный источник для восстановления его истории [Бартольд, 1965], свидетельствуют о древности обживания долины Бозсу, уходящей своими корнями вглубь геологических эпох. Важность археологических исследований в изучении процесса исторического развития их специфических особенностей отмечалось в 50-х гг. М.Е. Массоном [Массон, 1954].

На основании исследования комплексного материала археологических источников Ташкентского оазиса определяется его возраст, истоки и особенности развития культур на различных этапах генезиса окружающей природной среды и гидрогеологических особенностей. В конце четвертичного периода завершается формирование речной сети долины Бозсу, наиболее разветвленная часть которой приходится на территорию современного Ташкента. Выше города вода из Чирчика забирается протоками Бозсу и после разделителя протекает по Салару, Карасу, Каракамышу, Бозсу-Калькасу и другими более мелким протокам. Все русла проходят по естественным долинам и водоразделам. Эти естественные долины, с их притоками, сквозными линиями членят рельеф города в общем направлении с северо-востока на юго-запад. Крупнейшим является водораздел между Каракамышем и Ачисаем. Через весь город проходят примерно, параллельно друг другу, водораздел, расчлененный каналами Калькауз и Анхор, и водоразделы между Саларом и Чаули, Саларом и Каракамышем. Современная поверхность основных водоразделов соответствует первоначальному уровню ташкентской террасы.

Один из крупнейших каналов – Салар в основном использует естественную, более молодую, чем у Бозсу долину. В начале он протекает по поверхности голодностепской террасы, затем переходит на поверхность молодых голоценовых террас. Салар менее заглублен, чем Бозсу, и орошает более пониженную по рельефу южную и юго-восточную части Ташкента [Тетюхин, 1978].

В позднеголоценовый период существенную роль в преобразовании рельефа стала играть трудовая деятельность человека. Этажность рельефа и связанная с ней разной степени заглубленность ес-

тественной гидросети обуславливают этажность ирригационно-культурного освоения территории Ташкентского оазиса.

Юго-восточная часть территории, где пролегали долины малозаглубленных протоков Джун-Салар-Карасу, более доступна для использования орошаемого земледелия, осваивалась в более ранние периоды. Центральная и северо-западная части обживалась позже [Филанович, 1983]. Археологические памятники Ташкента в основном сосредоточены в пределах водных систем Карасу-Салар-Джун и Бозсу-Анхор-Калькаус.

В результате археологических исследований памятника Чильдухтарантепа было определено обживание этого района племенами скотоводов эпохи поздней степной бронзы (вторая половина II тысячелетия до н.э.). На протоке Каракамыш сохранились следы этих же племен [Булатова, Филанович, Зильпер, 1973]. В Серкали собрана керамика эпохи бронзы [Рахимов, 1970]. Материалы, полученные при изучении отдельных памятников культур степной бронзы в урочищах Ачикуль и Янаарык [Ташкенбаев, 1969], свидетельствует об интенсивном обживании пространств Ташкентского оазиса в до-иригационный период, до появления оседлых земледельческих поселений [Филанович, 1983].

К настоящему времени собран большой фактический материал, характеризующий историю Ташкента на всех этапах его развития от эпох каменного века до позднего средневековья [У истоков древней культуры Ташкента, 1982].

Результаты исследований используются для изучения генезиса природной среды, гидрографических условий, выделения периодов и динамики культурно-иригационного освоения долины Бозсу.

Литература:

1. Ярмухамедов А.Р., Умурзаков Р.А., Турапов М.К., Ирушкин С.А., Ибрагимов Р.С. Сейсмогеодинамика Каржантауского разлома (Узбекистан, хребет Каржантау). Ташкент, 2000.
2. Ибрагимов Р.С. Сейсмогенные зоны Восточного Узбекистана и сейсмическое районирование // Сейсмогеодинамика некоторых районов юга СССР. М., 1976.
3. Захаревич В.А. Активизация тектонических движений в голоцене (на примере Ташкентского геодинамического полигона) // Прогноз сейсмической опасности Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1994.
4. Бартольд В.В. Будущее Туркестана и следы его прошлого // Соч. Т. III. М., 1965.
5. Булатова В.А., Филанович М.И., Зильпер Д.Г. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
6. Массон М.Е. Прошлое Ташкента (археолого-топографический и историко-архитектурный очерк) // Известия АН УзССР. Ташкент, 1954. № 2.
7. Рахимов С. Стоянка эпохи бронзы Серкали // ОНУ. Ташкент, 1970. № 6.
8. Ташкенбаев Н.Х. О морфологических признаках Каракамышского палеолитического материала // ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969.
9. У истоков древней культуры Ташкента. Ташкент, 1982.
10. Тетюхин Г.Ф. Палеогеоморфология территории Узбекистана в четвертичный период. Ташкент, 1978.
11. Филанович М.И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.

*А.М. Маликов
(Самарканд)*

ХИТАИ ДОЛИНЫ СРЕДНЕГО ЗЕРАФШАНА В XVIII - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Предками хитаев (ктаев) были древние кидани, которые проживали на территории современного северного Китая и Монголии. Согласно источникам, они были монголоязычны, но, скорее всего, включали в свой состав и тюркоязычный компонент. В XX веке кидани образовали могущественное государство, которое обладало своей самобытной культурой и письменностью. После гибели их государства, часть киданей продвинулась на восток – в Среднюю Азию, где все они были тюркизированы. В мусульманских источниках их называли кара-китаи. В 1141 году кара-китаи разбили войско султана Санджара и установили свое господство в Мавераннахре. Конец их могуществу пришел в 1210 году, когда они были разгромлены войсками хорезмшаха Мухаммада.

Часть хитаев входила в состав улуса «кочевых узбеков» в 30-60-х годах XV века. (Султанов, 1982, с.8). Они стали проникать в Среднюю Азию в основном с середины XV в. вместе с войсками Шейбани-хана, но одна часть хитаев, связанная своим происхождением с каракитаи (киданиями), пришла в Среднюю Азию еще в XI-XII вв., в эпоху Караханидов.

Представители хитаев упоминаются в документах конца XVII века на территории Самаркандской области (Док-ты, 1954, с.83). Ряд европейских и восточных источников отмечает, что в начале второй половины XVII в. значительная часть китаев и кипчаков образовала объединенную группу китай-кипчаков, которая встречается в Средней Азии среди узбеков и каракалпаков, а также на Кавказе и в

Крыму. Этот союз был чисто политическим, а не родственным, так как у этих народов были совершенно разными как родоплеменная структура, так и боевые кличи (ураны) (Шаниязов К., 1977).

В 1681 году хитай-кипчаки в союзе с каракалпаками подняли восстание против центральной власти (Абдураимов, 1970, с.249). 1716-1717 гг. - восстание хитай-кипчаков Мианкаля (Материалы, 1988, с.262). В 1718-1719 гг. правитель Самарканда Фархадбий даровал предводителю хитай-кипчаков должность амир ал-умара. После этого они ему подчинились. В 1721г. Фархад бий был убит в Бухаре, а на его место назначили Хаким-бия мангыта. Хитай-кипчаки вновь восстали. К ним присоединился Ибрахим аталык из рода кенегес вместе с войском из саларов. В 1721-1722 гг. они возвели на престол в Самарканде уроженца Мианкаля, потомка Джанибек султана – Раджаб Мухаммад-султана. Под его власть перешли Мианкаль, Дабусия, Нурата и округа Карши. В 1722 году в сторону Самарканда двинулись потерпевшие поражение от калмыков казахи, которые присоединились к Раджаб хану (Материалы., 1988, с.264-266).

В 1746 г. источники отмечают новое крупное восстание в Мианкале, вспыхнувшее под предводительством Ибадулла бия из рода хитай. Оно было подавлено лишь с помощью войск Надиршаха (Иванов, 1937, с.8).

При Мухаммад Рахимхане представитель хитай-кипчаков был назначен на одну из самых высоких должностей – аталыка хана и верховного эмира (Ахмедов, 1985, с.118).

Племенные группы хитай-кипчаков играли заметную роль в социально-экономической и политической жизни Бухарского эмирата в первой четверти и середине XIX в. Они занимали определенную территорию, в пределах которой располагали хозяйственными угодьями. Они участвовали в крупных восстаниях, направленных против ханов и злоупотреблений ханской администрации. В распоряжении хитай-кипчаков в долине Зарафшана имелись и крепости, являвшиеся центром защиты от враждебных соседей, а также от карательных отрядов, ханских войск во время частых мятежей. Однако у хитай-кипчаков, как и у других узбекских племен, в XIX—начале XX в. отсутствовало территориальное и племенное единство, давно утрачены были и кровно-родственные связи между локальными группами. Оба эти принципа объединения племени были нарушены еще задолго до указанного периода. В XIX - начале XX в. лишь в памяти пожилых людей, принадлежавших к разным племенным группам кичаков, сохранялось воспоминание о былом их родстве, а иногда поддерживались связи и сношения с единоплеменниками, жившими в разных местах и даже в некоторых случаях вошедшими в состав других народов (Шаниязов, 1977, с. 299).

Отметим также, что восстания хитай-кипчаков против центральной власти продолжались вплоть до середины XIX века.

Хитай были в составе родового войска (эльнавкар) бухарского эмира и участвовали в коронации (Андреев, Чехович, 1972, с.46). Один из хитай-кипчаков был в числе 4-х представителей узбекских племен, которые подняли Эмира Музаффара на белой кошме в день коронации в Самарканде (Турк.сб., 1907, с.91).

Они приняли участие в самаркандском восстании 1868 года против российских войск (Мирза Абдалазим Сами, 1962, с.85). В 1870 г. некоторая часть хитаев жила в г. Самарканде (Туркестанский сборник, т. 24. 1870, с.149).

Численность хитаев в первой четверти XIX в. в Бухарском ханстве составляла, по данным разных авторов, 70-120 тыс. человек. Подробная генеалогия их не сохранилась. По данным А.Д. Гребенкина, они пришли в Зеравшанскую долину в начале 70-х годов XVIII в., по другим — только в первой четверти XIX в. В Мианкале их численность была определена в 45 тыс., а кичаков — 24 тыс. человек.

Хитай подразделялись на три крупных рода: канджигали-ктай, коштамгалы-ктай, утарчи. Последний был бекским отделением. В 1870-х годах хитай жили в 215 кишлаках и насчитывали 45 тысяч человек (Гребенкин, 1872, с.100).

При изучении потомков хитаев, изученных в Акдарьинском тумане Самаркандской области, выявлены следующие родоплеменные названия (тупы): сары-овлод, в основном бай-овлод, бек-овлод, шохан-туп, чувуллок, сергалы (Ходжайова, 2001, с.131).

Хитай образовывали союзы не только с кичаками, но и другими племенами, например, с юзами. Существовала родовая группа хитай-юзов, которые жили в Булунгурском тумане Самаркандской и Бахмальском, Зааминском, Галляаральском туманах Джизакской областей. Хитай-юзов также называли «ун икки ота хитой юзи». Они состояли из 12 родов: хонхуджа, небуса, кора кувсок, беш куби, тигирик, боки маччои, олма сувон, мирзо мугол, чиркировук, худжа бачча, кир казон.

По данным полевых исследований, в настоящее время хитай живут в Пайарыкском, Иштиханском, Акдарьинском, Пастдаргомском и Ургутском туманах Самаркандской области. Часть хитаев живет в селе Болта Пайарыкского тумана. В этом же селе живут представители мангытов, кенагасов,

канглов, мингов, кырков, кипчаков и юзов, но хитаи составляют большинство и сохраняют эндогамию.

Китаи, кроме узбеков, вошли также в состав казахов, киргизов, ногайцев, каракалпаков, башкир и других народов.

Литература:

1. Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве XVII-XIX вв. Ташкент, 1954.
2. Абдураимов М.А. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в 16 - первой половине XIX века. Т.1. Ташкент, 1966.
3. Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (кремль) Бухары в конце 19 – начале 20 вв. Душанбе, 1972.
4. Ахмедов Б.А. Историко-географическая литература Средней Азии 16-18 вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985.
5. Материалы по истории Средней и Центральной Азии X-XIX вв. Ташкент, 1988.
6. Иванов П.П. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве . 1821-1825гг. М.-Л., 1937.
7. Мирза Абдалазим Сами «Тарих-и салатин-и мангитийа» дар ас-салтана-и Бухараи шариф. Перевод Л.М. Елифановой. М., 1962.
8. Гребенкин А.Д. Узбеки . Русский Туркестан. Вып.2. М., 1872
9. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в 15-17 вв. М., 1982.
10. Туркестанский сборник. Т.24. СПб., 1873.
11. Туркестанский сборник. Т.445. Ташкент, 1907.
12. Ходжайова Г.К. Дерматоглифика узбеков с родоплеменными делениями. // Расы и народы. Вып. 27. М., 2001.
13. Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1977.

*Ш.А. Рахмонов
(Самарканд)*

БАКТРИЯ-ТОХАРИСТОННИНГ ВОҲА ДЕВОРЛАРИ (Давлат чегаралари масаласи хусусида)

Қадим давлатчилигимиз тарихини ўрганишда, унинг чегаралари муаммоси ўзига хос долзарб масалалардан биридир. Бу ўринда айниқса чегара иншоотларининг қолдиқларини ўрганиш, уларнинг тузилиши, санаси ва фаолияти босқичларини аниқлаш муҳимдир. Чегара иншоотлари, деворлари қолдиқлари давлат ҳудудини белгилаб, унинг ҳудудий дахлсизлиги босқичларини ҳам кўрсатиб беради. Кўп ҳолларда воҳа деворлари асосан кўчманчилар юришларига қарши мудофаа иншооти сифатида қурилган. Бунга мисол қилиб Девори Кўндаланг, Канпир девол, Канпирак ва бошқаларни келтириш мумкин (Мухамедов, 1961; Адылов, 1998).

Бактрия-Тоҳаристон ҳудудида ҳам айнан воҳа деворлари қолдиқларига қиёслаш мумкин бўлган иншоотлар мавжуд бўлиб, улар ҳам давлат ҳудудий белгилари ҳамда кўчманчиларга қарши қурилган иншоотлар сифатида талқин қилиниши мумкин. Бу иншоотлар қолдиқлари илк бор XX асрнинг 60-йилларида Г.А.Пугаченкова томонидан Денов туманининг Сина қишлоғи яқинида қайд қилинган (Пугаченкова, 1963). 1985 йилда Темир дарвоза деворлари очилиб, Кушонлар салтанатининг шимолий чегаралари борасидаги асрий тортишувлар барҳам топди (Ртвеладзе, 1986). Сўнгра 1989 йилда Шеробод даҳанасида ва Кўхитанг тоғларида очилган тош деворлар қолдиқлари мазкур ҳудуд ҳам кўчманчи ва ўтроқ маданиятлар туташган ўлкалардан эканлигини кўрсатмоқда (Рахмонов, 1990; 1995; 2001).

Темир дарвоза ҳудуди савдо йўлидаги ҳарбий ва стратегик жиҳатдан муҳим манзилгоҳ ҳисобланади. Кўхитанг тоғларидаги тош деворлар занжири Темир дарвоза деворларидан бошланади. Тош деворлар ва назорат қалъалари қайд қилинган кейинги манзил Сайроб қишлоғи яқинидаги Узундара ҳудуди бўлиб, унда Қалъа ва тош деворлар қолдиқлари аниқланган (Ртвеладзе, 1986; 2001; Рахмонов, 1995; 2001). Яна шундай назорат манзилларидан бири Сайроб қишлоғининг юқорисида Парчсойда ҳам мавжуд. Юқори Панжоб қишлоғидаги тор дара ўзанида ҳам тош қаламалари билан назорат манзили қолдиқлари бор. Худди шундай тош деворлар қолдиқлари Танги қишлоғи юқорисида Тангидарани тўсиб туради (Рахмонов, 2001). Кўхитанг тоғларидаги тош деворлар занжирини Шеробод даҳанасидаги тош деворлар яқунлайди (Рахмонов, 1989, 2001). Шу деворларнинг давомини юқорида қайд қилинган Сина қишлоғи яқинидаги Кофирқалъа деворларида ҳам кўришимиз мумкин.

Мазур мақолада Бактрия-Тохаристоннинг воҳа деворлари ҳақидаги маълумотлар жамланиб, худуддан ўтувчи давлат чегараларини ўрганиш масалалари кун таркибига олиб чиқилади. Бу билан Ўзбекистон тарихидаги ҳозирда долзарб муаммолардан бири-қадимги давлатчилик тарихи, унинг чегаралари масалалари илк бор кўтарилади.

Қуйида бевосита воҳа деворлари қолдиқлари маълумотларини кўриб чиқамиз.

Темир дарвоза деворлари. Темир дарвоза Дарбанд қишлоғидан 3 км ғарбда Катта Ўзбек Тракти ўтган Шўробсой водийсида жойлашган. Бу ўз номи билан темирдек мустаҳкам дарвоза, ёпиқ эшик (Дарбанд) деган маънони билдиради. Темир дарвоза ҳақидаги илк маълумотларни антик давр тарихчилари Квинт Курций Руф, Арриан ва Страбон асарларидаги бевосита Искандар Зулқарнайн юришлари тафсилотларида учратиш мумкин (Квинт Курций Руф, 1963; Арриан, 1962; Страбон, 1964). Темир дарвоза тўғрисидаги бошқа ёзма манбаларни милоднинг VII асрида бу ердан ўтган хитойлик Будда ташвиқотчиси, сайёҳ Сюань Цзян хотираларида кўриш мумкин: "Бу ерда тоғ йўли жуда оғир, кўрқинчли, тоғ бўйлаб жануби-шарққа томон яна 300 ли (100 км) юриб биз Темир дарвозага етдик, ўтиш жойи шундай номланади, у ўнг ва чап томондан баҳайбат тоғлар билан ўраб олинган. Йўл ниҳоятда тор, ҳар икки томондан совук, темирсимон қоялар осилиб туради. Бу ерда темир билан қопланиб қўнғироқлар осилган қўшалок дарвоза бўлган. Шу дарвозалар туфайли ҳам бу жой Темир дарвоза деб аталади". Кейинги даврлар араб-форс, ўрта асрлар хитой ёзма манбаларида ҳамда турк тош битикларида ҳам темир дарвоза кўплаб эслатилади. Шимолий Тохаристондаги барча юриш ва босқинлар тавсифида албатта Темир дарвоза тилга олинади. Чағониён ҳокими юришлари чоғида бу ерда қалъа бўлиб, у 337/ 948 йилда Сомоний Нуҳ ибн Наср кўшинлари томонидан ёқиб юборилган. Соҳибқирон Темур саройидаги испан элчиси Рюи Гонзалес де Клавихонинг таъкидлашича, бу ерда божхона бўлиб, у ҳокимиятга кўплаб тўлов берган. Яна Клавихо қоя устида хочсимон бинони эслатиб, Темир дарвозани Самарқанд подшолиги ва кичик Ҳиндистон ўртасидаги ягона йўл эканлигини айтади. Асарда Темир дарвозанинг жуғрофий таърифи келтирилиб, уни ўраб турган тоғларнинг яланғоч ва ўрмонсизлиги ҳозирги талқинга ҳам ниҳоятда мос келади (Клавихо, 1990). У яна XVIII асрда Муҳаммад Вафо Карманегий асарида Муҳаммад Раҳимхон юришлари тафсилотида ҳам эслатилади. Темир дарвоза доимо Мовороуннаҳр ва Балхга бўйсунган Окус бўйи вилоятлари ўртасида сунъий чегара сифатида қараб келинган.

Темир дарвоза номи VIII аср турк тош битикларида "темир қапуқ" шаклида кўрсатилса, араб-форс жуғрофий асари Ёқубийнинг "Китоб ал-булдан"ида форсча "дар-и-оханин" шаклида, арабча "баб ал-ҳадид", Рашидиддиннинг "Жоъме ат-таворих"ида "Темир қаҳалқа" ва мўғулчада "темир қаҳлаға" кўринишларида учрайди. Ёқубийнинг кўрсатишича, Дар-и-оханин шу ердаги шаҳарнинг номи ҳамдир (Камалидинов, 1996). Шарафиддин Али Яздий ҳамда Бобур Мирзо асарларида ҳам Темир дарвоза мўғулий ном билан "Қаҳлаға" тарзида кўрсатилади (Бобур, 1993). Шундай қилиб, Темир дарвоза ҳарбий аҳамиятга молик жой бўлиши билан бирга, қарвон йўлидаги жуда қулай манзилгоҳ ҳам бўлган. Темир дарвозага қизиқиш ўтган асрнинг сўнгги чорагидан бошланиб, у тўғридаги маълумотлар дастлаб 1875 йилдаги Ҳисор экспедицияси изланишларида қайд этилади (Маев, 1879). Иккинчи жаҳон уруши арафасида Г.В. Парфёнов Сурхон ёдгорликларида олиб борган қидирувларида дастлаб Темир дарвоза деворлари тўғрисида тўхталиб, у хом ғиштдан қурилганлигини ҳамда дарани тўсиб туришини айтади. Темир дарвоза тўғрисидаги кейинги маълумот жуғроф олима, профессор О.Ю. Пославскаяга тегишли бўлиб, тадқиқотчи биринчи марта бу жойнинг жуғрофий ва геологик таърифини тўла келтиради (Пославская, 1967).

Темир дарвозани археологик жиҳатдан ўрганиш Ўзбекистон санъатшунослик экспедициясининг қидирувлари билан боғлиқ бўлиб 1969-1982 йилларда у дастлаб нисбатан юзаки тадқиқ этилган (Ртвеладзе, 1982). 1985 йилда Катта Ўзбек Трактининг таъмирланиши муносабати билан бевосита дарани тўсиб турган девор ўрганилган (Ртвеладзе, 1986). Темир дарвозада изланишларнинг кейинги босқичи юқорида қайд қилинган Катта Ўзбек Трактининг таъмирланиши муносабати билан Ўзбекистон Фанлар Академияси Археология институти Дарбанд археологик отряди томонидан 1989-1990 йилларда ёдгорликнинг топографик тархи, кесими асосида девор тузилиши, буржлари тузилиши ўрганилиб, деворга асос солиниши ва фаолият даврларига бир қанча аниқликлар киритилди (Раҳманов, 1990; 1994; 1994а). Мазкур деворлар 1996-1997 йилларда Ўзбек-француз Дарбанд экспедицияси томонидан қайта ўрганилди (Раҳмонов, Рапэн, 2000; 2001).

Шўробсой водийси ғарбдан шарққа 9-10 км чўзилган бўлиб, ғарбдан Чакчак довони жойлашган пастак тоғ қояси билан шарқда эса Шўробсой қуйиладиган Шерободдарё билан чегараланади. Шимол ва жанубдан эса Саримас ва Сувсизтоғ тизмалари билан тўсилган. Ушбу водий бўйлаб ҳозирда Катта Ўзбек Тракти ўтади, шу йўналиш бўйлаб қадимда қарвон йўли ҳам ўтган ва ҳозирги Дарбанд қишлоғидан 3 км ғарбда Шўробсой бўйида ўзига хос чорраҳадир. Агарда Шўробсой бўйлаб Сўғд

томондан келсак асосий йўл жанубга, Сайроб-Шеробод йўналишига кетган, шарқ томонга эса Дарбанд қишлоғи орқали Бойсунга, сўнгра Чағониёнга кетган. Шу чорраҳадан 800 м шимолда водийни пастак қоясимон тизма тўсган бўлиб, у Сувсизтоғнинг шимоли-шарқий учига туташган, жанубда эса бу қоя Шўробсойга тақалади. Айнан шу жойда Шўробсой бир чақиримлар масофада 100-150 метрлар чуқурликда оқади. Шўробсойнинг шимолий қирғоғида қоясимон баландлик бўлиб, у маҳаллий аҳоли ўртасида Қўрғонак ёки Қўрғони Шерхўжа (80 x 50 м) деб ҳам юритилади. Қалъанинг жануби-ғарбий ва жануби-шарқий томонларидан девор тармоқлари Шўробсой зовигача бориб туташса, шимоли-ғарбий бурчагидан девор юқорида қайд этилган пастак тизма қоялари бўйлаб Саримас тизмасигача бориб туташади. Деворнинг умумий узунлиги 1,7 км ташкил этади. У қалъадан бошлангач бироз табиий пастликка, эски Катта Ўзбек Тракти ўрнига тушади. Девор табиий тизма устига қурилганлиги сабабли у ўз йўналишида шу табиий тизмага бутунлай бўйсунган, тизма бурилишларида эса деворда бурж-тўпхоналар ўрнатилган. Иншоотнинг табиий рельефга бўйсунганлиги қурилишда ниҳоятда арзон ва мудофаада анчагина қулайлик туғдирган. Инчунун, истехком қурувчилари қадимий ҳарбий меъморчилик санъатидан яхши хабардор бўлишган. Шўробсойнинг қарама-қарши соҳили юқорисида Сувсизтоғнинг икки қоясида ҳарсанг тошлардан қурилган дидбон-кузатув миноралари жойлашган бўлиб, ушбу миноралардан нафақат бутун деворлар ва қалъа, балки бутун Шўробсой водийси яхши кўриниб туради. Шу билан бирга бу миноралардан бутун Чағониён, Термиз ва Сўғд йўналишларини ҳам кузатиб туриш мумкин. Худди шундай назорат буржлари қалъанинг жануби-ғарбий томонида алоҳида қоялар устида ҳам мавжуд бўлиб, улар бир томондан қалъа ва девордан йўлни кузатишга мўлжалланган бўлса, иккинчи томондан душман ўтиши мумкин бўлган Шўробсой ўзанини ҳам кўздан қочирмасликка хизмат қилган.

Темир дарвоза деворларида олиб борилган археологик қазишмалар асосида аниқланган девор қалинлиги 6,5 м, баландлиги 4,5 м гача сақланган. Деворнинг ҳар бир бурилишида, унинг қанот мудофаасини таъминлашда хизмат қилган бурж-миноралар жойлаштирилган. Бундай миноралардан деворда 15 тадан кўпроғи аниқланди. Улар одатда тўғри тўртбурчак шаклида бўлиб, девор юзасидан 1,7-3,5 м ташқарига чиқариб қурилган. Қазиб очилган дарвоза мудофаасига хизмат қилган минора 7,5x3,5 м ўлчамда бўлиб, унинг устидан ғишт қаламаларини мустаҳкамлаган арча новдалари чиқиб турибди. Хуллас деворда тўртта йирик қурилиш даври бўлиб, у милoddан аввалги II-I асрлардан араблар истилосигача бўлган даврни ўз ичига олади. У ҳарсанг тош, пахса, квадрат ҳамда тўғри тўрт бурчак шаклидаги хом ғиштлардан қурилган. Ђиштлар юзасида бармоқ билан чизилган чизиқ, "қўшув", "чангак" белгилари ва лотин алифбосидаги "пи", "альфа" ҳарфларига ўхшаш тамғалар кўйилган.

Девор кесимида унинг қурилиш босқичларини кузатиш мумкин. Археологик қазишмалардан маълум бўлишича, иншоот вазифасини дастлаб табиий қоя бажарган. Сўнгра мудофааси кучайтирилиши лозим бўлган қисмларида девор қурилган. Айнан шундай илк девор қолдиғи кесиб ўрганилганда, унинг қоя устида квадрат шаклидаги хом ғиштлардан, ичи йўлак қўшалок девор шаклида қурилганлигини кузатиш мумкин. Биринчи давр деворининг умумий қалинлиги 3,6 метр бўлиб, ички йўлакнинг эни 1,2 м. Девор 1,2 м баландликда сақланган бўлиб, аниқ икки босқичга ажралади. Биринчи босқичда ички йўлак мавжуд, кейин у пахса ва тош қаламалари билан ёпиб ташланади. Бу даврни сопол парчалари ёрдамида, юнон-бактрия даври билан саналаниши мумкин. Иншоотнинг кейинги давридаги девори 1,2 м жанубдан тошдан барпо қилинган. Унинг қалинлиги 1,8 м, сақланган баландлиги 3 м. Девор ҳарсанг тошлардан терилган. Унда устида иншоат ўртаси йўлаккли икки қўшалок девордан ташкил топган, бунда ташки девор фақат ҳарсанг тошлардан терилган бўлса, ички девор вазифасини хом ғиштлар билан текисланган табиий қоя бажарган. Шу даврда ташки деворда шинак ҳам қурилади. Учинчи даврда эса йўлак хом ғиштлар билан ёпиб ташланади, деворнинг юқори қисми қалинлашади, ички томонидан мудофаачиларнинг очик йўлаги бунёд этилади. Тўртинчи қурилиш даври асосан деворнинг юқори қисмида сақланган бўлиб, у бу даврда шошилиш равишда пахса ва хом ғиштлар билан таъмирланган. Мазкур қурилиш даврларининг дастлабги даври юнон-бактрия даврига тўғри келади ва ўз ўрнида яна икки босқичга ажралади. Иншоотнинг кейинги уч даври Кушонлар салтанати тарихининг илк, ўрта ва сўнги босқичларига тўғри келади. Шу билан бирга деворнинг маълум қисмларида илк ўрта асрлар даврига оид қолдиқлар ҳам учрайди. Темир дарвоза иншоотларидан теурийлар даврида ҳам фойдаланилган бўлсада, унда бу даврдаги қурилишларнинг қолдиқларида деярли учрамайди. Шундай бўлсада, олиб борилган археологик изланишлар даврида теурийлар тангалари қайд этилди ва иншоотнинг Амир Теуур давридаги фаолияти ёзма манбалар маълумотлари асосида яна тасдиқланди.

Узундара деворлари. Юқорида айтилганидек Сайроб қишлоғи яқинидаги Узундарада ҳам Темир дарвоза деворларининг давоми бўлган тош деворлар ва Қалъа қолдиғи қайд қилинди (Ртвеладзе,

1986; 2001; 2002; Рахманов, 1995). 1991 йилда Узундара деворлари Сурхондарё археологик отряди томонидан ўрганилди. 1997 йилда эса Ўзбек-француз экспедицияси томонидан деворларининг топографик тархи коғозга туширилади. Ҳозирда Узундара деворларидаги қалъа даранинг чап томонида жойлашган бўлиб, у бевосита дара бўйлаб ҳаракатланишни назорат қилган. Қалъа тўрт бурчак шаклида бўлиб, томонлари 160x140 м, бурчакларида минора-буржлар жойлашган. Қалъанинг шимоли-ғарбий ва жануби-шарқий бурчакларидан тош деворлар бошланиб дара бўйлаб давом этади. Даранинг жануби-ғарбий томонидаги тоғ яланглиги устида 110 м узунликдаги тош девор қолдиғи бўлиб, у бевосита тоғ яланглиги бўйлаб кетган сўқмоқни тўсиб қурилган. Тош девор ўртасида дарвоза ўрни мавжуд. У дарвозахона иншоотлари билан бирга ростмана ҳарбий анаъналар асосида қурилган. Тоғ текислигининг адир қисмида яна икки минора-бурж қолдиғи бўлиб, улар адирликдан дарага кириш жойини назорат қилишга мўлжалланган. Узундарада ҳаммаси бўлиб 13 минора-бурж қолдиғи қайд қилинган бўлиб, улар мазкур дара орқали ўтиш мумкин бўлган йўлни назорат қилганлар. Минора-буржлардан 7 таси бевосита қалъада бўлиб, қолганлари дара ва сўқмоқлар назоратига мўлжалланган. Шундай қилиб, Узундара қалъаси мустаҳкам муҳофаа тизимига эга бўлган ҳарбий истехком деб қаралиши мумкин. Узундарадаги қалъа ва тош деворлар атрофидан топилган сопол парчалари асосан юнон-бактрия ва кушонлар даврига таъаллуқли бўлиб, мазкур иншоотлар мажмуасини Темир дарвоза билан бир даврларда фаолият кўрсатганлиги кўрсатиб турибди.

Тош деворлар занжирининг кейинги бўғини Сайроб қишлоғи юқорисидаги Парчсой бўйларида қайд қилинган бўлиб, улар тўғрисида ҳозирча етарли маълумотга эга эмасмиз. Аммо шу нарсани ишонч билан айтиш мумкинки, Парчсой ҳам асосий йўлга чиқиш мумкин бўлган муҳим ҳарбий стратегик манзиллардан бири ҳисобланади.

Юқори Панжоб деворлари. Тош деворлар занжирининг кейинги бўғини юқори Панжоб қишлоғига кириш жойдаги тор дара оғзида мавжуд. Бу дарадан сой ва йўл ўтади, унинг бошқа қисмлари тош девор билан тўсиб қўйилган. Тош девор дара оғзининг қояга туташ қисмида қурилган бўлиб, амалда бошқа қулай ўтиш жойи йўқ. Тош девор ва дара атрофидан топилган сопол парчалари Искандар юришларигача, милодгача V-IV асрларга оид. Шу билан бирга юнон-бактрия, кушонлар ва ўрта асрлар даври сопол парчалари ҳам учрайди.

Тангидара деворлари. Тангидара маҳаллий аҳоли ўртасида Тангидевол деб ҳам аталади. Танги дара девори даранинг энг тор қисмида жойлашган бўлиб, у ҳозирда сойнинг чап соҳилидан тик қояларгача яққол кўзга ташланади. Сойнинг ўнг қирғоғи девор қаршисида бевосита қояга тақалади. Тош девор ҳарбий қурилиш анъаналаридан келиб чиқиб, ўз вақтида дарани қисман тўсиб турган пастак табиий тизма устига қурилган. Деворнинг асосий қисмини ҳозирда сой ювиб кетган бўлсада, у 30 метрлар узунликда сақланиб қолган. У тартибли қаланган тошлардан ташкил топган бўлиб, ҳозирда унинг қалинлиги қулаб тушган ҳарсанглар тарқалган қисми билан ҳисоблаганда 10-15 м ташкил қилади. Шундай бўлсада, девор айланма йўл орқали дарага кириш жойида қурилганлиги даранинг стратегик муҳим манзил бўганлигини кўрсатади.

Шеробод Даҳанасидаги тош деворлар. Тавка қалъасининг қарама-қарши томонида, дарёнинг ўнг соҳилидан Сарикамиш тоғ тизмаларининг давоми бошланади, дарадан дарё ўзани ва Катта Ўзбек Тракти автомобил йўли ўтади. Қадимий тош девор тоғ тизмаси бўйлаб ғарбга томон 1 км масофада сақланган. Дастлаб у шимолга қараган жарлик қирғоғи бўйлаб, сўнгра эса тизма устида давом этади. Девор ғарб томонидан бориб Шеробод дарёсига қуйиладиган Лойлиқсой ва Гум даҳананинг тор дарасига тақалади. Тоғ тизмаси бўйлаб давом этган деворнинг бурилишларида бурж-кузатув иншоотлари қолдиқлари мавжуд. Девор тўлалигича ҳарсанг тошлардан лой қоришмаси ёрдамида қурилган. Деворнинг қолдиқлари ҳозирда ҳарсанг тош тўдаларидан иборат бўлиб, унинг девор эканлигини зўрга илғаш мумкин. Нисбатан яхши сақланган қисмида деворнинг қалинлиги 3,5-4 м ва баландлиги 0,7-1 м атрофида. Девор атрофида учрайдиган сопол намуналари асосида уни кушонлар даври билан саналаш мумкин. Лекин девор Тавка қалъаси билан биргаликда илк ўрта асрлар даврининг сўнгги босқичларида (VI аср охири ва VII-асрлар) ҳам фаолият кўрсатган.

Шундай қилиб, тош деворлар стратегик жиҳатдан муҳим жойда барпо этилган бўлиб, айнан шу жой савдо йўллариининг тутатиш ва Шеробод воҳасига кириш чорраҳаси ҳисобланган. Деворда мавжуд бўлган бурж-кузатув иншоотлари орқали шимолий ва жанубий йўналишларни, ҳамда ғарбдан келадиган Гум даҳана йўналишини ҳам бемалол кузатиш мумкин бўлган.

Кофирқалъа деворлари. Ёдгорлик Денов туманидаги Сина қишлоғининг шарқий этагида, ҳозирги Даҳана қишлоғида жойлашган. Девор айнан шу жойда Синасой (Амбарсой) жарлигига тақалади. Юқорига шимоли-ғарбий йўналишда сойнинг ўнг қирғоғи бўйлаб давом этади. Девор жойлашган жой ҳосилдор лалмикор тоғ олди қирликларида иборат бўлиб, асосан юмшоқ шағалсимон тупроқдан ташкил топган. Девор ҳар хил катталиқдаги ҳарсанг тошлардан қурилган. У 800 м узунликда

бевосита Амбарсой ёкалаб, кейин тўла ғарбга бурилиб кирга томон давом этади. Девор тўлалигича табиий рельефга бўйсунган бўлиб, унинг бурилишларида минора-бурж қолдиқлари мавжуд. Ҳозирдаги тош уюмлари воситасида унинг ўлчанган ўртача айланаси 6-8 м. Улардан саккизтаси бевосита сой бўйида жойлашган. Минора-буржлар орасидаги масофа 20-30 метрда 100 метргача бўлиб, уларнинг жойлашиши бутунлай табиий рельефга бўйсунган. Минора-буржларнинг кўпчилиги айнан деворнинг сой соҳилидаги қисмида қурилган бўлиб дарвозанинг ҳам шу жойда бўлганлиги кўрсатади. Қирга томон кетган деворда яна тўққизта бурж қолдиғи мавжуд. Деворнинг кир адирликларда жойлашишига эътибор берадиган бўлсак, у доимо ҳам адир устида бўлмай баъзи ҳолларда унинг ёнидан ўтади. Бу ҳол деворнинг жануби-шарқий йўналиши мудофаасига хизмат қилганлигини аниқлаш мумкин. Деворнинг энг юқори қисмида 1,8 км масофада унинг шимоли-ғарбий томони жарликка йўналганини кузатиш мумкин. Айнан шу жойдан шарқ томондаги водий кафтдек кўриниб туради. Девор охири бевосита жарликка тақалган бўлиб, жарликнинг туби орқали ҳам душманнинг ҳаракатланиш мумкин эмас. Девор тақалган жарликдан кейин пурвикор тоғлар бошланиб, у томонга бутунлай йўл йўқ. Девор тўлалигича ҳарбий меъморчилик анъаналари асосида қурилган. Қирқимда девор ростмана ҳарбий меъморчилик иншооти кўринишига эга. Девор 0,7-0,9 м баландликда сақланган, қалинлиги 3,9-4,2 м. Деворнинг адирликка йўналган шимолий томонида 5,7 м узунликда кичик хандак қолдиғи мавжуд, унинг эни 2,7 м чуқурлиги 0,6-0,7 м атрофида. Хандак девордан йиқилган тошлар ва тупроқ билан тўлиб қолган. Девор қурилишида тошлар асосан Амбарсайдан ташиб келтирилган. Тошларни сойдан олиниши маҳаллий аҳоли ўртасидаги афсонада ҳам ўз аксини топган. Деворда археологик қазилмалар олиб борилмаган бўлсада, А.Г. Пугаченкова маълумотлари асосида девор, унда топилган Канишка тангаси асосида милодий II асрлар билан саналанади.

Ҳисор тоғларида кейинги йилларда олиб борилган археологик қидирувлар асосида Кофирқалъа деворларига асос солинишини милоддан аввалги I асрларга билан даврлаш мумкин. Темир дарвоза деворларига юнон-бактрия даврида асос солинган бўлиб бу деворларнинг илк босқичи айнан шу давр бориб тақалиши мумкин. Бу фикрнинг исботи кўп жиҳатдан мазкур деворлар билан ўзаро даврий боғлиқ бўлган Сина қишлоғидаги қалъада олиб борилажак археологик қазилмалар натижаларига ҳам боғлиқ.

Шундай қилиб, кейинги археологик тадқиқотлар Бактрия-Тохаристон худудида ҳам Сўғддаги каби воҳа деворлари мавжудлигини кўрсатмоқда. Фанда Искандар юришларигача ҳам Бактрия ва Сўғд орасида чегара бўлганлиги тўғрисида айрим маълумотлар мавжуд (Пьянков, 1984). Мазкур деворлар илк бор Александр Македонский юришлари арафасида пайдо бўлади. Полибий маълумотларига кўра, милодгача III асрда Бактрия чегараларида «катта-катта кўчманчилар галалари турарди, улар ҳар биримиз (Евтидем ва Антиох III) учун ҳам хавфли эдилар, агар улар чегарадан ўтишса бас, мамлакат улар томонидан босиб олинади» (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 44, со ссылкой на Полибий, XI, 34). Тош деворларни ёзма манбалардаги чегара қолдиқлари деб ҳам қараш мумкин. Яна улар кўчманчилар босқинига қарши қурилган воҳа деворлари сифатида ҳам талқин қилинади (Абдуллаев, 1998, с. 56-57). Кушонлар салтанати даврида деворлар тўла тугалланган иншоот тарзида фаолият кўрсатганлар. Бу ўринда юқорида айтилганидек, Кушонлар салтанатининг шимолий сарҳадлари хусусидаги тортишувлар ҳам айнан Ҳисор тоғларида тош деворларнинг топилиши ва очилиши билан барҳам топди (Ртвеладзе, 1986). Ҳисор тоғларидаги тош деворлар қолдиқлари асосида Юнон-Бактрия, Кушон, Эфталитлар ва Турк Ҳоконлиги давлат чегараларини ўрганиш мумкин.

Шундай қилиб, Бактрия-Тохаристон воҳа деворлари маълумотлари ўзбек давлатчилиги тарихидаги долзарб масала бўлиб, қадимда унинг худудида мавжуд бўлган давлатлар чегаралари муаммосини ўрганишда муҳим манба бўлиб хизмат қилади.

Адабиётлар:

- Абдуллаев К. О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // РА. № 1. М., 1998, с. 54-60.
- Адылов Ш.Т. Истоки и возникновение цивилизации и государственности в Западном Согде // ОНУ, № 4-5, 1998.
- Ариан Поход Александра. Пер. с др.греческого М.Е. Сергеевко. М.-Л., 1962.
- Бабур З.М. Бабур-наме. Перевод М.Салье. Ташкент, 1993, с. 464.
- Рахманов Ш.А. Стена таможенного пункта а Шерабадской Дахане // Археология Средней Азии. Ташкент, 1989.
- Рахманов Ш.А. Пограничная стена Бактрии и Согда // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Ташкент, 1990
- Рахманов Ш.А. Новые данные о стене на Железных воротах // ОНУ. №1-2, Ташкент, 1994

- Рахманов Ш.А. Оазисные стены Бактрия-Тохаристана // Городская культура Бактрии-Тохаристана. Тез. докл. конф. Самарканд, 1995.
- Рахманов Ш.А., Рапен К. О локализации Железных ворот // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Материалы научной конф. посвящ. 60 летию д.и.н. Б.Д. Кочнева. Самарканд, 15 декабрь 2000 г.
- Рахмонов Ш.А. Тавка (Ўзбекистоннинг қадимги божхона иншоотлари тарихига доир). Тошкент, 2001
- Ртвеладзе Э.В. Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ, № 12. Ташкент, 1986.
- Ртвеладзе Э.В. Фортификационные сооружения на северных границах Кушанского государства. МАСКАН, № 5-6. Ташкент, 1992.
- Ртвеладзе Э.В. К вопросу о петрах. Сб. Древняя и средневековая культура Сурхандарья. Ташкент, 2001.
- Ртвеладзе Э.В. Сурхандарья в средние века // Средневековые памятники Сурхандарья. Ташкент, 1982.
- Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. М., 1963.
- Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX-XIII вв. Ташкент, 1996.
- Клавихо Руи Гонсалес. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990.
- Маев Н.А. Очерки Бухарского ханства // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. 5, СПб., 1879.
- Пославская О.Ю. В горах южного Узбекистана. Ташкент, 1967.
- Пугаченкова Г.А. К исторической топографии Чаганиана. Тр.ТашГУ, вып. 200. Археология Средней Азии. VI. Ташкент, 1963
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990
- Мухаммедов Х. Қадимги мудофаа деворлар. Тошкент, 1961.
- Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. Душанбе, 1982.
- Страбон. География в 17 книгах. М., 1964.
- Rahmanov S. The wall between Bactria and Sogd: The study on the iron gates, Uzbekistan. New archaeological discoveries in Asiatic Russia and Central Asia. Sankt-Petersburg, 1994. P. 75-78.
- Rakhmanov Sh., Claude Rapin. Sur la route de Samarkand a Balkh: Les Portes de Fer pres de Derbent. La Timuride. Association pour l'Art et l'Histoire Timurides. Paris, 1997, №17
- Rakhmanov Sh., Claude Rapin. Les "Portes de Fer", pre de Derbent (Ouzbekistan). Empires perses d'Alexandre aux Sassanides. Dossiers d'archeologie № 243 mai 1999, Paris

Cengiz Alyilmaz
(*Erzurum*)¹

MUTRIN TEMDEG INSCRIPTION (SEAL OF AUSPICIOUSNESS)

The studies done on the Turkic inscriptions in Kopturk (Runic) alphabets so far have proven that not only were the texts inscribed on erected stones but also on rocks, sculptures, stones, balbals, coins, accessories and utilities like knives, daggers, saddles, belts, goblets, vases, and so on. One of the most interesting texts curved on utilities is the "Mutrin Temdeg inscription."

This text which is known as "Mutrin Temdeg Deerh Tureg Bices (Turkish inscription on the hand seal)² or "Ertniy Tureg Biceestey Mutrin Temdeg (Seal in the old Turkic)³ inscribed on the 2.8x2.8 cm⁴ cooper piece and it is now under protection in the museum located in Mandalgov, the center of the Dundgovi Aymag (Region) (1412 m, 48 T 0599069, UTM 5069072)⁵ in the People's Republic of Mongolia. It was brought into the Mandalgov museum in 1952⁶ from Govi Ugtaal Sum and at first recorded with the number of 69.07.40; then this number later on was changed to 0965. The works and publications on the "Mutrin Temdeg inscription" were usually done by Mongolian scholars such as H. LUVSANBALDAN, B. BAZILHAN, B. RINCEN, N. SERODJAV, L. BOLD, Ts. BATTULGA⁷. In Turkey, however, some articles on the old

¹ Ass. Prof. Dr., Ataturk University, Kazim Karabekir Teachers' College, Turkish Department, Erzurum.

² BOLD, Luvsandorjij, Bnmau-in Nutag Dah' Hadni Bicees (Tureg Bicgiin Dursgal), Ulaanbaatar, 1990, pp. 69-70.

³ BAZILHAN, B., "Ertniy Tureg Biceestey Mutrin Temdeg" SUAM (Sinjleh Uhaani Akademiyn Medee), No: 1, Ulaanbaatar, 1964, pp. 74-75.

⁴ We personally measured the seal. However sources indicate these measures as 2.6x2.6 cm.

⁵ It indicates inscriptions' GPS (Global Position System) records.

⁶ This date in sources usually appears as 1959. However, our personal researches at the museum proved that this seal was placed at the museum by G. Sugar, the director, not in 1959 but in 1952.

⁷ See "Bibliography" for these works.

Turkic language mention the name as "Kutlug Yazili Muhur,"¹ or "Kutlug Yazili Tamga Yazit,"² and sometimes mention the name and give figures done by Mongolian scholars³. Our own studies indicated that it was originally made as a "seal." It is very important to note that "Kutlug seal" is the first ever found seal in Kokturk alphabet and it shows the continuation of the Khuns' seal using tradition after them⁴.

It has two lines from left to right saying (𐰇𐰪𐰸𐰺 / 𐰇𐰪𐰸𐰺) "kutlug (auspicious)" (photo 1) and when it is pressed on somewhere it goes from right to left as "γλTυκ" "kutlug (suoicipsua)." (photo 2) It is designed as two lines and the former hosts the letters (T / Tυκ) whereas the second hosts the letters (Lγ / γλ). The first letter of the first line (T/κ) is 1.1 cm; second one (𐰇/υ) is 0.7 cm; third one (T) is 0.8 cm long. In the second line, the first letter (L/λ) is a different form of the Kokturk letter (λ). When this letter is done, previously 0.3 cm-long "Σ" is inscribed; then a 0.3 cm-long space is given. It is followed by 0.2 cm-long letter (·). This letter (L/λ) does not come out well when the seal is stamped somewhere thanks to the fact that this later letter is shorter and less deeper than the other letters. The last letter of the second line (γ) is 1.2 cm-long.

The 0.5 cm-long piece from left upper side has broken. This destruction on the frame reaches out to the section of 1.7 cm on the upper left side. There is no text on the reverse side of the seal. However, on this side there is a holder (1.8x0.2) which is completely broken now.

It is difficult to what period and to whom "Mutrin Temdeg inscription" belongs. Some of the researchers believe and assert that it goes back to Kutlug Ilteris Kagan (681-691 A.D.), the founder of the Second (Kok)turk Kaganate. However, its writing style on it⁵ and the remnants of the Uigur period around the region make it clear that the "Mutrin Temdeg inscription" belongs to someone aristocrat/royal/auspicious Kagan/tigin/commander who lived in the Uigur period rather than the Kokturk period⁶. In fact, especially in the Govi Ugtaal Sum region from which the seal has been taken, in the vast area within the Dundgovi Aymag a large amount of remnants of mausoleum complexes, immortal memorial stones (erected, sealed, and embroidered stones), sculptures, and settlements belonging to the Uigur period. Many of these Uigur cultural and civilization remnants at this very present day are on open ground without cover and shelter. Only has the little amount of these works been moved to the Mandalgov Museum⁷

As a result it is safe to say that this seal called by Mongolian scholars in general "Mutrin Temdeg Deerh Tureg Bices (Turkish inscription on the hand seal) and by scholars in Turkey "Kutlug Yazih Tamga Yazit (Written Seal Incription)," "Kutlug Yazih Yuzuk (Auspicious Written Ring)," "Kutlug Yazih Miihur (Auspicious Written Seal)," or "Kutlugun Muhrti... (The Seal of the Auspicious...)" is important because it shows the level of the Turkish culture and civilization and the advance of (Kok)turk alphabet at that time. This seal should be moved to the History Museum in Ulaanbaatar with other Turkic inscriptions to make available for those scholars interested in the Old Turkic, old Turkic history, old Turkic culture and civilization.

¹ Osman Fikri SERTKAYA, "Köl Tigin'in Ölümünün 1250. Yıl Dönümü Dolayısıyla Moğolistan Halk Cumhuriyeti'ndeki Köktürk Harfli Metinler Üzerine Yapılan Arkeolojik ve Filolojik Çalışmalara Toplu Bir Bakış" Göktürk Tarihinin Meseleleri, Ankara, 1995, pp. 313-334.

² F. Sema ÖZÖNDER-BARUTÇU, "Eski Türklerde Öl ve Edebiyat", Türkler, v. 3, Ankara, 2002, pp. 481-501.

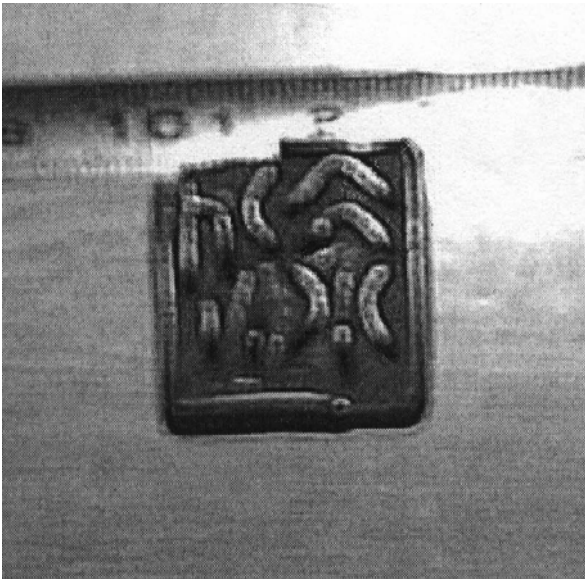
³ Osman Fikri SERTKAYA, "Eski Türkler Okur Yazar mıydı?" Göktürk Devletinin 1450. Kuruluş Yıldönümü Sempozyum Bildirileri, Ankara, 2001, pp. 23-37.

⁴ The Khuns as their Chinese neighbors used seals Before Christ. On this matter Chinese sources are very rich and interesting. These sources record that Chinese Emperors hand out Khun Khakans a seal (chang) (in order to accept their loyalty); however later on in the year 8 B.C. Emperor Wang Mang took over and replaced this seal with another seal of lower rang (hsi). This resulted skirmishes and fights between Chinese and the Khuns. For details see Bahaeddin OGEL, Buytik Hun imparatorluğu Tarihi. V. II. Ankara, 1981. PP. 210-213.

⁵ The style resembles that of the First Karabalgasun inscription.

⁶ Uigurs who inherited cultural heritage from the (Kok)turk Kaganate previously used the Kokturk alphabet; then due to the changes in the aspects of religion, politics, and economics left this alphabet and switched to the Uigur alphabet originating from Sogdian. It is known that Uigurs used seals in different shapes and forms in their documents of law. Resit Rahmeti ARAT made it clear that in these documents "damga" denoted "seal" and "nisan" denoted "signature." For more details see R. Rahmeti ARAT, "Eski Turk Hukuk Vesikalari," (ed. by Osman F. SERTKAYA) Makaleler, volume I, Ankara, 1987, pp. 506-572.

⁷ There are number of works from Saka, Khun, (Kok)turk, and Mongol periods in the museum. Though it is small building, it shelters a huge amount of unique cultural and artistic works. Because of its distant location from Ulaanbaatar these works have not attracted researchers' attention.

The view of “Mutrin Temdeg Inscription”

Writings with Kokturk Letters on “Mutrin Temdeg Inscription”: “Kutlug”

Bibliography¹

1. ALYILMAZ, Cengiz, "Orhun Yazitlari", Türkler, V. III, Yeni Türkiye Yayinlari, Ankara, 2002, pp. 754-764.
2. AMANJOLOV, Altay, Türki Filologiyasi Jene Jazu Tarihi, Almati, 1996.
3. DAŞNYAM, Luvsandambin - OCHIR, Ayuday (and others), Mongol Nutag Dah' Tuuh Soyelm Dursgal, Ulaanbaatar, 1999, p. 219.
4. İZGİ, Özkan, Kutlug Bilge Kül Kagan Böğü Kağan ve Uygurlar. Ankara, 1986.
5. LUVSANBALDAN, H., "Öçüühen Türeg Biçes" ŞUAM (Şinjleh Uhaani akademiyn Medee). Nr. 4, Ulaanbaatar, 1962, p. 68.
6. RINTCHEN, B. Emgetgev, Les Dessigns Pictographiques et les Inscriptions sur les Rochers et sur les Steles en Mongolie, Ulaanbaatar, 1968, p. 40.
7. SERTKAYA, Osman Fikri, "Tam+ka "duvar"a, Tamga "damga" ve Runa "işaret" üzerine" Orkun, Nr. 63, İstanbul, 2003, pp. 32-19.

*Matteo Compareti
(Neapol)*

A POSSIBLE ETYMOLOGY FOR THE TOPONYM FADI/VARDANA IN CHINESE SOURCES

The site commonly known as Kurgan-Vardanzeh is located approximately 50 km north-west of Bukhara. The area around Kurgan-Vardanzeh is desolated and visited only by few pilgrims because of an Islamic sanctuary in the neighborhood dedicated to a holy man who lived in the 7th century².

From the point of view of archaeological investigation Kurgan-Vardanzeh is a promising site. The Italian Archaeological Expedition in Uzbekistan of the University "La Sapienza" (Rome) and the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan (Samarkand) have started a preliminary excavation in the area directed by Prof. Francesco Noci since Autumn 2002³.

The place has appeared in several Muslim sources since 10th century in different forms as: Vardana, Avarzana, Varzan (Adylov, Mirzaahmedov, 2001: 150). Vardana is certainly the most common name for the site in these sources and it should be considered the closest to its spelling during the Medieval period. According to Pavel B. Lurje, the attachment *-zeh* is a derivation from Sogdian *z'y* "ground, earth" (Lurje, 2001: 24; Lurje, communication 2003) so, in complete disagreement with Adylov and Mirzaahmedov who considered

¹ Those mentioned in the footnotes are not included here.

² This holy man is called by the local population Burki Sarmast, a name which displays Iranian and Turkic features. It is interesting to report that inside the sanctuary, in the right corner next to the entrance there was a sort of shelf with candles considered by Dr. J. Mirzaahmedov a memory of pre-Muslim Zoroastrian cults.

³ For the description of the project and some image: <http://cisadu2.let.uniroma1.it/uzbekistan/vardanze.htmf>.

the same attachment as a word borrowed from Dari with the meaning of "place" (Adylov, Mirzaahmedov, 2001: 151). Lurje, then, proposed the etymology of Vardana from Old Iranian **vart*, the same of Latin "*veriter?*" (in English "to diverge"), because of its position where the trading road (the so-called Silk Road) from Bukhara led to Chorasmia.

Also the Chinese sources insist on the position of Vardana on the road to Chorasmia. The Buddhist pilgrim Xuan Zang visited Sogdiana around 630 and in his biography he spoke of a place called Western Bukhara or Fadi¹ which could correspond to Vardana. The identification was first proposed by Marquart (Marquart, 1898: 62) but it was rejected by Beal (Beal, 1906: 101) -one of the first translators of Xuan Zang- who accepted the identification with Betik (not far from Charjou, in modern Turkmenistan) already presented by de St. Martin and Tomaschek (Tomaschek, 1877: 109). The other translator of Xuan Zang memories, Watters, rejected both the hypotheses and proposed to identify Fadi with Darganata, a town in Turkmenistan (Watters, 1904-1905: 99). The last attributions appear all based on arbitrary interpretation, while the only identification which considered properly the information obtained by the Chinese sources is the one by Marquart. Fadi should have been a place 50 km north-west of Bukhara (and not southwest as Betik and Darganata) enough important to be called in the Chinese sources also Western Bukhara. Other scholars as Chavannes, Pelliot and Barthold accepted the identification by Marquart (Chavannes, 1903: 134; Pelliot, 1905: 449; Barthold, 1977: 114) and, recently, Aleksandr Naymark reconsidered carefully several Chinese sources coming to the same conclusion (Naymark, 2001: 205-211).

According to Tomaschek, the neighbourhood of Betik was the correct identification even if he could not neglect the importance accorded in Arab and Persian sources to Farabr/Perebr, in Turkmenistan. It is worth noting that the meaning of this last toponym could be reconstructed as *Pariap*, in Sogdian "irrigated lands" or "opposite bank of the river" (Lurje, 2001: 23), with a very interesting reference to irrigation. Tomaschek, in fact, proposed to reconstruct the etymology of Betik from the Bactrian *vaidhi* "irrigation canal, river" (Tomaschek, 1877: 110) even if, in the dictionary compiled by Davary, this term does not appear (Davary, 1982) and, according to Sims-Williams, the correct form for "canal" in 6th century Bactrian is *arlo* > **ardo* (Tremblay, 2001: 24, n. 37). The reference to the irrigation canal is very important because in the History of Bukhara by Narshakhi (10th century) it is recorded the legend of the foundation of Vardana linked also to the construction of a canal. According to Narshakhi, a Sasanian prince called Shapur quarreled with his father Khisra (Khosrow, that is to say, in Islamic sources, Sasanian Emperor in general) and was exiled in the region of Bukhara. The Bukhar Khudat received Shapur with big honour and gave him as a feud an uncultivated land full of wild animals because the Sasanian prince loved to hunt. Later, the land was reclaimed after digging an irrigation canal (Frye, 1954: 31-32) and even nowadays the canal which flows in the neighbourhood of Kurgan-Vardanzeh is called Shapurkam "the canal of Shapur" (Barthold, 1977: 113; Lurje, 2001: 23-24; Lurje, forthcoming)².

The etymology of Fadi is not clear. As already noted in the past, the Chinese rarely (if ever) rendered any foreign toponym just translating its significance in their language. There is, however, the problem linked to the kingdom of Tashkent (ancient Chach), which translated from the Turkic language spoken in the area is "the stone city, Petropolis" (*tash*= Turkic "stone", *kand*= Iranian "town"). It is worth noting, in fact, that the Chinese character used to render Tashkent since the 5th century has been *shi* "stone" (Rtveladze, 1997/98: 313). The Chinese were acquainted with the fact that the culture of this region was Iranian. Not only the Chinese sources included Chach among the Sogdian kingdoms of Central Asia, but in recent times archaeological excavations at Kanka showed that Sogdian was a diffused language there, at least among the upper class (Bogomolov, Burjakov, 1995). According to Marquart and Shiratori the equation Chach/Shi="stone" was not acceptable (Marquart, 1901: 154-155, n. 49; Shiratori, 1928: 132) but Chavannes did not seem to have had any doubt about the fact that *shi* was a literary translation of the Chinese authors for Tashkent (Chavannes, 1903: 140, n. 4). Tremblay in his study on Manichaeism in Central Asia discussed cautiously the etymology of Chach and also the one of its more important city, Kanka (Tremblay, 2001: 136, n. 232). Even if at the present moment of time it is not yet possible to give a definitive answer to this problem, the analyses of the main researches on Chach/Tashkent reveal that there should have been in the past a clear connection between this land and the name "stone" (Pulleyblank, 1962: 246-248; Aalto, 1977; Bosworth, 1990; Pujol, 2000). Certainly, Shiratori was right when asserting that the literary translation of a toponym was not the common habit among the Chinese, but this does not exclude that they could have adopted it in some cases.

¹ For the two Chinese characters see: Mathews, 1993: 1765, 6198; A Chinese-English Dictionary, 1988: 182, 147.

² Prof. V. A. Livshits was quite sceptical about the discussion presented in: Lurje, forthcoming (personal communication occurred during the "V European Conference on Iranian Studies" held in Ravenna from October 6th).

The pronunciation of Fadi at the time of Xuan Zang was approximately *fliyat/thi* (Pulleyblank, 1991: 76, 89) and, for some scholars, it represented a tempted transcription of the first two syllables of Vardana. Literally translated Fadi means "cut soil" or "attacked soil", two place-names without any sense. However, with the addition of a small detail, the character *fa*¹ could be read "turn up the soil, till" and the "corrected" form of Fadi would mean "turned up soil, tilled soil". This new interpretation fits too well with the legend of the foundation of Vardana recorded by Narshakhi to be considered accidental.

There is another point regarding the etymology of Vardana: it is worth noting, in fact, that the Old Iranian root proposed by Lurje **vdrl* is linked to Latin "vertere" which could mean "to diverge" but also "to turn up the soil" (Bianchi, Lelli, 1985: 1680)². It is not possible, then, to neglect a second possible etymology for Vardana. Among the Old Iranian inscriptions from Susa and Bisotun attributed to Darius I (522-486 B.C.) appears the word *vardana*— with the meaning of "town, village" (Kent, 1950: 207)³. The root *vard-* would be associable to Middle Persian *gird* "circle" and to the word *grad* "town, city" of the Slavic languages (MacKenzie, 1971: 36). All the references suggest a connection with a place probably famous because of the absence of cultivated lands, later transformed in a farmed populated field (Compareti, forthcoming).

A last toponym in the Chinese sources was associated to Vardana: according to Chavannes it was Moudi (Chavannes, 1903: 134, n. 2), or Wudi, while, according to Shiratori, Moudi should have been recognized as Amul-Charjou together with its corruption, Shudi, but also with Мои Zhi of the History of the Wei Dynasty (Wei shu) and Mu of the History of the Sui Dynasty (Sui shu) (Shiratori, 1928: 122, 133-134). Watters proposed to reconstruct the place name of the Chinese sources Moudi with Papei (Watters, 1904-1905: 99) but this one was firmly rejected by Pelliot (Pelliot, 1905: 449). The argumentations of Chavannes based on Marquart's first identification seem more convincing even if the French scholar did not attempt any reconstruction for the etymology of Moudi.

The Sogdian immigrants living on Chinese soil were commonly known as the "Nine Families 九姓", that is to say the "Barbarians of the Nine Families" (or, better, the "Barbarians of the Nine Surnames"). These immigrants were normally traders but could be called at the court by the Chinese Emperor himself as ministers, diplomats or translators. They took Chinese names and their surnames referred to the places of Sogdiana where they originally came from (Shiratori, 1928; de la Vaissiere, 2002: 124-125). According to the Tang shu the Nine Surnames are: Kang (Samarkand), An (Bukhara), He (Kushanya), Cao (from Ishtikhan to Ustrushana), Shi (as already observed, Chach), Mi (Maymurch to Panjakand), Shi (Kish). In the list there are also Chorasmia (but its inclusion is clearly a mistake) and an enigmatic Yuedi which should correspond to Fadi (Tremblay, 2001: 134-135, n. 228). Beal accepted the identification of Yuedi with Fadi but this point is still not well investigated (Beal, 1911: 46). A last surname, Bi⁴, seems to be connected with Paykand (Chavannes, 1903: 136; De la Vaissiere, 2002: map 5; Almeev, Semenov, Mirzaakhmedov, Shirinov, 2002: 6) but on this regard there is some confusion. A Manichaean stele recovered at Yingshan, Hubei Province, belonged to a Sogdian lived in 12th century called Bi Sheng was recently linked just to Vardana by Lin Meicun (Lin, 1998: 403). The argumentations by this last Chinese scholar are inaccurate in some part (he identifies Fadi with Betik as already done by de St. Martin, Tomaschek and Beal, he also completely ignores the association Bi/Paykand) but it is however a very interesting note which deserves further investigations.

These are in brief the notices on Vardana in ancient Chinese sources. The proposals on the origins of the toponym Fadi expressed in this article do not represent a definitive explanation but just an hypothesis. Other information on Vardana can be obtained from unpublished archaeological and numismatic researches⁵ but new material could be considered only after the publication of the results of the first scientific excavations at Kurgan-Vardanzeh.

¹ This "corrected" character is not present in Mathew's dictionary but can be found in: A Chinese-English Dictionary, 1988: 182.

² Among the examples reported in the Latin dictionary "Bianchi-Lelli" for the verb *verto* (archaic "vorto") it is reported: *terram vertere aratro*, "to turn up the soil with a plough, to plough": Bianchi, Lelli, 1985:1680.

³ I owe this observation to Prof. Adriano Rossi of Università degli Studi di Napoli "L'Orientale" who also suggested a better translation of the same word with "village".

⁴ The Chinese character can be found in: Mathews, 1993: 5120. On this point see also: Naymark, 2001: 206. Professor Naymark kindly supplied me with a copy of his unpublished PhD thesis.

⁵ According to Naymark, the Vardan Khudat recorded in Narshakhi's History of Bukhara was the one who built the Varakhsha palace. Judging from the recovery of his coins, he was a Christian but during the Arab invasion he returned at his fathers' beliefs. I have to thank Prof. Naymark for his information on this topic present in his unpublished PhD thesis: Naymark, 2001: 284-292.

Bibliography:

1. A Chinese-English Dictionary, Beijing, 1988.
2. P. Aalto, "The Name of Tashkent", *Central Asiatic Journal*, vol. XXI, 3, 1977: 193-198.
3. Sh. T. Adylov, D. K. Mirzaahmedov, "Iz istorii drevnego goroda Vardana i vladeniya Obavija", *Istorija Material'noj Kul'tury Uzbekistana*, 32, 2001: 150-157.
4. R. V. Almeev, G. L. Semenov, D. K. Mirzaakhmedov, T. S. Shirinov, *Ancient Paikend the Residence of Bukhara Rulers*, Tashkent, 2002.
5. W. Barthold, *Turkestan Down to the Mongol Invasion*, London, 1977.
6. S. Beal, Si-Yu-ki. *Buddhist Records of the Western World*. Translated from the Chinese of Hiuen Tsiang (A.D. 629) by S. Beal. Vol. One, London, 1906 (reprint Calcutta, 1957).
7. S. Beal, *Life of Hiuen-Tsiang by the Shaman Hwui Li*, London, 1911.
8. E. Bianchi, R. Bianchi, O. Lelli, *Dizionario illustrate della lingua latina*, Firenze, 1985.
9. G. I. Bogomolov, Ju. F. Burjakov, "Sealings from Kanka", in: *In the Land of the Gryphons // Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity*, ed. A. Invernizzi, Firenze, 1995.
10. C.E. Bosworth, "Chach", in: *Encyclopaedia Iranica*, vol. IV, ed. E. Yarshater, London, New York, 1990: 604-605.
11. E. Chavannes, *Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) Occidentaux*, Paris, 1903.
12. M. Compareti, "Note sul toponimo Vardana-Vardanzi", *Rivista degli Studi Orientali*, forthcoming.
13. R. N. Frye, *The History of Bukhara*. Translated from a Persian Abridgment of the Arabic Original by Narshaki, Cambridge, 1954.
14. R. G. Kent, *Old Persian Grammar, Texts, Lexicon*, New Haven, 1950.
15. Lin Meicun, *The Western Regions of the Han-Tang Dynasties and the Chinese Civilization*, Beijing, 1998 (in Chinese).
- B. Lurje, "Arabosogdica: Place-names in Transoxiana as Written in Arabic Script", *Manuscripta Orientalia*, vol. 7, n° 4, 2001: 22-29.
16. P. B. Lurje, «"Shapus's Will" in Bukhara», in: *Eran ud Aneran. Studies Presented to Boris I. Marshak in Occasion of His 70' Burthday*, ed. M. Compareti, P. Raffetta, G. Scarcia, forthcoming.
17. P. B. Lurje, "How long was Sogdian spoken in Transoxiana? (a toponymical approach)", *Communication read at the "5* International Conference on Iranian Studies" at Ravenna, 6-11, October 2003*.
18. D. N. MacKenzie, *A Concise Pahlavi Dictionary*, London, New York, Toronto, 1971. J. Marquart, *Die Chronologic der altturkischen Inschriften*, Leipzig, 1898.
19. J. Marquart, *Eranshahr nach der Geographic des Ps. Moses Xorenaci. Mit historich-kritischen Kommentart und historischen und topographischen Excursus*, Berlin, 1901.
20. H. Mathews, *Chinese-English Dictionary*, Cambridge, 1993.
21. Naymark, *Sogdiana, Its Christians and Byzantium: a Study of Artistic and Cultural Connection in Late Antiquity and Early Middle Ages*, Unpublished PhD Dissertation of the Indiana University, Departments of Art History and Central Eurasian Studies, Bloomington, 2001.
22. P. Pelliot, "Recensione a T. Waiters, On Yuan Chwang's Travels in India, 629-645 A.D.", *Bulletin de l'Ecole Francaise d'Extreme-Orient*, 1905: 423-457.
23. C. Poujol, "Tashkent", in: *Enciclopedia de l'Islam*, t. X, ed. P. J. Bearman, Th. Bianquis, C. E. Bosworth, E. van Donzel, W. P. Heinrichs, Leiden, 2000: 373-377.
24. E. G. Pulleyblank, "The Consosnant System of Old Chinese. Part II", *Asia Major*, vol. IX, 1962: 206-265.
25. E. G. Pulleyblank, *Lexicon of Reconstructed Pronunciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin*, Vancouver, 1991.
26. E. V. Rtveladze, "Pre-Muslim Coins of Chach", *Silk Road Art and Archaeology*, V, 1997/98: 307-328.
27. K. Shiratori, "A Study on Su-T'e or Sogdiana", *Memories of the Research Department of the Toyo Bunko*, 2, 1928: 81-145.
28. W. Tomaschek, *Centralasiatische Studien. I. Sogdiana*, Wien, 1877.
29. X. Tremblay, *Pour une histoire de la serinde. Le manicheisme parmi les peuples et religions d' Asiae Centrale d'apres les sources primaries*, Wien, 2001.
30. T. Watters, *On Yuan Chwang's Travels to India (A.D. 629-645)*, ed. T. W. R. Davis, S. W. Bushell, London, 1904-1905 (reprint Delhi, 1961).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Энергия, поиск, творчество</i> (К 70-летию со дня рождения академика Ю.Ф. Бурякова)	5
<i>Левтеева Л.Г.</i> Вклад академика Ю.Ф. Бурякова в комплектование археологического фонда музеев Узбекистана	7
<i>Абдулгазиева Б.</i> Исследование раннесредневекового жилища на городище Кува	10
<i>Адылов Ш.Т.</i> Историческая топография одной из средневековых дорог по направлению Бухара-Хорезм	18
<i>Анарбаев А.</i> Заметка о фортификации античного Ахсикента	21
<i>Асқаров А.</i> Қадимги Фарғона тарихидан лавҳалар	25
<i>Бабаяров Г.</i> Чач в период Тюркского каганата	28
<i>Байпаков К.М.</i> Города в системе древних и средневековых государств Казахстана	32
<i>Байпаков К.М., Терновая Г.А.</i> Бубенцы, полубубенец и амулеты - «Самоварчики» из коллекции средневекового города Невакет	36
<i>Байтанаев Б.А., Богомолов Г.И., Грицина А.А.</i> Исследование могильника Бургулюк-2 (Итоги археологических работ ЮКГУ им. М.О. Ауезова - 2003 г.)	39
<i>Байтанаев Б.А., Грицина А.А., Богомолов Г.И.</i> Первое поселение эпохи бронзы Южного Казахстана (Итоги археологических работ ЮКГУ им. М.О. Ауезова - 2003 г.)	45
<i>Богомолов Г.И.</i> К вопросу об отождествлении городища Шахджувар	53
<i>Брыкина Г.А.</i> Фергана на Великом Шелковом пути	57
<i>Бўриев О.</i> Овчилик тарихидан	61
<i>Ганиев И.Н., Крахмаль К.А., Бондарь О.В.</i> К истокам возникновения и развития горного дела в бассейне реки Ангрен	63
<i>Денисов Е.</i> Голова терракотовой фигурки кушанского аристократа из Шахринау (Гиссарская долина, Таджикистан). В связи с представлениями, связанными с культом Хваренно/Фарр и происхождением династийного искусства в Кушанской империи	66
<i>Ёлгин Ю.А.</i> Двухпортальные мавзолеи Сайрама: композиция и генезис	69
<i>Исламов У.И., Крахмаль К.А., Эргашев Ш.Э.</i> Узбекистан входит в зону формирования древнего человека	72
<i>Камолиддин Ш.С.</i> О горнорудном деле и металлургии у древних тюрков	74
<i>Кдырниязов Мухаммед-Шарип.</i> Великий Шелковый путь и средневековые города Хорезма	83
<i>Кириллова О.В.</i> Оссуарный некрополь на Афрасиабе (по материалам р-35)	87
<i>Лебедева Т.И.</i> К вопросу о мусульманских погребениях первой половины VIII в. (по материалам Самаркандского Согда)	89
<i>Лулева В.В.</i> Из истории костюма Узбекистана. Пояса и поясные пряжки	93
<i>Мамбетуллаев М.</i> Хорезм и контакты с кочевниками	97
<i>Мирзаахмедов Д.К.</i> К социально-экономической истории Бухары второй половины XII - начала XIII вв.	102
<i>Мусакаева А.А.</i> Начальный этап денежного обращения в Чаче	110
<i>Немцева Н.Б.</i> Легенды и предания как исторический источник в изучении памятников зодчества Узбекистана	115
<i>Омельченко А.В.</i> К характеристике расселения жителей Кеша в кон. IV в. до н.э. – IV в. н.э.	118
<i>Папахристу О.А.</i> Использование руд сложного геохимического состава средневековыми ремесленниками Востока	122
<i>Раимкулов А.А.</i> Христианский храм-монастырь Коштепа в Нахшабе: среднеазиатские и западные параллели	123
<i>Рузанов В.Д.</i> Металлические зеркала сапаллинской культуры: их типы, химико-металлургическая характеристика и техника изготовления	129
<i>Савельева Т.В.</i> Изучение средневекового Тальхира	135
<i>Сверчков Л.М.</i> Город в Маргиане – Маргинии: новая версия	136
<i>Султанов Х.Т.</i> Архитектурные памятники Самарканда, их реставрация и проблемы сохранения исторической среды	138
<i>Тойчиев Х.А., Крахмаль К.А.</i> К проблеме хронологии и стратиграфии антропогена северо-востока Узбекистана	143
<i>Усманова З.И.</i> К истории Эрк-калы	147
<i>Хан В.С.</i> Теория антропогенеза сегодня: Открытия и гипотезы	150
<i>Хасанов М.</i> Распространение крестообразной планировки в архитектуре Средней Азии	155

Шоназаров Ш.Б. Эпиграфические памятники средневековья города Безда (Куния-Фазли) XIX-XX вв.	161
Юсупов Р.К., Ташкенбаев Н.Х. Методы исследования исторической демографии Узбекистана (вопросы историографии и методологии)	164
Ярмухамедов А.Р., Денисов Р.И., Ланге К.О., Крахмаль К.А. Генезис р. Бозсу в свете сейсмических событий и история урбанизационных процессов ее долины	168
Маликов А.М. Хитай долины среднего Зерафшана в XVIII - начале XX вв.	170
Рахманов Ш.А. Бактрия-Тохаристоннинг воҳа деворлари (Давлат чегаралари масаласи хусусида)	172
Cengiz Alyilmaz. Mutrin Temdeg Inscription (Seal Of Auspiciousness)	177
Matteo Compareti. A Possible Etymology For The Toponym Fadi/Vardana In Chinese Sources	179

«АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»
К 70 летию со дня рождения академика
Академии наук Республики Узбекистан
Юрия Федоровича Бурякова

Печатается по решению ученого Совета Института археологии АН РУз.

Ответственный редактор:

А.А. Анарбаев

Редакторы:

В.Д. Рузанов, А.А. Раимкулов

Технический редактор

Т.Х. Очиллов

Набор на компьютере:

М.В. Кондрикова

Сдано в набор 12.09.2004. Подписано в печать 23.11.2004. Формат 60x90 1/8.
Усл.п.л. 21,34. Тираж 100. Заказ 110. Лицензия 18-0789

Отпечатано в Институте археологии АН РУз.
703051. г. Самарканд, ул. академика В.Абдуллаева, 3.